

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 37

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1906–1910 гг.

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906–1910 гг.
(Весь Толстой в один клик)**

Содержание

Лев Николаевич Толстой Полное собрание сочинений. Том 37. Произведения 1906—1910 гг.	0006
#2.....	0007
Предисловие к электронному изданию.....	0008
#4.....	0012
#5.....	0011
ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910.....	0012
#7.....	0014
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	0015
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.....	0033
ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910.....	0036
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	0036
СТАТЬИ.....	0062
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ.....	0594
ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ.....	0754
КОММЕНТАРИИ.....	0798
«ВОЛК».....	0798
«РАЗГОВОР С ПРОХОЖИМ».....	0799
«ПРОЕЗЖИЙ И КРЕСТЬЯНИН».....	0801
«ПЕСНИ НА ДЕРЕВНЕ».....	0809
«НАШЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ».....	0812
«БЕСЕДЫ С ДЕТЫМИ ПО НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ».....	0818

«НЕ УБИЙ НИКОГО»	0820
«ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА (ОБРАЩЕНИЕ К КРУЖКУ МОЛОДЕЖИ)»	0827
«ВЕРЬТЕ СЕБЕ (ОБРАЩЕНИЕ К ЮНОШЕСТВУ)»	0831
«ВОСПОМИНАНИЯ О СУДЕ НАД СОЛДАТОМ»	0834
«ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А. МОЛОЧНИКОВА»	0838
«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ»	0841
«УЧЕНИЕ ХРИСТА, ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ»	0862
«ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ В. С. МОРОЗОВА «ЗА ОДНО СЛОВО»	0865
«ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ»	0866
«О ПРИСОЕДИНЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ К АВСТРИИ»	0874
«ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ А. И. ЭРТЕЛЯ «ГАРДЕНИНЫ»	0882
«ПИСЬМО К ИНДУСУ»	0884
«ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬБОМУ «РУССКИЕ МУЖИКИ» Н. ОРЛОВА»	0892
«THE HOSTELRY»	0895
«РОЖЕНИЦА»	0897
«РАЗГОВОР ОТЦА С СЫНОМ»	0898
«ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР»	0899
«ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ «УБИЙЦЫ» «КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ»	0902

«[ЧЕРНОВОЕ НАЧАЛО НЕОЗАГЛАВЛЕННОЙ ПЬЕСЫ]»	0917
«ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ»	0918
«ПОЧЕМУ ХРИСТИАНСКИЕ НАРОДЫ ВООБЩЕ И В ОСОБЕННОСТИ РУССКИЙ НАХОДЯТСЯ ТЕПЕРЬ В БЕДСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ»	0927
«РЕЛИГИЯ И НАУКА»	0931
«БЛАГО ЛЮБВИ (ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ-БРАТЬЯМ)»	0931
«ВРЕМЯ ПРИШЛО»	0934
ПРИЛОЖЕНИЕ	0936
[РЕЧЬ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЗАЩИТУ РЯДОВОГО ВАСИЛИЯ ШИБУНИНА]	0936
УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН	0950
ОПЕЧАТКИ	0990
СОДЕРЖАНИЕ (из 37-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого)	0991
Иллюстрации	0998
#17	0999

**Лев Николаевич
Толстой**

Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906—1910 гг.

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толсто-
го, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Тол-
стого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-
шите нам*

info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

37

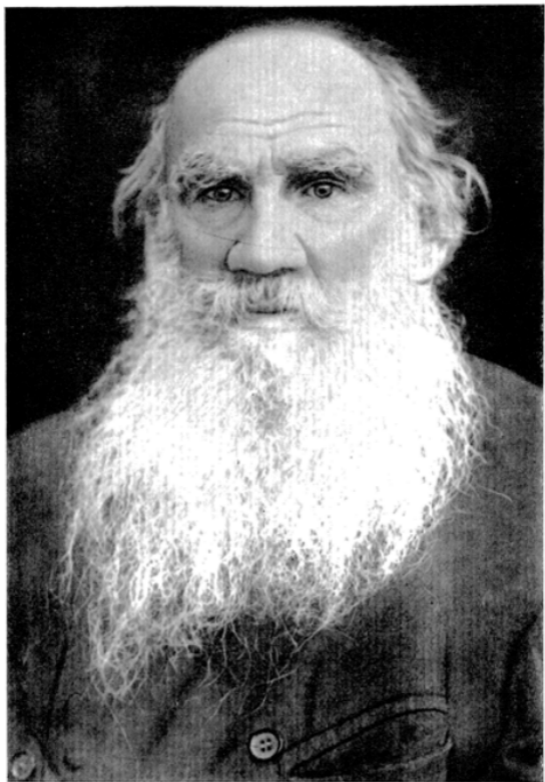
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956

П*ерепечатка разрешается безвозмездно*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТА-
РИИ

В. С. МИШИНА, П. С. ПОПОВА, В.С.
СПИРИДОНОВА

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудерж-

ного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выразившие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.[1]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взгля-

дов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широчайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого

то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[2]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национально-го гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть

висть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официальная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».[3] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно «обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».[4]

Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам... и пишу не нечаянно, а сознательно...»[5] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие».[6] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно толь-

ко патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[7]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возрастающим стольпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца»[8]. Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной

самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на добротe, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными слу-

жителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый протест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещани-

ями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго бо-

ролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «*Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством*». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу молчать» была так велика, что перекрывала места, выражавшие слабые, реакционные сторо-

ны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выражалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [9] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его известность как художника.[10]

Марксистская истина, согласно которой

ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротивления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержащую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «под-

чиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[11] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке, всякое кокетничанье даже с боженъкой...» — особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей,

насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки».[12] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоречия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к

литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[13] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[14] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нере-

шительности».[15]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[16] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[17], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», уxo-

дившую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомнева-

ется в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных

слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1906—1910

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВОЛК

Был один мальчик. И он очень любил есть цыплят и очень боялся волков.

И один раз этот мальчик лег спать и заснул. И во сне он увидел, что идет один по лесу за грибами и вдруг из кустов выскочил волк и бросился на мальчика.

Мальчик испугался и закричал: «Ай, ай! он меня съест!»

Волк говорит: «Постой, я тебя не съем, а я с тобой поговорю».

И стал волк говорить человеческим голосом.

И говорит волк: «Ты боишься, что я тебя съем. А сам ты что же делаешь? Ты любишь цыплят?»

– Люблю.

– А зачем же ты их ешь? Ведь они, эти цыплята, такие же живые, как и ты. Каждое утро – пойдешь, посмотри, как их ловят, как повар несет их на кухню, как перерезают им горло, как их matka кудахчет о том, что цып-

дят у нее берут. Видел ты это? – говорит волк.

Мальчик говорит: «Я не видел».

– А не видел, так ты посмотри. А вот теперь я тебя съем.

Ты такой же цыпленочек – я тебя и съем.

И волк бросился на мальчика, и мальчик испугался и закричал: «Ай, ай, ай!» Закричал и проснулся.

И с тех пор мальчик перестал есть мясо – не стал есть ни говядины, ни телятины, ни баранины, ни кур.

Лев Толстой.

РАЗГОВОР С ПРОХОЖИМ

Вышел рано. На душе хорошо, радостно. Чудное утро, солнце только вышло из-за деревьев, роса блестит и на траве, и на деревьях. Всё мило и все милы. Так хорошо, что умирать не хочется. Точно не хочется умирать. Пожил бы еще в этом мире с такой красотой вокруг и радостью на душе. Ну, да это не мое дело, а хозяина...

Подхожу к деревне, против первого дома, на дороге, ко мне боком стоит, не двигается человек. Очевидно, ждет чего-то или кого-то, ждет так, как умеют ждать только рабочие

люди, без нетерпения, без досады. Подхожу ближе – крестьянин, бородатый, косматый, с проседью, здоровенный, простое рабочее лицо. Курит не цыгарку бумажную, а трубочку. Поздоровались.

– Где тут Алексей, старик, живет? – спрашиваю.

– Не знаю, милый, мы не здешние.

Не я не здешний, а *мы* не здешние. Одного русского человека почти никогда нет (нечто когда он делает что-нибудь плохое, тогда – я). А то семья – мы, артель – мы, общество – мы.

– Не здешние? Откуда же?

– Калуцкие мы.

Я показал на трубку.

– А сколько в год прокуришь? Рубля три, я чай?

– Три? Не управишься еще на три.

– А что бы бросить?

– Как ее бросишь, привычка.

– Я тоже курил, бросил; как хорошо, легко.

– Известное дело. Да скучно без ней.

– А брось, и скуки не будет. Ведь хорошего в ней мало.

– Чего же хорошего.

– Не хорошо, так и делать не надо. На тебя глядя и другой станет. А пуще всего молодые ребята. Скажут: вот старый курит, а нам и бог велел.

– Так-то так.

– И сын станет, на тебя глядя.

– Известное дело, и сын тоже...

– Так брось.

– Бросил бы, да скучно без ней, едят ее мухи. От скуки больше. Станет скучно, сейчас за нее. Вся беда – скучно. Так скучно другой раз... скучно, скучно, – протянул он.

– А от скуки лучше о душе подумать.

Он вскинул на меня глазами, лицо его вдруг стало совсем другое, внимательное, серьезное, не такое, как прежде, добродушно-шутливое, бойкое, краснобайное.

– Об душе подумать, об душе, значит, – проговорил он, пытливо глядя мне в глаза.

– Да, о душе подумаешь и все глупости оставишь.

Лицо его ласково просияло.

– Верно это, старичок. Верно ты говоришь. Об душе первое дело. Первое дело об душе. (Он помолчал.) Спасибо, старичок. Верно это.

(Он указал на трубку.) Это что, одни пустяки, о душе первое дело, – повторил он. – Верно ты говоришь. – И лицо его стало еще добрее и серьезнее.

Я хотел продолжать разговор, но к горлу что-то подступило (я очень слаб стал на слезы), не мог больше говорить, простился с ним и с радостным, умиленным чувством, глотая слезы, отошел.

Да как же не радоваться, живя среди такого народа, как же не ждать всего самого прекрасного от такого народа?

9 сент. 1909.

Крекшино.

** ПРОЕЗЖИЙ И КРЕСТЬЯНИН

В крестьянской избе. Старик проезжий сидит на коннике и читает книгу. Хозяин, вернувшись с работы, садится за ужин и предлагает проезжему. Проезжий отказывается. Хозяин ужинает. Отужинав, встает, молится и подсаживается к старику.

Крестьянин. По какому, значит, случаю?..

Проезжий (*снимает очки, кладет книгу*). Поезда нет, только завтра пойдет. На станции

тесно. Попросился у бабы у твоей переночевать. Она и пустила.

Крестьянин. Что ж, ничего, ночуй.

Проезжий. Спасибо. Ну, что ж, как по теперешнему времени живете?

Крестьянин. Какая наша жизнь? Самая плохая!

Проезжий. Что ж так?

Крестьянин. А оттого так, что жить не при чем. Такая наша жизнь, что надо бы хуже, да некуда! Вот у меня девять душ, все есть хотят, а убрал шесть мер, вот и живи тут. Поневоле в люди пойдешь. А пойдешь наниматься, цены сбиты. Что хотят богатые, то с нами и делают. Народа размножилось, земли не прибавилось, а подати, знай, прибавляют. Тут и аренда, и земские, и поземельные, и мосты, и страховка, и десятскому, и продовольственные – всех не перечтешь, и попы, и бары. Все на нас ездят, только ленивый на нас не ездит.

Проезжий. А я думал, что мужички нынче хорошо жить стали.

Крестьянин. Так-то хорошо жить стали, что по дням не емши сидят.

Проезжий. Я потому думал, что очень уж

деньгами швырять стали.

Крестьянин. Какими деньгами швырять стали? Чудно ты говорить. Люди с голоду умирают, а он говорит: деньгами швыряются.

Проезжий. А как же, по газетам видать, что в прошлом году на 700 миллионов, – а миллион ведь это тысяча тысяч рублей, – так на 700 миллионов вина мужички выпили.

Крестьянин. Да разве мы одни пьем? Погляди-ка, как ее попы окалызывают, за первый сорт. А бары-то тоже спуску не дают.

Проезжий. Всё это малая часть, большая часть на мужиков приходится.

Крестьянин. Так что же, и пить уже ее не надо?

Проезжий. Нет, я к тому, что если на вино в год дуром 700 миллионов швыряют, так, значит, еще не так плохо живут. Шутка ли – 700 миллионов – и не выговорить.

Крестьянин. Да как же без ней-то? Ведь не нами заведено, не нами и кончится; и престол, и свадьбы, и поминки, и магарычи: хочешь не хочешь – нельзя без ней. Заведено.

Проезжий. Есть же люди, что не пьют. А живут же. Хорошего ведь в ней мало.

Крестьянин. Чего хорошего, акромья плохого!

Проезжий. Так и не надо бы пить ее.

Крестьянин. Да пей, не пей, всё равно жить не при чем. Земли нет. Была бы земля, всё бы жить можно, а то нет ее.

Проезжий. Как нет ее? Мало ли ее? Куда ни погляди, везде земля.

Крестьянин. Земля-то земля, да не наша! Близок локоть, да не укусишь!

Проезжий. Не ваша? Чья же она?

Крестьянин. Чья? Известно чья. Вот он, толстопузый черт, захватил 1700 десятин, сам один, и всё ему мало, а мы уже и кур перестаем держать – выпустить некуда. Впору и скотину переводить. Кормов нету. А зайдет на его поле теленок али лошадь – штрах, продавай последнее, ему отдавай.

Проезжий. Да на что же ему земли-то столько?

Крестьянин. На что ему земля? Известно на что: сеет, убирает, продает, денежки в банку кладет.

Проезжий. Да где же ему такую Палестину вспахать да убрать?

Крестьянин. Точно ты махонький. На то у него деньги, наймет рабочих, они и пахут и убирают.

Проезжий. Рабочие-то, я чай, тоже из ваших?

Крестьянин. Которые наши, которые чужие.

Проезжий. Да ведь всё же из крестьян?

Крестьянин. Известно, из нашего же брата. Кто же, акромья мужика, работает? Известно, мужики же.

Проезжий. А кабы не шли к нему мужики на работу...

Крестьянин. Ходи не ходи, всё равно не даст. Будет пустовать земля, а дать – не даст. Собака на сене, сама не ест, другим не дает.

Проезжий. Да как же он свою землю убережет? Ведь, я чай, верст на пять? Где же ему поспеть укараулить?

Крестьянин. Чудно ты говоришь. Он на боку лежит, брюхо отращивает, на то у него сторожа.

Проезжий. А сторожа-то, гляди, опять из ваших?

Крестьянин. А то из каких же, известно из

наших же.

Проезжий. Значит, мужики сами для господ землю обрабатывают, да еще сами ее от себя караулят?

Крестьянин. Как же быть-то?

Проезжий. А так и быть, что не ходить к нему на работу, да и в сторожа не наниматься, тогда бы земля вольная была. Земля божья и люди божьи, паши, сей, убирай, кому нужно.

Крестьянин. Забастовку, значит? На это, брат, у них солдаты есть. Пришлют солдат – раз, два, пали – кого расстреляют, а кого заберут. С солдатами разговор короткий.

Проезжий. Да ведь солдаты тоже из ваших? Зачем же они своих стрелять будут?

Крестьянин. А то как же, на то присяга.

Проезжий. Присяга? Это что же присяга?

Крестьянин. Аль ты не русский? Присяга – одно слово присяга.

Проезжий. Клянутся, значит?

Крестьянин. А то как же? На кресте, евангелии присягают за престол-отечество живот положить должен.

Проезжий. А на мой разум, не надо бы это-

го делать.

Крестьянин. Чего не надо бы?

Проезжий. Присягать не надо.

Крестьянин. Как же не надо, когда в законе положено?

Проезжий. Нет, в законе нет этого. В законе Христовом прямо запрещено: не клянись, говорит, вовсе.

Крестьянин. Ну? Как же попы-то?

Проезжий (*берет книгу, раскрывает, ищет и читает:*) «Вам сказано: держи клятвы, а я говорю – не клянись вовсе. Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. гл. V, ст. 33, 38). Значит, по Христову закону нельзя клясться.

Крестьянин. А не будут присягать, и солдат не будет.

Проезжий. А на что же их, солдат-то?

Крестьянин. Как на что? А как если на нашего царя да чужие цари пойдут, как же тогда?

Проезжий. Сами цари ссорятся, сами пускай и разбираются.

Крестьянин. Ну! Да как же так?

Проезжий. А так, что кто в бога верит, тот,

что ему ни говори, убивать людей не станет.

Крестьянин. Почему же поп в церкви указ читал, что война объявилась, чтоб запасные собирались?

Проезжий. Про это не знаю, а знаю, что в заповедях – в 6-й прямо сказано: не убий. Запрещено, значит, человеку человека убивать.

Крестьянин. Это, значит, дома. А на войне-то как же без этого? Враги, значит.

Проезжий. По Христову евангелию врагов нету, всех любить велено. *(Раскрывает евангелие и ищет.)*

Крестьянин. Ну-ка, почитай!

Проезжий *(читает)*. «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата подлежит суду». Еще сказано: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. гл. V, ст. 43, 44).

(Продолжительное молчание.)

Крестьянин. Ну, а подати как же? Тоже не

отдавать?

Проезжий. Уж это как сам знаешь. Если у тебя самого дети голодные, так известное дело, прежде своих накормить.

Крестьянин. Так, значит, вовсе и солдат не надо?

Проезжий. А на кой их ляд? Миллионы да миллионы с вас же собирают, шутка ли прокормить да одеть ораву такую. Близу миллионов дармоедов этих, а польза от них только та, что вам же земли не дают да вас же стрелять будут.

Крестьянин (*вздыхает и качает головой*). Так-то так. Да кабы все сразу. А то упрись один или два, застрелят или в Сибирь сошлют, только и толков будет.

Проезжий. А есть люди и теперь, и молодые ребята, поодиночке, а стоят за божий закон, в солдаты не идут: не могу, мол, по Христову закону быть убийцей. Делайте, что хотите, а ружья в руки не возьму.

Крестьянин. Ну и что же?

Проезжий. Сажают в арестантские – сидят там, сердешные, по три, по четыре года. А сказывают, там хорошо им, потому начальство

тоже люди, уважают их. А других и вовсе отпускают – говорят: не годится, слаб здоровьем. А он косая сажень в плечах, а не годится, потому – боятся принять такого, он другим расскажет, что солдатство против закона божеского. И отпускают.

Крестьянин. Ну?

Проезжий. Бывает, что отпускают, а бывает, что и помирают там. Да и в солдатах помирают, да еще калечат – кто без ноги, без руки...

Крестьянин. Ну и прокурат же ты малый. Хорошо бы так, да не выйдет так дело.

Проезжий. Отчего не выйдет?

Крестьянин. А оттого...

Проезжий. От чего от того?

Крестьянин. Оттого, что начальству власть дадена.

Проезжий. Да ведь власть-то у начальства только оттого, что вы его слушаете. А не слушайте начальства, и не будет и власти.

Крестьянин (*качает головой*). И чудно ты говоришь. Как же без начальства? Без начальства никак невозможно.

Проезжий. Известно дело, невозможно. Да

только кого ты начальством считать будешь: исправника али бога? Кого хочешь слушать: исправника или бога?

Крестьянин. Да это что и говорить. Больше бога не будешь. Первое дело – по-божьи жить.

Проезжий. А коли по-божьи жить, так бога и слушать надо, а не людей. А будешь по-божьи жить, не станешь с чужой земли людей сгонять, не станешь в десятских, старостах ходить, подати отбирать, не пойдешь в стражники, в урядники, а пуще всего в солдаты не пойдешь, не будешь обещаться людей убивать.

Крестьянин. Так как же попы долгогривые-то? Им видать, что не по закону, а что ж они не учат, как должно?

Проезжий. Об этом не знаю. Они свою линию ведут, а ты свою веди.

Крестьянин. То-то долгогривые черти.

Проезжий. Это напрасно: что других осуждать. Надо каждому самому об себе помнить.

Крестьянин. Это как есть.

(Долгое молчание. Крестьянин покачивает головой и усмехается.)

Крестьянин. Это, значит, ты к тому, что ес-

ли дружно взяться всем сразу, – напором, значит, – так и земля наша будет и податей не будет?

Проезжий. Нет, брат, не к тому я говорю. Не к тому я говорю, что по-божьи жить, так и земля наша будет и податей платить не станем, а к тому говорю, что жизнь наша плохая только оттого, что сами плохо живем. Жили бы по-божьи, и плохой жизни бы не было. О том, какая была бы наша жизнь, если бы по-божьи жили, – один бог знает, а только то верно, что плохой жизни не было бы. Сами пьем, ругаемся, деремса, судимся, завиствуем, ненавидим людей, закона божьего не принимаем, людей осуждаем: то толстопузые, то долгогривые, а помани нас денежками, мы готовы на всякую службу идти: и в сторожа, и в десятские, и в солдаты, и своего же брата разорять, душить и убивать готовы. Сами живем по-дьявольски, а на людей жалуемся.

Крестьянин. Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и не стерпишь.

Проезжий. А для души терпеть надо.

Крестьянин. Это как есть! Оттого и плохо живем, что про бога забываем.

Проезжий. То-то и дело. Оттого и жизнь плохая. А то глядишь, забастовщики говорят: дай вот этих да вот этих господ да богачей толстопузых перебьем, – всё от них, – и жизнь наша хорошая будет. И били и бьют, а пользы всё нет никакой. Тоже и начальство: дай только, говорит, сроку, перевешаем да переморим по тюрьмам тысячу, другую народа, устроится жизнь хорошая. А глядишь, жизнь только всё хужеет.

Крестьянин. Да это как есть. Разве можно не судом, надо по закону.

Проезжий. Вот то-то и дело. Одно из двух: либо богу служи, либо дьяволу. Хочешь дьяволу – пьянствуй, ругайся, дерись, ненавиствуй, корыстовайся, не божьего закона слушайся, а людского, – и жизнь будет плохая; а хочешь служить богу, – его одного слухай: не то, что грабить или убивать, а никого не осуждай, не ненавиствуй, не влипай в худые дела, и не будет плохой жизни.

Крестьянин (*вздыхает*). Хорошо ты, старичок, рассказываешь, дюже хорошо, только мы мало слушаем. Ох, кабы побольше так наставляли нас, другое бы было. А то придут из горо-

да, тоже свое болтают, как дела исправить, болтают хлестко, а слушать нечего. Спасибо, старичок. Речи твои хорошие.

Где же ложиться будешь? На печке, что ль? Баба подстелет.

Л. Толстой.

12-го октября 1909 г.

ПЕСНИ НА ДЕРЕВНЕ

Голоса и гармония были слышны точно рядом, но за туманом никого не было видно. Был будний день, и потому песни поутру сначала удивили меня.

«Да это, верно, рекрутов провожают», — вспомнил я бывший на-днях разговор о том, что пятеро назначено из нашей деревни, и пошел по направлению к невольно притягивающей к себе веселой песне. Когда я подходил к песенникам, песня и гармония затихли. Песенники, то есть провожаемые ребята, вошли в каменную, двухсвязную избу, к отцу одного из призываемых. Против дверей стояла небольшая кучка баб, девушек, детей. Пока я расспрашивал у баб, чьи да чьи ребята идут и зачем они зашли в избу, из двери вышли сопровождаемые матерями и сестрами и сами

молодые ребята. Их было пятеро: четверо холостых, один женатый. Деревня наша под городом, и почти все призывные работали в городе и были одеты по-городски, очевидно в самые лучшие одежды: пиджаки, новые картузы, высокие щегольские сапоги. Естественно, больше других бросался в глаза невысокий, хорошо сложенный парень, с милым, веселым, выразительным лицом, с чуть пробивающими усиками и бородкой и блестящими карими глазами. Как только он вышел, он тотчас же взялся за большую дорогую гармонику, висевшую у него через плечо, и, поклонившись мне, тотчас же, быстро перебирая клавиши, заиграл веселую «барыню» и, в самый раз такта, бойко, отрывисто шагая, тронулся вдоль улицы.

Рядом с ним шел тоже невысокий, коренастый белокурый малый. Он бойко поглядывал по сторонам и лихо подхватывал второй голос, когда запевало выводил первый. Это был женатый. Эти двое шли впереди. Остальные же трое, так же хорошо одетые, шли позади их и ничем особенным не выделялись, разве только тем, что один из них был высок

ростом.

Я шел с толпой за парнями. Песни всё были веселые, и во время шествия не было никаких выражений горя. Но как только подошли к следующему двору, в котором должно было также быть угощение, и остановились, так началось вытье женщин. Трудно было разобрать, что они причитали. Слышны были только отдельные слова: смеретушка... отца матери... родиму сторонушку... И после каждого стиха голосащая, втягивая в себя воздух, заливалась сначала протяжными стонами, а потом закатывалась истерическим хохотом. Это были матери, сестры уходивших. Кроме голошения родственниц, слышны были уговоры посторонних. «Да будет, Матрена, я чай, уморилась», – услышал я слова одной женщины, уговаривавшей голосащую.

Парни вошли в избу, я остался на улице, разговаривая с знакомым крестьянином Васильем Ореховым, бывшим моим школьником. Сын его был один из пятерых, тот самый женатый парень, который шел, подпевая подголоском.

– Что же? жалко? – сказал я.

– Что же делать? Жалей не жалей, служить надо.

И он рассказал мне всё свое хозяйственное положение. У него было три сына: один был дома, другой был этот уходящий в солдаты, третий жил, так же как и второй, в людях и хорошо подавал в дом. Этот же уходящий, очевидно, был плохой подавальщик. «Жена городская, к нашему делу не годится. Отрезанный ломоть. Только бы сам себя кормил. Жалко-то жалко. А что же поделаешь».

Пока мы говорили, парни вышли из дома на улицу, и опять началось голошение, взвизги, хохот, уговоры. Постояв у двора минут пять, тронулись дальше, и опять гармоника и песни. Нельзя было не дивиться на энергию, бодрость игрока, как он верно отбивал темп, как притопывал, останавливаясь, как замолкал и потом в самый раз подхватывал развеселым голосом, поглядывая кругом своими ласковыми карими глазами. У него, очевидно, было настоящее и большое музыкальное дарование. Я смотрел на него, и когда мы встречались с ним глазами, – так по крайней мере мне казалось, – он как будто смущался и,

двинув бровью, отворачивался и еще бойчее заливался. Когда подошли к пятому, последнему двору и ребята вошли в дом, я вошел за ними. Парней всех пятерых усадили за убранный скатертью стол. На столе были хлеб и вино. Хозяин, тот самый, с которым я говорил и который провожал женатого сына, наливал и подносил. Ребята почти ничего не пили, отливали не больше четверти стаканчика, а то только пригубливали и отдавали. Хозяйка резала ковригу и подавала закусывать. Хозяин подливал стаканчики и обносил. В то время, как я смотрел на парней, с печки, подле самого того места, где я сидел, слезла женщина в самой показавшейся мне неожиданной и странной одежде. На женщине было светлозеленое, кажется шелковое, платье с модными украшениями, на ногах были ботинки с высокими каблуками, белокурые волосы были причесаны по-модному, и в ушах были большие золотые серьги-кольца. Лицо женщины было не грустное и не веселое, но как будто обиженное. Она сошла на пол, бойко постукивая своими, с высокими каблучками, новыми ботинками, не глядя на ребят, вышла в сени.

Всё в этой женщине: и ее одеяние, и ее обиженное лицо, и в особенности серьги – всё было так чуждо всему окружающему, что я никак не мог понять, кто она могла быть и зачем попала на печку в избу Василья. Я спросил у сидевшей рядом со мною женщины, кто она.

– Сноха Васильева. Из горничных она, – отвечали мне.

Хозяин стал наливать в 3-й раз, но парни отказались от угощения, встали, помолились, поблагодарили хозяев и вышли на улицу. На улице тотчас же опять заголосили. Первая заголосила вышедшая за парнями очень старая, сторбленная женщина. Она так особенно жалостно голосила, так закатывалась, что бабы не переставая уговаривали ее и подхватывали под локти воющую, закатывающуюся и падающую вперед старуху.

– Кто это? – спросил я.

– Да бабка его. Василью мать, значит.

Как только старуха истерически захохотала и повалилась на руки поддерживающим ее бабам, шествие тронулось дальше, и опять залились гармония и веселые голоса.

На выходе из деревни подъехали телеги, чтобы везти призывных до волости, и все остановились. Воя и плача больше не было. Гармонщик же всё больше и больше расходился. Он, согнув голову набок и установившись на одной ноге и вывернув другую, постукивал ею, руки же выводили частые, красивые фьеритуры, и как раз, где надо было, подхватывал песню его бойкий, высокий, веселый голос и приятный подголосок Васильева сына. И старые, и молодые, и в особенности окружавшие толпу ребята, и я в том числе, – все мы, не спуская глаз, смотрели на певца, любуясь им.

– И ловок же, бестия! – сказал кто-то из мужиков.

– Горе плачет, горе песенки поет.

В это время к песеннику подошел энергичным, большим шагом тот из провожаемых парней, который был особенно высокого роста. Нагнувшись к гармонисту, он что-то сказал ему.

«Какой молодчина, – подумал я. – Этого уже верно зачислят куда-нибудь в гвардию». Я не знал, чей он, из какого двора.

– Чей этот? – спросил я, указывая на молодцеватого парня, у невысокого старичка, подходившего ко мне.

Старичок, сняв шапку, поклонился мне, но он не расслышал мой вопрос.

– Чего говорите?

В первую минуту я не узнал его, но как только он заговорил, я тотчас же вспомнил работящего, хорошего мужика, который, как часто бывает, как бы на подбор, подпадал под одно несчастье после другого: то лошадей двух увели, то сгорел, то жена померла. Не узнал я его в первую минуту потому, что, давно не видав его, помнил Прокофия красно-рыжим и среднего роста человеком, теперь же он был не рыжий, а седой и совсем маленький.

– Ах, это ты, Прокофий, – сказал я. – Я спрашиваю: чей этот молодец, вот что подходил к Александру?

– Этот? – повторил Прокофий, указывая движением головы на высокого парня. Он качнул головой и прошамкал какое-то слово, я не разобрал что.

– Я говорю: чей малый? – переспросил я и

оглянулся на Прокофия.

Лицо Прокофия сморщилось, скулы задрожали.

– Мой это, – проговорил он и, отвернувшись от меня и закрывая лицо рукою, захлопал, как ребенок.

И только теперь, после этих двух слов Прокофия: «мой это», я не одним рассудком, но всем существом своим почувствовал весь ужас того, что происходило передо мною в это памятное мне туманное утро. Всё то разрозненное, непонятное, странное, что я видел, – все вдруг получило для меня простое, ясное и ужасное значение. Мне стало мучительно стыдно за то, что я смотрел на это, как на интересное зрелище. Я остановился и с сознанием совершенного дурного поступка вернулся домой.

И подумать, что всё это совершается теперь над тысячами, десятками тысяч людей по всей России и совершалось и будет долго еще совершаться над этим кротким, мудрым, святым и так жестоко и коварно обманутым русским народом.

Лев Толстой.

8-го ноября 1909 г.

Ясная Поляна.

СТАТЬИ

НАШЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ

Разделяя в общем одно и то же понимание жизни, не совпадающее ни с одним из распространенных религиозных и светских учений, ввиду частых обращений к нам с требованиями, которых мы не можем исполнить, мы считаем желательным, во избежание подобных недоразумений, выразить насколько возможно кратко и ясно наше жизнепонимание и то наше отношение к существующему устройству жизни, которое из него вытекает.

В 1838-м году в Америке было обнародовано Вильямом Лойдом Гаррисоном заявление, в котором он и его единомышленники оглашали свое исповедание.

Сущность этого заявления сводится к следующим положениям:

Признание одного только царя и законодателя – бога, а потому отрицание всякого человеческого правительства. Отечеством Гарри-

сон признает весь мир, соотечественниками – всё человечество. Народам не следует ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Отдельным людям в своих личных отношениях также нехорошо нападать или защищать силой. Церковное учение о божественном установлении всех государств и существующих властей столь же нелепо, как и кощунственно. Власти эти никогда не действовали в духе учения и по примеру Христа, и потому они не могли быть установлены богом и должны быть упразднены; но не силою, а духовным возрождением людей.

Если войны, как наступательные, так и оборонительные, признаются нехристианскими и незаконными, то и все приготовления к войнам, постоянные армии, военное начальство, присвоения, совершенные военной силой, общая воинская повинность являются нехристианскими и незаконными.

Незаконным и нехристианским является всякий суд, как гражданский, основанный на насильственном принуждении, так и уголовный, основанный на законе ветхого завета: око за око и зуб за зуб. Этот суд отменен Хри-

стом, проповедующим прощение врагам вместо мщения во всех случаях без исключения.

Вследствие этого Гаррисон и его последователи отказываются занимать места в правительственных учреждениях и избирать на эти места других лиц, и вообще служить правительству в какой бы то ни было форме.

История человечества наполнена доказательствами того, что зло может быть уничтожено только добром, а из этого следует истина основного учения Христа о непротивлении злу насилием. Поэтому Гаррисон, отрицая революционное учение с его проповедью насилия, отрицает насильственную борьбу с существующим правительством, противоречащую требованиям евангелия.

Со времени обнародования этого заявления прошло 70 лет, и мы теперь, в 1907 году, вполне разделяя основы, выраженные в нем, можем прибавить к этому заявлению только следующее:

1. Мы полагаем, что сущность нашей жизни не в нашем теле, подверженном страданиям и неизбежной и всегда близкой смерти, а

в том духовном начале, которое дало и дает жизнь человеку. И потому назначение и благо жизни нашей мы видим только во всё большем и большем сознании и проявлении этого духовного начала.

2. А так как это духовное начало в противоположность телесности, различной для всех людей, одно и то же для всего живого, то и сознание этого начала соединяет нас со всем живущим и в жизни нашей проявляется любовью.

3. И потому любовь к ближнему, как к самому себе, и вытекающее из этого правило – поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, мы признаем духовным законом нашей жизни.

4. Зная же по опыту, что всякое стеснение свободы посредством насилия причиняет страдания и, кроме того, вызывает в людях недобрые, противные любви чувства, мы всякого рода насилия, совершаемые над людьми как отдельными лицами, так и собраниями людей, называющих себя правительствами, признаем противными основному закону нашей жизни.

5. И потому, признавая единственной си-

лой, сдерживающей людей и приводящей их к мирной жизни, – закон любви, основы которого лежат в душе каждого человека, мы:

Во 1-х, не признаем ни за какими людьми, ни собранием людей, права насильем или под угрозой насилия отбирать имущества одних людей и передавать его другим (подати).

Во 2-х, не признаем ни за собой, ни за другими людьми права насильем защищать исключительное право пользования какими бы то ни было предметами, а тем менее исключительное право пользования некоторыми частями земли, составляющей общее достояние всех людей.

В 3-х, не признаем ни за собой, ни за какими людьми права насильно привлекать к суду других людей и лишать их имущества, ссылать, заточать в тюрьмы, казнить.

В 4-х, не признаем ни за какими людьми, как бы они ни называли себя, монархами, конституционными или республиканскими правительствами, права собирать, вооружать и приучать людей к убийству, нападать на других людей и, объявив людям другой народности войну, разорять и убивать их.

В 5-х, не признаем ни за собой, ни за какими людьми права под видом церкви или каких-либо воспитательных, образовательных и мнимо просветительных учреждений, поддерживаемых средствами, собранными насильем, руководить совестью и просвещением других людей.

В 6-х, не признавая ни за какими людьми, называющими себя правительствами, права управлять другими людьми, мы точно так же не признаем и за неправительственными людьми права употреблять насилия для ниспровержения существующего и установления какого-либо иного, нового правительства.

Не признаем этих прав ни за кем, потому что всякое насилие по существу своему противно признаваемому нами основному закону человеческой жизни – любви. При победе одного насилия над другим остается победившее насилие и точно так же, как и прежнее, вызывает против себя новое насилие, и так без конца.

Не признавая таких прав ни за какими людьми, мы считаем и все деятельности, основанные на этих мнимых правах, вредными

и неразумными, и потому не только не можем участвовать в таких деятельности или пользоваться ими, но всегда будем всеми силами бороться против них, стараясь уничтожить их в самом их основании.

В 7-х, уничтожить же эти ложные и вредные деятельности в самом их основании мы считаем возможным только одним средством: проявлением нами в своей жизни того высшего закона любви, который мы признаем единственным и несомненно верным руководством человеческой жизни.

В 8-х, и потому все наши усилия, вся наша деятельность будет иметь только одну цель – проявление в нашей жизни, насколько это будет в наших силах, того закона любви, который вернее всяких других средств уничтожает зло теперешнего устройства жизни и всё более и более приближает установление истинного братства людей, которого так жадно ждет в наше время исстрадавшееся человечество.

Мы верим, что царство это близко, «при дверях».

Мысли, выраженные в этом заявлении, так же как и в провозглашении *Гаррисона*, не новы. Всё это было много и много раз сказано и мудрецами, и браминами, и буддистами, и китайцами, и, в особенности, одним из их мудрецов, Ми-ти, проповедовавшим любовь вместо насилия, и Сократом, и стоиками, и более всего ясно и определено Христом (не в павловском, квази-христианском, церковном учении, извращающем истинное христианство, а в истинно христианском учении – в нагорной проповеди). Высказывались подобные истины и проповедовались и эбионитами, и эссенянами, и катарами, и альбигойцами, и моравскими братьями, и квакерами, и назаренами, и персидскими бабистами, и духоборами, и сотнями и тысячами людей, исповедовавших и исповедующих те же истины.

Но до сих пор все эти ясные, простые и неопровержимые истины, истины, наверно дающие людям вместо страдания истинное благо, – не изменяли устройства человеческих обществ, и жизнь большинства людей продолжала идти попрежнему.

Учение всех этих мудрых людей вело к той истине, что для того, чтобы не было того зла, от которого люди так жестоко страдают, надо перестать делать его. Что, казалось бы, могло быть проще, понятнее и убедительнее этого? Казалось бы, что для того, чтобы понять и исполнять это, нужно так же мало усилия, как для того, чтобы дышать. Усилие, казалось бы, нужно только для того, чтобы не делать этого. А между тем эту простую истину говорили сотни, тысячи лет люди, признаваемые величайшими мудрецами мира, и человечество все-таки не понимало и не принимало этой истины и продолжает жить так, как будто она совершенно неизвестна ему.

Отчего это?

А оттого же самого, отчего умный, хороший, добрый юноша слышит слова мудрости людской, призывающей его к труду, к воздержанию, к чистоте, к доброте, слышит слова эти, но ни на мгновение не останавливает на них свое внимание, не применяет их к своей жизни. Молодой человек прежде всего живет своими животными и полуживотными страстями, охватывающими его со всей силой но-

визны и еще поддерживаемыми и разжигаемыми внушениями толпы людей, окружающих его и призывающих его к подражанию. Мало того, если он задумывается хоть на минуту о правильности пути, по которому он идет, ему тотчас же предлагают не те старые, вечные истины, которые осуждают его жизнь, а такие теории, по которым ему можно, продолжая жить так, как он живет, празднично, невоздержанно, нецеломудренно, враждебно к людям, честолобиво, – быть уверенным, что он живет именно так, как свойственно жить разумным людям. И, усвоив какую-либо из этих теорий: церковную, политическую, экономическую, научную, и держась за нее, как за якорь спасения, молодой человек живет, мужает и всё больше и больше укрепляется в своем образе жизни. Образ жизни поддерживает теорию, теория поддерживает образ жизни. И чем дальше он живет так, тем всё более и более усложняются условия его жизни, и всё труднее и труднее становится ему, если бы он и захотел, вернуться к тем простым и нужным жизненным истинам, которые он слышал в своей юности, не

внимая им. И живет он так до тех пор, пока страдания, неизбежно связанные с такой жизнью, не приведут его, наконец, к той самой простой и старой истине, которую он знал сначала, что *для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: надо жить хорошо.* И человек, если он еще не безвозвратно погубил себя, изменяет свою жизнь и обыкновенно делает неполно и в конце жизни то, что было бы легко, так полно и хорошо сделать сначала.

Таков путь приближения к истине отдельных людей. Путь этот кажется странен. Кажется, как просто бы было людям не делать всех тех бесцельных для своей жизни ошибок и сразу поверить истине. Но это только кажется так. Ошибки эти необходимы, так как всякая одним головным путем приобретенная истина только для редких людей может быть руководством поступков. Для большинства истина только тогда истина, когда она подтверждена своим личным мучительным опытом. Только тогда истина – истина для большинства, когда ясно, что отступление от нее есть страдание, когда истина и благо сов-

пали.

А так как таково свойство большинства людей, то таково свойство и всего человечества.

Всё человечество естественно живет сначала (с того начала, которое видно нам) своими животными, полуживотными влечениями. И точно так же, как и у отдельного человека, сила этих влечений увеличивается их новизной. И точно так [же], как и для отдельного человека, редкие голоса мудрецов, указывающих на истинный смысл жизни, не воспринимаются большинством, точно так же увлеченным новизной и внушением. И так же, как и для отдельного человека, появляются подставные, ложные теории (большею частью извращенные учения мудрых людей, как все церковные и научные учения). И все эти ложные учения, потакая страстям людей, всё дальше и дальше отвлекают их от истины. И точно так же, как для отдельного человека трудность изменения жизни увеличивается теми условиями, которыми связывает себя человек в ложно прожитом прошедшем, так и для человечества, отступившего от

истины, трудность увеличивается тем, что на ложном пути, по которому веками шло человечество, совершено им.

В этом и лежит причина того странного явления, что люди, зная простую, ясную истину, которая спасает их, живут так, как будто эта истина никогда никому не была известна. Причина этого и в тех ложных теориях, извращающих и религию и науку, и в тех делах, которые наделало человечество во время своей ложной жизни.

Человечество, живя ложной жизнью на основании ложных теорий, наделало так много ложного и ненужного и в духовной и в материальной областях, что оно теперь никак не может решиться последовать простым и ясным и понятным ему истинам, следование которым сделало бы ненужным почти всё то, что с таким трудом, усердием и рвением наделано им. Все эти воздушные дороги, 36-ти этажные дома, броненосцы, парламенты и всё то, что называется наукой и искусством, всякие никому ни на что ненужные открытия и исследования со всеми утонченностями, — всё это кажется так важно, что отказаться от

всего этого, или рисковать лишиться хотя части этого, кажется людям нашего времени невозможным и безумным риском.

Люди на пути своем подошли к реке. Мудрейшие из них знают, что путь идет через реку, что дом на той стороне и что надо переходить реку. В том месте, в котором люди подошли к реке, река не широка и не глубока, и надо небольшое усилие, чтобы перейти ее. Но люди не хотят сделать этого усилия, и кроме того среди них находятся люди, которые уверяют их, что можно и не делать этого усилия и не входить в реку. И люди идут вниз по течению, отыскивая перехода, и что дальше идут, то шире и глубже река. Люди смутно чувствуют, что, идя вниз по течению, они не найдут перехода, но им так жалко всего того, что они прошли, что они продолжают уверять себя, что река скоро перестанет течь или случится чудо, как для израильтян, и они перейдут по суху. Но река становится всё шире и шире и заливаает берег и людей, идущих по нем.

С самых древних времен мудрые люди постигли ту истину, что устройство челове-

ской жизни может основываться только на любви и на вытекающем из любви добровольном служении людей друг другу, и что поэтому существующий способ устройства человеческих обществ на насилии – способ ложный, и что попытки уничтожить насилие насилием есть очевиднейшее заблуждение, и что уничтожить насилие можно только тем, чтобы не делать насилия. Казалось бы, истину эту нельзя не понимать, но люди не верят тому, что ясно и что говорят им их мудрецы и здравый смысл, а верят тем людям, которым выгодно насилие. Верят потому, что для воздержания от насилия нужно хоть и небольшое, но нужно усилие, для подчинения же насилию и участия в нем не нужно никакого.

Так шло дело с самых древних времен, так шло дело и в средние века, так же шло дело и в новые времена, так же идет и теперь.

Люди продолжают мучить себя и метаться по этой стороне реки, всё еще надеясь, что река перестанет течь и воды расступятся. Но всему есть предел, и люди в наше время подошли к этому пределу. Бедственность, безумие, глупость и злобность той жизни, которая ве-

дется теперь людьми, пытающимися уничтожить зло злом, становится всё очевиднее и очевиднее, и людей, понимающих невозможность продолжения такой жизни, становится всё больше и больше.

И мы думаем, что человечество теперь, именно теперь, в 1907 году от рождества Христова, своей дошедшей до последней степени путаницей и утонченностью ненужных знаний, своим разделением и озлоблением, своими страданиями – доведено, наконец, до необходимости понять и принять ту старую, давно провозглашенную людям и известную всем простую и ясную истину, что человек – существо, обладающее духовным сознанием, – может и должен основывать свою жизнь не на грубой силе, как животное, а только на вытекающем из духовного сознания свойстве любви, которое одно может дать всем людям то благо, стремление к которому составляет основу их жизни.

БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ ПО НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ

Преподавать детям нравственность я пытался вот как: собрав выраженные разные

ми мыслителями нравственные истины и изложив их доступным детям в возрасте около 10 лет языком, я разделил их на отделы, и каждый день читал детям по одной мысли из одного по очереди отдела, и, прочтя, просил их повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвечая на вопросы, вызванные чтением.

Отделов таких у меня составилось около 20. Я говорю около 20 потому, что я не вполне остановился на числе отделов и то прибавляю, то убавляю их.

Главные отделы следующие:

- 1) Бог.
- 2) Жизнь в воле бога.
- 3) Человек сын бога.
- 4) Разум.
- 5) Любовь.
- 6) Совершенствование.
- 7) Усилие.
- 8) Мысли.
- 9) Слова.
- 10) Поступки – дела.
- 11) Соблазны внутренние
- 12) Соблазны внешние.

- 13) Смирение.
- 14) Самоотречение.
- 15) Непротивление.
- 16) Жизнь в настоящем.
- 17) Смерть.
- 18) Жизнь – благо.
- 19) Вера.

Таких нравственных истин набралось у меня более 700, так что, если расположить их по дням, то на каждый день придется по 2.

Для образца выписываю по одной мысли из каждого отдела.

ИЗ ОТДЕЛА 1-го

Услыхали раз рыбы в реке, что люди говорят: рыбам можно жить только в воде. И стали рыбы друг у друга спрашивать: что такое вода? И ни одна рыба в реке не могла сказать, что такое вода. Тогда умная, старая сказала, что есть в море премудрая рыба. Она всё знает. Спросим ее: что такое вода? И вот поплыли рыбы в море к старой премудрой рыбе и спросили ее: как бы нам узнать, что такое вода? Премудрая рыба сказала: вы не знаете,

что такое вода, потому что живете в воде. Узнаешь воду только тогда, когда выскочишь из нее и почувешь, что без нее жить нельзя. Только тогда поймешь, что мы водою живем и что без воды нет жизни.

То же и с людьми, если они думают, что не знают бога. Мы живем в боге и богом, и только что уйдем от бога, сейчас нам так же плохо, как рыбе без воды.

ИЗ ОТДЕЛА 2-го

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один: он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему, и тогда уже не боится разбойников.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: «В жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища подождать, чтобы поехать в безопасности? За кем ехать следом: за тем или за другим? За богатым ли, за важным ли вельможей или за самим царем? Но уберегут ли они меня? Ведь

и их грабят и убивают, и они так же бедствуют, как и другие люди. Да еще и то может быть, что тот самый, с кем я поеду, нападет на меня и ограбит. Какого же мне найти себе верного дорожного товарища, такого товарища, чтобы он не напал на меня, а был мне всегда защитой? За кем мне идти следом? Один есть такой верный товарищ. Товарищ этот – бог. За ним надо идти, чтобы не попасть в беду. А что значит идти за богом? Это значит желать того, что он хочет, и не желать того, чего он не хочет. А как достигнуть этого? Понять его законы и следовать им».

ИЗ ОТДЕЛА 3-го

Христос сказал, что каждый человек сын бога. Это значит то, что в каждом человеке живет дух божий, по телу всякий человек сын своих родителей, по духу всякий человек сын бога. Чем больше человек понимает в себе дух божий, чем больше признает свою сыновность богу, тем больше он приближается к богу и к истинному благу.

ИЗ ОТДЕЛА 4-го

Чем добрее бывает жизнь человека, тем больше бывает в нем разума. А чем разумнее человек, тем добрее бывает жизнь человека.

Для доброй жизни нужен свет разума. А для того, чтобы разум был светел, нужна добрая жизнь. Одно помогает другому. А потому, если разум не помогает доброй жизни, это не настоящий разум. И если жизнь не помогает разуму, то это не добрая жизнь.

ИЗ ОТДЕЛА 5-го

Постарайся полюбить того, кого ты не любил, кто обидел тебя. И если это удастся тебе сделать, то тебе сейчас же станет очень хорошо и радостно на душе. Как свет ярче светит после темноты, так и на душе бывает особенно хорошо, когда вместо злобы и досады почувствуешь любовь к тому, кого не любил и кто обидел тебя.

ИЗ ОТДЕЛА 6-го

Мы все знаем, что живем не так, как надо и как могли бы жить. И потому надо всегда помнить, что жизнь наша может и должна быть лучше.

Помнить это надо не затем, чтобы осуждать жизнь других людей и свою, не исправляя ее, а затем, чтобы стараться с каждым днем и часом становиться хоть немного лучше, исправлять себя.

В этом самое главное и самое радостное дело в жизни.

ИЗ ОТДЕЛА 7-го

Бывает неприятно, когда тебя хвалят за то, чего ты не сделал, и также неприятно, когда бранят за то, чего ты не заслужил. Но можно и в напрасной похвале и в напрасной брани найти пользу. Если ты не сделал доброго дела и тебя хвалят за него, постарайся сделать то, за что тебя хвалят. А если тебя бранят за то, чего ты не сделал, то постарайся вперед не делать того, за что тебя бранят.

ИЗ ОТДЕЛА 8-го

Как удилами во рту мы управляем конями и рулями управляем кораблями, так и языком мы управляем всем телом. Языком можно и осквернить, можно и освятить себя. И потому надо не говорить, что попало, а внимательно следить за своими словами.

Слово – великое дело. Как небольшой огонь может сжечь целые деревни, так и от одного слова может сделаться большое несчастье.

ИЗ ОТДЕЛА 9-го

Для того, чтобы не делать злых дел, надо удерживаться не только от самых дел, но и от злых разговоров. Для того же, чтобы удерживаться от злых дел и разговоров, надо научиться удерживаться от злых мыслей. Когда один думаешь сам с собой и придут недобрые мысли – осуждаешь кого-нибудь, сердишься, – вспомни, что нехорошо так думать, остановись и старайся думать о другом. Только тогда будешь в силах воздерживаться от злых дел, когда научишься воздерживаться от

злых мыслей. Корень злых дел в дурных мыслях.

ИЗ ОТДЕЛА 10-го

Китайского мудреца спросили: есть ли такое слово, которое дало бы счастье на всю жизнь?

Мудрец сказал: «Есть слово «шу», смысл этого слова такой: чего мы не хотим, чтобы нам делали, не надо делать другим».

Когда же Христа спросили о главной заповеди закона, он сказал: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. В этом закон и пророки».

Китайский мудрец сказал, чтобы не делать другим того, чего себе не хочешь: не отступай от любви. А Христос сказал: не только не делай другому того, чего себе не хочешь, но делай другому то, чего себе хочешь, – поступай по любви.

ИЗ ОТДЕЛА 11-го

Пословица говорит: «От трудов праведных

не наживешь палат каменных». «От трудов будешь горбат, а не будешь богат».

И пословица не мимо молвится. Большое богатство наживается не трудами, а грехами. От этого большое богатство тяжесть, а не радость для хорошего человека. Не пропускает большое богатство людей в царство божие.

ИЗ ОТДЕЛА 12-го

Надо не поддаваться тому, что делают другие, а жить своим умом. Не беда, если мы смеемся, сами не зная чему, когда другой человек смеется, и если, глядя на того, кто зеваает, и сами зеваем, но плохо то, когда мы поддаемся злomu чувству того человека, который злится на нас, обижает нас. Он злится, и мы злимся. А тут-то и дороже всего не поддаться злomu чувству, а, напротив, добротой ответить на злобу. Если с злыми людьми будешь такой же, как они, то сделаешься скоро злым и с добрыми людьми.

ИЗ ОТДЕЛА 13-го

В евангелии сказано (Лука XVI, 15), что велико для людей, то мерзость перед богом. – Это надо всегда помнить, чтобы не ошибиться и не почитать великим и важным то, что мало и ничтожно. Это надо помнить, потому что люди всегда возвеличивают, украшают то, про что они знают, что оно без прикрасы будет не замечено и признано дурным. Так устраивают всякие храмы, шествия с музыкой и флагами, богатыми одеждами. Надо не поддаваться этому блеску и знать и помнить, что всё истинное и доброе не нуждается в украшениях и бывает просто и скромно.

ИЗ ОТДЕЛА 14-го

Люди живут общими трудами всех. И чу- гун, и косы, и сошник, и сукно, и бумага, и спички, и свечки, и керосин, и тысячи других вещей – всё это труды людские. И потому, чтобы не отнимать у людей людских трудов, надо, если мы пользуемся трудами людей, оплачивать за это своим.

Есть пословица, что, если один человек живет не работая, то где-нибудь какой-ни-

будь человек от этого умирает с голоду.

Но как учесть, больше ли я беру, чем даю? Учесть нельзя, и потому, чтобы не быть вором и убийцей, лучше больше отдать, чем взять, и для этого как можно больше работать и как можно меньше брать от других людей.

ИЗ ОТДЕЛА 15-го

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. V, 38—39). Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же надо сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то самое, что вызвало это чувство зла, то есть повторить дурное дело? Поступить так, значит вместо того, чтобы уничтожить зло, усилить его.

И потому непротивление злу злом есть единственное средство победить зло. Только

оно одно убивает злое чувство и в том, кто сделал зло, и в том, кто понес его.

ИЗ ОТДЕЛА 16-го

Никогда не откладывай доброго дела, если можешь сделать его нынче. Смерть не разбирает того, сделал ли, или не сделал человек то, что должен. Смерть никого и ничего не дожидается. У нее нет ни врагов, ни друзей. Дела человека, то, что он успел сделать, становятся его судьбой, хорошей или дурной. И потому для человека важнее всего в мире то, что он сейчас делает.

ИЗ ОТДЕЛА 17-го

Человек видит, как всё на свете – и растения и животные – зарождается, растет, крепнет, плодится, а потом слабеет, портится, стареется и умирает.

То же самое видит человек и над своим телом и, глядя на других людей, когда они умирают, знает и про свое тело, что оно состарится, испортится и умрет, как и всё, что родится

и живет на свете.

Но кроме того, что он видит на других существах и на людях, каждый человек знает в себе еще то, что не портится и не стареется, а, напротив, что больше живет, то лучшеет и крепнет, – знает каждый человек в себе свою душу.

Что будет с душой, когда мы помрем, никто не может знать. Одно мы верно знаем – это то, что портится, преет и гниет только то, что телесно, а душа нетелесна, и потому с ней не может быть того, что с телом. И потому страшна смерть только тому, кто живет только телом.

Для того же, кто живет душою, нет смерти.

ИЗ ОТДЕЛА 18-го

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в этом виноват, потому что бог создал людей не для того, чтобы они были несчастны, а для их счастья. Несчастливы бывают люди только тогда, когда они желают того, что не всегда могут иметь. Счастливы же тогда, когда желают того, что всегда могут

иметь. Чего же люди не всегда могут иметь? И что могут всегда иметь, когда желают этого?

Не всегда могут люди иметь то, что не в их власти, то, что другие могут отнять у них. Всего этого люди не могут иметь всегда. Всегда же могут иметь люди только то, чего никто от них отнять не может.

Первое – это все блага мирские, богатство, почести, здоровье. Второе – это своя душа, свое желание во всем исполнять волю бога. И бог дал в нашу власть как раз то, что нам нужнее всего для нашего блага, потому что ничто, никакие мирские блага не дают истинного блага, а всегда только обманывают. Истинное же благо дает только исполнение воли бога. Бог не враг нам, он поступил с нами, как добрый отец: он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

ИЗ ОТДЕЛА 19-го

Во всех верах учение о том, как надо жить людям, одно и то же. Обряды разные, а вера одна.

Разумный человек видит то, что едино во всех верах, глупый же видит только то, что в них разное.

Лев Толстой.

НЕ УБИЙ НИКОГО

I

В начале июля 1907 года человек, участвовавший в Петербурге в издательстве «Обновление», был посажен в тюрьму Петербургским судебным следователем по обвинению его в распространении написанной мною семь лет тому назад брошюры под заглавием «Не убий».

«Незначительное при теперешних беспрестанных заточениях, ссылках, казнях событие это знаменательно по тому поводу, по которому оно совершено.

Теперь, когда вся Россия стонет от ужаса перед неперестающими и всё увеличивающимися в числе и по дерзости убийствами, брошюра, подтверждающая древний, признанный за тысячи лет всеми религиями закон «Не убий», брошюра эта запрещается, и распространитель ее, как преступник, сажается в

тюрьму.

Казалось бы, правительство, так давно и так безуспешно борющееся с всё более и более охватывающей русских людей манией убийства, должно бы поощрять людей, распространяющих мысли, противодействующие убийству: но удивительное дело, правительство, напротив того, карает таких людей.

Но, может быть, брошюра «Не убий» только носит такое заглавие, а говорит что-нибудь другое, противное религии и нравственности?

Я давно писал эту брошюру и мог забыть ее содержание. Я внимательно перечел ее. Нет, в ней говорится то самое, что говорит заглавие, и только то, что оно говорит. В брошюре говорится, что кроме того, что всякое убийство человека человеком преступно и противно тому религиозному учению, которое мы исповедуем, убийства революционерами королей, императоров, вообще правителей, бессмысленны, так как строй государственной жизни не может измениться вследствие убийства правителей; мотивы же таких убийств неосновательны, так как, убивая пра-

вителей за совершаемые ими дела насилия, люди забывают, что виноваты в этом они сами своим повиновением правительствам и содействием тому, за что они упрекают правителей.

Так что в общем смысл брошюры тот, что «Не убий» значит только то, что христианам *не должно убивать никого*, ни непосредственно, ни посредственно, подсобляя убийствам.

Но, может быть, участвовавший в издательстве «Обновление» судится не за брошюру «Не убий», написанную по случаю убийства итальянского короля, но и за брошюру того же названия, к которой присоединены еще три статьи: «Письмо к фельдфебелю», «Солдатская и офицерская памятка». Я перечел и эти статейки и в них нашел то же, что и в первой: подтверждение заповеди «Не убий», и в особенности разъяснение того, что приготовление к убийствам, содействие им так же преступно и так же противно закону Христа, как и самое убийство.

Так что, в общем, смысл и этих статей тот, что люди христиане не должны ни содействовать убийству, ни готовиться к нему, ни уби-

вать кого бы то ни было.

II

Удивительный закон возмездия, неизбежно карающий людей, извращающих закон бога.

Тысяча девятьсот лет тому назад Христос, провозглашая основные заповеди своего учения, во главу всех поставил уже не старинную заповедь «не убий» (заповедь эту он считал до такой степени установленной, что он не говорил о ней), а заповедь о том, что всякий человек должен избегать всего того, что может привести к убийству: не держать зла на ближнего, прощать всех, со всеми мириться, не иметь врагов (Матф. V, 21—26).

Но эта заповедь не только не была принята людьми, но даже древняя заповедь, запрещавшая убийство, была отвергнута, так же как она была отвергнута и законами Моисея, и люди, называвшие себя христианами, продолжали с полной уверенностью в своей правоте убивать и на войне, и дома всех тех людей, смерть которых представлялась им желательной.

Правительства христианских народов с по-

мощью церковников долго обучали управляемые ими народы тому, что закон «не убий» не значит то, что люди не должны без всяких исключений убивать себе подобных, но что есть случаи, когда не только можно, но должно убивать людей; и народы верили правительствам и содействовали убийствам тех, кого правительство предназначало к убийству. Когда же пришло время и вера в непогрешимость правительств нарушилась, народы стали по отношению к людям, составляющим правительства, поступать точно так же, как поступали правительства по отношению людей, смерть которых представлялась им желательной, только с той разницей, что правительства считали, что убивать можно на войне и после известных совещаний, которые называются судами; народы же решили, что можно убивать во время революций и после совещаний известных людей, называющих себя революционными комитетами, и т. п.

И сделалось то, что происходит теперь в России, то есть то, что после 1900 лет проповеди христианства люди уже два года не переставая убивают друг друга: революционеры

своих, правительства своих врагов, убивают мужчин, женщин, детей, – всех тех, смерть которых считают для себя полезной, и что удивительней всего – это то, что, поступая так, они вполне уверены, что не нарушают ни нравственного, ни религиозного закона.

Дошло до того, что если бы теперь дать в России всем людям возможность убивать всех тех, кого они считают для себя вредными, то почти все русские люди поубивали бы друг друга: революционеры всех правителей и капиталистов, правители и капиталисты всех революционеров, крестьяне – всех землевладельцев, землевладельцы – всех крестьян и т. д.

И это не шутка, а действительно так. И это ужасное состояние народа продолжается уже несколько лет и с каждым годом, месяцем, днем становится всё хуже и хуже.

III

Становится же положение всё хуже и хуже в особенности оттого, что правительство, чувствуя себя обязанным противодействовать этому положению дел, старается прекратить его теми средствами, которые оно счита-

ет единственно действительными. Средства же эти, и глупые и жестокие, состоят в совершении тех самых преступлений, против которых борется правительство. И, как это должно быть, особенно теперь, при теперешних усовершенствованных орудиях убийства: браунингах, бомбах, пулеметах, при которых маленький ребенок может убить сотню сильных людей, – глупые и жестокие средства эти не только не достигают цели, но всё больше и больше ухудшают положение.

Трагизм положения русского правительства теперь в том, что, несмотря на то, что оно не может не видеть, что от приложения тех глупых и жестоких средств, которыми оно пользуется, положение только ухудшается, оно не может остановиться. Мало того, что не может остановиться, оно не может употребить единственно возможное и действительное средство борьбы против убийства: разъяснение преступности, греха убийства. Не только не может употребить это средство, но должно употреблять свои глупые и жестокие приемы и против тех людей, которые хотят приложить это единственное возможное

средство спасения от того бедственного состояния, в котором находятся теперь русские люди.

Правительство преследует мою брошюру «Не убий» и сажает в тюрьму ее распространителя. Теперь оно неизбежно должно преследовать то, что я сейчас пишу, должно казнить и меня, и, чтобы быть последовательным, должно бы уже давно запретить не только евангелие, но и десять заповедей ветхого завета и казнить всех тех, кто распространяет их.

IV

Да, удивительный закон возмездия, казнящий наверное тех, кто извращает закон бога.

Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов, побуждающих людей совершать самые ужасные, бессмысленные убийства.

И вот самые либеральные, отстаивающие всякие свободы люди, на вопрос о том, следует ли соблюдать свободу жизни, то есть не убивать людей, люди эти не могут поступать иначе, как молчать, молчанием своим при-

знавать необходимость убийств, или явно признавать эту необходимость, как явно признают эту необходимость революционеры и правительство. И правительство, и революционеры, и не принадлежащие ни к каким партиям убийцы под самыми разнообразными предложениями продолжают убивать друг друга.

Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетариат, не финансовое расстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного или религиозного, обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни, главное, обязательного для поведения значения, старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо

верований (религии), точно так же руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями. Самое ужасное при этом то, что люди эти, отказавшись от разумной человеческой жизни, спустившись почти на ступень животных, вполне довольны собою и уверены, что все те глупости и гадости, которые они говорят и делают в подражание западным народам (как правительственные люди, так и революционеры), несомненно доказывают их превосходство над мудрыми и святыми людьми прошедшего, и что не только не надо стараться установить какое-либо общее всем религиозное жизнепонимание — веру, могущую соединить людей, но что отсутствие всякой веры и доказывает их умственное и нравственное превосходство.

Люди могут жить согласной человеческой жизнью никак не вследствие каких-либо политических верований, а только вследствие своего соединения одним и тем же пониманием основного смысла жизни.

Политические верования потому не могут соединить людей, что политических верований может быть бесчисленное количество, одни верят в такой, другие в другой парламентаризм, или социализм, или анархизм. Высшее же понимание смысла жизни в известный исторический период и для известного народа может быть только одно. Так это и было всегда. Так жили соединенные одним и тем же высшим законом жизни греки, римляне, арабы, индусы, так жили и живут китайцы, так жили и европейские народы, так называемые христиане, пока они действительно верили в ту, приспособленную Павлом к языческим нравам, веру, которая называлась христианскою, католическою религией.

Нам ясно теперь всё несоответствие этого религиозного, запутанного, неясного и лицемерного учения церквей, запрещавшего чте-

ние евангелия, ставившего спасение верою и исполнение таинств на место евангельского отречения от земных благ и дел любви, признававшего обязательность покорности светской власти вместо евангельского признания власти одного бога, признававшего чудеса, поклонение иконам, мощам, непогрешимость папы и т. п. Нам ясно несоответствие этого учения с простым, ясным учением евангелия. Но люди рождались в этой ложной вере, вера эта внушалась им с детства, и как ни груба (на наш теперешний взгляд) была эта вера, разрешавшая убийства, казни, войны, поединки, вместе с признанием бога любви, — люди искренно верили в нее, и вера эта соединяла их. Соединение это продолжалось веками, но пришло время, когда явились люди, начавшие иначе, по-своему толковать учение. Явилось протестантство в своих самых разнообразных формах, и начались вражды и споры между различными исповеданиями извращенного христианства. Споры всё более и более ослабляли веру, и кончилось тем, что павловское приспособление христианства к язычеству, еще более извращенное церквами,

перестало быть религией в настоящем значении этого слова, то есть руководящим началом жизни людей. Нарушилось то единство веры, которое до этого времени соединяло их. Люди перестали верить в одну и ту же религию. Сначала перестали верить в одну и ту же религию, а потом, вследствие разных толкований и споров, перестали верить, действительно верить в самую христианскую религию.

VI

Много было причин, уничтоживших веру людей в христианскую религию во всех ее формах: в католичество, в православие, в протестантство. Такими причинами были и религиозные споры и всё большее и большее просвещение; главной же причиной было то, что как церковное католическое, так и протестантское христианство допускало казни и войны.

Людям, введившим христианство в языческие народы, вследствие своей принадлежности их к правящим классам общества, естественно было, принимая и вводя в христианство народ, или скрыть, или не видеть в нем

всего того, что было несовместимо со всем строем языческой жизни, выгодами которой они пользовались. Людям этим для того, чтобы принять христианство и ввести его в народ, неизбежно предстояло одно из двух: или изменить строй языческой жизни согласно с христианским учением, или изменить христианское учение согласно с существующим строем жизни. Они избрали второе, то есть, пользуясь толкованиями Павла, так извратили учение, чтобы всё то, что в истинном христианстве противоречило существующему строю, держащемуся на насилии и убийстве, было скрыто и перетолковано. Для того же, чтобы перетолковать христианство так, чтобы оно не противоречило языческому устройству жизни и разрешению убийства, на котором держится весь строй языческой жизни, надо было изменить и скрыть самую сущность христианства. В еврействе и в магометанстве можно было обойти заповедь «не убий», не разрушая закон, так как в обеих религиях признавалось деление людей на верных и неверных и потому можно было признавать заповедь «не убий» только по отно-

шению верных. В христианстве же, где по самой сущности учения все люди признавались братьями, где всё учение основывалось на любви, выражающейся в прощении обид, в любви к врагам, в христианстве этого нельзя было сделать: допущение убийства каких бы то ни было людей разрушало главную основу христианского учения. И потому совместить христианство с убийством нельзя было иначе, как такими толкованиями, которые разрушали самую сущность его. Так это и было сделано, А когда это было сделано, христианство, извратившись, перестало быть религией. И сделалось то, что христианская церковная вера стала или делом обычая, или приличия, или выгоды, или поэтическим настроением, а настоящей религии, то есть такой веры, которая действительно соединяла бы людей и руководила их поступками между людьми христианского мира, не осталось никакой.

VII

Казалось бы, что, потеряв то единственное начало: религию, которое может соединять людей, – люди церковного христианского мира должны бы были разъединиться, рас-

пасться, перестать жить общей жизнью, но этого не случилось. Не случилось этого потому, что освобождение от веры в извращенное христианство совершалось не вдруг, а совершалось понемногу, и рядом с этим освобождением от соединения верою люди всё больше и больше подпадали другому соединению, основанному уже не на религии, а на власти, на той власти, которая была основана религией и поддерживалась ею. Люди, переставая верить в бога и его закон, всё больше и больше, как это и внушалось им, верили во власть правителей и их закон. И когда вера в ложное христианство исчезла, вера в правителей, в их власть и их закон заменила исчезнувшую ложную религию и продолжала держать людей в искусственном соединении.

Но соединение, основанное не на религии, а на инерции власти, не могло продолжаться. Пришло время, когда с распространением просвещения люди поняли, что для них нет никакой внутренней причины, по которой они должны бы были подчиняться именно этой, а не какой-либо другой власти. И, поняв это, люди перестали верить в необходимость

повиновения государственной власти и стали бороться с ней. Борьба эта началась уже давно, но особенно сильно проявилась она в конце XVIII столетия. Борьба эта продолжалась в прошлом веке, продолжается и теперь в более или менее скрытой форме во всем так называемом христианском мире и с особенной энергией происходит теперь в России.

То, что происходит теперь в России, есть эта самая борьба людей, потерявших внутреннюю религиозную связь между собой, потерявших и веру в необходимость повиновения власти. Борьба эта состоит в том, что люди стараются освободить себя от насильнической власти теми же самыми грубыми и жестокими средствами, которые употребляла и употребляет власть для удержания их в повиновении себе.

Если в России эта борьба проявляется безобразнее и жесточе, чем она проявлялась в других государствах, то это происходит только оттого, что это проявление позднейшее.

VIII

Во многих отношениях положение русского народа подобно тому, в каком были евро-

пейские народы сто лет назад, но во многом положение это и совсем иное. Подобно оно тем, что русский народ теперь, так же как и тогда европейские народы, в своем огромном большинстве, понял, что та вера, которой его обучали, в троицу, рай и ад, таинства, иконы, мощи, посты, молитвы, вера в святость и величие царя и обязанность повиновения властям, вера, совместимая с убийствами и всякого рода насилиями, не есть вера, а только подобие ее, и в последнее время с необыкновенной быстротой и легкостью освобождается как от ложной религиозной веры, так и от еще более безосновной веры в благодетельность, необходимость царской и вообще правительственной власти.

В этом стремлении к освобождению себя от веры в извращенное христианство и в необходимость и священность власти положение русских людей совершенно подобно положению европейских людей в начале прошлого столетия. Разница же в том, что революция, совершающаяся теперь в России, — позднейшая, и что поэтому русские люди могут видеть теперь то, чего не могли видеть ев-

ропейские народы, именно то, к чему привела народы их борьба с своими правительствами. Русские люди не могут не видеть того, что вся эта борьба не только не уничтожила, но даже не уменьшила того зла, с которым они боролись. Не могут не видеть русские люди того, что все потраченные во время революции усилия, вся пролитая кровь не уничтожили бедность и зависимость трудящихся от богатых и властвующих, не прекратили траты народных сил на захваты чужих владений, на войны, не освободили народ от власти немногих. Не могут не видеть русские люди ту тщету борьбы насилия против насилия, на которую столько сил напрасно потратили европейские народы. В этом одна причина различия теперешнего положения русских людей от положения людей западного мира сто лет тому назад.

Другая же, и самая важная, в том, что, кроме той официальной, мнимо христианской религии, одинаково привитой как всем западным, так и русскому народу, в русском народе с самых древних времен, рядом с этой официальной, всегда жила другая, неофициальная,

жизненная христианская вера, каким-то странным путем, через святые жизни старцев, через юродивых, странников, проникшая в народ, и в пословицах, в рассказах, легендах утвердившаяся в нем и руководящая им. Сущность этой веры в том, что человеку жить надо *по-божьи, для души*, что люди все братья, что то, что велико перед людьми, то мерзость перед богом, что спастись может человек не исполнением обрядов и молитвами, а только делами милосердия и любви. Вера эта всегда жила в народе и была его истинной верой, руководящей его жизнью рядом с той ложной церковной верой, которая внешним образом была привита ему. Вера эта лет 70 тому назад еще была сильна в народе, но за последние 50 лет, особенно вследствие упадка нравственности духовенства и в особенности монашества, стала всё больше и больше ослабевать во всем народе и стала выделяться в секты так называемых: молокан, штундистов, хлыстов, субботников, божьих людей, малеванцев, еговистов, духоборов и многих других. Общие черты большинства этих сект, кроме общего всем решительного отрицания право-

славия, были всё большее и большее внесение в поведение нравственных христианских правил и непризнание требований государственной власти, главное же, законности и необходимости убийства человека человеком. Вера эта в последнее время, как в отпор революционному озлоблению, захватившему часть русских людей, всё более и более уясняется и очищается; людей самых различных общественных положений и образований, исповедующих эту веру, становится всё больше и больше, люди всё больше и больше сближаются между собой, и понимание ими христианской истины всё более и более упрощается и вносится в жизнь.

Так что, несмотря на общие черты русской революции со всеми, прежде происходившими революциями в христианском мире, русские люди, и вследствие того, что она позднейшая, и вследствие того, что русский народ был всегда особенно религиозен и рядом с внешней официальной религией воспитан и удержал в себе христианские начала в их истинном значении, русские люди не могут не прийти к другому из своей революции исхо-

ду, чем тот, к которому пришли в прошлом веке западные народы.

В русском народе происходит теперь напряженная борьба двух самых противоположных свойств человека: человека зверя и человека христианина.

Русскому народу предстоят теперь два пути: один тот, по которому шли и идут европейские народы: насилем бороться с насилем, побороть его и насилем же установить и стараться поддерживать вновь установленный, такой же, как и отвергнутый, насильственный порядок вещей. Другой же – тот, чтобы, поняв то, что соединение людей насилем может быть только временным, но что истинно соединить людей может только одно и то же понимание жизни и вытекающий из него закон, – попытаться уяснить себе то более или менее ясно сознаваемое народом понимание жизни и вытекающий из него закон, исключаящий во всяком случае разрешение убийства человеком человека, уяснить себе это понимание жизни и на нем, только на нем, а не на насилии, основать свою жизнь и свое единение.

И такая замена соединения людей, основанного на насилии, соединением, основанным на общем всем людям нашего христианского мира понимании жизни, предстоит, я думаю, в наше время не только русскому народу, но и всему христианскому человечеству.

IX

Утечет еще много воды, а может быть и крови, пока это совершится. Но не может быть того, чтобы не пришло, наконец, время для людей христианского мира, когда они, освободившись от ложной веры и от возникшего на ней насилия, не соединились бы все в одном высшем, таком общем им всем религиозном понимании жизни, при котором не только невозможно, но совершенно ненужно убийство человека человеком. Придет это время, потому что жизнь людей, соединенная насилем, возникшим на пережитой уже людьми вере, может быть временным, переходным состоянием, но не может быть жизнью разумных существ. Животные могут быть соединены насилем, но люди могут соединяться только одним общим для всех по-

ниманием, жизни. Общее же для всех людей нашего мира понимание жизни есть только одно. И я думаю, что понимание это есть то, которое выражено в том христианстве, при котором, как бы мы ни понимали его, не может быть допущена полезность, необходимость, законность убийства.

Ведь стоит только людям, думающим, что они верят в христианство, выбросить из него все те бессмыслицы о троицах и происхождении святого духа, об искуплении верой, рае, аде и т. п., даже все чувствительные слова о любви в столь любимой XIII главе Коринфянам, а людям, не верующим в христианство, а верующим в науку, выбросить из нее многословные и сложные рассуждения о праве, государстве, представительстве, прогрессе, будущем социализме, а вместо всего этого признать только одну простую и ясную и высказанную за тысячи лет истину, составляющую первое, необходимое отрицательное условие всякой нравственности – истину, признаваемую и сердцем, и умом, и всем существом всякого неиспорченного человека, истину о том, что человек не должен убивать человека, и

тотчас же изменился бы весь существующий ужасный, зверский строй нашей жизни, и сложилась бы жизнь, согласная с сознанием людей нашего времени, сделалось бы то самое, чего стремятся достигнуть теперь лучшие люди нашего времени.

Человечество медленно, с остановками, отступлениями, возвращениями назад, поднимается всё выше и выше, переходя с ступени на ступень при своем движении к совершенству и благу. Долго стояло человечество перед той ступенью, которая поднимала его к возможности согласной жизни людей без необходимости убийства; но оно в наше время, хочет или не хочет этого, необходимо должно наступить на нее. Если не разум, не стремление к добру, то самая бедственность положения, всё увеличивающаяся и увеличивающаяся, заставит людей сделать это, то есть начать устраивать свою жизнь не на началах ненависти и угрозы, а на началах разума и любви.

«Царство божие на земле – это конечная цель и желание человечества. (Да приидет царство твое.) Христос приблизил к нам это царство, но люди не поняли его и воздвигли в

нас царство попов, а не царство бога», – говорил Кант.

«И только тогда, – говорил он, – можно будет с полным основанием сказать, что пришло к нам это царство божие, когда укоренится в людях сознание необходимости постепенного перехода церковной веры во всеобщую разумную религию».

И я думаю, не только думаю, но уверен, что время это пришло.

Люди устроили себе жизнь, всю держащуюся на противном и разуму и сердцу человека деянии, – убийстве, и вместе с этим, целым длинным, веками выработавшимся, хитрым обманом вполне уверили себя, что они или исповедуют такой закон Христа, или знают такую науку, при которых несомненно доказывается то, что убийство человека человеком согласно и с разумом и с сердцем человека, и когда им говорят о том, что жизнь их зверская и что их христианство и их наука есть насмешка и надругательство над религией и наукой, что им надо перестать быть убийцами, если они хотят быть христианами и просвещенными людьми, они только улы-

баются и пожимают плечами. Так неисполнимо кажется им перестать делать то, что было запрещено самыми первобытными религиозными законами самых древних людей, – то, что заложено самыми первобытными религиозными законами самых древних людей, – то, что заложено и в сознании и в сердце всякого неиспорченного человека, и то, что никакими, самыми хитроумными рассуждениями не может быть соединено с христианским учением, которое они будто бы исповедуют, ни с просвещением, которым они так гордятся.

Да, какой должен быть ужасный умственный упадок людей нашего мира, когда они могут верить тому, что жизнь их станет хуже, если они перестанут казнить, мучить, убивать, вешать друг друга.

Да, как велико должно быть извращение нравственно-религиозного чувства людей и даже простого рассудка, когда им нужно доказывать, и почти наверное тщетно, что «не убий» не значит то, что можно убивать людей других, чем свой, народов и еще тех, убийство которых мы признали для себя полезным; а что слова эти, нами же приписываемые бо-

гу, значат то, что *не должно убивать никого*.

Да, ужасно нравственное и умственное падение таких людей, когда они еще при этом считают себя стоящими на высшей степени духовного развития. А таковы, страшно сказать, все, за малыми исключениями, люди нашего цивилизованного развращенного мира.

Одно утешение в этом – то, что этот ужасный упадок есть признак последней степени развращения, при которой должно наступить пробуждение. И я верю, что теперешняя русская революция приведет нас к этому.

Да, разумеется, неисполнимо учение Христа для тех людей, которые живут заведением и распоряжением над постройками броненосцев, крепостей, над солдатами, обучаемыми убийству, над школами, воспитывающими убийц, над судами, тюрьмами, виселицами, для людей, владеющих богатствами, охраняемых убийством; для этих людей понятно, что учение Христа неисполнимо; но пора понять тем, кто строит крепости и броненосцы, кого обучают убийству, кого развращают в школах, кого казнят и расстреливают, кто собирает те богатства, которые охраняют-

ся убийством, что жизнь без убийств, без насилия гораздо исполнимее, чем та, которую они теперь ведут. И я думаю, что русские люди, огромное большинство русских людей, поймут и отчасти уже понимают это.

Х

Я верю в это, потому что нелепость того, что совершается, слишком очевидна. Люди правительственные и революционные – одни придумывают и проповедают самые утонченные, хитроумные научные и государственные законы, другие – еще более хитроумные, сложные и дальновидные планы о том, как в будущем должно устроиться человечество, но и те, и другие, и третьи для достижения своих целей считают не важным делом до времени допустить необходимость и законность убийства, и потому, несмотря на всё глубокое мыслительное старательное и усердное этих людей, все их утонченные и хитроумные соображения не улучшают жизни, а, напротив, жизнь становится всё хуже и хуже.

Люди устроили огород и сажают в нем самым усовершенствованным способом самые драгоценные и нежные растения, и удобряют,

и полют, и поливают, но только забыли одно: оставили лазейку в ограде, и скотина заходит в огород, затаптывает и вырывает всё то, что есть в огороде. И люди удивляются и огорчаются и никак не могут понять, отчего все труды их пропадают даром.

То же и с жизнью людей христианского мира. Люди нашего времени придумали себе всякие религиозные и государственные законы, будто бы ограждающие их, и всячески усовершенствовали свою телесную жизнь: общаются мыслями через океаны, летают по воздуху, делают всякие чудеса, но допустили одно маленькое отступление от того, что говорит им мудрость прошедшего, их разум, их сердце, признали за людьми право убивать людей, друг друга, и все – и религиозные, и государственные ограждения перестали быть ограждениями, и все чудеса технических усовершенствований не только не содействуют их благу, но разрушают это благо.

Происходит это оттого, что прежде чем устанавливать такой или иной строй жизни, прежде чем усовершенствовать средства пользования силами природы, – прежде всего

людям надо установить то открытое им за тысячу лет религиозно-нравственное учение о том, что в каждом теле человека живет одно и то же божественное начало и что поэтому ни один ни человек, ни собрание людей не может иметь права нарушить это установленное соединение божественного начала с человеческим телом, то есть лишить человека жизни.

И признание, и установление такого религиозно-нравственного учения не только возможно, но жизнь становится невозможной без признания и установления этого религиозно-нравственного учения, которое есть не что иное, как всем нам близкое и известное учение Христа в его истинном значении.

И я верю, что наша нелепая и ужасная революция приведет большинство русского народа к признанию, установлению и введению в жизнь этого религиозно-нравственного начала христианского учения.

XI

Да, всё это будет, когда наступит царство божие, но что же делать, пока его нет?
Делать то, что нужно для того, чтобы на-

ступило царство божие.

Что делать голодному человеку, когда у него нет пищи? Работать для того, чтобы приобрести пищу. Как пища не приходит сама собою, так царство божие, то есть добрая жизнь людей, не придет сама собой. Надо ее делать. А чтобы делать ее, надо перестать делать самое ужасное зло, то, которое более всего утверждает дурную жизнь людей: убийство.

И для того, чтобы перестать делать это дело, нужно очень немногое. Сознание несвойственности человеческой природе убийства себе подобных уже достаточно укоренилось в огромном большинстве христианского мира. Нужно только одно: понять, признать и проводить в жизнь мысль о том, что мы не призваны устраивать жизнь других людей насильем, неизбежно влекущим за собой убийство, и что всякое убийство, которое мы совершаем, в котором участвуем, на котором строим выгоды своей жизни, не может быть полезно ни другим, ни нам, а напротив, только увеличивает то зло, которое мы хотим исправить. Только бы познали это люди и воздержались от всякого вмешательства в жизнь

других людей, только бы перестали люди искать улучшения своего положения в внешнем, насильственном устройстве, которое невозможно без убийства, а искали бы его каждый для себя в приближении того идеала совершенства, который так определенно поставлен перед каждым человеком христианским учением и который никак уже не совместим с убийством, и сама собой сложилась бы та жизнь, которую так тщетно стараются люди осуществить внешними, всё больше и больше ухудшающими жизнь людей средствами.

Есть только одно средство избавления людей от тех бедствий, которые они несут и которые всё увеличиваются. Средство это: признание и введение в жизнь того открывающего новую эру человечества истинного христианского учения, того истинного христианского учения, которое без признания основного положения его непротивления злу злом есть только лицемерное, никого ни к чему не обязывающее учение, не только не изменяющее той зверской животной жизни, которой живут теперь люди, но еще поддерживающее ее.

«А, опять старая песня непротивления!» – слышу я самоуверенные презрительные голоса.

Но что же делать человеку, который видит, что толпа, давя, губя друг друга, валит и напирает на неразрушимую дверь, надеясь отворить ее наружу, когда он знает, что дверь отворится только внутрь.

5 августа 1907 г.

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

(Обращение к кружку молодежи)

Мне хотелось бы на прощание (в мои годы всякое свидание с людьми есть прощание) вкратце сказать вам, как, по моему понятию, надо жить людям для того, чтобы жизнь наша не была злом и горем, какою она теперь кажется большинству людей, а была бы тем, чего желает бог и чего мы все желаем, то есть благом и радостью, какою она и должна быть.

Всё дело в том, как понимает человек свою жизнь. Если понимать свою жизнь так, что жизнь эта дана мне в моем теле, Ивану, Петру, Марье, и что всё дело жизни в том, чтобы добыть как можно больше всяких радостей,

удовольствий, счастья этому своему «я», Ивану, Петру, Марье, то жизнь всегда и для всех будет несчастна и озлобленна.

Несчастливая и озлобленная жизнь будет потому, что всего, чего хочется для себя одному человеку, того же самого хочется и всякому другому. А так как каждому хочется всякого для себя добра как можно больше и добро это одно и то же для всех таких людей, то добра этого для всех никогда не хватает. А потому, если люди живут каждый для себя, то не миновать им отнимать друг у друга, бороться, злиться друг на друга, и от этого жизнь их не бывает счастливою. Если же временами люди и добудут себе того, чего им хочется, то им всегда мало, и они стараются добыть всё больше и больше, и, кроме того, еще и боятся, что у них отнимут то, что они добыли, и завидуют тем, которые добыли то, чего у них нет.

Так что если люди понимают свою жизнь каждый в своем теле, то жизнь таких людей не может не быть несчастною. Такая она и есть теперь для всех таких людей. А такую, то есть несчастною, жизнь не должна быть. Жизнь дана нам на благо, и так мы все и по-

нимаем жизнь. Для того же, чтобы жизнь была такою, людям надо понимать, что жизнь наша настоящая никак не в нашем теле, а в том духе, который живет в нашем теле, и что благо наше не в том, чтобы угождать и делать то, чего хочет тело, а в том, чтобы делать то, чего хочет этот дух один и тот же, живущий в нас, так же как и во всех людях. Хочет же этот дух блага себе, духу. А так как дух этот во всех людях один и тот же, то и хочет он блага всем людям. Желать же блага всем людям значит любить людей. Любить же людей никто и ничто помешать не может; а чем больше человек любит, тем жизнь его становится свободнее и радостнее.

Так что выходит, что угодить телу человек, сколько бы он ни старался, никогда не в силах, потому что то, что нужно телу, не всегда можно добыть, а если добывать, то надо бороться с другими, угодить же душе человек всегда может, потому что душе нужна только любовь, а для любви не нужно ни с кем бороться, не только не нужно бороться с другими, а напротив, чем больше любишь, тем больше сближаешься с другими людьми. Так

что любви ничто помешать не может, и всякий человек, что больше любит, то всё больше и больше не только сам делается счастливым и радостным, но и делает счастливыми и радостными и других людей.

Так вот это-то, милые братья, мне хотелось сказать вам на прощание, сказать то, чему учили вас все святые и мудрые люди и Христос и все мудрецы мира, а именно тому, что жизнь наша бывает несчастна от нас самих, что та сила, которая послала нас в жизнь и которую мы называем богом, послала нас не за тем, чтобы мы мучились, а затем, чтобы имели то самое благо, какого мы все желаем, и что не получаем мы это предназначенное нам благо только тогда, когда понимаем жизнь не так, как должно, и делаем не то, что должно.

А то мы жалуемся на жизнь, что жизнь наша плохо устроена, а не думаем того, что не жизнь наша плохо устроена, а что делаем мы не то, что нужно. А это всё равно, как если бы пьяница стал жаловаться на то, что спился он оттого, что много завелось тракторов и кабачков, тогда как завелось много тракторов и ка-

баков только оттого, что много развелось таких же, как он, пьяниц.

Жизнь дана людям на благо, только бы они пользовались ею, как должно ею пользоваться. Только бы жили люди не ненавистью друг к другу, а любовью, и жизнь была бы непрерывающим благом для всех.

Теперь вот со всех сторон говорят только одно: жизнь, говорят, наша дурная и несчастная оттого, что она дурно устроена, – давай переделаем дурное устройство на хорошее, и жизнь наша будет хорошая.

Милые братья, не верьте этому, не верьте тому, что от такого или иного устройства жизнь ваша может быть хуже или лучше. Не говорю уже о том, что все те люди, которые заботятся об устройстве лучшей жизни, – все несогласны между собою, все спорят промежду собою: одни предлагают одно устройство, считая его самым лучшим, другие же говорят, что это устройство самое дурное, а что хорошо только то, которое они предлагают. А третьи забраковывают и это и предлагают свое самое лучшее и т. д. Но если бы даже и было такое, самое лучшее устройство, – если даже

согласиться с тем, что придумано самое лучшее устройство, то как же сделать, чтобы люди жили по этому устройству, как удержат это хорошее устройство, когда люди привыкли и любят жить дурно? А то мы теперь привыкли и любим жить дурно, за что ни возьмемся, всё гадим, а говорим, что хорошо станем жить, когда будет устройство хорошее. Да как же быть хорошему устройству, когда люди плохие?

Так что если и есть такое самое лучшее устройство жизни, то для того, чтобы добиться его, надо людям становиться лучше. Вам же обещают хорошую жизнь после того, как вы, кроме вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться с людьми, насиловать людей, даже убивать их, чтобы ввести это хорошее устройство, то есть вам обещают хорошую жизнь после того, как вы сами сделаетесь еще хуже, чем теперь.

Не верьте, не верьте этому, милые братья! Для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хоро-

ших людей.

Уже давно живет среди людей обман о том, что посредством хорошего устройства можно из плохих людей сделать хорошую жизнь (как из гнилого зерна испечь хороший хлеб), и обман этот много сделал и теперь делает зла людям. Прежде обманом этим занимались одни правители. Они старались (по крайней мере говорили, что стараются) и теперь стараются посредством разных насилий – отобрания имущества, заключениями, казнями – сделать из недобрых людей доброе и мирное общество. Теперь это самое стараются сделать революционеры и вас призывают к этому. Милые братья, не поддавайтесь этому обману. Пускай правители, цари, министры, стражники, урядники делают свое дурное дело; вы же, как были чисты от него, так и старайтесь оставаться чистыми. Точно так же старайтесь быть чистыми и от участия в тех делах насилия, к которым вас призывают революционеры.

Спасение ваше и всех людей никак не в греховном, насильническом устройстве жизни, а в устройстве своей души. Только этим,

таким устройством души, добудет каждый человек и себе и другим людям самое большое благо и самое лучшее устройство жизни, какого могут только желать люди. Истинное благо, то, какое ищет каждое сердце человеческое, дано нам не в каком-либо будущем устройстве жизни, поддерживаемом насильем, а сейчас, всем нам, везде, во всякую минуту жизни и даже смерти, достигаемом любовью.

Благо это дано нам из века; но люди не понимали его и не брали его. Теперь же пришло время, когда нам нельзя уже не принять его, нельзя не принять первое, потому что безобразия и страдания нашей жизни довели нас до того, что жизнь наша становится непереносимо мучительной. Второе то, что всё более и более раскрывающееся нам истинное учение Христа стало теперь так ясно, что нам уже для нашего спасения нельзя не признать и не принять его. Спасение наше теперь в одном: в признании того, что истинная жизнь наша не в теле нашем, а в том духе божьем, который живет в нас, и что поэтому все те усилия, которые мы клали прежде на улучшение

ние нашей телесной, как отдельной, так и общественной жизни, мы можем и должны класть на одно единственно нужное и важное для человека дело, на то, чтобы каждому в самом себе воспитывать и утверждать любовь, не только к любящим нас, а, как говорил Христос, ко всем людям, и в особенности к чуждым нам людям, к ненавидящим нас.

Жизнь наша теперь так далека от этого, что в первую минуту такое перенесение всех своих усилий, вместо заботы о мирских делах, на одно невидное, непривычное нам дело – на любовь ко всем людям – кажется невозможным.

Но это только так кажется: любовь ко всем людям, даже к ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближними и ненависть к ним. Перемена понимания смысла жизни не только не невозможна в наше время, но, напротив, невозможно продолжение той озлобленной всех против всех жизни, которую мы ведем теперь. Перемена эта не только не невозможна, но, напротив, только она одна может вывести людей из тех бедствий, от которых они

страдают, и потому перемена эта неизбежно рано или поздно должна совершиться.

Милые братья, зачем, за что вы мучаете себя? Только поймите, что вам предназначено величайшее благо, и возьмите его. Всё – в вас самих. Это так легко, так просто и так радостно. Но, может быть, люди страдающие, бедные, угнетенные скажут: «да, это может быть хорошо для богатых и властвующих; легко богатым и властвующим любить врагов, когда враги эти во власти их. Но это трудно для нас, страдающих и угнетенных». Но это неправда. Милые братья, изменить свое понимание жизни одинаково нужно и властвующим, и богатым, и подчиненным, бедным. И подчиненным и бедным это легче, чем богатым. Подчиненным и бедным нужно только, не изменяя своего положения, не только не делать дел противных любви, но не принимать участия в этих делах, как дела насилия, полиции, стражи, войска, и всё это враждебное любви устройство падет само; властвующим же гораздо труднее принять и исполнить учение любви. Для того, чтобы им исполнить это учение, им надо отказаться от обладающих ими

соблазнов власти, богатства; и это труднее им; бедным же и подчиненным надо только не делать новых насилий и, главное, не принимать участия в старом.

Как растет человек, так растет и человечество. Сознание любви росло, растет в нем и доросло в наше время до того, что мы не можем не видеть, что оно должно спасти нас и стать основой нашей жизни. Ведь то, что теперь делается, это последние судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни.

Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, отстаивания властей, государств разных народов, что всё это бессмысленные, ни к чему, кроме как к всё увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы. И не может не быть ясно, что единственное, самое простое и легкое спасение от всего этого есть сознание основного начала жизни всех людей – любви – того начала, которое неизбежно, без всякого усилия заменяет величайшее зло величайшим благом.

Есть предание о том, что апостол Иоанн, достигши глубокой старости, был весь поглощен одним чувством и всё одними и теми же словами выражал его, говоря только одно: «Дети, любите друг друга». Так выразилась старость, то есть дожившая до известного предела жизни жизнь одного человека. Так точно должна выразиться жизнь человечества, дожившая до известного предела.

Ведь это так просто, так ясно: ты живешь, то есть родился, растешь, мужаешь, стареешься и вот-вот умрешь. Неужели цель твоей жизни может быть в тебе? – наверное нет. Что же такое, – спрашивает себя тогда человек, – что я такое? – И ответ один: я что-то такое любящее – в первое время кажется, что любящее только себя, но стоит немного пожить, немного подумать, чтобы увидеть, что любить себя, проходящего через жизнь, умирающего, нельзя, незачем. Чувствуешь, что я должен любить и люблю себя. Но, любя себя, я не могу не чувствовать, что предмет моей любви недостоин ее; но не любить я не могу. В любви – жизнь. Как же тут быть? Любить других, близких, друзей, любящих. Сначала

кажется, что это удовлетворяет потребности любви, но все эти люди, во-первых, несовершенно, во 2-х, изменяются, главное умирают. Что же любить? И ответ один: любить всех, любить начало любви, любить любовь, любить бога. Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоит понять это, и сразу уничтожается всё зло человеческой жизни и становится ясным и радостным смысл ее.

«Да, это хорошо бы было. Чего же лучше? – скажут люди.– Хорошо бы было любить и жить для любви, если бы все так жили. А то я буду жить для любви, отдавать всё другому, а другие будут жить для себя, для своего тела; что же будет со мною, да еще и не со мною одним, а с семьей, с теми, кого я люблю, не могу не любить. Разговоры о любви давно говорятся, да никто им не следует. Да и нельзя следовать. Отдать свою жизнь любви можно бы было только тогда, когда все люди сразу каким-то чудом переменят жизнь мирскую, телесную на жизнь духовную, божескую. Но чуда этого нет, и потому всё это слова, а не дело». Так говорят люди, успокаивая себя в сво-

ей ложной, привычной жизни. Они говорят так, но в глубине души они знают, что они не правы. Они знают, что рассуждения эти неверны. Они неверны, потому что только для выгоды мирской, телесной жизни нужно, чтобы люди все сразу изменили свою жизнь; но не то для духовной жизни: любви, любви к богу и людям. Любовь дает благо человеку не в своих последствиях, а в самой любви, дает ему благо совершенно независимо от того, как поступают другие люди, и что вообще совершается во внешнем мире. Любовь дает благо тем, что человек, любя, соединяется с богом и не только ничего не желает для себя, но желает отдать всё, что имеет, и свою жизнь другим, и в этом отдавании себя богу находит благо. И потому всё то, что делают другие люди, всё то, что может совершиться в мире, не может иметь влияния на его поступки. Любить значит отдаться богу, делать то, чего хочет бог, а бог есть любовь, то есть хочет блага всем и потому не может хотеть того, чтобы человек погибал, исполняя его закон.

Любящий человек и один среди нелюбящих не погибает. А если и погибает среди лю-

дей, как Христос погиб на кресте, то и смерть его – и радостная для него и значительная для других, а не отчаянная и ничтожная, каковы бывают смерти мирских людей.

Так что отговорка о том, что я не отдаюсь любви потому, что не все сделают то же и я останусь один, – и неправильная и нехорошая. Это то же, как если бы человек, которому нужно работать для того, чтобы кормить себя и детей, не брался бы за работу потому, что другие не работают.

Да, милые братья, положим нашу жизнь в усилении в себе любви и предоставим миру идти, как он хочет, то есть как определено ему свыше. Поступим так, и поверьте мне, что мы получим наибольшее благо себе, сделаем всё то добро другим людям, какое мы только можем сделать.

Ведь это так просто, так легко и так радостно. Только люби каждый человек, люби не одних любящих, а всех людей, особенно ненавидящих, как учил Христос, и жизнь – непрерывающаяся радость, и все вопросы, которые заблудшие люди так тщетно пытаются разрешить насилием, не только разрешаются, а пе-

рестают существовать. «И мы знаем, что перешли от смерти в жизнь, если любим братьев. Не любящий брата не имеет жизни вечной. Только любящий брата своего имеет жизнь вечную, пребывающую в нем».

Еще одно слово, милые братья. Ни про одно дело нельзя узнать, хорошо ли оно, или дурно, если не испытать его на деле в жизни. Если земледельцу говорят, что хорошо сеять рожь рядами, или пчеловоду, что хорошо ульи делать рамочные, то разумный земледелец и пчеловод, чтобы верно узнать, правда ли, что ему говорят, сделает опыт, и следует или не следует тому, что ему предлагали, смотря по тому, насколько он находит подтверждения в опыте.

То же и во всем деле жизни. Для того, чтобы верно узнать, насколько применимы в жизни поучения о любви, испытайте их.

Попробуйте: возьмите на себя на известный срок следовать во всем требованиям любви: жить так, чтобы во всех делах прежде всего помнить, чтобы со всяким человеком, с вором, пьяницей, с грубым начальником или подчиненным не отступить от любви, то есть,

имея с ним дело, помнить о том, что нужно ему, а не о себе. И, прожив так положенный срок, спросите себя: тяжело ли вам было и испортили ли вы себе или улучшили жизнь, и, смотря по тому, что даст вам опыт, решайте уже, правда ли то, что исполнение любви дает в жизни благо, или это только одни слова. Испытайте это, постарайтесь вместо того, чтобы отплатить злом за зло обидчику, вместо того чтобы осудить за глаза человека, живущего дурно, и т. п., вместо этого постарайтесь отвечать добром на зло, ничего не сказать дурного о человеке, не обойтись грубо даже со скотиной, с собакой, а с добротой и с лаской, и проживите так день, два или больше (для опыта) и сравните ваше за это время душевное состояние с тем, какое бывало прежде. Испытайте это, и вы увидите, как вместо хмурого, сердитого и тяжелого состояния вы будете светлы, веселы, радостны. А живите так и другую и третью неделю, и вы увидите, как душевная радость ваша всё будет расти и расти, и дела ваши не только не будут разлагаться, а будут всё только больше и больше спориться.

Только испытайте это, милые братья, и вы увидите, что учение о любви не слова, а дело – самое, самое близкое, всем понятное и нужное дело.

ВЕРЬТЕ СЕБЕ

(Обращение к юношеству)

Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такое, зачем живу я и зачем живут все окружающие меня люди? И главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окружающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда те ответы, которые представлятся вам на эти вопросы, будут несогласны с теми, которые были внушены вам в детстве, будут несогласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе со всеми людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разногласия; напротив, знайте, что в этом разногласии вашем со всем окружающим выразилось самое лучшее, что есть в вас, – то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл нашего существования. Верьте тогда не себе, известной

личности, – Ване, Пете, Лизе, Маше, сыну, дочери царя, министра или рабочего, купца или крестьянина, а себе, тому вечному, разумному и благому началу, которое живет в каждом из нас и которое в первый раз пробудилось в вас и задало вам эти важнейшие в мире вопросы и ищет и требует их разрешения. Не верьте тогда людям, которые с снисходительной улыбкой скажут вам, что и они когда-то искали ответов на эти вопросы, но не нашли, потому что нельзя найти иных, кроме тех, которые приняты всеми.

Не верьте этому, а верьте только себе, и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь. Верьте себе, особенно когда ответы, представляющиеся вам, подтверждаются теми вечными началами мудрости людской, выраженной во всех религиозных учениях и в наиболее близком вам учении Христа в его высшем духов-

ном значении.

Помню, как я, когда мне было 15 лет, переживал это время, как вдруг я пробудился от детской покорности чужим взглядам, в которой жил до тех пор, и в первый раз понял, что мне надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало мне ее. Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовал, что главная цель моей жизни это то, чтобы быть хорошим, в смысле евангельском, в смысле самоотречения и любви. Помню, что я тогда же попытался жить так, но это продолжалось недолго. Я не поверил себе, а поверил всей той внушительной, самоуверенной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мне сознательно и бессознательно всем окружающим. И мое первое побуждение заменилось очень определенными, хотя и разнообразными желаниями успеха перед людьми, быть знатным, ученым, прославленным, богатым, сильным, то есть таким, которого бы не я сам, но люди считали хорошим.

Я не поверил себе тогда, и только после многих десятков лет, потраченных на дости-

жение мирских целей, которых я или не достиг или которых достиг и увидел бесполезность, тщету, а часто и вред их, я понял, что то самое, что я знал 60 лет тому назад и чему не поверил тогда, и может и должно быть единственной разумной целью усилий всякого человека.

А какую иною, более радостною для себя и более полезной людям могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голос истины, бога, в первый раз заговорил в не подвергшейся еще соблазнам душе моей, поверил бы этому голосу и отдался бы ему?

Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не под влиянием внешнего внушения, а самостоятельно и искренно пробудившиеся к сознанию всей важности своей жизни, да, не верьте людям, которые будут говорить вам, что ваши стремления только неисполнимые мечты молодости, что и они так же мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала им, что она имеет свои требования и что надо не фантазировать о том, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшим образом согласовать свои поступки с

жизнью существующего общества и стараться только о том, чтобы быть полезным членом этого общества.

Не верьте и тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека – это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому; цель эта ничтожна перед целью проявления в себе того божественного начала, которое заложено в душе вашей. И цель эта ложна, если она допускает отступления от начала добра, заложенного в душе вашей.

Не верьте этому. Не верьте тому, что осуществление добра и истины невозможно в душе вашей. Такое осуществление добра и истины не только не невозможно в душе вашей, но вся жизнь, и ваша, и всех людей, только в одном этом, и только это осуществление в каждом человеке ведет не только к лучшему переустройству общества, но и ко всему тому благу человечества, которое предназначено

ему и которое осуществляется только личными усилиями каждого отдельного человека.

Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желание добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное ему, начало, жить по-божьи, как говорят мужики.

Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе бога, и вы сделаете всё, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира.

Ищите царствия божия и правды его, а остальное приложится вам. Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания

своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света – единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека.

Лев Толстой.

[ВОСПОМИНАНИЯ О СУДЕ НАД
СОЛДАТОМ]

Милый друг Павел Иванович. Очень рад исполнить ваше желание и сообщить вам более подробно то, что было передумано и пережито мною в связи с тем случаем моей защиты солдата, о котором вы пишете в своей книге. Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей.

Расскажу, как всё это было, а потом уже постараюсь высказать те мысли и чувства, которые тогда вызвало во мне это событие и теперь воспоминание о нем.

Чем особенно я занимался и увлекался в

это время, я не помню, вы это лучше меня знаете; знаю только, что жил я в это время спокойной, самодовольной и вполне эгоистической жизнью. Летом 1866 года нас посетил совершенно неожиданно Гриша Колокольников, кадетом еще ходивший в дом Берсов и знакомый моей жены. Оказалось, что он служил в пехотном полку, расположенном в нашем соседстве. Это был веселый, добродушный мальчик, особенно занятый в это время своей верховой, казачьей лошадкой, на которой он любил гарцовать, и часто приезжал к нам.

Благодаря ему мы познакомились и с его полковым командиром, полковником Юношей, и с разжалованным или отданным в солдаты по политическим делам (не помню) А. М. Стасюлевичем, родным братом известного редактора, служившем в этом же полку. Стасюлевич был уже немолодой человек. Он только недавно из солдат был произведен в прапорщики и поступил в полк к бывшему своему товарищу Юноше, теперь его главному начальнику. И тот и другой, Юноша и Стасюлевич, тоже изредка езжали к нам. Юноша

был толстый, румяный, добродушный, холостой еще человек. Он был один из тех так часто встречающихся людей, в которых человеческого совсем не видно из-за тех условных положений, в которых они находятся и сохранение которых они ставят высшей целью своей жизни. Для полковника Юноши условное положение это было положение полкового командира. Про таких людей, судя по-человечески, нельзя сказать, добрый ли, разумный ли он человек, так как неизвестно еще, каким бы он был, если стал бы человеком и перестал бы быть полковником, профессором, министром, судьей, журналистом. Так это было и с полковником Юношей. Он был исполнительный полковой командир, приличный посетитель, но какой он был человек – нельзя было знать. Я думаю, не знал и он сам, да и не интересовался этим. Стасюлевич же был живой человек, хотя и изуродованный с разных сторон, более же всего теми несчастьями и унижениями, которые он, как честолюбивый и самолюбивый человек, тяжело переживал. Так мне казалось, но я недостаточно знал его, чтобы поглубже вникнуть в его душевное со-

стояние. Одно знаю, что общение с ним было приятно и вызывало смешанное чувство со-страдания и уважения. Стасюлевича я потом потерял из виду, но недолго после этого, когда полк их стоял уже в другом месте, я узнал, что он без всяких, как говорили, личных причин лишил себя жизни, и сделал это самым странным образом. Он рано утром надел в рукава ваточную тяжелую шинель и в этой шинели вошел в реку и утонул, когда дошел до глубокого места, так как не умел плавать.

Не помню, кто из двух, Колокольцов или Стасюлевич, в один день летом приехав к нам, рассказал про случившееся у них для военных людей самое ужасное и необыкновенное событие: солдат ударил по лицу ротного командира, капитана, академика. Стасюлевич особенно горячо, с сочувствием к участи солдата, которого ожидала, по словам Стасюлевича, смертная казнь, рассказывал про это и предложил мне быть защитником на военном суде солдата.

Должен сказать, что приговоры одними людьми других к смерти и еще других к совершению этого поступка: смертная казнь,

всегда не только возмущала меня, но представлялась мне чем-то невозможным, выдуманым, одним из тех поступков, в совершение которых отказываешься верить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь, как была, так и осталась для меня одним из тех людских поступков, сведения о совершении которых в действительности не разрушают во мне сознания невозможности их совершения.

Я понимал и понимаю, что под влиянием минуты раздражения, злобы, мести, потери сознания своей человечности человек может убить, защищая близкого человека, даже себя, может под влиянием патриотического, стадного внушения, подвергая себя опасности смерти, участвовать в совокупном убийстве на войне. Но то, чтобы люди спокойно, в полном обладании своих человеческих свойств могли обдуманно признавать необходимость убийства такого же, как они, человека и могли бы заставлять совершать это противное человеческой природе дело других людей — этого я никогда не понимал. Не понимал и то-

гда, когда в 1866 году жил своей ограниченной, эгоистической жизнью, и потому я, как это ни было странно, с надеждой на успех взялся за это дело.

Помню, что, приехав в деревню Озерки, где содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это в особом помещении, или в том самом, в котором и совершился поступок), и войдя в кирпичную низкую избу, я был встречен маленьким скуластым, скорее толстым, чем худым, что очень редко в солдате, человеком с самым простым, не переменяющимся выражением лица. Не помню, с кем я был, кажется, что с Колокольцовым. Когда мы вошли, он встал по-солдатски. Я объяснил ему, что хочу быть его защитником, и просил рассказать, как было дело. Он от себя мало говорил и только на мои вопросы неохотно, по-солдатски отвечал: «так точно». Смысл его ответов был тот, что ему очень скучно было и что ротный был требователен к нему. «Уж очень он на меня налегал», сказал он.

Дело было так, как описано у вас, но то, что он тут же выпил, чтобы придать себе храбрости, едва ли справедливо.

Как я понял тогда причину его поступка, она была в том, что ротный командир его, человек всегда внешне спокойный, в продолжение нескольких месяцев своим тихим, ровным голосом, требующим беспрекословного повиновения и повторения тех работ, которые писарь считал правильно исполненными, довел его до высшей степени раздражения. Сущность дела, как я понял его тогда, была в том, что, кроме служебных отношений, между этими людьми установились очень тяжелые отношения человека к человеку: отношения взаимной ненависти. Ротный командир, как это часто бывает, испытывал антипатию к подсудимому, усиленную еще догадкой о ненависти к себе этого человека за то, что офицер был поляк, ненавидел своего подчиненного и, пользуясь своим положением, находил удовольствие быть всегда недовольным всем, что бы ни делал писарь, и заставлял его переделывать по нескольку раз то, что писарь считал безукоризненно хорошо сделанным. Писарь же, с своей стороны, ненавидел ротного и за то, что он поляк, и за то, что он оскорблял его, не признавая за ним

знания его писарского дела, и, главное, за его спокойствие и за неприступность его положения. И ненависть эта, не находя себе исхода, всё больше и больше с каждым новым упреком разгоралась. И когда она дошла до высшей степени, она разразилась самым для него же самого неожиданным образом. У вас сказано, что взрыв был вызван тем, что ротный командир сказал, что накажет его розгами. Это неверно. Ротный просто вернул ему бумагу и наказал, исправив, опять переписать.

Суд скоро состоялся. Председателем был Юноша, двумя членами были Колокольцов и Стасюлевич. Привели подсудимого. После не помню каких-то формальностей я прочел свою речь, которую мне не скажу странно, но просто стыдно читать теперь. Судьи с очевидно скрываемой только приличием скукой слушали все те пошлости, которые я говорил, ссылаясь на такие-то и такие-то статьи такого-то тома, и когда всё было выслушано, ушли совещаться. На совещании, как я после узнал, один Стасюлевич стоял за применение той глупой статьи, которую я приводил, то есть за оправдание подсудимого вследствие призна-

ния его невменяемым. Колокольцов же, добрый, хороший мальчик, хотя и наверное желал сделать мне приятное, все-таки подчинился Юноше, и его голос решил вопрос. И был прочтен приговор смертной казни через расстреляние. Тотчас же после суда я написал, как это у вас и написано, письмо близкой мне и близкой ко двору фрейлине Александре Андреевне Толстой, прося ее ходатайствовать перед государем – государем тогда был Александр II – о помиловании Шибунина. Я написал Толстой, но по рассеянности не написал имени полка, в котором происходило дело. Толстая обратилась к военному министру Милютину, но он сказал, что нельзя просить государя, не указав, какого полка был подсудимый. Она написала это мне, я поторопился ответить, но полковое начальство поторопилось, и когда не было уже препятствий для подачи прошения государю, казнь уже была совершена.

Все остальные подробности в вашей книге и христианское отношение народа к казненному совершенно верны.

Да, ужасно, возмутительно мне было пере-

честь теперь эту напечатанную у вас мою жалкую, отвратительную защитительную речь. Говоря о самом явном преступлении всех законов божеских и человеческих, которое одни люди готовились совершить над своим братом, я ничего не нашел лучшего, как сослаться на какие-то кем-то написанные глупые слова, называемые законами.

Да, стыдно мне теперь читать эту жалкую, глупую защиту. Ведь если только человек понимает то, что собираются делать люди, севшие в своих мундирах с трех сторон стола, воображая себе, что, вследствие того, что они так сели, и что на них мундиры, и что в разных книгах напечатаны и на разных листах бумаги с печатным заголовком написаны известные слова, и что, вследствие всего этого, они могут нарушить вечный, общий закон, записанный не в книгах, а во всех сердцах человеческих, — то ведь одно, что можно и должно сказать таким людям, — это то, чтобы умолять их вспомнить о том, кто они и что они хотят делать. А никак не доказывать разными хитростями, основанными на тех лживых и глупых словах, называемых законами,

что можно и не убивать этого человека. Ведь доказывать то, что жизнь каждого человека священна, что не может быть права одного человека лишить жизни другого – это знают все люди, и этого доказывать нельзя, потому что не нужно, а можно и нужно и должно только одно: постараться освободить людей-судей от того одурения, которое могло привести их к такому дикому, нечеловеческому намерению. Ведь доказывать это – всё равно, что доказывать человеку, что ему не надо делать то, что противно, несвойственно его природе: не надо зимою ходить голому, не надо питаться содержимым помойной ямы, не надо ходить на четвереньках. То, что это несвойственно, противно природе человеческой, давно уже показано людям в рассказе о женщине, подлежащей избиению камнями.

Неужели с тех пор появились люди настолько праведные: полковник Юноша и Гриша Колокольцов с своей лошадкой, что уже им не страшно бросить первый камень?

Я не понимал этого тогда. Не понимал я этого и тогда, когда через Толстую ходатайствовал у государя о помиловании Шибунни-

на. Не могу не удивляться теперь на то заблуждение, в котором я был, – о том, что всё, что совершалось над Шибуниным, было вполне нормально и что также нормально было и участие, хотя и не прямое, в этом деле того человека, которого называли государем. И я *просил* этого человека помиловать другого человека, как будто такое помилование от смерти могло быть в чьей-нибудь *власти*. Если бы я был свободен от всеобщей одури, то одно, что я мог сделать по отношению Александра второго и Шибунина, это то, чтобы просить Александра не о том, чтобы он помиловал Шибунина, а о том, чтобы он помиловал себя, ушел бы из того ужасного, постыдного положения, в котором он находился, невольно участвуя во всех совершающихся преступлениях (по «закону») уже тем, что, будучи в состоянии прекратить их, он не прекращал их.

Тогда я еще ничего не понимал этого. Я только смутно чувствовал, что совершилось что-то такое, чего не должно быть, не может быть, и что это дело не случайное явление, а в глубокой связи со всеми другими заблуждениями и бедствиями человечества, и что оно-

то и лежит в основе всех заблуждений и бедствий человечества.

Я смутно чувствовал еще тогда, что смертная казнь, сознательно рассчитанное, преднамеренное убийство, есть дело прямо противоположное тому закону христианскому, который мы будто бы исповедуем, и дело, явно нарушающее возможность и разумной жизни [и] какой бы то ни было нравственности, потому что ясно, что если один человек или собрание людей может решить, что необходимо убить одного или многих людей, то нет никакой причины, по какой другой человек или другие люди не найдут той же необходимости для убийства других людей. А какая же может быть разумная жизнь и нравственность среди людей, которые могут по своим решениям убивать друг друга. Я смутно чувствовал тогда уже, что оправдание убийства церковью и наукою, вместо достижения своей цели: оправдания, напротив того, показывает лживость церкви и лживость науки. В первый раз я смутно почувствовал это в Париже, когда видел издалека смертную казнь; яснее, гораздо яснее почувствовал это теперь, когда при-

нимал участие в этом деле. Но мне всё еще было страшно верить себе и разойтись с суждениями всего мира. Только гораздо позднее я был приведен к необходимости веры себе и к отрицанию тех двух страшных обманов, держащих людей нашего времени в своей власти и производящих все те бедствия, от которых страдает человечество: обман церковный и обман научный.

Только гораздо позднее, когда уже я стал внимательно исследовать те доводы, которыми церковь и наука стараются поддерживать и оправдывать существование государства, я увидел те явные и грубые обманы, которыми и церковь и наука скрывают от людей злодеяния, совершаемые государством. Я увидел те рассуждения в катехизисах и научных книгах, распространяемых миллионами, которыми объясняется необходимость и законность убийства одних людей по воле других.

Так, в катехизисе, по случаю шестой заповеди – не убий – люди с первых же строк начинают убивать.

«В. Что запрещается в шестой заповеди?

О. Убийство или отнятие жизни у ближне-

го каким бы то ни было образом.

В. Всякое ли отнятие жизни есть законопреступное убийство?

О. Не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь *по должности*, как-то: 1) когда преступника *наказывают* по правосудию, 2) когда убивают *неприятеля на войне* за государя и отечество».

И дальше:

«В. Какие случаи относиться могут к законопреступному убийству?

О. Когда кто *укрывает или освобождает убийцу*».

В «научных» же сочинениях двух сортов: в сочинениях, называемых юриспруденцией с своим уголовным *правом*, и в сочинениях, называемых чисто научными, доказывається то же самое еще с большей ограниченностью и смелостью. Об уголовном праве нечего и говорить: оно всё есть ряд самых очевидных софизмов, имеющих целью оправдать всякое насилие человека над человеком и самое убийство. В научных же сочинениях, начиная с Дарвина, ставящего закон борьбы за существование в основу прогресса жизни, это са-

мое подразумевается. Некоторые же enfants terribles этого учения, как знаменитый профессор Иенского университета Эрнст Геккель в своем знаменитом сочинении: «Естественная история миротворения», евангелии для неверующих, прямо высказывает это:

«Искусственный подбор оказывал весьма благоприятное влияние на культурную жизнь человечества. Как велико в сложном ходе цивилизации, например, влияние хорошего школьного образования и воспитания. Как искусственный подбор, и смертная казнь оказывает такое же благодетельное влияние, хотя в настоящее время многими горячо защищается, как «либеральная мера», отмена смертной казни, и во имя ложной гуманности приводится ряд вздорных аргументов. Однако на самом деле смертная казнь для громадного большинства неисправимых преступников и негодяев является не только справедливым возмездием для них, но и великим благодеянием для лучшей части человечества, подобно тому, как для успешного разведения хорошо культивируемого сада требуется истребить вредные сорные травы.

И точно так же, как тщательное удаление зарослей принесет полевым растениям больше света, воздуха и места, неослабное истребление всех закоренелых преступников не только облегчит лучшей части человечества «борьбу за существование», но и произведет выгодный для него искусственный подбор, так как таким образом будет отнята у этих выродившихся отбросов человечества возможность наследственно передать человечеству их дурные качества».

И люди читают это, учат, называя это наукой, и никому в голову не приходит сделать естественно представляющийся вопрос о том, что если убивать дурных полезно, то кто решит: кто вредный. Я, например, считаю, что хуже и вреднее г-на Геккеля я не знаю никого. Неужели мне и людям одних со мною убеждений приговорить г-на Геккеля к повешению? Напротив, чем грубее заблуждения г-на Геккеля, тем больше я желаю ему образумиться и ни в каком случае не хотел бы лишить [его] этой возможности.

Вот эти-то лжи церкви и науки и довели нас теперь до того положения, в котором мы

находимся. Уже не месяца, а годы проходят, во время которых нет ни одного дня без казней и убийств, и одни люди радуются, когда убийств правительственных больше, чем убийств революционных, другие же люди радуются, когда больше убито генералов, помещиков, купцов, полицейских. С одной стороны раздаются награды за убийства по 10 и по 25 рублей, с другой стороны революционеры чествуют убийц, экспроприаторов и восхваляют их, как великих подвижников. Вольным палачам платят по 50 рублей за казнь. Я знаю случай, когда к председателю суда, в котором к казни было приговорено 5 человек, пришел человек с просьбой передать ему дело исполнения казни, так как он возьмется сделать это дешевле: по 15 рублей с человека. Не знаю, согласилось ли, или не согласилось начальство на предложение.

Да, не бойтесь тех, кто губит тело, а тех, кто губит и тело и душу...

Всё это я понял гораздо позже, но смутно чувствовал уже тогда, когда так глупо и постыдно защищал этого несчастного солдата. От этого-то я и сказал, что случай этот имел

на меня очень сильное и важное для моей жизни влияние.

Да, случай этот имел на меня огромное, самое благодетельное влияние. На этом случае я первый раз почувствовал, первое – то, что каждое насилие для своего исполнения предполагает убийство или угрозу его и что поэтому всякое насилие неизбежно связано с убийством. Второе – то, что государственное устройство, немислимое без убийств, несовместимо с христианством. И третье, что то, что у нас называется наукой, есть только такое же лживое оправдание существующего зла, каким было прежде церковное учение.

Теперь это для меня ясно, тогда же это было только смутное сознание той неправды, среди которой шла моя жизнь.

[ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А.
МОЛОЧНИКОВА]

Нравственный закон так ясен, что нельзя людям отговариваться незнанием закона. Им остается одно: отречься от разума; они это и делают.

7 мая 1908 года живущий в Новгороде знакомый мой Вл. Молочников, под тем предло-

гом, что в его доме были найдены книги моего сочинения, был схвачен, судим и приговорен в крепость на 12 месяцев. Узнав про это, я написал в газету «Русь» следующее заявление:[18]

Опять схвачен в Новгороде всеми знающими его уважаемый, небогатый человек Вл. Молочников и заперт людьми, называющими себя судом, на год в тюрьму, что наверное разоряет его семью. И всё это за то, что он держал у себя мои сочинения и давал их людям, желающим прочесть их. Опять и опять совершается это удивительное дело: мучают и разоряют людей, распространяющих мои книги, и оставляют в покое меня, главного виновника не только распространения, но и появления этих книг.

Ведь, казалось бы, ясно, что хватание людей, распространяющих мои книги, и сажание их по тюрьмам никак не может уменьшить, если он есть, интерес к моим книгам, так как книги, изданные в России и за границей, есть у меня в большом количестве, и я, составитель и главный распространитель этих книг, как я и заявлял об этом еще 15 лет

тому назад, пока жив, не перестану составлять и распространять их. Людей же, считающих добрым делом распространение моих книг, становится всё больше и больше, и тем больше, чем больше их за это преследуют. И потому, казалось бы, ясно, что одно разумное средство прекратить то, что не нравится в моей деятельности, – это то, чтобы прекратить меня. Оставлять же меня и хватать и мучить распространителей не только возмутительно несправедливо, но еще и удивительно глупо.

Если же справедливо то, что придумал, как мне говорили, один министр для того, чтобы прекратить мою деятельность, именно то, чтобы, мучая близких мне людей, заставить меня прекратить мою деятельность, то и этот прием никак не достигает цели. Не достигает потому, что как мне ни больны страдания моих друзей, я не могу, пока жив, прекратить эту мою деятельность; не могу потому, что, делая то, что делаю, я не ищу каких-либо внешних целей, а исполняю то, чего не могу не исполнять: требования воли бога, как я понимаю и не могу не понимать ее.

Так что одно не возмутительно несправед-

ливое и не крайне глупое, что могут сделать люди, которым не нравятся мои книги, – это то, чтобы запереть, казнить, мучить не тех людей, которых много и которые всегда найдутся, а меня одного, виновника всего.

И пускай не думают, что, вследствие разговоров в газетах о каком-то моем юбилее, я воображаю себя обеспеченным от всякого рода насилий. Я в этом отношении никак не поддаюсь самообману и очень хорошо знаю, что все эти толки о необходимости празднования моего 80-летия при решительных против меня мерах правительства тотчас же заменятся для большинства моих чествователей признанием давнишней необходимости принятия против меня тех мер, которые принимаются против моих друзей. «И давно, мол, пора поступить так».

И потому опять и опять прошу и советую всем, кому неприятно распространение моих писаний, взяться за меня, а не за ни в чем неповинных людей. Советую потому, что только этим путем они, кроме того, что перестанут ронять себя, делая явную несправедливость, и на деле достигнут своей цели осво-

бождения себя хоть на время от одного из своих обличителей.

Кроме этого заявления, я, рассчитывая на то, что Молочников обжалует решение суда, просил двух знакомых адвокатов: Маклакова и Муравьева, взять на себя его защиту, что они мне и обещали, и просил о содействии в Сенате и знакомых мне сенаторов, и тоже мог надеяться на их содействие. Но Молочников, чтобы своим обращением к высшей инстанции не выразить признания права на насилие тех людей, которые совершили его над ним, отказался от всякого обжалования. Будучи же на некоторое время, вследствие внесенного за него друзьями залога, освобожден от немедленного заключения, он, устроив, как мог, свои расстроенные дела и положение остающейся без опоры семьи, обратился к участникам совершаемого над ним насилия с очень удивившей их просьбой – не откладывать задуманное над ним дело, а привести его скорее в исполнение. Участники ответили, что всё будет сделано в свое время и по таким-то статьям книжки, называемой ими законом. По статьям этой же книжки те, кого я

просил об этом деле, сообщили мне, что, хотя весьма вероятно, что при пересмотре дела заключение Молочникова в тюрьму на 12 месяцев было бы сведено к одному, срок обжалования пропущен, и что поэтому предположенное над Молочниковым насилие произведено будет.

В одно и то же время с этим известием я получил и копию с приговора над Молочниковым собрания людей, называющих себя Судебной палатой. Вот этот приговор:

«1908 года, мая 7 дня. По указу его императорского величества. С.-Петербургская Судебная палата, по I Угол. д-ту, в судебном заседании, в котором присутствовали: старший председатель сенатор....., члены палаты:....., тов. прокурора..... и. об. пом. секретаря....., слушала: дело о старорусском мещанине Владимире Анфалове Молочникове, обв. по 2 ч. 132 ст. уг. ул. (Выпускаю имена лиц, участвовавших в этом деле, так как то, что я имею сказать, касается не личностей, о нравственном падении которых искренно сожалею и которых не желаю подвергнуть осуждению.)

Обвинительным актом прокурорского над-

зора старорусский мещанин Влад. Анф. Молочников предан суду С.-Петербургской Судебной палаты по обвинению в том, что в августе 1907 г., в целях распространения, хранил на квартире своей, в г. Новгороде, нижепоименованные брошюры Л. Н. Толстого, в которых, заведомо для подсудимого, изложены суждения, возбуждающие к неповиновению закону: 1) 62 экземпляра брошюры, под заглавием: «Как освободиться рабочему народу», в которой разъясняется, что трудящийся народ может только тогда хорошо устроить свою жизнь, если будет жить «по-божьи», то есть жить по евангельским заповедям: никого не убивать, не ссориться, не распутничать, не клясться, не присягать ни на суде, ни на подданство царю, ни на солдатскую службу, не наказывать никого, не сажать в тюрьмы, не ссылать и не казнить, жить «по-божьи» – значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя; когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога; 2) 28 экземпляров брошюры, под заглавием: «Христиан-

ство и воинская повинность», в которой проводится мысль, что истинному учению Христа противоречит общая воинская повинность, как обезличивающая человека и заставляющая его делать то, что запрещает делать христианство – убивать людей в защиту государства. «Ведь стоит только человеку очнуться от гипноза подражательности, в котором он живет, и трезво взглянуть на то, что от него требует государство, чтобы не то, что отказаться от повиновения, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями, и пробуждение это может совершиться каждую минуту»; 3) 15 экземпляров брошюры «Не убий», «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», «Офицерская памятка» – в которой проводится мысль, что солдаты и офицеры должны отказаться от военной службы и не исполнять приказаний начальства стрелять в народ, так как всякое убийство запрещено богом; 4) 10 экземпляров брошюры под заглавием: 1) «Приближение конца», 2) «Письмо к шведам», 3) «Карфаген должен быть разрушен», 4) «Письма крестьянина Ольховика»,

в каковой брошюре проводится мысль, что война и военная служба зло, не согласное с христианским учением, почему всякий здравомыслящий человек должен уклоняться от военной службы; 5) 6 экземпляров брошюры, под заглавием: «Одумайтесь», в которой, по поводу Русско-японской войны, говорится, что война ужасное дело, несогласное с разумом и христианским учением и что единственным средством уничтожения войн является пробуждение в каждом отдельном человеке сознания, что он не должен принимать участия в военной службе; 6) 6 экземпляров брошюры, под заглавием: «Письмо к либералам», в которой проводится мысль, что государственная жизнь есть насилие одних людей над другими и что поэтому люди, желающие жить согласно с разумом и христианством, должны уклоняться от служения государству, то есть не принимать участия в гражданской и военной службе; 7) 10 экземпляров брошюры, под заглавием: «Николай Палкин», в которой доказывается, что грешно и нехорошо подчиняться власти и принимать участие в государственной жизни, и что воен-

ная служба грех, и что каждый разумный человек должен отказаться служить в войсках и быть участником убийства.

В судебном заседании подсудимый Молочников объяснил, что все найденные у него издания графа Л. Н. Толстого куплены им в магазине как последователем теорий, проводимых Толстым. Содержание всех изданий ему было известно, и куплены им были в значительном количестве экземпляров для раздачи тем, кто пожелал бы их читать и ознакомиться со взглядами Толстого. Считая обвинение доказанным собственным объяснением подсудимого, Судебная палата находит, что Молочников изобличается в совершении преступного деяния, предусмотренного 2 ч. 132 ст. Угол. улож., и признает, что определенное в этой статье наказание, заключение в крепость на срок не более трех лет, должно быть по обстоятельствам дела назначено Молочникову в размере одного года. В силу изложенного Судебная палата ОПРЕДЕЛЯЕТ: Старорусского мещанина Владимира Анфалова МОЛОЧНИКОВА, 37 лет, на основании 2 ч. 132 ст. Угол. улож., заключить в крепость на один

год. Вещественные доказательства уничтожить».

Читая приговор этот, не веришь своим глазам: всё кажется, что это вымышленная злая пародия. Но нет, это одно из тех важных дел, которые за большое вознаграждение составляются важными господами, называемыми сенаторами, судьями, прокурорами и т. п., составляются и вносятся в архив для хранения на память вечного позора и людей, составляющих их, и всего того общества людей, в котором возможны такие дела.

Ведь если люди, писавшие этот приговор, желали прекратить распространение считаемых ими вредными книг, казалось бы, совершенно достаточно было сказать, что книги, найденные у Молочникова, вредны, так как направлены против существующего порядка, и потому должны быть запрещены, и составители и распространители их должны быть наказаны. Но им мало было этого: им, очевидно, хотелось, воспользовавшись этим случаем, еще надругаться над всем тем, что всегда считалось и считается священным большинством человечества. И они смело и дерзко сде-

дали это, с особенным подчеркиванием выставляя свою полную независимость не только от справедливости, во имя которой они существуют, но и от всяких каких бы то ни было основ не только нравственных или религиозных, но и здравого смысла.

Безграмотный мужик может напиться, валяться в грязи, сквернословить, подраться, разбить скулы приятеля, побить жену, украсть лошадь, но не могу себе представить во всей России такого мужика, который не только в трезвом, но даже в пьяном виде решился бы сказать, что человек должен быть наказан за то, что он распространял книги, в которых сказано, что «трудящийся народ может только тогда хорошо устроить свою жизнь, если будет жить «по-божьи», то есть жить по евангельским заповедям: никого не убивать, не ссориться, не распутничать, не клясться», и что «жить по-божьи значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя; когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога», и что всякое убий-

ство запрещено богом.

А между тем то, что человек, распространивший такие мысли, должен быть за это наказан – это написано, скреплено печатями, подписано сенатором и в заголовке упомянуто, что всё это делается в 1908 году в России по указу его императорского величества.

Да, ничто убедительнее этого замечательного приговора не могло бы с такой ясной и полной убедительностью показать мыслящим людям всю не только беспринципность, жестокость, безнравственность существующего государственного устройства, но всю ужасающую глупость его. Люди, старающиеся защитить это государственное устройство, не стараются даже и притворяться в том, что они верят во что-нибудь, что они хотят хоть казаться добрыми, что они считают обязательным для человека здравый смысл. Нет, эти люди, стоящие на высших ступенях общественной лестницы, ничего из этого не считают для себя не только обязательным, но не считают и подобие этого желательным. Если предшественники их еще считали нужным притворяться, теперешние уже находят это

совершенно излишним: они знают, что то устройство, которое они поддерживают и которое нужно для их удобства жизни (для получения жалованья), держится на обмане и насилии, не имеющих ничего общего ни с религией, ни с нравственностью, ни с здравым смыслом, и что все это очень хорошо знают и что поэтому совершенно излишне притворяться. Можно при случае (как это делается в этом приговоре) под веселый час даже посмеяться над всеми этими ненужными уже нам глупостями: о добре, нравственности, разуме.

Да, никогда ни одно из моих сочинений не показывало с такой яркостью и убедительностью всю жестокость, развращенность и губительность для души человеческой того государственного насильнического устройства, в котором мы живем, и всю ту ужасающую степень нравственного упадка, до которой доведены люди, участвующие в этом устройстве, и тем больше, чем выше они стоят на общественной лестнице, – ни одно из моих сочинений не показывает этого с той яркостью и несомненной убедительностью, с которой показывает этот удивительный приговор. И по-

тому, думая, что для мыслящего человека приговор этот имеет большое, раскрывающее глаза значение, считаю нужным его обнаружить.

Лев Толстой.

1908. 14 июня.

Первая страница первой рукописи «Не могу молчать»

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

I

«Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе».

И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни.

Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год непрестающие казни, казни, казни.

Беру нынешнюю газету.

Нынче, 9 мая, что-то ужасное. В газете стоят короткие слова: «Сегодня в Херсоне на Стрельбицком поле казнены через повешение двадцать крестьян за разбойное нападение на усадьбу землевладельца в Елисаветградском уезде».[19]

Двенадцать человек из тех самых людей, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы всеми силами развращали и развращаем, начиная от яда водки и до той ужасной лжи веры, в которую мы не верим, но которую стараемся всеми силами внушить им, – двенадцать таких людей задушены веревками теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают и которые развращали и развращают их. Двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы. Потом связали им за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой их будут вешать, и привели под виселицы. Несколько таких же крестьян, как и те, которых будут вешать, только вооруженные и одетые в хо-

рошие сапоги и чистые мундиры, с ружьями в руках, сопровождают приговоренных. Рядом с приговоренными, в парчовой ризе и в эпитрахили, с крестом в руке идет человек с длинными волосами. Шествие останавливается. Руководитель всего дела говорит что-то, секретарь читает бумагу, и когда бумага прочтена, человек, с длинными волосами, обращаясь к тем людям, которых другие люди собираются удушить веревками, говорит что-то о боге и Христе. Тотчас же после этих слов палачи, – их несколько, один не может справиться с таким сложным делом, – разведя мыло и намылив петли веревок, чтобы лучше затягивались, берутся за закованных, надевают на них саваны, взводят на помост с виселицами и накладывают на шеи веревочные петли.

И вот, один за другим, живые люди сталкиваются с выдернутых из-под их ног скамеек и своею тяжестью сразу затягивают на своей шее петли и мучительно задыхаются. За минуту еще перед этим живые люди превращаются в висящие на веревках мертвые тела, которые сначала медленно покачиваются, потом замирают в неподвижности.

Всё это для своих братьев людей старательно устроено и придумано людьми высшего сословия, людьми учеными, просвещенными. Придумано то, чтобы делать эти дела тайно, на заре, так, чтобы никто не видал их, придумано то, чтобы ответственность за эти злодеяния так бы распределялась между совершающими их людьми, чтобы каждый мог думать и сказать: не он виновник их. Придумано то, чтобы разыскивать самых развращенных и несчастных людей и, заставляя их делать дело, нами же придуманное и одобряемое, делать вид, что мы гнушаемся людьми, делающими это дело. Придумана даже такая тонкость, что приговаривают одни (военный суд), а присутствуют обязательно при казнях не военные, а гражданские. Исполняют же дело несчастные, обманутые, развращенные, презираемые, которым остается одно: как получше намылить веревки, чтобы они вернее затягивали шеи, и как бы получше напиться продаваемым этими же просвещенными, высшими людьми яда, чтобы скорее и полнее забыть о своей душе, о своем человеческом звании.

Врач обходит тела, ощупывает и докладывает начальству, что дело совершено, как должно: все двенадцать человек несомненно мертвы. И начальство удаляется к своим обычным занятиям с сознанием добросовестно исполненного, хотя и тяжелого, но необходимого дела. Застывшие тела снимают и зарывают.

Ведь это ужасно!

И делается это не один раз и не над этими только 12-ю несчастными, обманутыми людьми из лучшего сословия русского народа, но делается это, не переставая, годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела.

И делается не только это ужасное дело, но под тем же предлогом и с той же хладнокровной жестокостью совершаются еще самые разнообразные мучительства и насилия по тюрьмам, крепостям, каторгам.

Это ужасно, но ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке, на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию

ума, расчета, заглушающего чувство. Этим-то особенно ужасны эти дела. Ужасны тем, что ничто так ярко, как все эти дела, совершаемые от судьи до палача, людьми, которые не хотят их делать, ничто так ярко и явно не показывает всю губительность деспотизма для душ человеческих, власти одних людей над другими.

Возмутительно, когда один человек может отнять у другого его труд, деньги, корову, лошадь, может отнять даже его сына, дочь, – это возмутительно, но насколько возмутительнее то, что может один человек отнять у другого его душу, может заставить его сделать то, что губит его духовное «я», лишает его его духовного блага. А это самое делают те люди, которые устраивают всё это и спокойно, ради *блага людей*, заставляют людей, от судьи до палача, подкупами, угрозами, обманами совершать эти дела, наверное лишаящие их их истинного блага.

И в то время как всё это делается годами по всей России, главные виновники этих дел, те, по распоряжению которых это делается, те, кто мог бы остановить эти дела, – главные

виновники этих дел в полной уверенности того, что эти дела – дела полезные и даже необходимые, – или придумывают и говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так, как хотят этого несколько человек русских, или издают приказы о том, как в «армейских гусарских полках обшлага рукавов и воротники доломанов должны быть по цвету последних, а ментики, кому таковые присвоены, без выпушки вокруг рукавов над мехом».

Да, это ужасно!

II

Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз всё то,

что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь.

И распространяется это развращение с необычайной быстротой.

Недавно еще не могли найти во всем русском народе двух палачей. Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача, и одного возили с места на место. Теперь не то.

В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, предложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле, и теперь ведет попрежнему торговлю.

В Орле в прошлых месяцах, как и везде, понадобился палач, и тотчас же нашелся человек, который согласился исполнять это дело, срядившись с заведующим правительственными убийствами за 50 рублей с человека. Но, узнав уже после того, как он срядился в цене, о том, что в других местах платят дороже, добровольный палач во время совершения казни, надев на убиваемого саван-мешок, вместо того чтобы вести его на помост, остановился и, подойдя к начальнику, сказал: «Прибавьте, ваше превосходительство, четвертной билет, а то не стану». Ему прибавили, и он исполнил.

Следующая казнь предстояла пятерым. Накануне казни к распорядителю правительственных убийств пришел неизвестный человек, желающий переговорить по тайному делу. Распорядитель вышел. Неизвестный человек сказал:

«Надысь какой-то с вас три четвертных взял за одного. Нынче, слышно, пятеро назначены. Прикажите всех за мной оставить, я по пятнадцати целковых возьму, и, будьте покойны, сделаю, как должно».

Не знаю, принято ли было, или нет предложение, но знаю, что предложение было.

Так действуют эти совершаемые правительством преступления на худших, наименее нравственных людей народа. Но ужасные дела эти не могут оставаться без влияния и на большинство средних, в нравственном отношении, людей. Не переставая слыша и читая о самых ужасных, бесчеловечных зверствах, совершаемых властями, то есть людьми, которых народ привык почитать как лучших людей, — большинство средних, особенно молодых, занятых своими личными делами людей, невольно, вместо того чтобы понять то, что люди, совершающие гадкие дела, недостойны почтения, делают обратное рассуждение: если почитаемые всеми люди, рассуждают они, делают кажущиеся нам гадкие дела, то, вероятно, дела эти не так гадки, как они нам кажутся.

О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как прежде шли на охоту.

Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса.

Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабеж, воровство, ложь, мучительства, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися развращению правительства, делами самыми естественными, свойственными человеку.

Да, как ни ужасны самые дела, нравственное, духовное, невидимое зло, производимое ими, без сравнения еще ужаснее.

III

Вы говорите, что вы совершаете все эти ужасы для того, чтобы водворить спокойствие, порядок.

Вы водворяете спокойствие и порядок!

Чем же вы его водворяете? Тем, что вы, представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями, разрушаете в людях последние остатки веры и нравствен-

ности, совершая величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительство и – последнее самое ужасное преступление, самое противное всякому не вполне развращенному сердцу человеческому: не убийство, не одно убийство, а убийства, бесконечные убийства, которые вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на такие-то статьи, написанные вами же в ваших глупых и лживых книгах, кощунственно называемые вами законами.

Вы говорите, что это единственное средство успокоения народа и погашения революции, но ведь это явная неправда. Очевидно, что, не удовлетворяя требованиям самой первобытной справедливости всего русского земледельческого народа: уничтожения земельной собственности, а напротив, утверждая ее и всячески раздражая народ и тех легкомысленных озлобленных людей, которые начали насильническую борьбу с вами, вы не можете успокоить людей, мучая их, терзая, ссылая, заточая, вешая детей и женщин. Ведь как вы ни стараетесь заглушить в себе свойственные людям разум и любовь, они есть в вас, и стоит

вам опомниться и подумать, чтобы увидеть, что, поступая так, как вы поступаете, то есть участвуя в этих ужасных преступлениях, вы не только не излечиваете болезнь, а только усиливаете ее, загоняя внутрь.

Ведь это слишком ясно.

Причина совершающегося никак не в материальных событиях, а всё дело в духовном настроении народа, которое изменилось и которое никакими усилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию, – так же нельзя вернуть, как нельзя взрослого сделать опять ребенком. Общественное раздражение или спокойствие никак не может зависеть от того, что будет жив или повешен Петров или что Иванов будет жить не в Тамбове, а в Нерчинске, на каторге. Общественное раздражение или спокойствие может зависеть только от того, как не только Петров или Иванов, но всё огромное большинство людей будет смотреть на свое положение, от того, как большинство это будет относиться к власти, к земельной собственности, к проповедуемой вере, – от того, в чем большинство это будет полагать добро и в чем зло. Сила событий никак не в мате-

риальных условиях жизни, а в духовном настроении народа. Если бы вы убили и замучили хотя бы и десятую часть всего русского народа, духовное состояние остальных не станет таким, какого вы желаете.

Так что всё, что вы делаете теперь, с вашими обысками, шпионствами, изгнаниями, тюрьмами, каторгами, виселицами – всё это не только не приводит народ в то состояние, в которое вы хотите привести его, а, напротив, увеличивает раздражение и уничтожает всякую возможность успокоения.

«Но что же делать, говорите вы, что делать, чтобы теперь успокоить народ? Как прекратить те злодеяния, которые совершаются?»

Ответ самый простой: *перестать делать то, что вы делаете.*

Если бы никто не знал, что нужно делать для того, чтобы успокоить «народ» – весь народ (многие же очень хорошо знают, что нужнее всего для успокоения русского народа: нужно освобождение земли от собственности, как было нужно 50 лет тому назад освобождение от крепостного права), если бы никто и

не знал, что нужно теперь для успокоения народа, то все-таки очевидно, что для успокоения народа наверное *не нужно делать того*, что только увеличивает его раздражение. А вы именно это только и делаете.

То, что вы делаете, вы делаете не для народа, а для себя, для того, чтобы удержать то, по заблуждению вашему считаемое вами выгодным, а в сущности самое жалкое и гадкое положение, которое вы занимаете. Так и не говорите, что то, что вы делаете, вы делаете для народа: это неправда. Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных, личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете и которое вам кажется благом.

Но сколько вы ни говорите о том, что всё, что вы делаете, вы делаете для блага народа, люди всё больше и больше понимают вас и всё больше и больше презируют вас, и на ваши меры подавления и пресечения всё больше и больше смотрят не так, как бы вы хотели: как на действия какого-то высшего соби-

рательного лица, правительства, а как на личные дурные дела отдельных недобрых себялюбцев.

IV

Вы говорите: «Начали не мы, а революционеры, а ужасные злодейства революционеров могут быть подавлены только твердыми (вы так называете ваши злодейства), твердыми мерами правительства».

Вы говорите, что совершаемые революционерами злодейства ужасны.

Я не спорю и прибавлю к этому еще и то, что дела их, кроме того, что ужасны, еще так же глупы и так же бьют мимо цели, как и ваши дела. Но как ни ужасны и ни глупы их дела: все эти бомбы и подкопы, и все эти отвратительные убийства и грабежи денег, все эти дела далеко не достигают преступности и глупости дел, совершаемых вами.

Они делают совершенно то же, что и вы, и по тем же побудительным причинам. Они так же, как и вы, находятся под тем же (я бы сказал комическим, если бы последствия его не были так ужасны) заблуждением, что одни люди, составив себе план о том, какое, по их

мнению, желательны и должно быть устройство общества, имеют право и возможность устраивать по этому плану жизнь других людей. Одинаково заблуждение, одинаковы и средства достижения воображаемой цели. Средства эти – насилие всякого рода, доходящее до смертоубийства. Одинаково и оправдание в совершаемых злодеяниях. Оправдание в том, что дурное дело, совершаемое для блага многих, перестает быть безнравственным, и что потому можно, не нарушая нравственного закона, лгать, грабить, убивать, когда это ведет к осуществлению того предполагаемого благого состояния для многих, которое мы воображаем, что знаем, и можем предвидеть, и которое хотим устроить.

Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей степени. Так что, употребляя те безнравственные средства, которые вы употребляете для достижения своих целей, вам-то уж никак нельзя упрекать революционеров. Они дела-

ют только то же самое, что и вы: вы держите шпионов, обманываете, распространяете ложь в печати, и они делают то же; вы отбираете собственность людей посредством всякого рода насилия и по-своему распоряжаетесь ею, и они делают то же самое; вы казните тех, кого считаете вредными, – они делают то же. Всё, что вы только можете привести в свое оправдание, они точно так же приведут в свое, не говоря уже о том, что вы делаете много такого дурного, чего они не делают: растрату народных богатств, приготовления к войнам и самые войны, покорение и угнетение чужих народностей и многое другое.

Вы говорите, что у вас есть предания старины, которые вы блюдете, есть образцы деятельности великих людей прошедшего. У них тоже предания, которые ведутся тоже издавна, еще раньше большой французской революции, а великих людей, образцов для подражания, мучеников, погибших за истину и свободу, не меньше, чем у вас.

Так что, если есть разница между вами и ими, то только в том, что вы хотите, чтобы всё оставалось, как было и есть, а они хотят

перемены. А думая, что нельзя всему всегда оставаться попрежнему, они были бы правее вас, если бы у них не было того же, взятого от вас, странного и губительного заблуждения в том, что одни люди могут знать ту форму жизни, которая свойственна в будущем всем людям, и что эту форму можно установить насильем. Во всем же остальном они делают только то самое, что вы делаете, и теми же самыми средствами. Они вполне ваши ученики, они, как говорится, все ваши капельки подобрали, они не только ваши ученики, они – ваше произведение, они ваши дети. Не будь вас – не было бы их, так что, когда вы силою хотите подавить их, вы делаете то, что делает человек, налегающий всею силою на дверь, отворяющуюся на него.

Если есть разница между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу. Смягчающие для них обстоятельства, во-первых, в том, что их злодейства совершаются при условии большей личной опасности, чем та, которой вы подвергаетесь, а риск, опасность оправдывают многое в глазах увлекающейся молодежи. Во-вторых, в том, что они в огромном

большинстве – совсем молодые люди, которым свойственно заблуждаться, вы же – большею частью люди зрелые, старые, которым свойственно разумное спокойствие и снисхождение к заблуждающимся. В-третьих, смягчающие обстоятельства в их пользу еще в том, что как ни гадки их убийства, они все-таки не так холодно-систематически жестоки, как ваши Шлиссельбурги, каторги, виселицы, расстрелы. Четвертое смягчающее вину обстоятельство для революционеров в том, что все они совершенно определенно отвергают всякое религиозное учение, считают, что цель оправдывает средства, и потому поступают совершенно последовательно, убивая одного или нескольких для воображаемого блага многих. Тогда как вы, правительственные люди, начиная от низших палачей и до высших распорядителей их, вы все стоите за религию, за христианство, ни в каком случае несовместимое с совершаемыми вами делами.

И вы-то, люди старые, руководители других людей, исповедующие христианство, вы говорите, как подравшиеся дети, когда их бра-

нят за то, что они дерутся: «Не мы начали, а они», и лучше этого ничего не умеете, не можете сказать вы, люди, взявшие на себя роль правителей народа. И какие же вы люди? Люди, признающие богом того, кто самым определенным образом запретил не только всякое убийство, но всякий гнев на брата, который запретил не только суд и наказание, но осуждение брата, который в самых определенных выражениях отменил всякое наказание, признал неизбежность всегдашнего прощения, сколько бы раз ни повторилось преступление, который велел ударившему в одну щеку подставлять другую, а не воздавать злом за зло, который так просто, так ясно показал рассказом о приговоренной к побитию камнями женщине невозможность осуждения и наказания одними людьми других, вы – люди, признающие этого учителя богом, ничего другого не можете найти сказать в свое оправдание, кроме того, что «они начали, они убивают – давайте и мы будем убивать их».

V

Знакомый мне живописец задумал картину «Смертная казнь», и ему нужно было для

натуры лицо палача. Он узнал, что в то время в Москве дело палача исполнял сторож-дворник. Художник пошел на дом к сторожу. Это было на святой. Семейные разряженные сидели за чайным столом, хозяина не было: как потом оказалось, он спрятался, увидев незнакомца. Жена тоже смутилась и сказала, что мужа нет дома, но ребенок-девочка выдала его.

Она сказала: «батя на чердаке». Она еще не знала, что ее отец знает, что он делает дурное дело и что ему поэтому надо бояться всех. Художник объяснил хозяйке, что нужен ему ее муж для «натуры», для того, чтобы списать с него портрет, так как лицо его подходит к задуманной картине. (Художник, разумеется, не сказал для какой картины ему нужно лицо дворника.) Разговорившись с хозяйкой, художник предложил ей, чтобы задобрить ее, взять к себе на выучку мальчика-сына. Предложение это, очевидно, подкупило хозяйку. Она вышла, и через несколько времени вошел и глядящий исподлобья хозяин, мрачный, беспокойный и испуганный, он долго выпытывал художника, зачем и почему ему

нужен именно он. Когда художник сказал ему, что он встретил его на улице и лицо его показалось ему подходящим к картине, дворник спрашивал, где он его видел? в какой час? в какой одежде? И, очевидно, боясь и подозревая худое, отказался от всего.

Да, этот непосредственный палач знает, что он палач и что то, что он делает, – дурно, и что его ненавидят за то, что он делает, и он боится людей, и я думаю, что это сознание и страх перед людьми выкупают хоть часть его вины. Все же вы, от секретарей суда до главного министра и царя, посредственные участники ежедневно совершаемых злодеяний, вы как будто не чувствуете своей вины и не испытываете того чувства стыда, которое должно бы вызывать в вас участие в совершаемых ужасах. Правда, вы так же опасаетесь людей, как и палач, и опасаетесь тем больше, чем больше ваша ответственность за совершаемые преступления: прокурор опасается больше секретаря, председатель суда больше прокурора, генерал-губернатор больше председателя, председатель совета министров еще больше, царь больше всех. Все вы боитесь, но

не оттого, что, как тот палач, вы знаете, что вы поступаете дурно, а вы боитесь оттого, что вам кажется, что люди поступают дурно.

И потому я думаю, что как ни низко пал этот несчастный дворник, он нравственно все-таки стоит несравненно выше вас, участников и отчасти виновников этих ужасных преступлений, — людей, осуждающих других, а не себя, и высоко носящих голову.

VI

Знаю я, что все люди — люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди. Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством.

А не могу и не хочу, во-первых, потому, что людям этим, не видящим всей своей преступности, необходимо обличение, необходимо и для них самих, и для той толпы людей, которая под влиянием внешнего почета и восхваления этих людей одобряет их ужасные дела

и даже старается подражать им. Во-вторых, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь в этом) надеюсь, что мое обличение этих людей вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из того круга людей, среди которого я живу и в котором я не могу не чувствовать себя участником совершаемых вокруг меня преступлений.

Ведь всё, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обеспечения и спокойствия жизни людей, живущих в России. А если это так, то всё это делается и для меня, живущего в России. Для меня, стало быть, и нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого – пользования той землей, на которой он родился; для меня эти полмиллиона оторванных от доброй жизни мужиков, одетых в мундиры и обучаемых убийству, для меня это лживое так называемое духовенство, на главной обязанности которого лежит извращение и скрывание истинного христианства. Для меня все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных,

блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, мрущих от тифа, от цынги в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня страдания матерей, жен, отцов изгнанных, запертых, повешенных. Для меня эти шпионы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награду за убийство. Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых, для меня эта ужасная работа трудно добываемых, но теперь уже не так гнушающихся этим делом людей-палачей. Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами и детьми, мужиками; для меня это страшное озлобление людей друг против друга.

И как ни странно утверждение о том, что всё это делается для меня и что я участник этих страшных дел, я все-таки не могу не чувствовать, что есть несомненная зависимость между моей просторной комнатой, моим обедом, моей одеждой, моим досугом и теми страшными преступлениями, которые совершаются для устранения тех, кто желал бы отнять у меня то, чем я пользуюсь. Хотя я и знаю, что все те бездомные, озлобленные, раз-

вращенные люди, которые бы отняли у меня то, чем я пользуюсь, если бы не было угроз правительства, произведены этим самым правительством, я все-таки не могу не чувствовать, что сейчас мое спокойствие действительно обусловлено всеми теми ужасами, которые совершаются теперь правительством.

А сознавая это, я не могу долее переносить этого, не могу и должен освободиться от этого мучительного положения.

Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяже-

стью затянул на своем старом горле намыленную петлю.

VII

И вот для того, чтобы достигнуть одной из этих двух целей, обращаюсь ко всем участникам этих страшных дел, обращаюсь ко всем, начиная с надевающих на людей-братьев, на женщин, на детей колпаки и петли, от тюремных смотрителей и до вас, главных распорядителей и разрешителей этих ужасных преступлений.

Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы.

Ведь вы прежде, чем быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьерами, царями, прежде всего вы люди. Нынче выглянули на свет божий, завтра вас не будет. (Вам-то, палачам всякого разряда, вызывавшим и вызывающим к себе особенную ненависть, вам-то особенно надо помнить это.) Неужели вам, выглянувшем на этот один короткий миг на свет божий – ведь смерть, если вас и не убьют, всегда у всех нас за плечами, – неужели вам не видно в ваши светлые минуты, что ваше призвание в жизни не может

быть в том, чтобы мучить, убивать людей, самим дрожать от страха быть убитыми, и лгать перед собою, перед людьми и перед богом, уверяя себя и людей, что, принимая участие в этих делах, вы делаете важное, великое дело для блага миллионов? Неужели вы сами не знаете, – когда не опьянены обстановкой, лестью и привычными софизмами, – что всё это – слова, придуманные только для того, чтобы, делая самые дурные дела, можно было бы считать себя хорошим человеком? Вы не можете не знать того, что у вас, так же как у каждого из нас, есть только одно настоящее дело, включающее в себя все остальные дела, – то, чтобы прожить этот короткий промежуток данного нам времени в согласии с той волей, которая послала нас в этот мир, и в согласии с ней уйти из него. Воля же эта хочет только одного: любви людей к людям.

Вы же, что вы делаете? На что кладете свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребенок? Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей – это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь – это любовь

человека к человеку, ко всякому человеку, как к сыну божию и потому брату.

Кого же вы так любите? Никого. А кто вас любит? Никто.

Вас боятся, как боятся ката-палача или дикого зверя. Вам льстят, потому что в душе презирают вас и ненавидят – и как ненавидят! И вы это знаете и боитесь людей.

Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас.

31 мая 1908 г.

Ясная Поляна.

УЧЕНИЕ ХРИСТА, ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ ПРЕДИСЛОВИЕ

В прошлом году у меня образовалась маленькая школа из крестьянских детей от десяти до тринадцати лет. Желая передать им учение Христа так, чтобы оно было понятно

им и имело бы влияние на их жизнь, я рассказывал им своими словами те места из четырех евангелий, которые казались мне самыми понятными, доступными детям и, вместе с тем, самыми нужными для нравственного руководства в жизни.

Чем дальше я занимался этим, тем яснее мне становилось – и из пересказов детей, и из вопросов их – всё то, что легче воспринималось ими и что более привлекало их.

Руководствуясь этим, я и составил эту книжечку. Думаю, что чтение ее по главам, сопровождаемое вызываемыми этим чтением объяснениями о необходимости приложения в жизни вечных истин этого учения, не может не быть благотворно для детей, по словам Христа, особенно восприимчивых к учению о царстве божием.

Лев Толстой.

12 июня 1908 г.

УЧЕНИЕ ХРИСТА

1

Иисус Христос своим учением и жизнью открыл людям то, что дух божий живет в каждом человеке.

По учению Иисуса Христа, все бедствия людей оттого, что они жизнь свою полагают в теле своем, а не в духе божьем. От этого они враждуют друг с другом, от этого мучаются душой, от этого боятся смерти.

Дух божий – это любовь. И любовь живет в душе каждого человека.

Полагай люди жизнь свою в духе божьем – в любви, и не будет ни вражды, ни душевных мучений, ни страха смерти.

Все люди желают себе добра. Учение Христа открывает людям то, что добро это дано им любовью и что все люди могут иметь это благо. От этого и учение Христа называется евангелием.

Ев – значит благое, *ангелион* – значит весть, – благая весть.

(Первое послание Иоанна 4, 7, 12, 16).

Вопросы: 1) Что открыл людям Иисус Христос? 2) Что бывает от того, если люди полагают жизнь в теле? 3) Что такое дух божий в человеке? 4) Что будет от того, что люди будут полагать жизнь в духе?

Иисус родился 1908 лет тому назад от Марии, жены Иосифа. До 30 лет Иисус жил в городе Назарете с матерью, отцом и братьями, и когда возрос, помогал отцу в его плотничной работе.

Когда Иисусу было уже 30 лет, он услышал, что народ ходит слушать проповеди святого пустынноика. Пустынноика этого звали Иоанн. И Иисус вместе с народом пошел в пустыню, чтобы послушать проповедь Иоанна. Иоанн говорил, что пришло время царства божия, такое время, когда все люди будут понимать, что они все равны, что нет ни высшего, ни низшего и что все должны жить в любви и согласии друг с другом. Он говорил, что время это близко, но наступит совсем только тогда, когда люди перестанут делать неправду.

Когда простые люди спрашивали Иоанна: что мне делать? – он говорил, что тому, у кого две одежды, надо одну отдавать нищему; также тому, у кого есть пища, делиться с тем, у кого ее нет. Богатым же людям Иоанн говорил, чтобы они не обирали народ. Солдатам говорил, чтобы они не разбойничали, были довольны тем, что получают, и не скверно-

словили. Фарисеям и саддукеям, законникам говорил, чтобы они переменили свою жизнь и покались. – Не думайте, говорил он им, что вы особенные люди. Перемените свою жизнь, и перемените так, чтобы по делам вашим видно было, что вы переменились. А если не переменитесь, то не миновать вам того, что бывает с плодовым деревом, когда оно не приносит плода. Если дерево не приносит плода, его срубают на дрова; то же будет и с вами, если не будете делать добрых дел. Если не перемените своей жизни, все пропадете.

Всех людей Иоанн уговаривал быть милосердными, справедливыми, кроткими. И тех, кто обещался исправить свою жизнь, Иоанн, в знак перемены их жизни, купал в реке Иордане. И когда он купал их, он говорил: – Я очищаю вас в воде, но совсем очистить вас может только дух божий в вас самих.

И слова Иоанна о том, что людям надо переменить свою жизнь для того, чтобы наступило царство божие, и что очиститься люди могут только духом божьим, слова эти запали в сердце Иисуса. И чтобы обдумать всё то, что он услышал от Иоанна, Иисус не вернулся до-

мой, а остался в пустыне. И прожил так много дней, раздумывая о том, что он слышал от Иоанна.

(Мф. 1, 18; Лк. 2, 51; 3, 23; Мф. 3, 1—13; Лк. 3, 3—14; Мф. 4, 1—2).

Вопросы: 1) Где и в какой семье родился Иисус? 2) Что проповедывал Иоанн народу, богатым людям, солдатам, фарисеям и саддукеям? 3) Как Иисус слушал проповедь Иоанна, и какие слова запали ему в душу? 4) Куда он пошел после того, как слышал Иоанна?

3

Иоанн говорил, что для того, чтобы пришло царство божие, людям надо очиститься духом божьим.

Что же значит очиститься духом божьим? думал Иисус. Если очиститься духом значит жить не для своего тела, а для духа божьего, думал Иисус, то действительно пришло бы царство божие, если бы люди жили духом божьим; потому что дух божий один и тот же во всех людях. И живи все люди духом, все люди были бы едины, и пришло бы царство божие. Но люди не могут жить только духом, люди должны жить и телом. Если же они бу-

дут жить телом, служить телу, заботиться о нем, то будут жить все врозь, будут жить так, как живут теперь, и никогда не придет царство божие. Как же быть? – думал Иисус. Жить одним духом нельзя, а жить телом, как теперь живут мирские люди, дурно, и если жить так, то все будут жить врозь и никогда не придет царство божие. Как же быть? Убить себя в своем теле, подумал Иисус, нельзя, потому что дух живет в теле по воле бога. Убить себя, значит идти против воли бога.

И раздумав так, Иисус сказал себе: выходит так, что нельзя жить одним духом, потому что дух живет в теле. Нельзя тоже жить одним телом, служить телу, как живут все люди. Нельзя также и освободиться от тела, убить себя, потому что дух живет в теле по воле бога. Что же можно? Можно одно: жить в теле, как того хочет бог, но, живя в теле, служить не телу, а богу.

И, рассудив так, Иисус вышел из пустыни и пошел по городам и селам проповедывать свое учение.

(Мф. 4, 3—10; Лк. 4, 3—15).

Вопросы: 1) Что думал Иисус после пропо-

веди Иоанна? 2) Что бы было, если бы люди жили одним духом? 3) Что бывает от того, что каждый человек живет для своего тела? 4) Почему нельзя избавиться от тела? 5) Как же надо жить?

4

И разнеслась молва об Иисусе по округе, и много народу стало ходить за ним и слушать его.

И он говорил народу: – Вот вы ходили слушать Иоанна в пустыню, зачем вы ходили к нему? Ходят смотреть людей в богатых одеждах, но те живут во дворцах, а в пустыне ничего этого не было. Зачем же вы ходили к Иоанну в пустыню? Вы ходили слушать того, кто учил вас доброй жизни. Как же он учил вас? Он учил вас тому, что должно прийти царство божие, но что для того, чтобы оно пришло, чтобы не было зла в мире, нужно, чтобы все люди жили не врозь, каждый для себя, а все были едино, все любили друг друга. Так для того, чтобы пришло царство божие, вам прежде всего надо изменить жизнь свою. Царство божие придет не само собою, не бог устроит это царство, а вы сами должны и мо-

жете установить это царство божие, а установите вы его тогда, когда постараетесь изменить жизнь свою.

Не думайте, что царство божие явится видимым образом. Царство божие нельзя видеть. И если вам скажут: оно здесь или там, — не верьте этому и не ходите. Царство божие не во времени или месте каком-нибудь. Оно везде и нигде, потому что оно внутри вас, в вашей душе.

(Мф. 11, 7—12; Лк. 16, 16; 17, 20—24).

Вопросы: 1) Что говорил Иисус об учении Иоанна? 2) Что нужно, чтобы наступило царство божие? 3) Где царство божие?

5

И всё яснее и яснее толковал Иисус свое учение. И один раз, когда собралось к нему много народа, он стал говорить народу о том, как надо жить людям для того, чтобы пришло царство божие.

Он говорил: — Царство божие совсем другое, чем царства мирские. В царство божие войдут не гордые, не богатые. Гордые и богатые царствуют теперь. Они теперь веселятся и теперь их все хвалят и уважают. Но покуда

они будут гордыми и богатыми и в душе их не будет царства божия, не войдут они в царство божие. Войдут в царство божие не гордые, а смиренные, не богатые, а нищие. Но войдут в царство бога смиренные и нищие только тогда, когда они будут смиренными и нищими не оттого, что они не сумели сделаться славными и богатыми, а оттого, что не хотели грешить, чтобы стать знатными и богатыми. Если же вы нищие только оттого, что не сумели разбогатеть, то вы как соль несоленая. Соль нужна только тогда, когда она солонa; если же она не солонa, то она ни на что уже не годится, и ее выбрасывают.

Так и вы, – если вы нищие только оттого, что не сумели разбогатеть, то и вы никуда не годитесь – ни в бедные, ни в богатые.

И потому прежде всего одно на свете нужно: это быть в царстве божием. Ищите царства божия и правды его, и всё, что вам нужно, будет у вас.

И не думайте, что я учу чему-нибудь новому; я учу тому же, чему учили вас все мудрецы и святые люди. Я учу только тому, как исполнять то, чему они учили. А чтобы испол-

нять то чему они учили, надо соблюдать заповеди божьи, — не говорить только про них, как говорят ложные учителя, а исполнять их. Потому что только тот, кто исполняет заповеди божьи и примером своим научает и других исполнять их, только тот войдет в царство небесное.

(Мф. 5, 1—20; Лк. 6, 20—26).

Вопросы: 1) Чем отличается царство божие от царств мирских? 2) Какими должны быть люди, чтобы войти в царство божие? 3) Чему учил Иисус?

6

И Иисус сказал:

Первая заповедь в том, что в *старом законе* сказано: не убий. И что грешен тот, кто убивает.

А я говорю вам, что если человек сердится на брата, то он уже грешен перед богом; еще больше грешен, если он сказал брату грубое, ругательное слово. Так что если станешь молиться и вспомнишь, что ты сердишься на брата, то, прежде чем молиться, поди и помирись с ним, и если нельзя тебе почему-нибудь сделать это, то в душе своей затуши злобу

против брата.

Это одна заповедь.

Другая заповедь в том, что *в старом законе* сказано: не прелюбодействуй, а если разошелся с женою, то дай ей разводную.

А я говорю вам, что не только не должен человек прелюбодействовать, но если он смотрит на женщину с дурными мыслями, то он уже грешен перед богом. О разводе же говорю вам: что кто разведется с женою, тот сам прелюбодействует и жену вводит в прелюбодеяние, вводит в грех и того, кто женится на разведенной.

Это вторая заповедь.

Третья заповедь в том, что *в старом законе* вашем сказано: не преступай клятвы, но исполняй перед богом клятвы твои.

А я говорю вам, что клясться совсем не надо, а что если спрашивают тебя о чем-нибудь, то говори: да, если да; и нет, если нет. Клясться же ничем нельзя. Человек весь во власти бога, и потому он не может вперед обещаться, что сделает то, в чем поклянется.

В этом третья заповедь.

Четвертая заповедь в том, что *в старом за-*

коне сказано: око за око и зуб за зуб.

А я говорю вам, что не надо платить злом за зло, и око за око, и зуб за зуб. И если кто ударит тебя в одну щеку, лучше подставить другую щеку, чем за удар отвечать ударом. И кто захочет взять у тебя рубашку, то лучше отдать и кафтан, чем враждовать и драться с братом. Не надо злом противиться злу.

В этом четвертая заповедь.

Пятая заповедь в том, что *в старом законе* вашем сказано: люби человека своего народа, а ненавидь людей чужих народов.

А я говорю вам, что надо любить всех людей. Если люди считают себя врагами вашими, и ненавидят, и проклинаят вас, и нападают на вас, то вы все-таки любите их и делайте им добро. Все люди сыны одного отца. Все братья, и потому надо одинаково любить всех людей.

В этом пятая и последняя заповедь.

(Мф. 5, 21—48).

Вопросы: 1) В чем 1-я заповедь? 2) В чем 2-я? 3) В чем 3-я? 4) В чем 4-я? 5) В чем 5-я заповедь?

И сказал еще Иисус всем слушающим его о том, что будет от того, что они станут исполнять его заповеди.

– Не думайте, сказал он, что если не будете сердиться на людей, будете мириться со всеми, будете жить с одной женой, не будете клясться и присягать, не будете защищаться против обижающих вас, будете отдавать всё, что у вас просят, будете любить врагов, – не думайте, что если будете жить так, то жизнь ваша будет трудная, хуже той, какую вы ведете теперь. Не думайте этого, – жизнь ваша будет не хуже, а много лучше теперешней. Отец наш небесный дал нам свой закон не для того, чтобы жизнь наша стала хуже, а для того чтобы мы имели жизнь истинную.

Живите по этому учению, и придет царство божие, и всё, что вам нужно, будет у вас.

Птицам и животным бог дал свой закон, и когда они живут по этому закону, им хорошо. И вам будет хорошо, если будете исполнять закон бога. То, что я говорю, ведь я говорю не от себя, а это закон бога, и закон этот записан в сердцах всех людей. Если бы закон этот не давал всем людям блага, бог не дал бы его.

Закон вкратце в том, чтобы любить бога и ближнего, как самого себя. Тот, кто исполняет этот закон, поступает с другими, как он хочет, чтобы другие поступали с ним.

И потому всякий, кто слушает слова эти мои и исполняет их, делает то же, что делает человек, строящий дом на камне: такой человек не боится ни дождя, ни разлива рек, ни бурь, потому что дом его построен на камне. А всякий, кто слушает слова мои и не исполняет их, тот делает то же, что делает человек безрассудный, если строит дом свой на песке. Такой дом не устоит ни от воды, ни от бурь и упадет и разрушится.

И когда Иисус окончил эти слова, народ дивился учению его.

(Мф. 6, 26—33; 7, 24—28).

Вопросы: 1) Что будет, если будешь исполнять 5 заповедей? 2) Почему не надо бояться, что от исполнения этих заповедей будет хуже? 3) В чем закон животных и в чем закон людей? 4) В чем вкратце весь закон и в чем его исполнение?

И после этого стал Иисус притчами толковать всему народу про то, как надо понимать царство божие.

Первую притчу он сказал такую:

Когда человек посеет семена на своем поле, то он не думает о них, а спит ночью и встанет днем и делает свои дела, не заботясь о том, как семя выходит и растет. Семена же сами собой бухнут, прорастают, выходят в зелень, в трубку, в колос и наливают зерна. И только тогда, когда поспеет урожай, посылает хозяин жнецов, чтобы сжать ниву.

Так и бог не устанавливает своей силой царство божие среди людей, а предоставил самим людям делать это.

Вторую притчу Иисус сказал о том, что если в человеке нет внутри его царства божия, то такого человека не принимает бог в свое царство, а оставляет его в миру до тех пор, пока он сам не сделается достойным царства божия. Он сказал: – Царство божие похоже на то, как рыбак протягивает по морю сети и захватывает всякую рыбу; захватив же рыбу, отбирает тех, какие нужны, ненужных же пускает опять в море.

И об этом сказал еще третью притчу:

Посеял хозяин хорошие семена в поле своем. И стали вырастать семена, выросла среди них и дурная трава. И вот работники пришли к хозяину и говорят: или ты плохие семена посеял? У тебя на поле много дурной травы вышло. Пошли нас, мы выколем. А хозяин говорит: не надо, а то вы станете полоть дурную траву и потопчете пшеницу. Пускай растут вместе. Придет жатва, тогда велю жнецам отобрать пшеницу, а дурную траву бросить.

Так и бог не позволяет людям вступаться в жизнь других людей и сам не вступается в нее. Каждый человек только сам, своими силами может прийти к богу.

(Мр. 4, 26—29; Мф. 13, 47, 48, 24—30).

Вопросы: 1) О чем Иисус толковал народу притчами? 2) Какая первая? 3) Какая 2-я? 4) Какая 3-я?

9

И кроме этих притч, сказал Иисус еще такую притчу о царстве божием. Он сказал:

Когда высевают семена на поле, то не все семена вырастают одинаково. А бывает с семенами так: одни семена попадают на дорогу,

и налетают птицы и выклевают их; есть еще такие семена, что попадают на каменистую землю, и эти семена хоть и прорастают, но ненадолго: не в чем им корениться, ростки скоро засыхают; и есть еще и такие семена, что попадают в бурьян, и бурьян заглушает их. А есть такие, что попадают в хорошую землю и вырастают и приносят от одного зерна 30 и 60 зерен.

Так же люди бывают такие, что не принимают царство божие в сердце свое, приходят к ним искушения плоти и похищают посеянное, – это семена на дороге. На каменистой земле семена – это когда люди сперва с радостью принимают учение, а потом, когда приходят обиды, гонения из-за учения, то отказываются от него.

Семена в бурьяне – это когда люди и поняли смысл царства божьего, но заботы мирские и жадность к богатству заглушают в них смысл учения. На хорошей же земле семена – это те, кто понял смысл царства и принял его в сердце свое, – эти люди дают плод и сам-30, и сам-60, и сам-100. Так что тот, кто удержал то, что дано ему, тому дается многое, а кто не

удержал, у того последнее отнимается. И потому всеми силами старайтесь вступить в царство божие. Ничего не жалеете, только бы войти в него.

Делайте так, как сделал тот человек, который, когда узнал о том, где был зарыт большой клад, продал всё, что имел, и купил тот участок земли, где был клад, и стал богачом. Так и вы поступайте.

Помните, что малое усилие для царства божия дает большие плоды: всё равно, как из малого семечка вырастает высокое дерево.

Всякий человек может одними своими силами войти в царство божие, потому что царство божие внутри нас.

(Мф. 13, 3—8, 12, 19—23, 31, 32, 44—46; Лк. 16, 16).

Вопросы: 1) О чем сказал Иисус еще притчу? 2) В чем притча? 3) Что она значит? 4) Как надо добиваться царства божия? 5) Что бывает от усилия?

10

И услышав эти слова, один фарисей, по имени Никодим, пришел к Иисусу и спросил его: как понимать то, что царство божие внут-

ри нас?

И Иисус сказал: – Царство божие внутри нас значит то, что всякий человек, чтобы войти в царство божие, должен родиться снова.

А Никодим спросил: – Как же может человек родиться снова? Разве может человек войти в брюхо матери и опять родиться?

Иисус сказал ему: – Родиться снова значит родиться не плотским рождением, как рождается ребенок от матери, а родиться духом. Родиться же духом значит понять то, что дух божий живет в человеке и что, кроме того, что всякий человек рожден от матери, он рожден еще от духа бога. Рожденное от плоти – плоть, оно страдает и умирает, рожденное же от духа – дух и живет само собой и не может ни страдать, ни умирать.

Бог вложил дух свой в людей не для того, чтобы они мучались и погибали, а для того, чтобы они имели жизнь радостную и вечную. И всякий человек может иметь такую жизнь. Такая жизнь и есть царство божие.

И потому царство божие надо понимать не так, что для всех людей в какое-нибудь время и в каком-нибудь месте придет царство бо-

жие, а так, что если люди признают в себе дух божий и живут им, то такие люди вступают в царство божие и не страдают и не умирают; если же люди не признают в себе духа и живут для тела, то такие люди страдают и погибают.

(Ин. 3, 1—21).

Вопросы: 1) О чем спрашивал Никодим Иисуса? 2) Что отвечал Иисус? 3) Что еще спросил Никодим? 4) Что отвечал Иисус? 5) Для чего бог вложил дух свой в человека?

11

И всё больше и больше народа ходило за Иисусом и слушало его учение. И фарисеям это стало неприятно, и они начали придумывать, как бы обвинить Иисуса перед народом.

Шел раз Иисус в субботу с учениками через поле. Ученики рвали по дороге колосья, растирали их в руках и ели зерна. А по учению евреев бог установил с Моисеем завет о том, чтобы люди ничего не работали в субботу, а только молились богу. Увидали фарисеи, что ученики Иисуса трут колосья в субботу и остановили учеников и сказали им: – Так не

годится делать в субботу. В субботу нельзя работать, а вы растираете колосья. В законе сказано, что следует казнить смертью тех, кто работает в субботу.

Иисус услышал это и сказал: – Пророк сказал, что бог хочет любви, а не жертвы. Если бы вы понимали эти слова, вы не осуждали бы моих учеников. Человек важнее субботы. – И фарисеи не знали, что ответить на эти слова, и замолчали.

В другой раз фарисеи увидели, что Иисус пришел в дом к сборщику податей Матфею и обедал вместе со всеми домашними. А те, с кем он обедал, считались у фарисеев неверными. Фарисеи стали осуждать Иисуса: они говорили, что незаконно есть с неверными.

А Иисус сказал: – Я учу истине всех, кто хочет научиться истине. Вы считаете себя верными и думаете, что знаете истину, и потому вас уже нечему учить. Учить, стало быть, можно только неверных. А как же они научатся истине, если мы не будем сходить с ними?

Тогда фарисеи, не зная, что ответить на это, стали укорять учеников Иисуса за то, что

они едят хлеб неумытыми руками. Сами же они строго вели по своему преданию, как мыть руки и посуду. И всё, что с торгу, если не вымыли, не ели.

На эти слова Иисус сказал: – Вы упрекаете нас за то, что мы не соблюдаем омовения, когда едим, но ведь осквернить человека не может то, что входит в тело человека. Оскверняет человека то, что выходит из души человека, потому что из души человека выходит зло, блуд, убийство, воровство, корысть, злоба, обман, наглость, зависть, клевета, гордость и всякое зло. Всё зло выходит из души человека, и только зло может осквернить человека. Пусть будет у вас в душе любовь к братьям, и тогда всё будет чисто.

(Мф. 12, 1—8; 9, 9—13; Мр. 7, 1—5, 14—23).

Вопросы: 1) Что думал фарисей об учении Иисуса? 2) В чем сначала обвиняли его учеников? 3) Что отвечал Иисус? 4) В чем обвиняли в другой раз? 5) Что отвечал Иисус? 6) В чем обвиняли в третий раз? 7) Что отвечал Иисус?

12

Отошел один раз Иисус от учеников и стал молиться. И когда он кончил, ученики по-

дошли к нему и сказали: – Учитель, научи нас молиться.

И он сказал им:

– Прежде всего, молиться надо не для того, как это часто делается, чтобы люди видели вас и хвалили за это. Если так делают, то делают это для людей, и от людей бывает и награда за это. Но для души нет пользы от такой молитвы. Вы же, если хотите молиться, то зайдите в такое место, где бы никто не видал вас, и там молитесь отцу своему, и отец ваш даст вам то, что нужно для души вашей.

И когда молитесь, не говорите лишнего. Отец ваш знает, что вам нужно, и если вы и не скажете всего, он даст вам всё то, что нужно душе вашей.

Молиться прежде всего надо о том: чтобы свят был в нас дух божий; чтобы пришло царство божие в душу нашу; чтобы жить нам не по своей воле, а по воле бога; чтобы не желать нам лишнего, а только дневного пропитания; чтобы помог нам отец наш прощать братьям нашим грехи их и чтобы помог нам избавиться от соблазнов и зла.

Молитва ваша пусть будет такая: Отче

наш, сущий на небесах! да святится имя твое; да придет царство твое; да будет воля твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, так же как и мы прощаем всем тем, кто согрешил против нас; и избавь нас от искушения и от зла.

Молиться надо так, но если хотите молиться, то прежде всего подумайте о том, нет ли у вас на душе зла на кого-нибудь, и если вспомните, что есть зло на кого-нибудь, то подите прежде и помиритесь с тем, на кого держите зло, и если не можете найти того человека, то в сердце своем вырвите зло против него, и тогда только молитесь. Тогда только молитва ваша будет на пользу вам.

(Лк. 11, 1; Мф. 6, 5—13; Мр. 11, 25—26; Мф. 5, 23—24).

Вопросы: 1) Кто и когда спросил Христа о молитве? 2) Как Христос не велел молиться? 3) Отчего так не надо молиться? 4) Как и где надо молиться? 5) Что бывает от молитвы? 6) Отчего не надо говорить лишнего в молитве? 7) О чем первое надо молиться? 8) О чем 2-е, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е? Какие слова молитвы? 10) Что

надо сделать перед молитвой?

13

Случилось раз Иисусу войти к фарисею обедать. И пока он сидел в доме у фарисея, пришла женщина городская. Она была неверная. Она узнала, что Иисус в доме у фарисея, и пришла туда же и принесла склянку с духами. И стала на колени у ног Иисуса и заплакала, и слезами обливала его ноги, и вытирала волосами и поливала духами из склянки.

И увидав это, фарисей соблазнился и подумал про Иисуса: если б человек этот точно был пророк, то он узнал бы, что женщина эта неверная и распутная, и не позволил бы ей дотрагиваться до себя.

Иисус догадался о том, что думал фарисей, обернулся к нему и говорит:

– Сказать тебе, что я думаю?

– Скажи, – говорит фарисей.

Иисус и говорит:

– Вот что: два человека считали себя должными одному богачу, один 500 рублей, а другой 50. И не было чем отдать ни тому, ни другому. Богач и простил им обоим. Ну, как по твоему разуму, кто из двух будет больше лю-

бить богатого человека и ухаживать за ним?

Фарисей и говорит:

– Известно, тот, кто больше был должен.

Иисус показал на женщину и говорит:

– Так-то – ты и эта женщина. Ты считаешь себя правоверным и потому малым должником перед богом; она считает себя неверною и потому большим должником. Я пришел к тебе в дом, ты не дал мне воды ноги умыть, она слезами умывает и волосами отирает мои ноги. Ты не поцеловал меня, а она целует мои ноги. Ты не дал мне масла голову помазать, а она дорогими духами поливает мне ноги. Она считает себя большой грешницей, и потому ей легко любить людей. А ты считаешь себя праведным, и потому тебе трудно любить. А тому, кто любит много, всё прощается.

(Лк. 7, 36—48).

Вопросы: 1) Что случилось, когда Иисус обедал у фарисея? 2) Что подумал фарисей? 3) Что сказал ему Иисус?

14

В другой раз проходил Иисус Самарию. Умо-
рился он и сел у колодца. А ученики его по-
шли в город за хлебом. И приходит из дерев-

ни женщина за водой. Иисус попросил у нее напиться. Женщина и говорит ему: – Ведь вы, иудеи, с нами, самарянами, не общаетесь. Так как же ты просишь у меня пить? Иисус же сказал ей: – Если бы ты знала меня и то, чему я учу, ты бы не говорила так, а дала бы мне пить, и я бы дал тебе пить воды жизни.

Женщина не поняла его и сказала: – Откуда ты возьмешь какой-то другой воды? Тут только и есть вода что в этом колодце отца нашего Иакова.

И он сказал ей: – Кто напьется твоей воды, тот опять захочет пить, а кто моей воды напьется, тот всегда будет доволен и даже других людей своей водой поить будет.

Женщина поняла, что он говорит о божественном, и говорит: Да ведь я самарянка, а ты иудей, и потому тебе нельзя научить меня. Наши на этой горе молятся, а вы, иудеи, говорите, что только в Иерусалиме дом бога.

И Иисус сказал: – Это было прежде, а теперь пришло время, когда люди будут молиться отцу и не на этой горе и не в Иерусалиме, а все будут почитать отца небесного не в том или другом месте, а в духе и истине.

Бог – это дух, и почитать его надо в духе и истине.

Женщина не разобрала, что он сказал ей, и говорит: – Слыхала я, что посланник божий придет, тогда всё разъяснит.

А Иисус сказал: – Пойми, женщина, что я сказал тебе, и ничего не жди больше.

(Ин. 4, 4—26).

Вопросы: 1) Кого встретил Иисус у колодца в Самарии? 2) Что ему сказала женщина? 3) Что он сказал ей?

15

Иисус сам ходил и проповедывал по городам и селам, а кроме того, послал учеников своих в те места, где хотел сам побывать. Он сказал им:

– Много людей не знают блага настоящей жизни, всех жалко мне и всем хотел бы открыть то, что знаю. Как хозяин не может сам управиться с своим полем и зовет на жатву рабочих, так и я. Идите по разным городам и везде разглашайте учение царства бога. Говорите людям заповеди царства и сами во всем исполняйте эти заповеди.

Я посылаю вас, как овец среди волков.

Будьте мудры, как змеи, и чисты, как голуби. Первее всего, ничего не имейте своего, ничего не берите с собой: ни мешка, ни хлеба, ни денег, только платье на теле да обувь.

И не делайте различия между людьми, не выбирайте хозяев, куда вам заходить. А в какой первый придете дом, в том и оставайтесь. Когда придете в дом, поздоровайтесь с хозяевами. Если примут вас, входите; не примут – идите в другой дом.

Люди будут ненавидеть вас за то, что вы будете говорить, и будут на вас нападать и гонять вас из места в место, но вы не смущайтесь. И когда выгонят вас из одной деревни, вы идите в другую, а из той выгонят, идите в третью. Будут вас гонять, как волки гоняют овец, но вы не робейте. И будут на суды водить вас, и будут сечь вас, и будут водить к начальникам, чтобы вы оправдывались перед ними. И когда вас будут водить на суды и к начальникам, не думайте, что вам сказать, а знайте, что в вас живет дух отца вашего, и он скажет то, что нужно сказать.

Люди могут убить ваше тело. Но душам вашим они ничего не могут сделать, и потому

не бойтесь людей. А бойтесь только того, чтобы не погибла душа ваша вместе с телом, если вы отступите от исполнения воли отца, – вот чего вы бойтесь. Ни одна пташка не погибает без воли отца. Без его воли не падает и волос с головы. Если вы в воле отца, так чего же вам бояться?

(Лк. 10, 1—7; Мф. 10, 7—12, 16—31).

Вопросы: 1) Куда и зачем Иисус послал учеников? 2) Какими он велел им быть? 3) Как велел ходить? 4) Как велел терпеть всё? 5) От чего они ничего не должны бояться?

16

И посланные ученики ушли в одну сторону, а Иисус ходил с остальными учениками в другой стороне по деревням и селам. И случилось ему раз зайти в одну деревню. И одна женщина, звали ее Марфа, позвала его к себе в дом. И он вошел и стал говорить, и сестра Марфы, Мария, села у ног его и слушала его. А Марфа хлопотала об угощеньи.

И увидала Марфа, что сестра ее сидит у ног Иисуса и слушает его. Она подошла к Иисусу и сказала: – Я одна хлопочу по хозяйству, а сестра сидит, тебя слушает. Скажи ей, чтобы

она поработала со мной.

И Иисус сказал: – Марфа, Марфа! Заботишься и хлопчешь о многих делах, а одно только дело нужно. И Мария выбрала то одно, что нужно и чего никто не отнимет от нее. Для истинной жизни нужна не пища тела, а пища духа.

И об этом же сказал Иисус такую притчу:

Родилось раз у одного человека много хлеба. И подумал себе этот человек: теперь перестрою амбары, выстрою большие и соберу туда всё мое добро. И скажу душе моей: вот тебе, душа, всего вволю, отдыхай, ешь, пей и живи в свое удовольствие. И сказал ему бог: глупый, в нынешнюю ночь возьмут твою душу, и всё, что ты припас, другим достанется.

Так-то бывает и со всяким, кто готовит для плотской жизни, а не живет для души.

Только тот живет истинной жизнью, кто отказался от своей воли и готов на каждый час исполнять волю бога. Тот же, кто заботится о жизни плотской, тот губит жизнь истинную.

(Лк. 10, 38—42; 12, 15—21; 9, 23—25).

Вопросы: 1) Как Иисус пришел к Марфе? 2)

Что сказала Марфа? 3) Что ответил Иисус? 4) Какую сказал притчу?

17

И случилось раз Иисусу слышать, как люди рассказывали про то, что Пилат убил галилеян, и еще про то, как завалилась башня и задавила 18 человек. И Иисус сказал на это народу: что, как вы думаете, были в чем-нибудь особенно виноваты эти люди? Мы все знаем, что люди эти были ничем не хуже нас. И то, что с ними случилось, может всякую минуту случиться и с нами. Все мы не нынче – завтра также можем умереть. Смерти нам не миновать, так и нечего нам беречь свою плотскую жизнь. Ведь мы знаем, что она скоро кончится. Беречь нам надо то, что не умирает, – жизнь духа.

И сказал на это Иисус такую притчу:

Была у хозяина в саду бесплодная яблоня. Хозяин и говорит садовнику: вот три года хожу, и яблоня эта всё без плода. Надо срубить ее, а то она только напрасно место занимает. А садовник говорит: погодим еще, хозяин, дай я ее окопаю, обложу навозом, и посмотрим на лето. Может, и даст плод. А и на лето не даст,

ну, тогда срубим.

То же и с нами. Пока мы живем одной плотью и не приносим плода жизни духа, хозяин не срубает нас, не предаёт нас смерти, потому что ожидает от нас плода – жизни духа. А не принесет плода, то не миновать гибели. Чтобы понять это, не нужно никакой мудрости; всякий это сам видит. Ведь не то, что в домашних делах, а и в том, что на всем свете делается, умеем мы рассуждать и вперед догадываться. Если ветер с запада, мы говорим: к дождю, и так и бывает. А ветер с полдня, мы говорим: к вёдру, – и так и бывает. Что же мы погоду узнавать умеем, а того вперед угадать не можем, что все мы помрем и что беречь нам надо не умирающую жизнь тела, а неумирающую жизнь духа.

(Лк. 13, 1—9; 12, 54—57).

Вопросы: 1) Что говорил Христос о галилеянах и о смерти? 2) В чем притча об яблоне? 3) К чему притча? 4) Мы умны во всем, а чего не понимаем?

18

И в другой раз Иисус сказал народу притчу о том, чему подобна жизнь человеческая.

Он сказал:

Был один богатый человек, и надо было ему уехать из дома своего. И вот перед отъездом призвал он рабов своих и роздал им десять фунтов серебра, каждому по одному, и сказал: работайте каждый над тем, что я дал, пока я буду в отлучке. Сказал так и уехал. И когда он уехал, рабы стали свободны и жили, как хотели. И вот, как вернулся этот богатый человек из отлучки, призвал он рабов своих и велел им сказывать, что каждый сделал с его серебром. Пришел первый и говорит: вот, хозяин, на твой фунт серебра я заработал десять. И сказал ему хозяин: хорошо, добрый слуга, ты в малом был верен, я над большим тебя поставлю, будь заодно со мной во всем моем богатстве.

Пришел другой раб и сказал: вот, хозяин, на твой фунт серебра я заработал пять. И сказал ему хозяин: хорошо сделал, добрый раб, и ты будь со мной заодно во всем моем имении.

Пришел и третий раб и сказал: вот тебе, господин, твое серебро, я его завернул в платок и берег его у себя, потому что знаю тебя: ты человек строгий, берешь, где не клал, и со-

бираешь, где не сеял, и я боялся тебя. И хозяин сказал: глупый раб, твоими словами буду судить тебя. Ты говоришь, что из страха передо мной берег мое серебро у себя и не работал над ним? Если ты знал, что я строг и беру там, где не клал, так зачем же ты не сделал того, что я велел тебе сделать? Если бы ты работал на мое серебро, имения бы прибавилось, и ты исполнил бы то, что я велел тебе. Теперь же ты не сделал того самого, зачем я давал тебе серебро, и потому тебе нельзя и владеть им.

И велел хозяин взять серебро у того, кто не работал над ним, и отдать его тому, кто больше работал. И тогда слуги сказали хозяину: господин, у тех и так много. Хозяин же сказал: дайте тем, кто много работал, потому что тому, кто блюдет то, что дано ему, прибавляется, а у того, кто не блюдет, у того и последнее отнимается.

Такова и жизнь людей, сказал Иисус. Богатый хозяин – это отец. Рабы его – это люди. Серебро – это дух божий в людях. Как хозяин не сам работает над своим имением, а велит рабам работать каждому на то, что дано ему, так и отец небесный дал людям дух свой для

того, чтобы они увеличивали его в себе, работали над тем, что было дано им. И разумные люди понимают то, что жизнь духа дана им для того, чтобы служить воле отца, и увеличивают в себе жизнь духа и становятся участниками жизни отца. Неразумные же люди, как глупые рабы, боятся потерять свою телесную жизнь и исполняют только свою волю, а не волю отца, и потому лишаются истинной жизни.

Такие люди теряют то, что есть самого драгоценного, – жизнь духа. И потому нет более вредной ошибки людской, как то, чтобы признавать жизнь свою в теле, а не в духе. Надо быть заодно с духом жизни. Кто не заодно с ним, тот против него. Надо служить духу жизни, а не своему телу.

(Лк. 19, 11—26; Мф. 25, 14—30; Лк. 11, 23).

Вопросы: 1) Что сделал, в притче, хозяин, уезжая, и что сделали без него рабы? 2) Что сделал хозяин, вернувшись? 3) На что похожа жизнь человеческая? 4) Кто хозяин, кто рабы? 5) Что делают разные люди и что бывает с ними?

Привели раз к Иисусу детей. Ученики стали отгонять детей. Иисус увидал это и сказал: — Напрасно вы детей отгоняете. Детей не отгонять надо, а учиться у них надо, потому что они ближе, чем взрослые, к царству божию. Дети не ругаются, не держат зла, не блудят, не клянутся, ни с кем не судятся, не знают различия между своим народом и чужим. Дети ближе, чем взрослые, к царству небесному. Надо не отгонять детей, а заботиться о том, чтобы не вводить их в соблазны.

Соблазны губят людей тем, что под видом добра и приятности заманивают их в самые вредные дела. Только поддайся человек соблазну, и он губит и тело и душу. И потому лучше пострадать телом, чем попасться в соблазн. Как лисица, попавши в капкан, отгрызает себе лапу, только чтобы спасти себя всю, так и всякому человеку лучше пострадать телом, чем отдаться соблазну. Лучше погибнуть не только руке, ноге, всему телу, только бы не полюбить зла и не привыкнуть к нему. Горе миру от соблазнов. Через соблазны входит всё зло в мир.

(Мф. 19, 13, 14; 18, 2—9; Лк. 18, 17).

Вопросы: 1) Что сказал Иисус ученикам, когда они отгоняли детей? 2) От чего надо ограждать детей? 3) От чего главное зло в мире? 4) Что такое соблазны? 5) Как надо освобождаться от них?

20

И еще сказал Иисус, что из всех соблазнов самый вредный – это соблазн гнева. Человек гневается на брата своего за грехи его и думает, что он этим гневом своим может исправить брата от грехов, а забывает то, что никто не может быть судьей брата своего, потому что каждый из нас полон грехов; и что прежде, чем исправлять брата, надо исправить самого себя. А то мы видим соринку в глазу брата, а не видим щепы в своем собственном. И потому, если считаешь, что брат твой поступил дурно, то походи к нему, выбери такое время и место, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз, и тогда скажи ему кротко то, что имеешь против него. Если послушает тебя, то он вместо того, чтобы быть врагом тебе, станет твоим другом. Если же не послушает, то пожалей его и уже не имей с ним дела.

И один из учеников спросил: – А если он не

послушает и опять обидит меня? Опять простить ему? А если он опять и опять обидит меня и в третий, и в четвертый, и в седьмой раз, неужели всё прощать ему?

И Иисус сказал: – Не то что семь раз, а семьдесят раз семь, без конца прощать надо, потому что, как прощает нам бог все грехи наши, если мы каемся в них, так и нам надо без конца прощать братьям своим.

(Мф. 7, 1—5; 18, 15—22).

Вопросы: 1) Какой самый вредный соблазн? 2) В чем этот соблазн? 3) Как надо поступать, если считаешь, что брат сделал дурно? 4) Сколько раз надо прощать?

21

И об этом сказал Иисус еще такую притчу. Он сказал:

Стал один богач считаться с своими должниками. И привели ему должника такого, что должен был тысячи рублей. И нечем было ему отдать. И мог богач за это продать и имение должника, и жену, и детей, и его самого. Но стал должник просить милости у богача. И богач помиловал его и простил весь долг. И вот пришел к этому самому человеку его

должник, бедный человек, и стал просить о том, чтобы простил долг его. Но помилованный должник не помиловал своего должника, а потребовал сейчас же уплаты всего долга. И как ни кланялся и ни упрашивал бедный человек, не помиловал его помилованный должник и посадил бедняка в тюрьму. Увидали это люди и пошли к богачу и сказали, что сделал этот человек. Тогда позвал богач должника и говорит ему: я тебе весь долг простил, потому что ты умолил меня. И тебе надо было миловать должника своего за то, что я тебя помиловал. А ты что сделал? И подал богач в суд на должника своего.

То же бывает и с нами, если мы не прощаем от всего сердца всем тем, кто виноват перед нами. Всякая ссора с братом связывает нас и удаляет нас от отца. И потому для того, чтобы нам не удаляться от бога, нам надо прощать братьев своих и быть в мире и любви с ними.

(Мф. 18, 23—35, 18, 19).

Вопросы: 1) В чем притча о хозяине и должнике? 2) Что она означает? 3) Отчего надо тушить всякую ссору?

И пришли раз к Иисусу фарисеи и стали спрашивать его, может ли муж оставлять одну жену и брать другую? И Иисус сказал им на это:

– Вы знаете, что дети могут родиться только от одного отца и одной матери. Так это установлено богом. И потому человек не должен нарушать того, что установлено богом. Если же человек нарушает то, что установлено богом и отпускает жену и сходится с другою, то он делает тройное зло – себе, жене и другим людям. Себе делает зло тем, что привыкает к распутству. Жене делает зло тем, что, оставив ее, вгоняет ее в грех. Делает зло другим людям тем, что соблазняет их, подавая пример прелюбодеяния.

И сказали Иисусу ученики: – Слишком трудно жить с одной женой. Если так до самой смерти надо жить с одной женой, какая бы она ни была, то лучше уж вовсе не жениться.

И сказал им на это Иисус: – Можно и не жениться; но только, если кто хочет жить без жены, тот будь совсем чистый и не думай о

женщинах. Хорошо, кто может прожить жизнь так, а кто не может этого, тот женись и живи до смерти с одной женой и не соблазняйся на других женщин.

(Мф. 19, 3—12).

Вопросы: 1) В чем соблазн женский? 2) От чего не следует переменять жены? 3) В чем зло, если человек разводится с женою? 4) Что сказали на слова Иисуса ученики? 5) И что отвечал им на это Иисус?

23

Один раз подошли к Петру сборщики податей на храм и спросили его: – Что учитель ваш заплатит, что полагается? – Петр сказал, что заплатит. И, услышав это, Иисус сказал Петру: – Как ты думаешь, Петр, царь с кого берет подати – с сыновей своих или с посторонних? – Петр сказал: – С посторонних. – Так вот, если мы сыновья бога, то нам незачем платить подати. Но чтобы не соблазнять их, отдай им, но не потому, что мы обязаны платить, а только для того, чтобы их не ввести в грех.

В другой раз фарисеи сошлись с царскими чиновниками и подошли к Иисусу, чтобы

уловить его в словах, откажется ли он от обязанности перед царем. Они сказали ему: – Ты вот учишь всему по правде, скажи нам, что мы обязаны платить царю подати или нет? – Иисус сказал им: – Покажите, чем вы платите царю подати? Они показали монету. На монете было царское изображение. И Иисус указал на это изображение и сказал: – Царю отдавайте царское; только божье, душу свою, никому не отдавайте, кроме как богу. Деньги, имущество, труд свой, всё отдавайте тому, кто будет просить их у вас, но ни для кого не делайте того, что противно закону бога.

(Мф. 17, 24—27; 22, 15—22).

Вопросы: 1) Как просили у Иисуса подать на храм? 2) Что он сказал? 3) Как искушали его фарисеи о податях царю и что он сказал?

24

Случилось раз, что зашли ученики Иисусовы в деревню и попросились переночевать. Но никто не пустил их. И пришли ученики к Иисусу и рассказали про это и сказали: – Такие дурные люди стоят того, чтобы громом их убило за это.

И Иисус огорчился и сказал: – Всё вы не по-

нимаєте, какого вы духа. Я учу не тому, как губить, а тому, как спасти людей. Разве можно желать зла ближнему? Во всяком человеке живет тот же дух божий, какой и в вас, и потому вы не должны желать зла тому же, что в вас самих.

Другой раз книжники и фарисеи привели к Иисусу женщину, взятую в прелюбодеянии, поставили ее перед ним и сказали: – Учитель, эта женщина взята в прелюбодеянии, а по закону Моисея таких надо побивать камнями. Ты что скажешь?

Говорили они это, искушая его. Если бы он сказал, что надо камнями побить женщину, то это было бы противно его учению о любви ко всем; если же бы сказал, что этого не надо делать, то сказал бы противное закону Моисееву. Но Иисус ничего не отвечал им, а только, наклонившись низко, чертил пальцем до земли.

Они еще раз спросили его о том же. Тогда он поднял голову и сказал им: – Вы говорите, что по закону надо побить ее камнями, – так и сделайте, но только пусть первый бросит в нее камень тот, кто не знает за собой греха. –

И сказав это и опустив голову, опять чертил пальцем по земле. Обвинители же стали уходить один за другим, и остался один Иисус и женщина.

И Иисус поднял голову и, не видя никого, кроме женщины, сказал ей: – Видно; никто не осудил тебя? – Она сказала: – Никто, господи! – Так и я не осуждаю тебя, – сказал Иисус. – Иди, и впредь не греши.

(Лк. 9, 52—56; Ин. 8, 3—11).

Вопросы: 1) Что сказали ученики про тех, кто не пустил их? 2) Что сказал Иисус? 3) Как привели к Иисусу женщину? 4) Что он сказал фарисеям? 5) Что сказала женщина?

25

Иисус учил людей тому, что все люди одного отца дети, и потому весь закон бога – в любви к богу и ближнему.

И один законник, зная это, хотел изловить на словах Иисуса и показать ему, что не все люди одинаковы и что люди разных народов не могут быть одинаково сынами бога. И он спросил Иисуса:

– Ты учишь тому, что надо любить ближнего. Но кто мой ближний?

И Иисус ответил ему на это притчей. Он сказал:

Был один богатый иудей. И случилось так, что когда иудей этот возвращался домой, напали на него разбойники, избили, ограбили его и бросили на дороге. Проходил иудей священник и видел избитого иудея, но не остановился, а прошел мимо. Проходил и другой иудей левит и тоже видел избитого и тоже прошел мимо. И проходил по той же дороге человек из чужого народа, самарянин. И увидел этот самарянин избитого иудея и не подумал о том, что иудеи считают самарян не ближними, а чужими людьми и врагами, а пожалел иудея, поднял, его, свез на своем осле в гостиницу, обмыл, перевязал его раны, заплатил деньги за него гостинику и только тогда уехал, когда уже был не нужен избитому.

– Ты спрашиваешь, кто ближний? – сказал Иисус. – В ком есть любовь, тот считает ближним всякого человека, всё равно, какого бы он ни был народа.

(Лк. 10, 25—37).

Вопросы: 1) Как законник хотел изловить

на словах Иисуса? 2) Кто ближний?

26

И учение Иисуса распространялось всё больше и больше. И всё больше и больше злобились на него фарисеи. Они говорили народу: – Не слушайте его. Он обманывает вас. Если жить по его заповедям, то будет больше зла, чем теперь.

Иисус слышал это и сказал им:

– Вы говорите, что если я учу людей не искать богатства, а быть бедными, не злобиться, не отплачивать око за око и зуб за зуб, а терпеть всё и любить всех, то я изгоняю зло, что если люди последуют моему учению, то жизнь их будет хуже, чем прежняя. Вы говорите, что вместо прежнего зла будет новое зло. Но это неправда. Не я заменяю одно зло другим, а вы изгоняете зло злом. Вы изгоняете зло угрозами, казнями, клятвами, убийствами, но зло все-таки не уничтожается. Оно и не может уничтожиться, потому что никакая сила не может сама себя уничтожить. Я же изгоняю зло не тем, чем вы. Я изгоняю зло добром. Я изгоняю зло тем, что призываю людей исполнять те заповеди, которые спасут их

от всякого зла.

(Мф. 12, 24—28).

Вопросы: 1) Что говорили фарисеи про учение Иисуса? 2) Что сказал им Иисус про их учение? 3) Что сказал Иисус про свое учение?

27

Пришли раз к Иисусу мать и братья его, и не могли дойти до него, потому что много было народа около Иисуса. И один человек увидал их, подошел к Иисусу и говорит: – Твои семейные, мать и братья, стоят наружи, хотят с тобой повидаться.

И Иисус сказал: – Мать и братья мои – те, кто знает волю отца и исполняет ее.

Для всякого человека воля отца бога должна быть важнее отца и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и всего имущества, и самой плотской жизни.

Ведь в мирских делах всякий разумный человек, прежде чем что-нибудь начать, сочтет, выгодно ли то, что он делает, и если выгодно, то делает, а невыгодно, то бросает. Если кто хочет построить дом, то, прежде чем начать, сядет и сочтет: сколько нужно денег, сколько у него есть и достанет ли кончить,

чтобы не случилось того, что начал строить и не кончил, и только даром потратил и силы и время. И всякий царь, если хочет воевать, то прежде подумает, может ли он с 10 000 идти войной против 20 000. Если разочтёт, что не может, то пошлет послов и замирится, не станет уже воевать.

Так и всякий человек должен понять, что всё то, что он считает своим: и семейство, и имение, и самая плотская жизнь его не нынче – завтра отнимется от него. И что его одно, что никогда не отнимется от него, – это духовная жизнь, и что только о своей духовной жизни он может и должен заботиться.

И услышав это, один человек сказал: – Хорошо, как есть духовная жизнь. А то как мы всё отдадим, а жизни этой нет.

На это Иисус сказал: – Всякий знает, что жизнь духа есть и одна не умирает. Вы все знаете это, но не делаете того, что знаете, – не потому, что сомневаетесь, но потому, что отвлекаетесь от истинной жизни ложными заботами.

И он сказал на это такую притчу:

Хозяин приготовил обед и послал работни-

ков звать гостей, но гости стали отказываться. Один сказал: я землю купил, надо пойти поглядеть. Другой сказал: я быков купил, надо пахать. Третий сказал: я женился, у меня свадьба. И пришли работники и сказали хозяину, что никто не идет. Хозяин тогда послал звать нищих. Нищие не отказались и пришли, пировали на обеде.

Так и люди знают духовную жизнь только тогда, когда у них нет забот плоти.

(Лк. 8, 19—21; Мф. 12, 46—50; Лк. 14, 26—33, 15—24).

Вопросы: 1) Что сказал Иисус, когда мать и братья его пришли к нему? 2) Что важнее – жизнь плотская или духовная? 3) Что сказал один человек о жизни духовной и что ответил Иисус? 4) Что отвлекает от жизни духовной? 5) В чем притча о пире?

28

И раз подошел к Иисусу человек, пал перед ним на колени и сказал: – Учитель благой, скажи мне, что мне делать, чтобы получить жизнь вечную?

Иисус сказал: – Что ты называешь меня благим? Никто не благ, только один бог. Зна-

ешь заповеди, исполняй их.

А человек сказал: – Заповедей много, какие? – Иисус и говорит: – Не убивай, не блуди, не лги, не крадь, не обижай никого, почитай отца и мать.

А человек сказал: – Эти заповеди я исполняю от юности.

Иисус посмотрел на него и полюбил его и говорит: – Одного тебе недостает, – поди, и всё, что есть у тебя, продай и раздай нищим.

И человек смутился и молча отошел, потому что у него было большое имение.

И Иисус сказал ученикам: – Вот видите, как трудно богатому войти в царство божие. – Ученики ужаснулись на эти слова, а Иисус еще раз повторил и говорит: – Да, дети, трудно, трудно богатому войти в царство божие. Легче верблюду пройти в ушко иголки, чем богатому войти в царство божие. – И они еще пуще ужаснулись и говорили между собою: – Если не иметь ничего, то как же жить после этого, – замерзнешь, умрешь с голоду.

Христос сказал: – Это только кажется страшно плотскому человеку, духовному же человеку это легко. Тот, кто поверит в это и

испытает, тот узнает, что это правда.

(Мр. 10, 17—27).

Вопросы: 1) О чем спросил Иисуса богатый человек? 2) Что сказал Иисус? 3) Что сказали ученики? 4) Что сказал Иисус?

29

И еще сказал Иисус: – Нельзя служить сразу двум господам: богу и богатству, воле отца и своей воле. Надо одно из двух: служить одному или другому.

И фарисеи слышали это, – фарисеи любили богатство и смеялись над этими словами Иисуса. И Иисус сказал им: – Вы думаете, что потому, что вас за богатство почитают люди, что вы и точно почетны. Нет, бог не смотрит на то, что наружи, а смотрит на сердце. То, что перед людьми высоко, то мерзость перед богом. В царство божие входят не богатые, а нищие.

Иисус знал, что фарисеи верят в то, что после смерти люди поступают одни в ад, другие в рай, и сказал им о богатстве такую притчу. Он сказал:

Был один человек, очень богатый; он каждый день гулял, рядился и веселился. И жил в

том же месте нищий и коростовый человек, по имени Лазарь. И приходил Лазарь во двор богача, надеясь, не останутся ли объедки от богачева стола; но и объедков Лазарю не доставалось, богачевы собаки всё подъедали, да еще и Лазарю облизывали стружья. И вот умерли оба: и Лазарь и богач. И вот в аду увидел богач вдалеке Авраама, и смотрит, – Лазарь коростовый с ним сидит. Богач и говорит: Авраам, батюшка, тебя я беспокоить не смею, а вижу, с тобою сидит Лазарь коростовый, тот, что у меня под забором валялся. Так пришли мне его, пускай он палец в воде помочит и даст мне глотку освежить, потому горю я в огне. А Авраам говорит: за что же мне к тебе в огонь Лазаря посылать? Ты в том мире чего желал, то и имел, а Лазарь только горе видел. Да и хотел бы сделать по-твоему, да нельзя. Нет общения между вами и нами. Тогда богач говорит: если так, то пошли ты, батюшка Авраам, Лазаря хоть ко мне в дом. У меня пятеро братьев осталось, так жалко мне их. Пусть он скажет им, что́ от богатства бывает, а то как бы и они не попали в такую же муку, как и я. А Авраам говорит: они и так это

знают. Это и Моисей и все пророки говорили. А богач и говорит: всё бы лучше, если бы кто из мертвых воскрес и к ним пришел, – они бы лучше одумались. А Авраам говорит: если и Моисея, и пророков не слушают, то хоть и мертвый воскреснет, и того не послушают.

(Лк. 16, 13—15, 19—31).

Вопросы: 1) Что сказал Иисус? 2) Что сказал Иисус на насмешки фарисеев? 3) В чем притча о богаче и Лазаре?

30

После этого Иисус ушел в Галилею и жил там с своими родными. И когда пришел иудейский праздник – обновление сени, то братья Иисуса собрались идти на праздник и стали звать с собой и Иисуса. Они не верили в его учение и говорили ему: Вот ты говоришь, что иудейское служение богу неправильно, а что ты знаешь настоящее служение богу делом. Если ты точно думаешь, что знаешь то, чего никто, кроме тебя, не знает, так вот иди с нами на праздник, там народу будет много, там при всем народе и объяви свое учение. Если все поверят тебе, тогда и ученикам твоим будет видно, что ты прав. А то что же

скрывать. Ты говоришь, что наше служение богу ложно, что ты знаешь истинное, ну и покажи его всем.

И Иисус сказал им: – Каждому делу свое время. Пойду, когда придет время. – И братья его ушли, а он остался.

И на празднике было много народа, и народ спорил об учении Иисуса. Одни говорили, что учение его истинно, а другие говорили, что он только смущает народ. В половине праздника сам Иисус пришел в Иерусалим и вошел в храм. В притворе храма стояла скотина – коровы, быки, бараны, и были сделаны садки с голубями, и сидели за лавками менялы с деньгами. Всё это нужно было для того, чтобы подавать жертвы богу. И Иисус, войдя в храм и увидав много народа, прежде выгнал скотину из храма, и голубей всех повыпустил, и деньги менял все рассыпал. И потом сказал всем:

– Пророк Исаия сказал: «дом бога не храм в Иерусалиме, а весь мир людей божьих». А пророк Иеремия тоже сказал: «не верьте лживым речам о том, что здесь дом вечного, не верьте этому, а перемените жизнь свою и не

судите лживо, не угнетайте странника, вдову, сироту, не проливайте безвинной крови, и не приходите в дом бога и не говорите: теперь мы спокойно можем делать дурное. Не делайте дома моего вертепом разбойников. Я, бог, не радуюсь вашим жертвам, но радуюсь вашей любви между собой». Поймите, что значат слова пророка: живой храм – это весь мир людей, когда они любят друг друга. Служить богу надо не в храме, а жизнью в духе и добрыми делами.

Все слушали и дивились его речам и спрашивали друг друга, откуда он, не учившись, знает всё это. И Иисус, услышав то, что все удивлялись его речам, сказал: – Ученье мое не мое, но того, кто послал меня, потому что кто от себя выдумывает, тот ищет славы от людей, а кто ищет того, чего хочет тот, кто его послал, тот справедлив, и нет в нем неправды. Я учу вас только исполнению воли отца. Если станете исполнять эту волю, то узнаете, что не я выдумал то, что говорю, а что это учение от бога.

И многие сказали: – Говорят, что он лживый пророк, а вот он говорит всем явно, и ни-

кто ничего не говорит против него. Только по одному нельзя верить, что он мессия, посланник божий, – это по тому, что сказано, когда придет посланник божий, то никто не будет знать, откуда он родом, а мы знаем его и всю его родню.

Тогда Иисус сказал им: – Знаете меня и откуда я по плотскому, но не знаете, откуда я по духу. Не знаете, от кого я по духу, а его только и надо знать. Если бы вам сказали, что я мессия, вы поверили бы мне, человеку, а не верите отцу, который и во мне и в вас. А надо верить одному отцу.

(Ин. 7, 1—29; 2, 13—16; Мф. 21, 13; 12, 7).

Вопросы: 1) Что сказали братья Иисусу? 2) Как он отвечал? 3) Что говорили на празднике об учении Иисуса? 4) Что он сделал в храме? 5) Что говорил? 6) Что народ говорил? 7) Что отвечал им Иисус?

31

И многие из народа, увидав всё это и услышав его, говорили: он точно пророк. Другие же говорили: это мессия, а иные говорили: разве из Галилеи может прийти мессия? Сказано в писании, что мессия придет от се-

мени Давидова из Вифлеема, из того места, откуда был Давид.

И зашел о нем спор, и началось волнение в народе.

И тогда первосвященники послали служителей схватить его, но служители не решились взять его. И когда они возвратились к первосвященникам и фарисеям, фарисеи сказали им: – Что же вы не привели его? – Служители отвечали: – Никогда человек не говорил так, как этот человек. – Фарисеи сказали им: – Неужели и вы прельстились? Уверовали в него кто из начальников или из фарисеев? Поверил в него только народ проклятый. А народ невежда в законе.

И разошлись все по домам.

Иисус же пошел на гору Елеонскую и там ночевал с учениками, а утром опять пришел в храм, и опять много народа пришло слушать его. И он опять учил их. Он сказал: – Учение мое свет миру. Кто примет его, тот не будет ходить во тьме, но будет ясно видеть, что хорошо и что дурно. Я учу тому, чему учит всякого человека отец мой дух, пославший меня.

Они сказали: – Где твой отец?

Он сказал: – Если бы вы знали меня, вы знали бы и отца моего.

И сказали ему: – Кто же ты?

Он сказал: – Я тот дух, которому не было начала и не будет конца. Я сын человеческий, но признаю отцом своим дух божий. Когда вы возвеличите в себе сына человеческого, тогда узнаете, что такое я, и тогда поймете, что я ничего не делаю и не говорю от себя, но делаю и говорю только то, чему научил меня отец.

(Ин. 7, 40—49, 53; 8, 12—29).

Вопросы: 1) Что говорили об Иисусе в народе? 2) Что говорили фарисеи? 3) Что говорил Иисус, вернувшись в Иерусалим? 3) Что отвечал Иисус на вопрос: где твой отец? 5) Что отвечал Иисус на вопрос: кто он сам?

32

И иудеи окружили его и сказали: – Всё, что ты говоришь, трудно понять и не сходится с нашим писанием. Не мучай нас, а скажи нам прямо: ты ли тот мессия, что по нашему писанию должен прийти в мир?

И отвечал им Иисус: – Я уже говорил вам,

кто я, но вы не верите. Делайте же то, что я говорю, тогда поймете, кто я и для чего пришел.

Кто идет по мне и делает то, что я говорю, кто понимает мое учение и исполняет его, тот соединяется со мною и с отцом.

Я и отец – одно.

И иудеи оскорбились этими словами и взялись за каменя, чтобы убить его.

И он спросил их: – За что вы хотите убить меня?

Они сказали: – Мы хотим убить тебя за то, что ты, человек, делаешь себя богом.

И отвечал им Иисус: – Я сказал, что я сын божий и соединяюсь с отцом, когда исполняю волю его. Тот, кто признает себя сыном бога, тот перестает быть рабом, а получает жизнь вечную. И как раб в доме хозяина не живет всегда, а сын хозяина всегда в доме, так и человек, когда живет духом, соединяется с отцом и живет вечно.

Истинно говорю вам: кто соблюдет слово мое, тот не увидит смерти вовек.

И тогда иудеи сказали ему: – Теперь узнали мы, что бес в тебе. Авраам умер и пророки умерли, а ты говоришь, что кто соблюдает

слово твое, тот не увидит смерти вовек. Неужели ты больше отца нашего Авраама? Авраам умер и пророки умерли, а кто соблюдет твое слово, тот не умрет.

И Иисус сказал: – Истинно, истинно говорю вам, прежде нежели был Авраам, я есмь.

Иисус говорил про тот дух божий, который жил в нем и живет в каждом человеке и которому нет ни конца, ни начала. Но они не понимали этого.

Иудеи не знали, что с ним делать, и не могли присудить его. И пошел он опять за Иордан и оставался там.

(Ин. 10, 24—38; 8, 34—59).

Вопросы: 1) Что отвечал Иисус на вопрос: он ли мессия? 2) Что иудеи сказали на это и что хотели сделать? 3) Что сказал Иисус? 4) Что сказал Иисус о смерти?

33

И один раз, в то время, когда Иисус возвращался в Иерусалим, два ученика его, Иаков и Иоанн, подошли к нему и говорят: – Учитель! Обещай нам, что ты сделаешь нам то, о чем мы попросим тебя. – Он говорит: – Чего вы хотите? – Они говорят: – Чтобы мы

были равны с тобою. – Но Иисус сказал: – Вы сами не знаете, чего просите. Каждый человек может своим усилием войти в царство отца, но никто другой не может сделать этого для другого.

И Иисус подозвал других учеников и сказал всем: – Мирские люди, цари и начальники считаются между собою, кто старше, кто младше. А между вами не должно быть ни старших, ни младших; между вами большим будет только тот, кто будет всем слугою. Между вами, кто хочет быть первым, тот считай себя последним, потому что по воле отца сын человеческий не затем живет, чтобы ему служили, а затем, чтобы самому служить всем и отдать плотскую жизнь за жизнь духа.

(Мр. 10, 35—45).

Вопросы: 1) О чем просили Иисуса ученики? 2) Что он сказал им? 3) Что он сказал всем ученикам?

34

И на это сказал Иисус еще такую притчу. Он сказал:

Вышел раз хозяин рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорив-

шись с работниками по гривне за день, послал их в виноградник свой; потом вышел около завтрака и увидел других рабочих без работы и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять вышел около обеда и около полдника и сделал то же. И уже вечером нашел еще людей без работы и сказал им: что вы стоите здесь целый день без дела? Они сказали: никто не нанимал. И он сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите.

Когда же пришло время к расчету, говорит хозяин виноградника своему управителю: позови работников и отдай им равную плату, начав с последних и до первых. И те, что пришли вечером, получили по гривне. Те же, что пришли первыми, думали, что они получат больше, но получили тоже по гривне.

И эти первые стали роптать на хозяина виноградника и говорили: эти работали один час, а мы целый день с утра, и ты сравнял их с нами.

Хозяин же сказал им: напрасно вы ропщете. Разве вы не уговорились со мною по грив-

не? Возьмите, что вам следует, и идите. А если я хочу дать последнему то же, что и первому, то разве я не властен в своем делать, что хочу? Вы обижаетесь за то, что я добр, и завидуете брату. Это нехорошо.

То же и с людьми: рано или поздно исполнит человек то, чего хочет от него бог. Всем ровно, и последним то же, что и первым.

(Мф. 20, 1—16).

Вопросы: 1) Как нанимал хозяин рабочих? 2) Как рассчитывал? 3) Что сказали рабочие? 4) Что сказал хозяин? 5) Что значит притча?

35

И об этом же сказал Иисус еще притчу. Он сказал:

Было у одного человека два сына, и меньшой захотел отделиться от отца и сказал: батюшка, отдели меня. И отец отделил его. Взял меньшой свою часть и пошел на чужую сторону. И на чужой стороне промотал всё имение и стал бедствовать. И так опустился, что нанялся на чужой стороне в свинопасы. И только тем и питался, что ел жолуди, то же, что ели свиньи. И раз раздумался он о своем житье и сказал себе: напрасно я ушел от отца.

У отца всего было много, у отца и работники сыто едят. А я вот со свиньями один корм ем. Пойду лучше к отцу, поклонюсь ему в ноги и скажу: виноват я, батюшка, перед тобою и не стою тебе сыном быть. Возьми меня к себе хоть в работники.

Подумал так и пошел к отцу. И когда он подходил к дому, увидел его отец, узнал и вышел навстречу ему, обнял и поцеловал его.

И сказал сын: батюшка, виноват я перед тобою, не стою тебе сыном быть. – Отец ничего не ответил на эти слова, а только велел работникам принести одежду самую лучшую и сапоги хорошие, и велел сыну одеться во всё хорошее. А еще велел отец работнику убить теленка поеного. И когда всё было готово, отец сказал домашним: этот сын мой был мертвый, а теперь живой стал, пропал, а теперь нашелся. Будем же праздновать эту радость.

И когда все сели за стол, пришел большой сын с поля и увидел, что в доме что-то празднуют, и подозвал старший сын работника и спросил: что такое у нас празднуют? И работник сказал: разве ты не слыхал, брат твой

вернулся, и отец твой радуется. Большой брат обиделся и не пошел в дом. А отец вышел к нему и стал звать его. Но старший сын не пошел и сказал отцу: сколько лет на тебя работаю и приказа твоего не слушаюсь, а ты для меня никогда теленка поеного не резал. А меньшой брат ушел из дома, всё имение прогулял с пьяницами, а ты теперь для него такой пир делаешь.

И сказал отец старшему сыну: ты, говорит, всегда со мной, и всё мое – твое. И тебе не надо обижаться, а радоваться, что брат твой в мертвых был, а теперь живой стал, пропадал, а теперь нашелся.

Так же поступает бог со всеми людьми, когда рано или поздно они возвращаются к отцу и вступают в царство божие.

(Лк. 15, 11—32).

Вопросы: 1) Как младший сын отделился от отца и как жил? 2) Как вернулся? 3) Как встретил его отец? 4) Что сказал большой брат? 5) Что ответил отец? 6) Что значит притча?

И спросил один раз Иисус у учеников своих: – Скажите мне, как люди понимают мое учение? – И они сказали: – Одни понимают так, что ты учишь тому же, чему учил Иоанн, другие говорят, что ты учишь тому же, чему учил Исаия; еще другие говорят, что учение твое похоже на учение Иеремии, что ты пророк. – Хорошо, сказал Иисус. А вы как понимаете о моем учении?

И сказал ему Симон Петр: – По-моему, ты учишь тому, что дух божий живет в каждом человеке и что поэтому всякий человек сын бога. – И сказал ему Иисус: – Счастлив ты, Симон, что понял это. Человек не мог открыть тебе это, но понял ты это потому, что бог живет в тебе. Не я своими словами открыл тебе это, а бог, отец мой, прямо открыл тебе это.

И в это время сказал Иисус ученикам о том, что не миновать ему в Иерусалиме нападок и оскорблений от людей, не верующих его учению, но что если и убьют его, то убьют тело, но не убьют того духа божия, какой живет в нем.

Услыхав эти слова, Петр огорчился, взял за руки Иисуса и сказал ему: – Ты не ходи в

Иерусалим.

Иисус же сказал на это: – Не говори так. Если ты боишься за меня мучений и смерти, то это значит, что ты не думаешь о божьем, а думаешь о человеческом. В жизни этой люди должны страдать, если живут для царства божьего, потому что мир любит своих, а божьих ненавидит. Всегда было так, что мирские люди мучили тех, кто исполняет волю отца.

И, подозревая народ с учениками, Иисус сказал: – Кто хочет жить по моему учению, тот пусть откажется от своей плотской жизни и пусть будет готов на все страдания, потому что, кто боится за свою плотскую жизнь, тот погубит истинную жизнь, а кто отдаст свою плотскую жизнь, тот спасет истинную. И кто хочет исполнять мое учение, тот пусть исполняет его не на словах, а на деле.

И сказал на это притчу:

У одного человека было два сына, и отец сказал первому: поди, работай в сад мой, но сын сказал: не хочу, – а после, раскаявшись, пошел. А потом подошел отец к другому сыну и сказал то же. И второй сын сказал: иду сейчас, и не пошел. Который из двух исполнил

волю отца?

И ученики ответили: – Первый.

И Иисус сказал: – Так-то и я говорю вам, что мытари и блудницы скорее войдут в царство божие, чем те, которые говорят, но не исполняют.

(Мф. 16, 13—17, 21—25; 21, 28—31).

Вопросы: 1) Что сказал Иисус о том, что будет тем, которые будут исполнять его учение? 2) Что будет здесь с такими людьми? 3) Что сказал ему Петр? 4) Что ответил Иисус? 5) Какую сказал притчу?

37

И тогда ученики сказали Иисусу: – Трудно твое учение. Умножь в нас веру в то, что нам будет хорошо, если мы будем жить по твоему учению.

Иисус понял, что ученики желают знать про награду за добрую жизнь. И он сказал им:

– Вера не в том, чтобы верить в награду, а вера в том, чтобы ясно понимать в чем жизнь. Если ты ясно понимаешь, что жизнь твоя в духе божием, то ты не будешь ждать награды. Хозяин не станет благодарить работника за то, что он сделал то, что должно. И ра-

ботник, если он понимает, что он работник, не обижается на это, а работает, и знает, что получит то, что ему следует.

Так-то и вы исполняйте волю отца и понимайте, что вы – работники, и если сделали то, что должно было, то не ожидайте награды, а довольствуйтесь тем, что получаете. Не о том надо заботиться, чтобы получить награду, а надо заботиться о том, чтобы не погубить ту жизнь, какая дана нам, исполнять в этой жизни волю отца. И потому будьте всегда готовы, как слуги, когда они ждут хозяина. Слуги не знают, когда он вернется, рано или поздно, и всегда должны быть готовы.

То же самое и в жизни. Всегда, всякую минуту надо исполнять волю отца, не говоря себе: «тогда или там-то я сделаю то-то».

Итак, всегда живите духом в настоящем. Для жизни духа нет времени. Смотрите за собой, чтобы не отягчать себя и не отуманивать пьянством, объядением, заботами, чтобы всегда дух божий властвовал над вашим телом.

(Лк. 17, 5—10; 12, 36—40; 21, 34).

Вопросы: 1) Что сказали ученики? 2) Что сказал Иисус о вере? 3) Какую сказал на это

притчу? 4) Как и отчего надо жить в настоящем?

38

И Иисус сказал еще притчу о том, как надо жить людям. Он сказал:

Хозяин посадил сад, обделал, устроил его, всё сделал для того, чтобы сад давал как можно больше плодов. И послал в этот сад работников, чтобы они работали, – собирали плоды и по уговору платили ему оброк. И вот пришел срок, и хозяин послал работника за оброком, но работники забыли про то, что сад не ими насажен и устроен, что они пришли во все готовое, и отогнали посланца хозяина ни с чем, и жили в саду, как хозяева, не думая о том, что сад не их собственный и что они по милости хозяина живут в нем. Тогда хозяин послал еще старшего приказчика, чтобы напомнить работникам об оброке. Работники прогнали и этого. Тогда хозяин послал сына. Но работники подумали, что если они убьют хозяйского сына, то их совсем оставят в покое. Они и убили его.

Что же делать хозяину? Больше нечего, как выгнать работников и прислать других.

Хозяин – это отец; сад – это мир: работники – это люди; оброк – это жизнь духовная; посланцы хозяина – это святые люди, которые напоминают людям о том, что им надо жить не для тела, а для духа.

Заблудшие люди думают, что жизнь дана им для их телесного блага, а не для исполнения воли отца, и убивают в себе жизнь духа и потому лишаются жизни.

(Мр. 12, 1—9).

Вопросы: 1) Какую притчу сказал Иисус? 2) Как распорядился хозяин с садом? 3) Что подумали и что сделали работники? 4) Что может сделать хозяин? 5) Что значит притча?

39

После этого Христос опять пришел в Иерусалим и в храме стал говорить народу о дурной жизни фарисеев. Он сказал:

– Берегитесь учения книжников, самозваных, правоверных учителей. Берегитесь их, потому что они заняли место истинных учителей, пророков. Они самовольно взяли на себя власть проповедывать народу волю бога. Они только говорят, но не делают того, что говорят. Они хотят быть учителями и для этого

стараятся выказываться: наряжаются, величаются, а сами ничего не делают. Не верьте им. Знайте, что никто не должен называть себя учителем.

Эти самозванные правоверные учителя думают, что можно привести к богу внешними обрядами, клятвами, а не видят того, что внешнее ничего не значит, что всё в душе человека. Они самое легкое, наружное делают, а что нужно и трудно – любовь, милость, правду – оставляют. Им бы только наружно быть в законе и других наружно привести к закону. И от этого они – как гробы крашеные: снаружи чисты кажутся, а внутри мерзость.

Они наружно и святых и мучеников чтут. А по самому делу они-то и есть те самые, которые мучили и убивали святых. Они и прежде и теперь враги всего доброго. От них всё зло в мире, потому что они скрывают добро и зло называют добром. А этого надо больше всего бояться, потому что вы сами знаете, что всякую ошибку можно поправить, но если люди ошибаются в том, что есть добро, то уже этой ошибки нельзя поправить. А это и делают эти самозванные пастыри.

После этого Иисус сказал: – Хотел я здесь, в Иерусалиме, соединить всех людей так, чтобы люди здесь жили, любя друг друга и служа друг другу, но эти люди только умеют казнить учителей добра.

И Иисус пошел прочь от храма.

И сказал Иисус: – Верно говорю вам, что весь этот храм и все украшения его, всё это разрушится и ничего от этого не останется. Есть один храм божий, это – сердца людей, когда они любят друг друга.

И спросили они у него: – Когда же будет такой храм? – И Иисус сказал: – Это будет не скоро. Долго еще людей будут обманывать моим учением, и будут за это войны и возмущения. И будет большое беззаконие и будет мало любви.

Но когда все люди поймут истинное учение, тогда будет конец зла и соблазнов.

(Лк. 20, 46; Мф. 23, 1—39; Мр. 3, 28—29; Мф. 24, 1—14).

Вопросы: 1) Как Иисус обличал фарисеев? 2) Что он хотел сделать в Иерусалиме? 3) Что он сказал о храме? 4) Что он сказал о том, когда люди соединятся в истине?

И всеми силами старались книжники и фарисеи погубить Иисуса; они собрались в совет и стали судить о том, как бы это сделать. Они говорили: – Надо остановить этого человека. Он так доказывает свое учение, что если оставить его, все поверят в него и бросят нашу веру. Уже и теперь половина народа поверила в него. А если все поверят в его учение о том, что все люди сыны одного отца и что все братья, что нет в нашем народе еврейском ничего особенного от других народов, то придут римляне и заберут нас, и не будет больше царства еврейского.

И долго советовались книжники и фарисеи. Им хотелось убить Иисуса, чтобы избавиться от него, но они боялись народа и не решались этого сделать.

Тогда первосвященник ихний, по имени Каиафа, сказал так: – Напрасно вы так боитесь. Бывает, нужно убить одного человека для того, чтобы не погиб весь народ. Так и теперь, – если мы не прекратим этого человека, то весь народ погибнет. Если даже и не погибнет народ, то все-таки он разбредется и отой-

дет от нашей единой истинной веры, и потому нечего бояться, а надо убить Иисуса.

И когда Каиафа сказал это, все согласились с ним и порешили убить Иисуса. Они бы и сейчас взяли Иисуса и убили его, но Иисуса не было в Иерусалиме, и они не знали, где он.

Когда же подошел праздник пасхи, тогда первосвященники решили, что Иисус с народом верно придет к празднику, и повестили своим служителям, что если кто увидит Иисуса, то привел бы его к ним.

И точно, еще за шесть дней до пасхи Иисус сказал ученикам: – Теперь пойдете в Иерусалим. – Но ученики знали, что первосвященники хотят убить его, и стали просить его, чтобы он не ходил в Иерусалим. Они сказали ему: – Первосвященники решили побить тебя камнями. Если придешь, они наверное убьют тебя.

Иисус же сказал им: – Спотыкается и падает только тот, кто ходит в темноте; если же человек ходит днем, при свете, то такой человек не спотыкается. Не может ошибаться человек, если живет в свете воли божьей, делает то, чего хочет бог. Такой человек не может

ничего бояться. Пойдемте в Иерусалим.

И они собрались и пошли.

(Ин. 11, 47—57, 7—10).

Вопросы: 1) Отчего тревожились книжники и фарисеи? 2) Что сказал Каиафа? 3) Что решили первосвященники? 4) Что сказали ученики Иисусу? 5) Что он сказал им?

41

Когда в Иерусалиме узнали, что идет Иисус, народ вышел ему навстречу, окружили его, посадили его на осленка, и люди бежали перед ним, срывали с деревьев ветки, кидали на дорогу и кричали: – Вот он наш истинный царь! Он научил нас истинному богу. – И так въехал Иисус в Иерусалим. И спрашивали люди: – Кто это такой? – И те, кто знали его, отвечали: – Это Иисус, пророк из Назарета Галилейского.

Когда подъехал Иисус к храму, он сошел с осленка, вошел в храм и стал учить народ. И видели всё это фарисеи и архиереи и говорили друг другу: – Смотрите, что делает этот человек. Весь народ за ним идет.

Они хотели бы сейчас взять его, но не смели этого сделать, боялись народа и всё придумывали.

мывали, как бы сделать это так, чтобы не раздражить народ.

Иисус же без всякой помехи учил народ в храме. В народе, кроме иудеев, были еще язычники, греки. Греки слышали про учение Иисуса, что оно не для одних евреев, а для всех людей, и хотели слышать его. Они сказали об этом Филиппу. А Филипп сказал Андрею.

Ученики боялись сводить Иисуса с греками. Они боялись, чтобы народ не озлобился на Иисуса за то, что он не признает разницы между евреями и другими народами, и сначала не решались сказать Иисусу про то, чего хотели греки, но потом сказали ему.

Услышав про то, что греки хотят быть его учениками, Иисус сначала смутился. Он знал, что если не делать разницы между иудеями и язычниками, то народ озлобится на него. Но тотчас же оправился и сказал: – Нет различия между иудеями и язычниками, и один и тот же сын человеческий во всех людях. Пускай я погибну за это, но пришло время признать сына человеческого, единый дух божий во всех людях. Пшеничное зерно только тогда

приносит плод, когда оно само погибает. Так и человек приносит плод только тогда, когда отдает жизнь свою для исполнения воли бога. Кто любит свою телесную жизнь, тот умаляет свою жизнь духовную, а кто готов отдать свою жизнь телесную, тот получает духовную.

Душа моя борется теперь, отдамся ли я расчетам временной жизни, или исполню волю отца. И что же, неужели теперь, когда наступил тот час, когда я должен сделать то, для чего послан в мир, я скажу: – отец, избавь меня от того, что я должен делать? – Не могу я сказать этого, а говорю одно: – отец, прояви себя во мне так, чтобы я мог возвеличить сына человеческого и соединить всех людей воедино.

И на эти слова иудеи сказали ему: – Мы знаем, что должен прийти Христос, но не понимаем, что такое значит возвеличить сына человеческого?

И Иисус сказал: – Возвеличить сына человеческого значит жить светом духовным. А свет духовный есть во всех вас. Возвеличить сына человеческого над земным значит верить в то, что дух божий живет в каждом че-

ловеке. Кто верит в мое учение, тот верит не мне, но духу божьему; а дух божий дает жизнь, миру и живет в каждом из вас. И тот, кто понимает мое учение, знает этот дух, потому что дух этот живет в нем и дает жизнь миру. Если же кто слышит слова мои и не понимает их, я не виню его, так как я пришел не обвинять, но спасать. Тот, кто не понимает моих слов, тот не верит в дух божий, потому что то, что я говорю, я говорю не от себя, но от духа отца. А дух отца живет во мне. То, что я говорю, это то, что сказал мне этот дух.

И, сказав это, Иисус ушел и опять скрылся от первосвященников.

(Мф. 21, 7—12; Ин. 12, 19—36, 44—50).

Вопросы: 1) Что говорил Иисус в храме о том, что его ожидает? 2) Что он сказал о своем учении?

42

И из тех, которые слышали эти слова Иисуса, многие из сильных и богатых людей поверили в учение Иисуса, но боялись признаться перед фарисеями, потому что из фарисеев ни один не признавал учения Иисуса. Они не признавали истины, потому что при-

выкли верить учению человеческому, а не божескому.

И сошлись опять первосвященники и книжники во дворе Каиафы. И стали придумывать, как бы им тайно от народа взять Иисуса и убить. Явно же они боялись схватить его. И к ним на совещание пришел один из первых учеников Иисуса, Иуда Искариотский, и сказал им: – Если боитесь взять Иисуса явно, при народе, я найду время, когда с ним будет немного народа, и покажу, где он, и тогда возьмете его. Что дадите мне за это? – Они обещали ему за это тридцать сребренников. Иуда согласился, и с тех пор стал выбирать время, когда можно будет навести на Иисуса первосвященников, чтобы взять его.

Между тем Иисус опять ушел из Иерусалима, и были с ним только ученики его. Когда же подошел первый праздник «опресноков», ученики говорят Иисусу: – Где же мы будем справлять пасху? – Иисус и говорит: – Подите куда-нибудь в деревню и зайдите в первый дом и скажите, что у вас нет времени готовить пасху, а что вы просите пустить вас к себе справить праздник.

Ученики так и сделали, пошли в деревню, попросились в деревне в первый дом, и хозяин пустил их. И когда они пришли, – Иисус и двенадцать учеников, в том числе и Иуда, – то все сели за стол, чтобы справлять пасху. Иисус же догадывался о том, что Иуда Искариотский обещал фарисеям выдать его на смерть, но он не хотел злом за зло отплатить Иуде и при всех учениках обличить его, а как всю жизнь учил учеников любви, так и теперь хотел только любовью смягчить сердце Иуды.

И вот, когда он и все двенадцать учеников уже сидели за столом, Иисус взял хлеб, разломил его на двенадцать частей, дал каждому из учеников по куску и сказал: – Это мое тело, берите и ешьте его. – И потом налил в чашу вина, подал ученикам и сказал: – Пейте все из этой чаши, это кровь моя.

И когда они, один за другим, выпили вино из чаши, он сказал: – Да, это кровь моя. Я проливаю свою кровь за грехи мира. – И, сказав это, Иисус встал из-за стола, снял верхнюю одежду, опоясался полотенцем, взял кувшин воды и сказал, что он теперь будет всем уче-

никам мыть ноги. И к первому подошел к Петру, но Петр отстранился и сказал: – Разве можно учителю мыть ноги ученикам? – Иисус же сказал ему: – Тебе странно, зачем я хочу мыть твои ноги, но ты сейчас узнаешь, почему я делаю это. Я делаю это потому, что хотя вы и чисты, но не все.

Иисус словами этими намекал на Иуду.

И Иисус перемыл ноги всем ученикам, также и Иуде. И когда он окончил это и оделся, он обратился ко всем ученикам и сказал: – Поняли ли вы теперь, зачем я это сделал? Я сделал это затем, чтобы вы то же самое всегда делали друг другу. Я, учитель ваш, делаю это, чтобы вы знали, как надо поступать с теми, которые делают вам зло. Если вы это поймете и будете делать так, то вам всегда будет хорошо.

И, сказав это, Иисус опечалился и сказал: – Да, да, один из тех, кому я мыл ноги, предаст меня.

И стали ученики оглядывать друг друга и не знали, про кого он говорит. Один ученик сидел близко к Иисусу. Симон Петр кивнул ему, чтобы он спросил его, про кого он сказал.

Тот спросил.

И Иисус сказал: – Это тот, кому я подам кусок хлеба. – И он подал кусок хлеба Иуде Искариотскому и сказал ему: – Что хочешь делать, делай скорее. – Никто сначала не понял, что значили слова Иисуса, но Иуда понял их и, как только взял кусок, сейчас же встал и вышел, и когда ученики поняли в чем дело, уже было поздно и нельзя было гнаться за ним, потому что была темная ночь.

И когда ушел Иуда, Иисус сказал: – Дети! еще не долго мне быть с вами. Не мудрствуйте о моем учении, а, как я говорил фарисеям, делайте то, что я делаю. Даю вам одну новую заповедь: как я всегда и до конца любил вас всех, так и вы всегда и до конца любите друг друга и всех людей. В этой заповеди всё мое учение. Только исполняя эту заповедь, вы будете моими учениками. Любите друг друга и всех людей.

(Ин. 12, 42, 43; Мф. 26, 3—5, 14—28; Ин. 13, 2—35).

Вопросы: 1) Кто поверил в учение Иисуса? 2) Как совещались первосвященники? 3) Что обещал Иуда? 4) Как Иисус велел приготовить

пасху? 5) Как Иисус намеком указывал на Иуду? 6) Что Иисус сделал ученикам? 7) Как спас Иуду от гнева учеников? 8) Какую заповедь дал ученикам?

43

И еще сказал Иисус своим ученикам: – Жизнь в том, чтобы всё больше и больше приближаться к совершенству бога. Это путь. Я иду по нему, и путь этот вы знаете.

Тогда Фома сказал ему: – Нет, мы не знаем, куда ты идешь, и потому не можем знать путь.

Иисус сказал: – Я иду к отцу, и учение мое это путь к нему. Нельзя соединиться с отцом жизни иначе, как только через мое учение. Исполняйте мое учение любви, и вы познаете отца.

Филипп сказал: – Покажи нам отца.

И Иисус сказал: – Как же ты не знаешь отца. Мое учение в том, что я в отце и отец во мне. Кто будет жить по моему учению и исполнять мои заповеди, тот узнает отца. Я умру, и мирские люди не будут меня видеть, но дух мой не умрет, и вы будете жить им. И тогда вы поймете, что я в отце и отец во мне.

И сказал ему опять Иуда, не Искаротский, а другой Иуда: – Почему дух твой войдет только в нас, а не во всех людей?

И в ответ сказал Иисус: – Кто исполняет мое учение, того любит отец и в том живет дух мой. Кто же не исполняет моего учения, того не любит мой отец, и дух его не живет в том. Учение мое не мое, а отца.

Вот всё, что я могу сказать вам теперь. Но дух мой, дух истины, вселится в вас после меня, и откроет вам всё, и вы вспомните тогда и поймете многое из того, что я говорил вам. И когда поймете это, то будете покойны, не мирским спокойствием, как бывают спокойны люди мирские, но спокойствием духа таким, что уже ничего не будете бояться. Вы напрасно огорчаетесь тем, что я ухожу от вас. Я иду к отцу, и от него, как дух истины, опять приду к вам и вселюсь в ваше сердце. Вам надо не печалиться, а радоваться моей смерти, потому что вместо меня, моего тела, с вами будет дух мой в вашем сердце, а это лучше для вас.

(Ин. 14, 1—28).

Вопросы: 1) Что сказал Иисус о том, в чем

истинная жизнь? 2) Что ответил Иисус на вопрос Фомы о том, что такое путь? 3) Что ответил Иисус на просьбу Филиппа показать отца? 4) Какое будет утешение ученикам? 5) Что ответил Иисус на вопрос Иуды, отчего дух божий войдет не во всех людей? 6) Что будет тому, кто будет веровать учению Иисуса?

44

Если вы будете жить по моей заповеди любви и исполнять ее, то вы будете иметь всё, чего желаете, потому что воля отца в том, чтобы вы имели то, чего желаете. Как отец дал мне благо, так и я даю вам благо. Если заповедь мою соблюдете также, как я соблюдаю заповедь отца, то будете блаженны. Заповедь моя в том, чтобы вы любили друг друга также, как я любил вас, так, чтобы быть готовым ради любви отдать плотскую жизнь свою. Вы равны мне, если делаете то, чему я научил вас. Я не почитаю вас рабами, но считаю вас равными себе, потому что я разъяснил вам всё, что понял от отца, и вы можете делать то же, что и я. Я дал вам истинное учение. И учение это дает единое истинное благо.

Учение всё в том, чтобы любить друг дру-

га. Если мир вас будет ненавидеть и гнать, то не удивляйтесь этому, – миру противно мое учение. Если бы вы были заодно с миром, то он любил бы вас. Но я вас отделил от мира, и за то он будет ненавидеть и гнать вас. Если меня гнали, то будут гнать и вас. Они не могут не делать этого, потому что не знают отца. Я объяснил им, кто их отец, но они не хотели слушать меня. Они не поняли моего учения, потому что не поняли того, что я говорил им об отце. И за то еще больше возненавидели меня.

Еще многое сказал бы вам, но вам трудно понять теперь. Когда же вселится в вас дух истины, он укажет вам всю правду, потому что он будет говорить вам не новое, свое, а то, что от бога, и он во всех случаях жизни укажет вам путь. Этот дух будет говорить вам в вас то же самое, что говорю я.

(Ин. 15, 7—26; 16, 12—15).

Вопросы: 1) Что будет тем, кто соблюдет заповеди Иисуса? 2) В чем заповеди и всё учение? 3) Как будут мирские люди поступать с ученикам Иисуса? 4) Почему так будут поступать мирские люди? 5) Кто доскажет учени-

кам всё, что Иисус не успел сказать?

45

После этого Иисус поднял глаза свои к небу и сказал: – Отец мой, ты дал своему сыну свободу жизни с тем, чтобы он получил жизнь истинную. Жизнь истинная – это знание истинного бога. И я открыл тебя людям. Я сделал повеленное мне тобою дело. Они были твои и прежде, но по твоей воле я открыл им истину о том, что ты в них. И они познали тебя. Они поняли, что всё, что есть во мне, есть и в них, и что всё это только от тебя. Они поняли, что всё мое – твое, и всё твое – мое. Я уже не в мире, а иду к тебе, но они в мире и потому прошу тебя, отец, соблюди их в истине. Не о том прошу, чтобы ты взял их из мира, но о том, чтобы ты избавил их от лжи, утвердил бы их в истине твоей. Чтобы они все были одно; как ты, отец, во мне и я в тебе, так чтобы и они в нас были одно. Чтобы все соединились в одно, и чтобы поняли люди, что они не сами родились, но ты, любя, послал их в мир так же, как и меня.

Отче праведный! мир тебя еще не познал, но я познал, и они познали через меня. И я

объяснил им, что ты, любя их, дал им жизнь с тем, чтобы любовь твоя к ним от них возвращалась к тебе.

(Ин. 17, 1—26).

Вопросы: 1) В чем жизнь истинная? 2) Что есть в учениках Иисуса и во всех людях?

46

И после этого Иисус поднялся и пошел с учениками на гору Масличную. И дорогой он сказал им: – Да, пришло время, когда, как сказано в писании, убьют пастуха и разбегутся овцы. Так и будет с вами. Меня возьмут, и вы разбежитесь.

– Нет, я не убегу, – сказал Петр, – если и все разбегутся, я-то уж никак не оставлю тебя. С тобой готов повсюду, и в тюрьму и на смерть.

Иисус же сказал: – Не хвались вперед о том, что сделаешь. Может быть, что еще нынче до петухов и не раз, а три раза отречешься от меня.

– Ни за что – сказал Петр. То же сказали и другие ученики.

И когда они пришли в сад Гефсиманский, Иисус сказал им: – Побудьте здесь немного, я хочу помолиться. – С собой же он позвал толь-

ко Петра и двух братьев Заведеевых. Он сказал: – Тяжело мне. Побудьте со мною.

И он отошел немного от них, лег на землю и стал молиться. Он сказал: – Отец мой! избавь меня от того, что ожидает меня. – А потом помолчал недолго и сказал: – Но все-таки не моя воля пусть будет, а твоя, и пусть будет не так, как я хочу, а так, как ты хочешь.

И потом встал и подошел к ученикам. А ученики заснули. Иисус разбудил их и сказал: – Крепитесь духом, только дух силен, а плоть слаба.

И опять Иисус отошел от них и опять стал молиться и говорил: – Отец мой! да будет воля твоя. Не моя да будет воля, а твоя.

И, сказав это, опять подошел к ученикам и видит, что они опять заснули. И он в третий раз отошел от них и опять сказал: – Отец мой! не моя, а твоя пусть будет воля.

Тогда вернулся к ученикам и сказал им: – Теперь пойдемте, я отдаюсь в руки мирских людей.

(Мф. 26, 30—46).

Вопросы: 1) Что говорил Иисус, уходя на гору Масличную? 2) Что сказал Петр и что отве-

тил Иисус? 3) Как молился Иисус в саду Гефсиманском? 4) Что говорил ученикам до трех раз?

47

И только что он сказал это, показался Иуда Искариотский и с ним воины и служители первосвященников с оружием и светильниками. И Иуда тотчас же подошел к Иисусу и сказал: – Здравствуй, учитель! – И поцеловал его.

И Иисус сказал ему: – Друг, зачем ты пришел?

Тогда стража окружила Иисуса и хотела взять его. Но Петр выхватил нож у архиерейского слуги и отсек ему правое ухо. И, увидев это, Иисус сказал Петру: – Вложи меч в ножны. Все взявшие меч от меча погибнут.

И после этого Иисус обратился к людям, которые пришли за ним, и сказал: – Зачем вы как на разбойника пришли на меня с оружием? Я ведь каждый день был среди вас в храме и учил вас, – что же вы тогда не брали меня?

Тогда начальник велел солдатам связать Иисуса. Солдаты связали его и повели сперва

к Каиафе. Это был тот самый Каиафа, который уговорил фарисеев погубить Иисуса тем, что сказал, что лучше погубить одного человека, чем гибнуть всему народу. И Иисуса привели на двор его дома.

Ученики же Иисуса все разбежались. Только один из них, Петр, шел издали за Иисусом и смотрел, куда его поведут.

Когда Иисуса ввели во двор первосвященника, Петр вошел туда же, чтобы видеть, чем всё кончится. И одна женщина во дворе увидела Петра и спросила его: – Или ты тоже был с Иисусом Галилейским? – И Петр испугался и, чтобы его не обвинили вместе с Иисусом, сказал: – Не,знаю, что ты говоришь.

Потом, когда Иисуса повели в дом, и Петр вошел с народом в сени. В сенях разложен был огонь, и женщина другая грелась у огня. Когда Петр подошел к огню, женщина поглядела на него и говорит: – Похоже, что этот человек был с Иисусом Назарянином. – Петр испугался еще больше и стал клясться, что никогда не был с Иисусом и не знает, что это за человек.

Немного погодя подошли к Петру люди и

говорят: – Однако по всему видно, что ты тоже из бунтовщиков. Поговору тебя можно узнать, что ты из Галилеи. – Тогда Петр еще раз стал клясться, что даже никогда не видал Иисуса. И только что он сказал это, запел петух. И вспомнил Петр слова Иисуса, что «ты еще до петухов нынче же, может быть, не раз, а три раза отречешься от меня». Вспомнил это Петр и пошел со двора и горько заплакал.

(Мф. 26, 47—58; Ин. 18, 12—14; Мф. 26, 69—75).

Вопросы: 1) Что сделал и сказал Иуда и что ответил Иисус? 2) Что сделал Петр и что сказал Иисус? 3) Что сказал Иисус народу? 4) Что сделали с Иисусом и куда повели его? 5) Что случилось с Петром, когда он шел за Иисусом?

48

И сошлись тогда к первосвященнику старейшины и книжники. И когда все собрались, привели Иисуса, и первосвященник спросил его, в чем его учение и кто его ученики?

Иисус сказал: – Я всегда при всех всё говорил и ни от кого ничего не скрывал. О чем же

ты меня спрашиваешь? Спроси тех, кто слышал и понял мое учение, они скажут тебе.

Когда Иисус сказал это, один из слуг ударил Иисуса по лицу и сказал: – С кем ты говоришь? Разве так отвечают первосвященнику?

Иисус сказал: – Если я дурно сказал, скажи, чем я дурно сказал. А если я дурного не сказал, так зачем же ты меня бьешь?

Первосвященник и старейшины старались обвинить Иисуса, но не находили против него таких улик, чтобы можно было присудить его. Тогда они подыскали двух ложных свидетелей, и свидетели эти сказали про Иисуса, будто он говорил, что может уничтожить храм и в три дня вновь построить его. Первосвященник спросил Иисуса: – Что ты скажешь на это? – Но Иисус ничего не сказал. Тогда первосвященник сказал ему: – Так скажи же, ты ли Христос – сын бога? – Иисус сказал: – Да, я сын бога.

Тогда первосвященник закричал: – Ты хулишь бога. Какие же нам еще улики? Вы все слышали, как он богохульствует! – И первосвященник обратился к собранию и сказал: – Теперь вы сами слышали, что он хулит бога.

К чему вы за это присуждаете его?

И все сказали: – К смерти.

И тогда уже весь народ и стражи, все напустились на Иисуса и стали плевать ему в лицо и бить по щекам. Они зажимали ему глаза, били по лицу и спрашивали: – Ну-ка, ты, сын божий, угадай, кто ударил тебя? – Иисус всё молчал.

(Мр. 14, 53; Ин. 18, 19—23; Мф. 26, 59—68).

Вопросы: 1) Что спросил первосвященник у Иисуса? 2) Что он отвечал? 3) Что сделал один служитель? 4) Что сказал ему Иисус? 5) Что показали ложные свидетели? б) Что спросил первосвященник и что отвечал Иисус? 7) Что сказал первосвященник и как присудили Иисуса? 8) Как ругались над Иисусом?

49

После этого Иисуса связанного повели к Римскому правителю Понтию Пилату. Когда его привели к Пилату, правитель вышел на крыльцо и сказал тем, кто привели его: – В чем вы обвиняете этого человека? – Они сказали: Он злодей, за то мы и привели его к тебе.

Пилат говорит им: – А если он злодей по-

вашему, так сами и судите его по вашему закону. – А они сказали: – Мы привели его к тебе затем, чтобы ты казнил его, а нам не позволено казнить смертью никого.

Тогда Пилат еще раз спросил их, в чем они обвиняют его. Они сказали, что он бунтует народ, запрещает платить подати кесарю и сам себя называет царем иудейским.

Пилат выслушал их и велел привести Иисуса к себе в правление.

Когда Иисус вошел к нему, Пилат спросил его: – Ты царь иудейский? – Иисус сказал ему: – От себя ты спрашиваешь это или повторяешь то, что другие сказали тебе?

Пилат сказал: – Я не иудей, а твои привели тебя ко мне за то, что ты называешь себя царем. – Иисус сказал: – Да, я царь, но царство мое не земное. Если бы я был царем земным, то мои подданные бились бы за меня и не отдали бы меня во власть иудеям. А вот ты видишь, что со мной сделали. Царство мое не земное.

Тогда Пилат сказал: —Ты все-таки себя считаешь царем? – Иисус сказал: – Я учу людей истине царства небесного. И кто живет исти-

ной, тот царь.

Пилат сказал: – Истина? Что такое истина?

И Пилат повернулся задом к Иисусу и вышел опять к иудеям и сказал им: – По-моему, человек этот ничего дурного не сделал и не за что казнить его.

Но первосвященники стояли на своем и говорили, что он много зла делает и бунтует народ и взбунтовал всю Иудею.

Тогда Пилат при первосвященниках стал опять допрашивать Иисуса. Он сказал Иисусу: – Видишь ли ты, как тебя уличают – что же ты не оправдываешься? – Но Иисус молчал и не сказал больше ни одного слова, так что Пилат удивлялся на него.

Тогда Пилат вспомнил, что Галилея во власти царя Ирода, и спросил: не из Галилеи ли он? Ему сказали, что, точно, из Галилеи. Тогда Пилат сказал: – Если он из Галилеи, то он под властью Ирода. – И, чтобы отделаться от иудеев, Пилат послал Иисуса к Ироду.

(Ин. 18, 28—38; Лк. 23, 2—7; Мр. 15, 3—5).

Вопросы: 1) Как Иисуса привели к Пилату? 2) Что Пилат сказал иудеям и что они сказали ему? 3) Что сказал Пилат Иисусу и что Иисус

отвечал ему? 4) Что сказал Пилат иудеям и что они ответили ему? 5) Как Пилат допрашивал Иисуса при иудеях? 6) Как послал к Ироду?

50

И привели Иисуса к Ироду. А Ирод много слышал об Иисусе и теперь рад был увидеть его. Ирод позвал Иисуса к себе и стал расспрашивать его обо всем, что ему хотелось знать. Но Иисус ничего не отвечал ему. А первосвященники и книжники, так же как у Пилата, и перед Иродом всячески обвиняли Иисуса и говорили, что он бунтовщик. Но Ирод счел Иисуса за пустого человека и, чтобы посмеяться над ним, велел одеть его в красное платье и в этом шутовском наряде послал его назад к Пилату.

Когда во второй раз привели Иисуса к Пилату, Пилат позвал опять начальников иудейских и сказал им: – Приводили вы ко мне этого человека за то, что он бунтует народ, и я допрашивал его при вас, и не вижу, чтобы он был бунтовщик. Посылал я его с вами к Ироду, и вот видите, и там ничего не нашлось в нем вредного. И, по-моему, не за что казнить

его смертью, а не лучше ли высесть его и отпустить?

И когда услышали это, все закричали: – Нет, казни его по-римски: на кресте распни его!

Пилат выслушал их и сказал: – Хорошо, только ведь со старины заведено, чтобы для праздника пасхи прощать одного злодея. Так вот есть приговоренный к смерти разбойник Варавва и теперь еще этот. Так одного из двух можно отпустить. Кого же отпустить, Иисуса или Варавву?

Пилату хотелось выручить Иисуса, но первосвященники настроили народ так, что все закричали: Варавву, Варавву! – Тогда Пилат спросил: – А с Иисусом что же делать? – И они опять все закричали: – По-римски, на крест, на крест его.

Пилату все-таки не хотелось казнить Иисуса, и он опять стал уговаривать первосвященников, чтобы отпустили Иисуса. Он сказал: – За что вы так налегаете на него? Он никакого зла не сделал и не за что казнить его.

Но первосвященники и слуги их опять закричали: – Казнить, казнить по-римски! рас-

пять, распять его!

Тогда Пилат сказал им: – Если так, то берите его и сами распинайте, а я не вижу в нем вины.

И первосвященники сказали: – Мы требуем того, что следует по закону. По закону его следует казнить за то, что он называет себя сыном бога.

Тогда Пилат, услышав это слово, смутился, потому что не знал, что такое значит это слово «сын бога».

И, вернувшись в правление, позвал опять Иисуса и спросил его: – Кто ты и откуда ты? – Но Иисус не отвечал ему. Пилат сказал: – Что же ты не отвечаешь мне? Разве ты не видишь, что ты в моей власти и что я могу распять или отпустить тебя?

Тогда Иисус сказал ему: – Нет, ты не имеешь надо мной никакой власти. Есть власть только свыше.

(Лк. 23, 8—16, 18; Мф. 27, 15—23; Ин. 19, 6—11).

Вопросы: 1) Как Ирод допрашивал Иисуса и как держал себя Иисус? 2) Как привели Иисуса опять к Пилату, что хотел с ним сде-

лать Пилат и чего хотели иудеи? 3) Как Пилат хотел выручить Иисуса и чего требовали иудеи? 4) Как Пилат еще раз допрашивал Иисуса и что Иисус отвечал ему?

51

Пилату так хотелось отпустить Иисуса, что он опять стал говорить с народом и сказал: – Как же это вы хотите распять царя вашего?

Но иудеи сказали ему: – Если ты отпустишь Иисуса, то этим ты покажешь, что ты неверный слуга кесарю, потому что тот, кто делает себя царем, тот враг кесарю. У нас есть один кесарь, а этого царя распни.

И когда Пилат услышал это слово, он понял, что ему уже нельзя не казнить Иисуса. Тогда Пилат вышел к иудеям, полил себе на руки воды перед ними и сказал: – Омываю себе руки от крови этого невинного человека.

И народ закричал: – Пусть будет кровь его на нас и на детях наших.

И тогда Пилат велел прежде высечь Иисуса. Когда его высекли, солдаты, те, которые секли его, надели ему на голову венок и дали в руки палку, и на спину накинули ему крас-

ный плащ, и стали издеваться над ним. Они кланялись ему насмех в ноги и говорили: – Радуйся, царь иудейский! – А то били его по щекам и по голове и плевали ему в лицо. И все кричали:– Распни его! Наш царь – кесарь. Распни его!

И после этого Пилат приказал распять Иисуса. И с Иисуса сняли красную одежду, надели на него его платье и велели ему нести крест на лобное место Голгофу, чтобы там распять его. И он нес крест свой, и так пришел на Голгофу. И там распяли его на кресте и еще двух человек вместе с ним. Те два были по бокам, а Иисус посередине их. Иисус же говорил: – Отец! прости им, они не знают, что делают.

(Ин. 19, 12—18; Мф. 27, 24—31; Лк. 23, 34).

Вопросы: 1) Как Пилат заступался за Иисуса и как иудеи отвечали ему? 2) Как распорядился Пилат и что сделал с Иисусом? 3) Как повели Иисуса на лобное место и как распяли?

52

И когда Иисус уже висел на кресте, народ обступил его и ругался над ним. К нему

подходили люди, кивали ему головами и говорили: – Ну-ка, ты храм Иерусалимский хотел разрушить и в три дня опять соорудить. Ну-ка, теперь сам выручи себя, сойди со креста!

И первосвященники и книжники стояли тут же и тоже смеялись над ним и говорили: – Других спасал, себя не можешь спасти. Вот покажи, что ты Христос, сойди с креста, и тогда мы поверим тебе. Он говорил, что он сын божий, и говорил, что бог не оставит его. Что же теперь-то бог оставил его?

И народ, и первосвященники, и солдаты ругались над ним.

То же говорил и один из разбойников, распятых рядом с ним: – Если ты Христос, спаси себя и нас. – А другой разбойник услышал это и сказал: – Не боишься ты бога, сам висишь на кресте за дурное дело, а ругаешься над невинным. Мы с тобою за дело казнены, а этот человек ничего дурного не сделал.

В девятом часу Иисус громко проговорил: – Ели, ели, лама сабахтани! Это значит: «Бог мой, бог мой! на что ты меня оставил?»

И когда услышали это в народе, то стали го-

ворить и смеяться:— Илью пророка зовет! Посмотрим, как Илья придет.

Потом Иисус попросил:— Пить!— И один человек взял губку, обмочил ее в уксус и на камышине подал Иисусу. Иисус пососал губку и сказал громким голосом:— Кончено! Отец, в руки твои отдаю дух мой!— И, склонив голову, испустил дух.

(Мф. 27, 39—44; Лк. 23, 39—41; Мф. 27, 46—49; Ин. 19, 28—30).

Вопросы: 1) Как ругались над Иисусом? 2) Что сказал Иисус перед смертью?

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ В. С. МОРОЗОВА «ЗА ОДНО СЛОВО»

Рассказ этот написан любимейшим моим учеником первой моей школы 1862 года, тогда милым 12-ти-летним Васькой Морозовым,[20] теперь уважаемым 60-ти-летним Василием Степановичем Морозовым.

Как тогда мне были особенно дороги в миллом мальчике его чуткость на всё доброе, его сердечность и, главное, всегдашняя искренность и правдивость, — так и теперь мне особенно понравились те же черты в этом простом рассказе, так ярко отличающемся своей

правдивостью от большинства литературных писаний.

Чувствуешь, что тут нет ничего придуманного, сочиненного, а рассказано то, что именно так и было, – выхвачен кусочек жизни, и той именно русской жизни с ее грустными, мрачными и дорогими, задушевыми чертами.

Думаю, что я не подкуплен моей привязанностью к сочинителю и что читателям рассказ полюбитя так же, как и мне.

Лев Толстой.

1908 г. 18 июля.

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и тело и душу погубить.

Мф. X, 28.

Вследствие извращения христианства жизнь христианских народов стала хуже языческой.

Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиоз-

ной лжи и установления религиозной истины в себе каждым отдельным человеком.

Страдания жизни неразумной приводят к сознанию необходимости разумной жизни.

Все бедствия и всего человечества и отдельных людей не бесполезны и ведут человечество, хотя и окольным путем, всё к той же одной деятельности, которая предназначена людям: совершенствованию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в боге соделаны.

Иоанн. III, 19—21.

Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы

она не обличила его.
Паскаль.

Слава добрых в их совести, а не в устах людей.

Пишу я то, что пишу, только потому, что, зная то одно, что может освободить людей христианского мира от тех страшных телесных страданий и, главное, от того духовного развращения, в которых они все дальше и дальше погрязают, я, стоя на краю гроба, не могу молчать.

В наше время не может не быть ясно для всех мыслящих людей то, что жизнь людей, — не одних русских людей, но всех народов христианского мира, с своей, всё увеличивающейся нуждой бедных и роскошью богатых, с своей борьбой всех против всех, революционеров против правительств, правительств против революционеров, поработенных народностей против поработителей, борьбы государств между собою, запада с востоком, с своими всё растущими и поглощающими силы народа вооружениями, своей утонченностью и развращенностью, — что жизнь такая

не может продолжаться, что жизнь христианских народов, если она не изменится, неизбежно будет становиться всё бедственнее и бедственнее.

Это ясно многим, но, к сожалению, люди часто не видят причины этого бедственного положения и еще менее видят средство избавления. Причиною этого положения признаются многие, самые разнообразные условия и предлагаются самые разнообразные средства избавления. А между тем причина одна, одно и средство избавления.

Причина бедственного положения христианских народов – отсутствие среди христианских народов общего им всем высшего понимания смысла жизни, веры и вытекающего из него руководства поведения.

Средство избавления от этого бедственного положения, и средство не фантастическое, не искусственное, а самое естественное, состоит в усвоении людьми христианского мира открытого им 19 веков тому назад высшего, соответствующего теперешнему возрасту человечества понимания жизни и вытекающего из него руководства поведения, то есть *хри-*

стианского учения в его истинном смысле.

1

Одно из самых грубых суеверий есть суеверие научных людей о том, что человек может жить без веры.

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Если ты сознаешь, что у тебя нет веры, знай, что ты в самом опасном положении, в котором только может находиться человек в этом мире.

Люди могут жить и живут свойственной людям разумной и согласной жизнью только тогда, когда соединяются пониманием смысла жизни, то есть верой в одно и то же, одинаково удовлетворяющее большинство их понимание смысла жизни и вытекающее из этого понимания руководство в поступках. Когда же случается то, что и не может не случаться, так как объяснение смысла жизни и вытекающее из него руководство поведения никогда не бывает последним, а постоянно

всё более и более уясняется, – когда случается то, что понимание смысла жизни, ставшее более точным и определенным, требует вытекающего из этого уяснения иного, чем прежде, руководства поведения, жизнь же народа или народов продолжает идти попрежнему, то жизнь таких народов бывает и разъединенной и бедственной. И разъединенность эта и бедственность не переставая увеличиваются по мере того, как люди, не усваивая свойственного времени религиозного понимания и вытекающего из него руководства поведения, продолжают жить по руководству, вытекающему из прежнего, отжитого уже понимания жизни, и, кроме того, чтобы усвоить свойственное времени религиозное понимание, стараются искусственно придумать такое понимание жизни, которое оправдывало бы их устройство жизни, не соответствующее уже духовным требованиям большинства людей.

Повторялось это много раз в истории, но никогда, я думаю, этот разлад между образом жизни людей, отставших от религиозного уяснения смысла жизни и вытекающего из

него руководства поведения, не был так велик, каков он теперь среди христианских народов, не принявших открытого им христианского учения в *истинном его значении* и вытекающего из этого учения руководства поведения, а живущих и продолжающих жить прежней языческой жизнью.

Разлад этот в жизни христианских народов в особенности велик, я думаю, потому, что объяснение понимания жизни, внесенное христианством в сознание народов, слишком далеко опередило склад жизни народов, принявших его, а потому и вытекающее из него руководство поведения было слишком противоположно не только личным привычкам людей, но и всему складу жизни языческих народов, принявших христианское учение.

От этого-то и произошла та поразительная разъединенность, безнравственность, бедственность, неразумие жизни христианских народов.

Произошло это оттого, что люди христианского мира, приняв, под видом христианства, церковное учение, отличавшееся в своих ос-

новах от язычества только своей неискренностью и искусственностью, очень скоро перестали верить в это учение, не заменив его никаким другим. Так что люди христианского мира, всё больше и больше освобождаясь от веры в извращенное христианское учение, дошли, наконец, до того положения, в котором они находятся в настоящее время, что большинство их не имеет никакого объяснения смысла своей жизни, то есть никакой религии, веры и никакого общего руководства поведения. Большинство людей, рабочий народ, хотя по внешности и держится старой, церковной веры, уже не верит в нее, не руководствуется ею в жизни, а держится ее только по привычке, преданию и ради приличия. Меньшинство же, так называемые образованные классы, большей частью или уже сознательно не верят ни во что и только ради политических целей некоторые из них притворяются, что верят еще в церковное христианство, или же – самое малое меньшинство – искренно верят в учение, несовместимое с жизнью и отставшее от нее, и разными сложными софизмами стараются оправдать свою ве-

ру.

В этом главная и единственная причина переживаемого в наше время христианскими народами бедственного положения.

Бедственное положение это усиливается еще тем, что, так как это состояние неверия продолжается уже много времени, сделалось то, что среди людей христианского мира те из них, которым это положение безверия выгодно, все властвующие классы, либо самым бессовестным образом притворяются, что верят в то, чему не верят и не могут верить, либо, в особенности наиболее развращенные из них ученые, прямо проповедают, что для людей нашего времени совсем и не нужно ни какого бы то ни было объяснения смысла жизни – веры, ни какого бы то ни было вытекающего из веры руководства поступков, а что единственный основной закон жизни человеческой есть закон развития и борьбы за существование и что поэтому жизнь людей может и должна быть руководима только похотями и страстями людскими.

В этом-то бессознательном неверии народа и сознательном отрицании веры так называе-

МЫХ образованных людей христианского мира и заключается причина бедствий людей этого мира.

II

Человек обладает непреодолимым стремлением верить, что его не видят, когда он ничего не видит, – как дети, которые закрывают глаза, чтобы их не увидали.
Лихтенберг.

Люди нашего времени верят, что вся бессмысленность и жестокость нашей жизни с безумным богатством нескольких, с завистливой озлобленной нищетой большинства, с насильем, вооружениями и войнами, не видны никому и что ничто не мешает нам продолжать жить такую жизнь. Заблуждение не перестает быть заблуждением от того, что большинство разделяет его.

Люди христианского мира, приняв под видом христианского учения составленное церковью извращение его, заменившее язы-

чество и сначала отчасти удовлетворявшее людей своими новыми формами, перестали со временем верить и в это извращенное церковью христианство и дошли наконец до того, что остались без всякого религиозного понимания жизни и вытекающего из него руководства поведения. А так как без такого общего всем или по крайней мере общего большинству людей понимания смысла и вытекающего из него общего руководства поступков жизнь людей не может не быть и неразумной, и бедственной, то чем дальше продолжалась такая жизнь людей христианского мира, тем она становилась всё более и более и неразумной и бедственной. И жизнь эта в наше время дотла до той степени неразумия и бедственности, при которой она не может уже продолжаться в прежних формах.

Большинство рабочего народа, лишенного земли и потому возможности пользоваться произведениями своего труда, ненавидит землевладельцев и капиталистов, держащих его в рабстве. Землевладельцы и капиталисты, зная отношение к себе рабочих, боятся и ненавидят их и с помощью организованного

правительством насилия удерживают их в рабстве. И равномерно, не переставая ухудшается положение рабочих, увеличивается их зависимость от богатых, и так же равномерно, не переставая увеличивается богатство богатых, их власть над рабочим народом и их страх и ненависть. Так же равномерно увеличиваются и не могущие иметь конца вооружения народов против народов, затрачивающие всё большие и большие труды рабов-рабочих на сухопутные, водяные, подводные, воздушные сооружения, имеющие целью только приготовления к международным массовым убийствам. И убийства эти совершались, совершаются и не могут не совершаться, так как все христианские народы (не как люди, а как народы), соединенные в государства, ненавидят друг друга и другие, нехристианские государства и всякую минуту готовы наброситься друг на друга. Кроме того, нет ни одного большого христианского государства, которое, по каким-то никому ненужным патриотическим преданиям, не держало бы, против их воли, в своей власти один или несколько небольших народов, принуждае-

мых к участию в жизни ненавидимого ими большого народа: Австрия, Пруссия, Англия, Россия, Франция с своими покоренными народами: Польшей, Ирландией, Индией, Финляндией, Кавказом, Алжиром и др. Так что, кроме всё растущей ненависти бедных против богатых, такой же ненависти больших народов друг против друга, еще всё разрастается и разрастается ненависть угнетенных народов против угнетающих. И что хуже всего — это то, что все ненависти эти, самые противные природе человека, как больших народов друг к другу, так и покоренных народов к покорителям и наоборот, не только не осуждаются, как всякое недоброе чувство людей к людям, а, напротив, восхваляются, возводятся в заслугу, в добродетель. Ненависть подавленных рабочих к богатым и властвующим восхваляется как любовь к свободе, к братству, равенству. Ненависть немцев к французам, англичан к японцам и русских к японцам и т. п. и обратно считается добродетелью патриотизма. Так же и еще больше ценится патриотическая ненависть поляков к русским и пруссакам, и пруссаков и русских к полякам,

финляндцам и обратно.

И это не всё. Все эти бедствия не показывали бы еще то, что жизнь христианских народов не может продолжаться в том же направлении. Бедствия эти могли бы быть случайным, временным явлением, если бы среди этих народов было какое-нибудь общее им всем религиозное руководящее начало. Но этого-то и нет; нет ничего подобного общему руководящему религиозному началу среди народов христианского мира. Есть ложь религиозная, церковная, и не одна, а несколько различных, враждебных между собою: католическая, православная, лютеранская и др., есть ложь научная – и тоже много разных, враждебных друг другу. Есть лжи политические, международные, партийные, есть лжи искусства, лжи преданий и привычек; есть много самых разнообразных лжей, но руководства, нравственного руководства, вытекающего из религиозного мировоззрения, нет никакого. И люди христианского мира живут, как животные, руководствуясь в своей жизни одними личными интересами и борьбой друг с другом, тем только отличаясь от животных,

что животные остаются с незапамятных времен с тем же желудком, когтями и клыками; люди же переходят и всё с большей и большей быстротой от грунтовых дорог к железным, от лошадей к пару, от устной проповеди и письма к книгопечатанию, к телеграфам, телефонам, от лодок с парусами к океанским пароходам, от холодного оружия к пороху, пушкам, маузерам, бомбам и аэропланам. И жизнь с телеграфами, телефонами, электричеством, бомбами и аэропланами, и с ненавистью всех против всех, руководимая не каким-либо соединяющим людей духовным началом, а, напротив, разъединяющими всех животными инстинктами, пользующимися для своего удовлетворения умственными силами, становится всё безумнее и безумнее, всё бедственнее и бедственнее.

III

Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насильем, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смиреннее ходили по кругу.

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилем.

Право сильного не есть право, но простой факт, который может быть правом, только покуда не встречается протеста и сопротивления. Это как бы холод, тьма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тех пор, покуда не найдешь отопления, освещения, рычага. Вся человеческая промышленность есть освобождение из-под власти грубой природы; прогресс же справедливости есть не что иное, как ряд ограничений, которым подвергалась тирания сильного. Как медицина состоит в победе над болезнью, так благо состоит в победе над слепым зверством и необузданными вождениями человека-зверя. Таким образом, я вижу всегда один и тот же закон, возрастающее освобождение личности, восхождение всего существа в жизни к благу, к справедливости, к мудрости. Алчная жадность есть точка отправления; разумное великодушие есть точка достижения.

Амиель.

Из того, что возможно насильем подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинить людей насилью.

Паскаль.

Насилие производит только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

Большинство людей христианского мира чувствует всё увеличивающуюся и увеличивающуюся бедственность своего положения и употребляет для избавления себя то средство, которое по своему миросозерцанию оно одно считает действительным. Средство это – насилие одних людей над другими. Одни люди считающие для себя выгодным существующий порядок, насильем государственной деятельности стараются удержать этот порядок, другие тем же насильем революционной деятельности стараются разрушить существующее устройство и установить на место его другое, лучшее.

Революций и подавлений их в христиан-

ском мире было много. Внешние формы изменялись, но сущность государственного устройства: власть немногих над многими, развращенность, ложь и страх перед угнетаемыми властвующими классами, задавленность, порабощение, одурение и озлобленность народных масс если и изменялись по форме, то по существу не только не уменьшались, но заметно увеличивались и увеличиваются. То, что совершается теперь в России, особенно ясно выставляет всю не только бесцельность, но очевидную злобредность употребления насилия как средства соединения людей.

В каждой газете последнего времени всё реже и реже известия о том, где и как ограблена касса, где убиты жандарм, офицер, городские, где обнаружено покушение, и в каждой газете всё чаще и чаще известия о казнях и смертных приговорах.

Застреливают и вешают не переставая уже год и два, и задавлены и застрелены тысячи. Побито и разорвано революционными бомбами тоже тысячи; но так как в последнее время убиваемых властвующими всё больше и больше, убиваемых же революционерами всё

меньше и меньше, то правящие классы торжествуют, и им кажется, что они победили и что они теперь будут продолжать свою обычную жизнь, насильем поддерживая обман и обманом поддерживая насилие.

Сущность заблуждения всех возможных политических учений, как самых консервативных, так и самых передовых, приведшего людей к их бедственному положению, в том, что люди этого мира считали и считают возможным посредством насилия соединить людей так, чтобы они все, не противясь, подчинялись одному и тому же устройству жизни и вытекающему из него руководству в поведении. Понятно, что люди могут, подчиняясь страсти, заставлять посредством насилия несогласных с ними людей исполнять свою волю. Можно силою вытолкать человека или втолкнуть его туда, куда он не хочет идти. (Как животные, так и люди всегда и поступают так под влиянием страсти.) И это понятно, но совершенно непонятно рассуждение о том, что насилие может быть средством побуждения людей к совершению желательных нам поступков.

Всякое насилие состоит в том, что одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других людей делать то, чего не хотят насилуемые. И потому насилуемые делают то, чего они не хотят, только до тех пор, пока они слабее насилующих и не могут избавиться от того, что им угрожает за неисполнение требуемого. Как только они сильнее, то они естественно не только перестают делать то, чего не хотят, но, раздраженные борьбой с насилувавшими и всем перенесенным от них, сначала освобождаются от насилующих, а потом заставляют в свою очередь несогласных с ними делать то, что они считают для себя хорошим и нужным. И потому казалось бы ясно, что борьба насилующих с насилуемыми никак не может соединить людей, а, напротив, чем дальше продолжается, тем больше разъединяет их. Казалось бы, это так ясно, что не стоило бы говорить про это, если бы с давнего времени обман о том, что насилие одних людей над другими может быть полезно людям и соединять их, не был бы так распространен и принят молчаливым согласием, как самая несомненная истина, не только те-

ми, кому выгодно насилие, но и большинством тех самых людей, которые более всего страдали и страдают от насилия. Обман этот существует давно, и до христианства и после него, и оставался и остается еще во всей силе и теперь во всем христианском мире.

Разница между тем, что было в старину, до появления христианства, и тем, что есть теперь в христианском мире, только в том, что неосновательность предположения о том, что насилие одних людей над другими может быть полезно людям и соединять их, в старину была совершенно скрыта от людей, теперь же, выраженная особенно ясно в учении Христа истина о том, что насилие одних людей над другими не может соединять, а может только разъединять людей, всё более и более уясняется. А как только люди понимают, что насилие одних людей над другими, кроме того, что мучительно для них, еще и не разумно, как тотчас же люди, прежде спокойно переносившие насилие, возмущаются и озлобляются против него.

Это самое происходит теперь во всех народах среди насилуемых.

Но мало того, что истину эту всё более и более сознают насилуемые, ее сознают в наше время и насилующие. У самих насилующих в наше время уже нет уверенности в том, что, насилуя людей, они поступают хорошо и справедливо. Заблуждение это разрушается как для правителей, так и для борющихся с ними. Увлеченные своим положением, как те, так и другие – хотя и стараются всякого рода убеждениями, большей частью лживыми, убедить себя, что насилие полезно и необходимо, – в глубине души уже знают, что, делая свои жестокие дела, они достигают только подобия того, чего желают, и то только временно, в сущности же отдаляющего, а не приближающего их к цели.

Вот это-то сознание, всё яснее и яснее усваиваемое людьми христианского мира, и приводит их неизбежно к тому выходу, который один может вывести их из их бедственного настоящего положения. Выход этот в одном: в принятии человечеством скрытого от людей учения Христа в его истинном значении, неизвестного еще большинству людей и вытекающего из него руководства поведения,

исключающего насилие.

IV

Когда среди 100 человек один властвует над 99, это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвует над 90, – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо, – это свобода!

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготавливающая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собою такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собою всё более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но перед явлением Христа мир ждал великих

событий и, однако, не принял его, когда он пришел. Так и теперь мир может испытывать муки родов перед его новым пришествием и всё не понимать того, что происходит.

Люси Малори.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить.

Матф. X, 28.

Государства христианского мира не только дошли, но перешли в наше время тот предел, до которого доходили перед своим распадением государства древнего мира. Это особенно ясно видно из того, что в наше время всякий шаг вперед в технических усовершенствованиях не только не содействует общему благу, но, напротив, всё с большей и большей очевидностью показывает, что все эти усовершенствования могут только увеличить бедствия людей, но никак не уменьшить их. Можно выдумать еще новые – подводные, подземные, воздушные, надвоздушные снаряды для быстрейшего перенесения людей с ме-

ста в место и новые приспособления для распространения людских речей и мыслей, но так как переносимые из места в место люди ничего другого, кроме зла, не хотят, не умеют и не могут делать, то и распространяемые ими мысли и речи ни к чему иному, как только к злу, не могут побуждать людей. Те же, всё усвершенствующиися и усвершенствующиися средства истребления друг друга, которые делают всё более и более возможными убийства без подвержения себя опасности, только всё яснее и яснее показывают невозможность продолжения деятельности христианских народов в том направлении, в котором она теперь происходит.

Жизнь христианских народов теперь ужасна и в особенности по отсутствию какого бы то ни было нравственного начала, соединяющего их, и по неразумности своей, сводящей человека, несмотря на все его умственные приобретения, в нравственном отношении на степень низшую, чем животные, и, главное, по той сложности установившейся лжи, которая всё более и более скрывает от людей всю бедственность и жестокость их жизни.

Ложь поддерживает жестокость жизни, жестокость жизни требует всё больше и больше лжи, и, как ком снега, неудержимо растет и то и другое.

Но всему бывает конец. И я думаю, что конец этого бедственного положения народов христианского мира наступил теперь.

Положение людей христианского мира ужасно, но вместе с тем оно – то самое, которое не могло не быть, которое должно было быть и которое неизбежно должно привести эти народы к избавлению. Страдания, испытываемые людьми христианского мира, вытекающие из отсутствия свойственного нашему времени религиозного мирозерцания, суть неизбежные условия роста и неизбежно должны окончиться принятием людьми свойственного их времени религиозного мирозерцания.

Свойственное же нашему времени мирозерцание есть то понимание смысла человеческой жизни и вытекающее из него руководство поведения, которое было открыто христианским учением в его истинном значении 1900 лет тому назад, но было скрыто от людей

искусственным и лживым церковным извращением.

V

С того часа, как первые члены соборов сказали: «изволися нам и святому духу», то есть вознесли внешний авторитет выше внутреннего, признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке, – его разума и совести, – с того часа началась та ложь, ублаживающая тела и души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело.

В 1682 году в Англии доктор Лейтон, почтенный человек, написавший книгу против епископства, был судим и приговорен к следующим совершенным над ним наказаниям. Его жестоко высекли, потом отрезали ухо и распоролли одну сторону носа, потом горячим железом выжгли на щеке буквы S. S.: сеятель смут. После семи дней его опять высекли, несмотря на то, что рубцы на спине еще не зажили, и распо-

роли другую сторону носа и отрезали другое ухо и выжгли клеймо на другой щеке. Всё это было сделано во имя христианства.

Морисон Давидсон.

Христос не основывал никакой церкви, не устанавливал никакого государства, не дал никаких законов, никакого правительства, ни внешнего авторитета, но он старался написать закон бога в сердцах людей с тем, чтобы сделать их самоуправляющимися.

Герберт Ньютон.

Особенность положения христианских народов нашего времени в том, что народы эти основали свою жизнь на том учении, которое в своем истинном значении разрушает эту жизнь, и это скрытое прежде значение начинает уясняться. Христианские народы построили дом свой даже не на песке, а на тающем льду. И лед начинает таять и уже растаял, и дом валится.

Пока большинство людей, обманутое церковным учением, имея самое смутное понятие об истинном значении учения Христа,

вместо прежних идолов, обоготворяло Христа-бога, его мать, угодников, поклонялось мощам, иконам, верило в чудеса, таинства, верило в искупление, в непогрешимость церковной иерархии, – языческое устройство мира могло держаться и удовлетворять людей. Люди одинаково верили и в то объяснение смысла жизни, которое давала им церковь, и в вытекающее из него руководство поведения, и вера эта сближала людей. И так это было, пока люди не видели того, что таилось за этой церковной верой, которую им выдавали за истинную. Но несчастье церковной веры состояло в том, что существовало евангелие, которое самими же церквями было признано священным. Как ни старались церковники скрыть от людей сущность этого учения, выраженного в евангелиях, – ни запрещения переводов евангелия на всем понятный язык, ни лжетолкование их – ничто не могло затушить свет, прорывающийся сквозь церковные обманы и освещающий души людей, всё более и более ясно сознающих великую истину, которая была в этом учении.

Как только с распространением грамотно-

сти и печати люди стали узнавать евангелие и понимать то, что в нем написано, люди не могли уже, несмотря на все извороты церкви, не увидеть того бьющего в глаза противоречия, которое было между государственным устройством, поддерживаемым церковью, и учением евангелия. Евангелие прямо отрицало и церковь и государство с своими властями.

И противоречие это, становясь всё более и более очевидным, сделало наконец то, что люди перестали верить в церковную веру, а в большинстве своем продолжали, по преданию, ради приличия, отчасти и страха перед властью, держаться внешних форм церковной веры, одинаково, как католической, православной, так и протестантской, не признавая уже ее внутреннего религиозного значения.

Так это случилось с огромным большинством рабочего народа. (Я не говорю про те небольшие общины людей, прямо отрицавших церковное учение и устанавливающих свое более или менее близкое к христианскому, в его истинном значении, учение, не гово-

рю потому, что число таких людей слишком ничтожно в сравнении с огромной массой людей, всё больше и больше освобождавшихся от всякого религиозного сознания.)

То же самое случилось и с нерабочими, учеными людьми христианского мира. Люди эти еще яснее, чем простые люди, увидели всю несостоятельность и внутренние противоречия церковного учения и естественно откинули это учение, но вместе с тем не могли признать и истинное учение Христа, так как это учение было противно всему существующему строю и, главное, их исключительно выгодному положению в нем.

Так что в наше время в нашем христианском мире одни люди, огромное большинство людей, живут, внешним образом исполняя еще церковные обряды по привычке, для приличия, удобства, из страха перед властями или даже корыстных целей, но не верят и не могут верить в учение этой церкви, уже ясно видя ее внутреннее противоречие; другая же, всё увеличивающаяся часть населения уже не только не признает существующей религии, но признает, под влиянием того учения,

которое называется «наукой», всякую религию остатком суеверия и не руководится в жизни ничем иным, кроме своих личных побуждений.

С людьми, принявшими религиозное учение, превосходящее их силы, – а таково было христианское учение для язычников, принявших его тогда, когда жизнь общественная в форме государственного насильнического устройства уже глубоко вкоренилась в нравы и привычки людей, – с людьми, принявшими христианское учение, случилось нечто, кажущееся сначала противоречивым, а вместе с тем такое, чего не могло не случиться. Именно то, что эти народы, вследствие того, что приняли самую высокую для своего времени религию, лишились всякой религии и пали в своем религиозном и нравственном состоянии ниже людей, исповедующих гораздо более низкие или даже самые грубые религиозные учения.

VI

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление царства божия, но истина христианства,

как огонь в сухом дереве, прожгла свою оболочку и выбилась наружу. Значение христианства видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас; верующую в то, что он может любить добро без мысли о награде; в то, что божественное начало живет в человеке.

Сольтер.

То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век для того, чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, – это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникает на развалинах старых, изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок,

так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности.

Человечество повторяет в разных формулах и различных степенях слова молитвы господней : «Да придет царство твое на земле, как и на небе».

Мадзини.

Нельзя ни взвесить, ни измерить того вреда, который производила и производит ложная вера.

Вера есть установление отношения человека к богу и миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения. Какова же должна быть жизнь человека, если это отношение и вытекающее из него определение назначения ложны?

Недостаточно откинуть ложную веру, то есть ложное отношение к миру. Нужно еще установить истинное.

Трагизм положения людей христианского мира в том, что, по неизбежному недоразумению, христианскими народами принято было, как свойственное им религиозное уче-

ние, такое учение, которое в своем истинном значении самым определенным образом отрицало, разрушало весь тот строй общественной жизни, которым жили уже эти народы и вне которого не могли себе представить жизни.

В этом и трагизм положения, в этом и великое, исключительное благо христианских народов.

В том извращенном виде, в котором христианское учение было предложено языческим народам, оно представлялось им только как некоторое смягчение грубости понимания божества, как более высокое понимание назначения человека и требований нравственности. Истинное же значение учения до такой степени было скрыто от них сложными догматами и привлекательными внушительными обрядами, что оно и не подозревалось ими. А между тем учение это в его истинном значении было не только ясно выражено в тех, признаваемых церквами божественным откровением, книгах евангелия, которое было нераздельно с извращенным учением, но учение это было до такой степени свойствен-

но, родственно душам человеческим, что, несмотря на всё загромождение и извращение учения ложными догматами, наиболее чуткие к истине люди всё чаще и чаще воспринимали учение в его истинном значении и всё яснее и яснее видели противоречие устройства мира с истинным христианским учением.

Не говоря уже об учителях церкви древнего мира: Татиане, Клименте, Оригене, Тертуллиане, Киприане, Лактанции и других, противоречие это сознавалось и в средние века, в новое же время выяснялось всё больше и больше и выражалось и в огромном количестве сект, отрицающих противное христианству государственное устройство с необходимым условием существования его – насилем, и в самых разнообразных гуманитарных учениях, даже не признающих себя христианскими, которые все, так же, как и особенно распространившиеся в последнее время учения социалистические, коммунистические, анархические, суть не что иное, как только односторонние проявления отрицающего насилия христианского сознания в его истин-

ном значении.

В том, что народы христианского мира приняли в скрытом, извращенном виде то учение, которое в своем настоящем значении неизбежно должно было разрушить тот строй жизни, в котором они живут и с которым не хотят расстаться, – в этом причина страданий христианских народов. Великое же благо их в том, что, приняв в извращенном виде христианство, включавшее в себя скрытую от них истину, они неизбежно приведены теперь к необходимости принятия христианского учения уже не в извращенном, а в том истинном смысле, в котором оно всё более и более выяснялось и вполне уже выяснилось теперь и которое одно может спасти людей от того бедственного положения, в котором они находятся.

VII

Главная причина дурного устройства жизни есть ложная вера.

Мы должны с глубоким вниманием относиться к нашим общественным делам; мы должны быть готовы изме-

нять наши мнения, отказываться от старых взглядов, усваивать новые. Мы должны бросать предрассудки и рассуждать с совершенно свободным умом. Моряк, который будет ставить одни и те же паруса, невзирая на перемены в ветре, никогда не достигнет своей гавани.

Генри Джордж.

Стоит прямо и просто понять учение Христа, чтобы ясен был тот ужасный обман, в котором живем все мы и живет каждый из нас.

Христианское учение во всем его истинном значении, как оно всё более и более выясняется в наше время, состоит в том, что сущность жизни человеческой есть сознательное всё большее и большее проявление того начала всего, признак проявления которого в нас есть любовь, и что поэтому сущность жизни человеческой и высший закон, долженствующий руководить ею, есть любовь.

То, что любовь есть необходимое и благое условие жизни человеческой, было признаваемо всеми религиозными учениями древно-

сти. Во всех учениях: египетских мудрецов, браминов, стоиков, буддистов, таосистов и др., дружелюбие, жалость, милосердие, благотворительность и вообще любовь признавались одною из главных добродетелей. Это признание наиболее высокими из этих учений доходило даже до такой степени, при которой восхвалялась любовь ко всем и даже воздаяние добром за зло, как это проповедывалось в особенности таосистами и буддистами. Но ни одно из этих учений не поставило этой добродетели основой жизни, высшим законом, долженствующим быть не только главным, но единым руководством поступков людей, как это сделано позднейшим из всех религиозных учений – христианством. Во всех дохристианских учениях любовь признавалась как одна из добродетелей, но не тем, чем она признается в христианском учении: метафизически – основой всего, практически – высшим законом жизни человеческой, то есть таким, который ни в каком случае не допускает исключений. Христианское учение по отношению всех древних учений не есть новое и особенное учение; это есть только бо-

лее ясное и определенное выражение той основы жизни человеческой, которая чувствовалась и неопределенно проповедывалась предшествовавшими религиозными учениями. Особенность христианского учения в этом отношении только в том, что оно, как позднейшее, более точно и определенно выразило сущность закона любви и неизбежно вытекающее из него руководство в поступках. Так что христианское учение о любви не есть, как в прежних учениях, только проповедь известной добродетели, но есть определение высшего закона жизни человеческой и неизбежно вытекающего из него руководства поведения. Учение Христа выясняет, почему этот закон есть высший закон жизни человеческой, и с другой стороны показывает тот ряд поступков, которые человек должен или не должен делать вследствие признания истинности этого учения. В особенности ясно и определенно выражено в христианском учении то, что исполнение этого закона, так как это есть высший закон, не может допускать, как это допускали прежние учения, никаких исключений, что любовь, определяемая этим

законом, есть только тогда любовь, когда она не допускает никаких исключений и одинаково обращена как на иноземцев, разноверцев, так и врагов, ненавидящих и делающих нам зло.

В этом уяснении того, почему закон этот – высший закон жизни людей, и в точном определении неизбежно вытекающих из него поступков, в этом тот шаг вперед, который сделало христианское учение, и в этом главное его значение и благодетельность.

Объяснение, почему этот закон есть высший закон жизни, особенно ясно выражено в посланиях Иоанна:

«Возлюбленные, будем любить друг друга, потому что любовь от бога и всякий любящий рожден от бога и знает бога. Кто не любит, тот не познал бога, потому что бог есть любовь. Бога никто никогда не видел; если мы любим друг друга, то бог в нас пребывает. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в боге и бог в нем. Мы знаем, что мы перешли из смерти к жизни, потому что любим братьев, не любящий брата пребывает в смерти» (Первое послание Иоанна, IV, 7, 8, 12, 16; III,

14).

Учение всё в том, что то, что мы называем собою, нашей жизнью, есть ограниченное в нас нашим телом божественное начало, проявляющееся в нас любовью, и что потому истинная жизнь каждого человека, божественная, свободная, проявляется в любви.

Вытекающее же из такого понимания закона любви руководство в поступках, не допускающее никаких исключений, выражено во многих местах евангелий, и особенно точно, ясно и определено в четвертой заповеди Нагорной проповеди:

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Исход, 21, 14), а я говорю вам, не противься злому», сказано в 38 ст. V гл. Матфея. В стихах же 39 и 40, как бы предвидя те исключения, которые могут показаться нужными при приложении к жизни закона любви, ясно и определено говорится, что нет и не может быть таких условий, при которых возможно бы было отступление от самого простого и первого требования любви: неделания другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали.

Говорится: «но кто ударит тебя в правую

щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», то есть что совершенное над тобой насилие не может служить оправданием насилия с твоей стороны. Эта же недопустимость оправдания отступления от закона любви никакими поступками других людей еще яснее и точнее выражена в последней из заповедей, прямо указывающей на те обычные ложные толкования, при которых будто бы возможно нарушение ее:

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Левит, 19, 17—18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, в чем тут заслуга? Не то же ли делают и мытари? Если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного во делаете? Не

так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный» (Мф. V, 43—46),

Вот это-то признание закона любви высшим законом жизни человеческой и ясно выраженное руководство поведения, вытекающее из христианского учения о любви, одинаковой к врагам, к людям ненавидящим, обижающим, проклинаящим нас, и составляют ту особенность учения Христа, которая, давая учению о любви и вытекающему из него руководству точное, определенное значение, неизбежно влечет за собой полное изменение установившегося устройства жизни не только христианских, но и всех народов мира.

В этом главное отличие от прежних учений и главное значение христианского учения в его истинном смысле; в этом шаг вперед в сознании человечества, который сделан был христианским учением. Шаг этот в том, что все прежние религиозные и нравственные учения о любви, признавая, как это и не могло быть иначе, благодетельность любви для жизни человечества, вместе с тем допускали возможность таких условий, при кото-

рых исполнение закона любви становилось необязательным, могло быть обойдено. А как только закон любви переставал быть высшим, неизменным законом жизни людей, так уничтожалась вся благодетельность закона, и учение о любви сводилось к ни к чему не обязывающим красноречивым поучениям и словам, оставлявшим весь склад жизни народов таким же, каким он был и до учения о любви, то есть основанным на одном насилии. Христианское же учение в его истинном смысле, признавая закон любви высшим и приложение его к жизни не подлежащим никаким исключениям, уничтожало этим признанием всякое насилие, а следовательно, не могло не отрицать всё основанное на насилии устройство мира.

Вот это-то главное значение учения и было скрыто от людей лжехристианством, признавшим учение о любви не высшим законом жизни человеческой, а так же, как и дохристианские учения, лишь одним из правил поведения, которое полезно соблюдать, когда ничто не препятствует этому.

Бедствия войн и военных приготовлений не только не соответствуют тем причинам, которые выставляются в их оправдание, но причины их большей частью так ничтожны, что не стоят обсуждения и совершенно неизвестны тем, которые гибнут в войнах.

Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насилуем, что жизнь людей без насилия представляется им невозможною.

А между тем, если люди насилуем учреждают справедливую (по внешности) жизнь, то те люди, которые учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могут знать, в чем справедливость и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми ?

Если бы люди были вполне добродетельны, они никогда не отступали бы от истины.

Истина вредна только тому, кто делает зло. Делаящий добро любит ис-

тину.

Рассудок часто делается рабом греха – направляется на то, чтобы оправдывать его.

Удивляешься иногда, зачем человек защищает такие страшные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи, и ты найдешь, что он защищает свое положение.

Учение Христа в его истинном смысле состоит в признании любви высшим законом жизни, и потому не могущим допускать никаких исключений.

Христианство, то есть учение о законе любви, допускающее исключения в виде насилия во имя других законов, есть такое же внутреннее противоречие, как холодный огонь или горячий лед.

Казалось бы очевидно, что, если одни люди могут, несмотря на признания благодетельности любви, во имя каких-то благих целей в будущем, допускать необходимость мучительства или убийства некоторых людей,

то точно с таким же правом могут другие люди, тоже признавая благодетельность любви, допускать, тоже во имя будущих благ, необходимость мучительства и убийства других людей. Так что казалось бы очевидно, что допущение хотя какого бы то ни было исключения из требования исполнения закона любви уничтожает всё значение, весь смысл, всю благодетельность закона любви, лежащего в основе и всякого религиозного учения и всякого нравственного учения. Казалось бы, это так очевидно, что совестно доказывать это, а между тем люди христианского мира, – как признающие себя верующими, так считающие себя неверующими, но признающие нравственный закон, – и те и другие смотрят на учение о любви, отрицающее всякое насилие, и в особенности на вытекающее из этого учения положение о непротивлении злу злом, как на нечто фантастическое, невозможное и совершенно неприложимое к жизни.

Понятно, что люди властвующие могут говорить, что без насилия не может быть никакого порядка и доброй жизни, разумея под

«порядком» такое устройство жизни, при котором немногие могут в излишестве пользоваться трудами других людей, под «доброй» же жизнью разумея беспрепятственность ведения такой жизни. Но как ни несправедливо то, что они говорят, понятно, что они могут говорить так, потому что уничтожение насилия не только лишает их возможности жить так, как они живут, но и обличает всю давнишнюю несправедливость и жестокость их жизни.

Но рабочим-то людям, казалось бы, уже не нужно того насилия, которое они, как это ни удивительно сказать, так старательно сами над собою делают и от которого они так страдают. Ведь насилие властвующих над покоряющимися не есть прямое, непосредственное насилие сильного человека над слабым и большого числа над меньшим, ста над двадцатью и т. п. Насилие властвующих держится, как и может держаться насилие меньшинства над большинством, только на давно уж устроенном ловкими и сметливыми людьми обмане, вследствие которого люди, ради своей близкой и очевидной им малой выгоды, не

только лишаются самых больших выгод, но лишаются свободы и подвергаются самым жестоким страданиям. Сущность этого обмана еще четыреста лет тому назад была высказана французским писателем Ла-Бюэти в статье «Добровольное рабство».

Вот что он пишет об этом:

«Не оружие и не вооруженные люди – конные и пешие – защищают тиранов, но, как ни трудно этому поверить, три или четыре человека поддерживают тирана и держат для него всю страну в рабстве. Всегда круг приближенных тирана состоял из пяти или шести человек; эти люди или сами вкрадывались к нему в доверие, или были приближаемы им, чтобы быть соучастниками его жестокостей, товарищами его удовольствия, устроителями его наслаждений и сообщниками его грабительств. Эти шестеро имеют шестьсот, находящихся под их властью и относящихся к шестерым так же, как шестеро относятся к тиранам. Шестьсот же имеют под собой шесть тысяч, которых они возвысили, которым дали управление провинциями или денежными делами, с тем, чтобы они служили их корыстолюбию

и жестокости. За этими следует еще большая свита. И тот, кому охота распутывать эту сеть, увидит, что не только шесть тысяч, но сотни тысяч, миллионы скованы этой цепью с тираном. Ради этого умножаются должности, которые все суть поддержка тирании. И все занимающие эти должности люди имеют тут свои выгоды, и этими выгодами они связаны с тиранами, и людей, которым тирания выгодна, такое множество, что их наберется почти столько же, сколько тех, которым свобода была бы радостна. И как доктора говорят, что если есть в нашем теле что-нибудь испорченное, то тотчас же к этому больному месту приливают все дурные соки, так же точно и к государю, как скоро он делается тираном, собирается всё дурное, все подонки государства, куча воров и негодяев, неспособных ни на что, но корыстолюбивых и алчных, – собираются, чтобы участвовать в добыче, чтобы быть под большим тираном маленькими тиранятами.

Так что тиран подчиняет одних подданных посредством других и бывает охраняем теми, которых, если бы они не были негодяи,

он бы должен был опасаться. Но, как говорится, «чтобы колоть дрова, делают клинья из того же дерева», так и его телохранители таковы же, как и он.

Бывает, что и они страдают от него; но эти оставленные богом, потерянные люди готовы переносить зло, только бы им быть в состоянии делать его не тому, кто делает зло им, но тем, которые переносят его и не могут иначе».

Вот от этого-то обмана, до такой степени укоренившегося в народе, что те самые люди, которые только страдают от употребления насилия, оправдывают его, даже требуют его для себя, как чего-то необходимого, и сами совершают его друг над другом – от этой-то ставшей второй природой привычки и происходит то удивительное заблуждение людей, вследствие которого люди, наиболее страдающие от обмана, сами поддерживают его.

Казалось бы, рабочим-то людям, не получающим никакой выгоды от совершаемого над ними насилия, можно бы увидеть, наконец, тот обман, в котором они запутаны и, увидав обман, освободиться от него самым простым и легким способом: прекращением

участия в том насилии, которое может совершаться над ними только благодаря их участию.

Казалось бы, что может быть проще и естественнее того, чтобы, веками страдая от производимого самими над собою, без всякой для себя пользы, насилия, рабочие люди, в особенности земледельцы, которых в России, да и во всем мире большинство, поняли наконец, что они страдают сами от себя, что та земельная собственность неработающих владельцев, от которой они больше всего страдают, поддерживается ими же самими, в виде стражников, урядников, солдат; что точно так же все подати – и прямые и косвенные – собирают с самих себя они же сами в виде старост, сотских, сборщиков податей и опять же полицейских и солдат. Казалось бы, так просто понять это рабочим людям и сказать наконец тем, кого они считают своими начальниками: «Оставьте нас в покое. Если вам, императорам, президентам, генералам, судьям, архиереям, профессорам и всяким ученым людям, нужны войска, флоты, университеты, балеты, синоды, консерватории, тюрьмы, виселицы,

гильотины, – устраивайте всё это сами, сами себя собирайте деньги, судите, сажайте друг друга в тюрьмы, казните, убивайте людей на войнах, но делайте это сами, нас же оставьте в покое, потому что ничего этого нам не нужно и мы не хотим больше участвовать во всех этих бесполезных для нас и, главное, дурных делах».

Что, казалось бы, естественнее этого? А между тем рабочие люди, и в особенности земледельцы, которым этого ничего не нужно, не только ни в России, ни в какой бы то ни было стране, не делают этого, а одни, большинство, продолжают сами себя мучить, исполняя против самих себя требования начальства и сами поступая в полицию, в сборщики податей, в солдаты; другие же, меньшинство, для того чтобы избавиться от насилия, когда могут это сделать, совершают во время революций насилия над теми людьми, от насилия которых страдают, то есть тушат огонь огнем, и этим только увеличивают над собою насилие.

Отчего же так неразумно поступают люди? Оттого, что они вследствие продолжитель-

ности обмана уже не видят связи их угнетенности с их же участием в насилии.

А отчего же не видят этой связи?

А всё оттого же, отчего все бедствия людей, оттого, что у людей этих нет веры, а без веры люди могут быть руководимы только выгодой, а человек, руководимый только выгодой, не может быть ничем иным, как только обманщиком или обманутым.

От этого-то и происходит то кажущееся удивительным явление, что, несмотря на очевидную невыгоду для себя насилия, несмотря на всю очевидность в наше время того обмана, в котором запутаны рабочие люди, несмотря на явные обличения той несправедливости, от которой они страдают, несмотря на все революции, имеющие целью уничтожение насилия, рабочие люди, огромное большинство людей, продолжают не только подчиняться насилию, но поддерживают его и противно здравому смыслу и самой своей выгоде совершают насилие сами над собой.

Одни рабочие, огромное большинство их, держатся по привычке прежнего церковного лжехристианского учения, не веря уже в него,

а веря только в древнее «око за око» и основанное на нем государственное устройство; другая же часть, каковы все тронутые цивилизацией рабочие (особенно в Европе), хотя и отрицают всякую религию, бессознательно в глубине души верят, верят в древний закон «око за око» и, следуя этому закону, когда не могут иначе, ненавидя существующее устройство, подчиняются; когда же могут иначе, то самыми разнообразными насильственными средствами стараются уничтожить насилие.

Первые, большая часть рабочих, нецивилизованных людей, не могут изменить своего положения, потому что не могут по исповедуемой ими вере в государственное устройство отказаться от участия в насилии; не имеющие же никакой веры нецивилизованные рабочие, следуя только различным политическим учениям, не могут освободиться от насилия, потому что насилием же стараются уничтожить насилие.

IX

Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся,

что пустил глубокие корни в мозгу человеческого. Надо надеяться, однако, что лучшее, чем наше, человечество сумеет освободиться от этого ужасного преступления. Но что подумает тогда это лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся? А почти то же, что мы думаем о древне-мексиканском народе и его каннибализме, в одно и то же время воинственном, набожном и животном. Летурно.

Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это одно средство уничтожения войны.

Спросите у большинства христиан, в чем главное зло, от которого Христос освободил человечество, и они скажут: от ада, от вечного огня, от наказания в будущем. Они соответственно этому думают, что спасение – это нечто такое, что другой мо-

жет совершить для нас. Слово ад, которое так редко встречается в священном писании, вследствие ложных толкований сделало много вреда христианству. – Люди убегают от внешнего ада, которого они должны больше всего бояться. Спасение, больше всего нужное человеку, и то, которое дает освобождение человеку, это спасение от зла в своей душе. Есть нечто много худшее внешнего наказания.

Это грех – состояние души, возмущившейся против бога, состояние души, одаренной божественной силой, но отдающей себя во власть животных похотей, – души, которая, живя в виду бога, боится угрозы или гнева человека и предпочитает человеческую славу своему спокойному сознанию добродетели. Нет погибели хуже этой.

И это – то, что нераскаявшийся человек уносит с собой в могилу. Вот чего надо бояться.

Спасти, в высшем значении этого слова, значит поднять упавший дух, излечить больную душу, вернуть ей свободу мысли, совести, любви. В этом состоянии то спасение, за кото-

рое умер Христос.

Для этого спасения дан нам святой дух, и к такому спасению направлено всё истинное учение христианства.

Чаннинг.

Как, кажется, легко говорить правду, а как много нужно внутренней работы, чтобы достигнуть этого.

Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства.

Так это было долгое время, продолжается и теперь во всем и нехристианском и христианском мире. Но думаю, что теперь, именно теперь, после жалкой, глупой русской революции и в особенности после ужасного по своей дерзкой, бессмысленной жестокости подавления ее, русские, менее других цивилизованные, то есть менее умственно развращенные и удерживающие еще смутное представление о сущности христианского учения, русские, преимущественно земледельческие люди, поймут, наконец, где средство спасения, и первые начнут применять его.

Это средство спасения уже давно предчувствуется людьми и влечет их к себе и в последнее время всё более и более входит в сознание людей и уже начинает применяться.

В губернском городе заседает военный суд. Стоит стол, на столе зеркало с двуглавым орлом наверху и печатными словами внизу, лежат книги законов, аккуратно сложенные цельные исписанные листы бумаг с печатными заголовками. За столом на первом месте сидит в военном мундире с галунами и крестом на шее плотный человек с лицом умным, выражающим добродушие, особенно умиленное теперь тем, что он только что хорошо позавтракал и получил успокоительное известие о здоровье меньшого ребенка. Рядом с ним другой офицер немецкого происхождения, недовольный своим назначением и обдумывающий теперь тот рапорт, который он подаст начальнику. На третьем месте совсем молодой офицер, щеголь и весельчак, только что отпустивший за завтраком у полковника остроумную шутку, развеселившую всех. Он вспоминает теперь эту шутку и чуть заметно улыбается. Ему страшно хочется курить, он с

нетерпением ждет перерыва. За отдельным столиком сидит секретарь. Перед ним куча бумаг, и он весь поглощен заботой о том, чтобы быть готовым по первому требованию начальства подать требуемую бумагу.

Два молодых человека: один крестьянин Пензенской губернии, другой мещанин города Любима, одетые в солдатскую одежду, вводят третьего, совсем молодого человека, одетого тоже в солдатскую шинель. Молодой человек этот бледен, он только раз взглянул на суд и сосредоточенно смотрит перед собою. Молодой человек этот уже три года просидел в тюрьме за отказ от присяги и военной службы. Чтобы избавиться от него, после трех лет тюрьмы, ему предложили присягнуть, и тогда он, как солдат, пробывший три года на службе, хотя и в тюрьме, мог бы быть отпущен. Но молодой человек и в церкви сказал то же, что он говорил при приеме, — что он, как христианин, не может ни присягать, ни быть убийцей. Теперь его судят за этот новый отказ. Секретарь читает бумагу, называемую обвинительным актом. В нем говорится о том, что молодой человек отказался получать жалова-

ные и считает военную службу грехом. Добродушный председатель спрашивает: признаешь ли ты себя виновным?

– Всё, что сказано тут, всё это я делал и говорил, но виновным себя не признаю, – запинаясь и с дрожью в голосе говорит молодой человек.

Председатель кивает головой в знак того, что ответ в порядке, заглядывает в бумагу и спрашивает: что ты можешь сказать в объяснение своего отказа?

– Отказался я и отказываюсь потому, что считаю военную службу грехом (он запинаяется)... противным учению Христа.

Председатель удовлетворен и этим и одобрительно кивает головой. Всё в порядке.

– Не имеешь ли ты еще чего заявить?

Молодой человек с дрожащей нижней челюстью говорит о том, что в евангелии сказано, запрещено не только убийство, но недоброе чувство к брату.

Председатель одобряет и это. Немец недобольно хмурится, молодой офицер, подняв голову и брови, внимательно слушает, как что-то новое и интересное.

Обвиняемый, всё более и более волнуясь, говорит о том, что клятва прямо запрещена, что он считал бы себя виновным, если бы не отказался, что он и теперь готов....

Председатель останавливает его, так как находит, что подсудимый говорит уже не подходящее к делу и потому ненужное.

После этого вызываются свидетели: командир полка и фельдфебель. Командир полка, обычный партнер председателя в винт и великий охотник и мастер игры, и фельдфебель, ловкий, красивый, услужливый поляк шляхтич, большой охотник до чтения романов. Входит и священник, пожилой человек, только что проводивший свою дочь с зятем и внуками, приезжавших к нему в гости, и расстроенный столкновением с матушкой из-за того, что он отдал дочери ковер, который матушка не желала отдавать.

– Потрудитесь, батюшка, привести к присяге свидетелей и сделать напоминание о грехе перед богом за неправильное показание, – обращается председатель к священнику.

Батюшка надевает епитрахиль, берет крест и евангелие и говорит привычные сло-

ва увещания. Потом приводит к присяге полковника. Полковник, быстрым движением подняв два чистых пальца, которые так хорошо знает председатель, следя за ними во время карточной игры, проговаривает за священником слова присяги и чмокая целует, как будто с удовольствием, крест и евангелие. Вслед за полковником входит и католический священник и так же скоро приводит к присяге красавца фельдфебеля.

Судьи спокойно и серьезно дожидаются. Молодой офицер вышел и затянулся и вернулся во-время к показанию свидетелей.

Свидетели показывают то самое, что говорил отказавшийся. Председатель выражает одобрение. Потом встает сидевший отдельно офицер, – это обвинитель. Он подходит к конторке, перекладывает с места на место лежащие на ней бумаги и начинает говорить, громко, связно излагая всё то, что сделал этот молодой человек, что все судьи знают и что сам молодой человек только что высказывал, не только не утаивая того, за что его обвиняли, но, напротив, усиливая повод обвинения. Обвинитель говорит о том, что подсудимый,

как сам говорит, не принадлежит ни к какой секте, что родители его православные и что поэтому отказ его от военной службы имеет основанием своим только упорство. И что упорство это, как его, так и подобных ему заблуждающихся и непокорствующих людей, привело правительство к определению против таких людей строгих мер наказаний, таких, которые, по его мнению, и приложимы в настоящем случае. После этого что-то совсем не нужное говорит защитник. Потом все выходит, потом опять вводят подсудимого, и входит суд. Судьи присаживаются и тотчас же встают, и председатель, не глядя на подсудимого, ровным, спокойным голосом объявляет решение суда: подсудимый, тот человек, который три года страдал из-за того, чтобы не признавать себя солдатом, во-первых, лишается военного звания и каких-то прав состояния и преимуществ и присуждается к арестантским ротам на 4 года.

После этого конвойные отводят молодого человека, и все участвовавшие идут к своим обычным занятиям и увеселениям, как будто ничего не случилось особенного.

Только молодой человек, охотник до куренья, испытывает какое-то странное, тревожащее его чувство, которое он не может отогнать при неотвязчиво вспоминающихся ему благородных, сильных, неотразимых словах подсудимого, выраженных с таким волнением. На совещании судей молодой офицер этот хотел было не согласиться с решением старших, но замялся, проглотил слюну и согласился.

На вечере у полкового командира, где в промежутках между роберами собрались все у чайного стола, разговор зашел об отказавшемся солдате. Полковой командир определенно выразил свое мнение о том, что причина всего – необразованность: нахватаются всяких понятий, а не знают, что к чему, и выходят такие несообразности.

– Нет, я, дядя, не согласна с вами, – вступилась в разговор курсистка социал-демократка, племянница полкового командира. – Достойна уважения энергия, стойкость этого человека. Жалеть можно только о том, что сила его ложно направлена, – прибавила она, думая о том, как полезны были бы такие стой-

кие люди, если бы они стояли только не за отжившие религиозные фантазии, а за научные социалистические истины.

– Ну, да ты известная революционерка, – улыбаясь, сказал дядя.

– А мне кажется, – беспрестанно затягиваясь, заговорил молодой офицер, – что с точки зрения христианства ничего нельзя возражать ему.

– Уж не знаю с какой точки, – строго сказал старший генерал, – знаю только то, что солдату надо быть солдатом, а не проповедником.

– По-моему же, главное дело в том, – сказал, улыбаясь глазами, председатель суда, – что если мы хотим доиграть все шесть роберов, то надо не терять золотого времени.

– Кто не допил чай, я подам к карточному столу, – сказал гостеприимный хозяин, и один из игроков ловким, привычным движением веером раскинул карты. И игроки разместились.

В сенях тюрьмы, где конвойные с отказавшимся от службы арестантом дожидались распоряжения начальства, шел такой разговор:

– Як же батька не знае, – говорив один из конвойных, – хіба не було у книгах, як бы им.

– Стало быть, не понимают, – отвечал отказавшийся. – Если бы понимали, они бы то же самое говорили. Христос не убивать велел, а любить.

– Так-то так. Чудно и, главное, дело трудное.

– Ничего не трудно, я вот просидел и еще посижу, и на душе мне так хорошо, что дай бог всякому.

Подошел унтер-офицер нестроевой роты, уже не молодой человек. – Что, Семеньч, – обратился он с уважением к арестанту. – Приговорили?

– Приговорили.

Унтер-офицер мотнул головой. – Так-то так, да терпеть трудно.

– Стало быть, так надо, – отвечал, улыбаясь, арестант, видимо тронутый сочувствием.

– Так-то так. Господь терпел и нам велел, да трудно.

На эти слова быстрым молодецким шагом вошел в сени красавец поляк фельдфебель.

– Нечего разговоры разговаривать, марш в

новую тюрьму. – Фельдфебель был особенно строг, потому что ему было дано приказание следить за тем, чтобы арестованный не общался с солдатами, так как вследствие этих общений за те два года, которые он просидел здесь, четыре человека были совращены им в такие же отказы от службы и судились уже и сидят теперь в различных тюрьмах.

Х

Христианское откровение было учением о равенстве людей, о том, что бог есть отец, а люди – братья. Оно ударило в самый корень той чудовищной тирании, которая душила цивилизованный мир, оно разбивало цепи рабов и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучке людей роскошествовать на счет труда массы и держала рабочих людей что называется в черном теле. Вот почему преследовалось первое христианство и вот почему, когда стало ясно, что его нельзя уничтожить, привилегированные классы приняли его и извратили. Оно перестало в своем торжестве быть истинным христианством первых веков и сделалось, до

весьма значительной степени, служителем привилегированных классов.
Генри Джордж.

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление царства божия, но истина христианства, как огонь в сухом дереве, прожгла свою оболочку и выбилась наружу. Значение христианства видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас; верующую в то, что он может любить добро без мысли о награде; в то, что божественное начало живет в человеке.

Сольтер.

Не думай, чтобы церковное христианство было неполным, односторонним, формальным христианством, но все-таки христианством. Не думай так: церковное христианство – враг истинного христианства и стоит теперь по

отношению к истинному христианству, как преступник, пойманный на месте преступления. Оно должно уничтожить само себя или совершать новые и новые преступления.

То, что говорил отказавшийся на суде, говорилось давно, с самого начала христианства. Самые искренние и горячие отцы церкви говорили то же самое о несовместимости христианства с одним из основных неизбежных условий существования государственного устройства, – с войском, то есть, что христианин не может быть солдатом, то есть быть готовым убивать всех, кого ему прикажут.

Христианская община первых веков до пятого века определенно признавала, в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

Так, во втором веке, перешедший в христианство философ Татиан считает убийство на войне так же недопустимым для христиан, как всякое убийство, и почетный воинский

венок считает непристойным для христианина. В том же столетии Афинагор Афинский говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах.

В третьем столетии Климент Александрийский противопоставляет языческим «военственным» народам – «мирное племя христиан». Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый Ориген. Прилагая к христианам слова Исаии, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определенно говорит: «Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, – ибо через Иисуса Христа мы сделались детьми мира». Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы (так что, по мнению Цельза, если только Римская империя сделается христианской, она погибнет), Ориген говорит, что христиане больше других сражаются за благо императора, – сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же касается борьбы оружием, то

совершенно справедливо говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы даже в том случае, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказывается и Тертуллиан, современник Оригена, о невозможности христианина быть военным: «Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, – говорит он про военную службу, – крепости света и крепости тьмы. Не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам господь? Неужели можно упражняться мечом, когда господь сказал, что каждый взявшийся за меч от меча погибнет. И как будет участвовать в сражении сын мира?»

«Безумствует мир во взаимном кровопролитии, – говорит знаменитый Киприан, – и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается в массе. Преступникам приобретает безнаказанность умножение ярости».

В четвертом веке Лактанций говорит то

же: «Не должно быть никакого исключения в заповеди божией, что убить человека всегда грех, – говорит он. – Носить оружие не дозволено, ибо их оружие – только истина».

В правилах египетской церкви III-го века и в так называемом «Завещании господина нашего Иисуса Христа» безусловно запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви. В деяниях святых много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ от военной службы.

Так, Максимилиан, приведенный в присутствие по отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: «Мое имя – христианин, и потому я сражаться не могу». Несмотря на это заявление, его зачислили в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: «Лучше умру, но не могу сражаться». Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедив-

шись в том, что война – нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не может. Его послали в тюрьму, но он и там говорил: «Нельзя христианину носить оружие». Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе Кассиан. Его также казнили.

При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу Мартын, воспитывавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: «Я – христианин и потому не могу сражаться».

Первый вселенский собор (в 325 году) ясно определил строгую эпитимью за возвращение в войска христиан, оставивших службу. Подлинные слова этого постановления в переводе, признанном православной церковью, таковы:

«Благодатью призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки

псы на свою блевотину возвратившиеся... таковые десять лет да припадают к церкви, прося прощение по трилетнем слушании писания в притворе».

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Еще в четвертом веке Василий Великий рекомендует в течение трех лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в первые три века во время гонений, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан еще держалось убеждение о том, что война не совместима с христианством. Ферруций высказал это определенно и решительно и был за это казнен: «Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой войне и по приказу христианских государей». В четвертом веке Люцифер, епископ Кальярский, проповедует, что даже самое дорогое для христиан благо – свою веру – они должны защищать «не убийством других, а

собственной смертью». Павлин, епископ Ноланский, умерший в 431 году, еще грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Так это было в первые четыре века христианства. При Константине же на знаменах римских легионов уже появился крест. А в четыреста шестнадцатом году был издан указ о том, чтобы не допускать в армию язычников. Все солдаты стали христианами, то есть все христиане за самыми малыми исключениями отреклись от Христа.

С той поры в продолжение почти 15 веков та простая, несомненная и очевиднейшая истина о том, что исповедание христианства несовместимо с готовностью по воле других людей совершать всякого рода насилия и даже убийства, до такой степени скрыта от людей, до такой степени ослаблено истинно христианское религиозное чувство, что люди, поколения за поколениями, по имени исповедуя христианство, живут и умирают, разрешая убийства, участвуя в них, совершая их и пользуясь ими.

Так проходят века. Как бы в насмешку над

христианством совершаются крестовые походы, во имя христианства совершаются ужасающие злодеяния, и те редкие люди, удержавшие основные начала христианства, не допускающие насилия: манихеи, монтанисты, катары и другие, вызывают в большинстве людей только презрение или гонение.

Но истина, как огонь, прожигает понемногу все скрывавшие ее покровы и с начала прошлого века всё ярче и ярче начинает выступать перед людьми, волей неволей привлекая к себе внимание.

Истина эта проявлялась во многих местах, но особенно ярко в начале прошлого века в России. Проявлений этих было, вероятно, очень много, не оставивших никаких следов.

Некоторые только известны нам.

XI

Всякое движение к добру среди людей, живущих злою жизнью, вызывает не любовь, а гонение.

Истинное мужество в борьбе свойственно тому, кто знает, что его союзник – бог.

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: я победил мир.
Иоанн. XVI, 33.

Не жди совершения того божьего дела, которому ты служишь, но знай, что каждое твое усилие не останется бесплодным и подвинет дело.

Самые важные и нужные для самого и для других дела человека – это те, последствия которых он не увидит.

В 1818 году, как записал это в свой дневник генерал-губернатор Кавказа Муравьев, были присланы на Кавказ из Тамбовской губернии пять помещичьих крестьян за то, что они, будучи сданы в солдаты, отказались служить. Их несколько раз секли кнутом, гоняли сквозь строй, но они не сдавались и говорили одно: «Все люди равны, государь такой же человек, как и мы; не будем повиноваться, не будем платить податей, а главное, не будем убивать на войне людей братьев. Можете на куски резать нас, мы не сдадимся, не наденем шинели, не будем пайка есть, не будем солда-

тами. Милостыню мы примем, а казенного ничего не хотим».

Таких людей засекали, морили в тюрьмах, и всё, касавшееся их, старательно скрывалось, но количество их в продолжение прошлого столетия постоянно увеличивалось.

Так: «В 1827 году гвардейцы Николаев и Богданов бежали из военной службы в раскольничий скит, устроенный в лесу мещанином Соколовым. При поимке они отказались служить в военной службе, как несогласной с их убеждениями, и не хотели присягать. Военное начальство решило за такой проступок прогнать их сквозь строй и отдать в арестантские роты».

«В 1830 году в Пошехонском уезде Ярославской губернии местным исправником были схвачены неизвестные мужчина и женщина. При допросе мужчина показал: зовут его Егор Иванов, откуда он – того не знает, отца у себя кроме Христа спасителя не имел и не имеет, от роду 65 лет. То же заявила и женщина.

При священническом увещевании в земском суде люди эти дополнили, что, кроме одного небесного царя, никого на земле, как то:

государя императора, установленного гражданского и духовного правительства, не признают. На допросе в палате Егор Иванов повторил, что ему 70 лет, властей духовных и гражданских не признает, а принимает их за отступников от правил религии христианской. Егор Иванов был сослан в Соловецкий монастырь для употребления в работы, но почему-то содержался в остроге, где и пробыл до своей смерти, случившейся в 1839 году. Умер твердым в своих заблуждениях».

«В 1835 году в Ярославской губернии пойман неизвестный человек, называющий себя Иваном. Он заявил себя непризнающим святых угодников, императора и никакого начальства. По повелению государя был отправлен в Соловки для употребления по летам в работы. В том же году по высочайшему повелению отдан в солдаты».

«В 1849 году рекрут из крестьян Московской губернии Иван Шурупов, 19 лет, по принятии на службу, отказался дать присягу, несмотря на всевозможные принуждения. Свой отказ он мотивировал тем, что, по слову божьему, нужно служить одному богу, а пото-

му служить государю он не хочет и присяги принимать не желает, боясь быть клятвопреступником. Начальство, рассуждая, что разглашать это дело, предав суду Шурупова, было бы соблазном, решило заключить его в монастырь. Император Николай Павлович на докладе о Шурупове положил такую резолюцию: «Отправить упомянутого рекрута с конвойными в Соловецкий монастырь».

Таковы некоторые из попавших в печать сведений об отдельных лицах, едва ли тысячный процент всех людей в России, не признававших возможности соединить исповедание христианства с повиновением государственной власти. Целых же общин, много тысяч человек, признающих несовместимость учения Христа и существующего порядка, было в прошлом веке и продолжает существовать и теперь, очень много: и молокане, и иеговисты, и хлысты, и скопцы, и староверы и многие другие, большею частью скрывающие свое непризнание государственной власти, но считающие ее произведением начала зла – дьявола. В особенности заметны и сильны в прошлом столетии были своим прямым отрица-

нием государственной власти несколько десятков тысяч духоборов, из которых недавно тысячи, несмотря на все гонения, устояли в истине и переселились в Америку. Число людей, признающих несовместимость христианства с покорностью государству, постоянно увеличивалось; в наше же время, в особенности с тех пор, как правительством было введено самое очевидно противоположное христианскому учению требование общей воинской повинности, несогласие людей христианского понимания с государственным устройством стало всё чаще и чаще проявляться.

Так, в самое последнее время всё больше и больше молодых людей отказываются от военной службы и предпочитают все жестокие мучительства, которым их подвергают, отречению от закона бога, как они понимают его.

Мне случайно известны несколько десятков человек в России, отчасти выстрадавших тяжелые мучительства за веру, отчасти теперь еще сидящих по тюрьмам. Вот имена некоторых из пострадавших: Залюбовский, Любич, Мокеев, Дрожжин, Изюмченко, Оль-

ховик, Середа, Фарафонов, Егоров, Ганжа, Акулов, Чага, Шевчук, Буров, Гончаренко, Захаров, Тригубов, Волков, Кошевой; из сидящих теперь по тюрьмам мне известны: Иконников, Куртыш, Варнавский, Орлов, Мокрый, Молосай, Кудрин, Панчиков, Сиксне, Дерябин, Калачев, Баннов, Маркин.

Знаю про таких же людей в Австрии, Венгрии, Сербии, Болгарии. В Болгарии их особенно много. Мало этого: отказы эти в последнее время стали происходить, и на тех же основаниях, и в магометанском мире: в Персии среди бабидов, в России в секте божьего полка, основанной в самое последнее время в Казани Вайсовым.

Основа этих отказов одна и та же, самая естественная, необходимая, неоспоримая. Основа эта в признании и необходимости следования религиозному закону преимущественно перед законом государственным, когда они противоположны. Закон же государственный со своим требованием военной службы, то есть готовности к убийству по воле других людей, не может не быть противоположен всякому религиозно-нравственному

закону, всегда основанному на любви к ближнему, как все религиозные учения, не только христианское, но и магометанское, и буддийское, и браминское, и конфуцианское.

То самое точное определение закона любви, не допускающее никакого исключения, которое высказано было Христом 1900 лет тому назад, в наше время уже не вследствие следования Христу, а непосредственно сознается уже наиболее нравственно чуткими людьми всех вер.

Да, средство спасения только в этом.

Сначала кажется, что отказы от военной службы частные случаи, касающиеся только военной службы, но ведь это только кажется. Отказы эти ведь не суть случайные поступки людей, вызванные известными обстоятельствами, отказы эти – последствия истинного и искреннего исповедания религиозного учения. А такое исповедание естественно разрушает всё то устройство жизни, которое основано на несогласных, противоположных ему началах. Разрушает оно существующее устройство потому, что, если люди, понимая то, что участие в насилии несовместимо с

христианством, не будут идти в солдаты, в сборщики податей, в судьи, в присяжные, в полицейские, во всякого рода начальники, то ясно, что не будет и тех насилий, от которых теперь страдают люди.

XII

Когда ты можешь сказать по правде и от всего сердца: господи, боже мой! веди меня туда, куда ты хочешь, – тогда только ты избавишься от рабства и сделаешься истинно свободным.

Свободный человек распоряжается только тем, чем можно распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому, если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми.

Эпиктет.

Но что же могут сделать эти сотни, тысячи, допустим сотни тысяч ничтожных, бессильных, разрозненных людей против всего

огромного количества людей, связанных правительствами и вооруженных всеми могущественными орудиями насилия? Борьба кажется не только не равной, но невозможной, а между тем исход борьбы так же мало может быть сомнителен, как исход борьбы ночного мрака и утренней зари.

Вот что пишет один из тех юношей, которые сидят по тюрьмам за отказ от военной службы:

«Иногда мне приходится говорить с солдатами из караула, и всякий раз искренно улыбаешься, когда говорят мне: «Эх, землячок, плохо, что молодость вся ваша пройдет в заключении». – А не всё ли равно, скажешь им, конец-то ведь всем один.

– Так-то оно так, да вам бы и в роте плохо не было, если бы служили. – Да ведь мне здесь покойнее, – говоришь им, чем вам в роте. – Уж что говорить, – насмешливо, иронически говорят они. – Хорошего мало. Четвертый год сидите. А кабы служили, домой давно бы уехали, а то когда вас теперь освободят. – Да коли мне и здесь хорошо, – скажешь им. Покачают головой и задумаются. – Чудно.

Подобного рода разговоры происходят у меня и с товарищами моими по камере – солдатами. Один еврей солдат говорит мне: – Удивительно. Сколько вы страдаете и всегда почти веселый и бодрый. – А прочие товарищи мои по камере, когда кто из них заскучает, загрустит, говорят: «Эх ты! не успел сесть, а уж и затосковал! Ты вон смотри на отца (так они прозвали меня за мою небольшую бородку), он вон уж сколько сидит, а веселый». И так слово за слово завязывается у нас разговор. Бывает, что и попусту болтаем, а бывает, что и дельную балачку заведем: о боге, о жизни и обо всем, что заинтересует. А то кто-нибудь из них рассказывает из своей жизни в деревне, и как хорошо себя чувствуешь, слушая это. – Итак, в общем, живется мне ничего».

Вот что пишет другой:

«Внутренняя жизнь моя не скажу, что бывает всегда одинакова, бывают и минуты изнеможения и минуты радости.

В настоящее время чувствую себя хорошо, да все-таки много надо иметь сил, чтобы победоносно смотреть на всё то, что часто встре-

чаешь в тюремной жизни, тогда стараешься вникнуть в подробность дела и убеждаешь себя, что всё это творится только во мгновении времени, что во мне есть, положено сил более, чем этого нужно для этого случая, и тогда радость опять озаряет сердце, и забываешь про всё, всё случившееся. Так во внутреннем борении проходит жизнь».

Вот что пишет третий:

«28 марта был мне суд, я приговорен на 5 лет, 5 месяцев и шесть дней в арестантское отделение. Вы не поверите, как легко и радостно стало мне после суда: словно после тяжелой ноши чувствуешь себя легко, когда снял ее, так и я чувствую после суда легко и бодро и желаю навсегда чувствовать так хорошо».

Но не то с душевным состоянием тех людей, которые пользуются насилием, подчиняются ему, участвуют в нем. Все эти тысячи, миллионы людей вместо естественного и свойственного людям чувства любви к братьям испытывают ко всем людям, кроме маленького кружка единомышленников, только чувства ненависти, осуждения и страха, и до

такой степени заглушают в себе все человеческие чувства, что убийства братьев кажутся им необходимыми условиями блага их жизни.

«Вы говорите: жестокость казней, но что же делать с этими мерзавцами?» – говорят теперь в России такие люди из области консерваторов. «Во Франции достигли успокоения после, не помню, сколько тысяч голов. Пускай они перестанут чинить и швырять бомбы, и мы перестанем вешать их».

С такой же нечеловеческой жестокостью требуют, желают руководители революции смерти правителей, революционные рабочие и земледельцы смерти капиталистов и землевладельцев.

Люди эти знают, что делают не то, что свойственно и должно, и боятся и лгут и стараются вызвать в себе злобу, чтобы не видать правды, заглушить в себе ту истину, которая живет в них и зовет их, и не переставая страдают самыми жестокими страданиями, страданиями душевными.

Одни знают, что делают то, что свойственно всем людям, делают то, к чему идет чело-

вечество и что неизменно дает благо и отдельному человеку и всем людям; другие, как ни стараются скрыть это от себя, знают, что делают то, что несвойственно, противно всем людям, то, от чего всё больше и больше уходит человечество, делают то, от чего страдает и отдельный человек и все люди и больше всего они сами. На одной стороне – сознание несвободы, страх и скрытность, на другой – свобода, спокойствие и открытость; на одной – безверие, на другой – вера; на одной – ложь, на другой – истина; на одной – ненависть – на другой – любовь; на одной – отжившее мучительное прошлое – на другой – наступающее радостное будущее. Так какое же может быть сомнение в том, на чьей стороне будет победа?

Неотразимую истину высказал умерший теперь французский писатель, когда писал это удивительное, вдохновенное письмо:

«Духовная сила никогда так не занимала, никогда не наладала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивиду-

альных душ, которые отдельно желали общественного перерождения, мало-помалу отыскали, призвали друг друга, сблизились, соединились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало; они составили, таким образом, общую, коллективную душу, с тем, чтобы люди вперед осуществляли сообщество, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильный прогресс наций, недавно еще враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее.

Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их представители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками и даже эти ребячества Сорбонны суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это – последние судороги того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие организма освободиться от смертоносного начала.

Те, которые воспользовались и надеялись

еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого – эти вооружения, эти угрозы, эти гонения; но если вы взгляните внимательнее, вы увидите, что всё это только внешнее. Всё это колоссально, но пусто.

Во всем этом уж нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются в виду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми они должны сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже зарождающихся, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и искреннее сострадание.

Взаимное понимание неизбежно наступит в определенное время, и более близкое, чем мы полагаем. Я не знаю, происходит ли это оттого, что я скоро уйду из этого мира и что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществ-

ления слов: «любите друг друга», без рассуждения о том, кто сказал эти слова: бог или человек». (Дюма-сын.)

Да, в этом, только в этом осуществлении в жизни закона любви не в его ограниченном, а в его истинном значении, как высшего закона, не допускающего никаких исключений, только в этом одном спасение от того ужасного, становящегося всё более и более бедственным, кажущегося безвыходным, положения, в котором находятся теперь народы христианского мира.

XIII

Общественная жизнь может быть улучшена только самоотречением людей.

Говорят: одна ласточка не делает весны; но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться? Если так дожидаться всякой почке и травке, то весны никогда не будет. Так и нам для установления царства божия не надо думать о том, первая ли я, или тысяч-

ная ласточка.

Делай свое дело жизни, исполняя волю бога, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

«**Н**ад людьми мира нависла страшная тяжесть зла и давит их. Люди, стоящие под этой тяжестью, всё более и более задавливаемые, ищут средств избавиться от нее.

Они знают, что общими силами они могут поднять тяжесть и сбросить ее с себя; но они не могут согласиться все вместе взяться за нее, и каждый сгибается всё ниже и ниже, предоставляя тяжести ложиться на чужие плечи, и тяжесть всё больше и больше давит людей и давно бы уже раздавила их, если бы не было людей, руководящихся в своих поступках не соображениями о последствиях внешних поступков, а только внутренним со-ответствием поступка с голосом совести. И такие люди и были и есть – христиане, потому что в том, чтобы вместо цели внешней, для

достижения которой нужно согласие всех, ставить себе цель внутреннюю, для достижения которой не нужно ничьего согласия, и состоит сущность христианства в его истинном значении. И потому спасение от порабощения, в котором находятся люди, невозможное для людей общественных, и совершалось и совершается только христианством, только заменой закона насилия законом любви.

Цель общей жизни не может быть вполне известна тебе – говорит христианское учение каждому человеку – и представляется тебе только как всё большее и большее приближение к благу всего мира, к осуществлению царства божия; цель же личной жизни несомненно известна тебе и состоит в осуществлении в себе наибольшего совершенства любви, необходимого для осуществления царства божия. И цель эта всегда известна тебе и всегда достижима.

Тебе могут быть неизвестны наилучшие частные внешние цели; могут быть преграды для осуществления их; но приближение к внутреннему совершенству, увеличение любви в себе и в других не может

быть ничем и никем остановлено.

И стоит только человеку поставить себе вместо ложной внешней общественной цели эту одну истинную, несомненную и достижимую внутреннюю цель жизни, чтобы мгновенно распались все те цепи, которыми он, казалось, был так неразрывно скован, и он почувствовал бы себя совершенно свободным...

Христианин освобождается от государственного закона тем, что не нуждается в нем ни для себя, ни для других, считая жизнь человеческую более обеспеченною законом любви, который он исповедует, чем законом, поддерживаемым насилием...

Для христианина, познавшего требования закона любви, все требования закона насилия не только не могут быть обязательны, но всегда представляются теми самыми заблуждениями людей, которые подлежат обличению и упразднению...

Исповедание христианства в его истинном значении, включающем непротивление злу насилием, освобождает людей от всякой внешней власти. Но оно не только освобождает

ет их от внешней власти, оно вместе с тем дает им возможность достижения того улучшения жизни, которого они тщетно ищут через изменение внешних форм жизни.

Людям кажется, что положение их улучшается вследствие изменения внешних форм жизни, а между тем изменение внешних форм есть всегда только последствие изменения сознания, и только в той мере улучшается жизнь, в которой это изменение основано на изменении сознания.

Все внешние изменения форм жизни, не имеющие в основе своей изменения сознания, не только не улучшают сознания людей, но большей частью ухудшают его. Не правительственные указы уничтожили избивание детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов. И только в той мере совершилось улучшение жизни, в которой оно было основано на изменении сознания, то есть в той мере, в которой в сознании людей закон насилия заменился законом любви. Людям кажется, что если изменение сознания влияет на изменение форм жизни, то должно быть и обратное, и, так как

направлять деятельность на внешние изменения и приятнее (последствия деятельности виднее) и легче, то они всегда предпочитают направлять свои силы не на изменение сознания, а на изменение форм, и потому большей частью заняты не сущностью дела, а только подобием его. Внешняя суетливая, бесполезная деятельность, состоящая в установлении и применении внешних форм жизни, скрывает от людей ту существенную внутреннюю деятельность изменения сознания, которая одна может улучшить их жизнь. И это-то суеверие больше всего мешает общему улучшению жизни людей.

Лучшая жизнь может быть только тогда, когда к лучшему изменится сознание людей, и потому все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны бы быть направляемы на изменение сознания своего и других людей.

Христианство в его истинном значении, и только такое христианство, освобождает людей от того рабства, в котором они находятся в наше время, и только оно дает людям возможность действительного улучшения своей

личной и общей жизни.

Казалось бы, должно быть ясно, что только истинное христианство, исключаящее насилие, дает спасение отдельно каждому человеку и что оно же одно дает возможность улучшения общей жизни человечества, но люди не могли принять его до тех пор, пока жизнь по закону насилия не была изведена вполне, до тех пор, пока поле заблуждений, жестокостей и страданий государственной жизни не было исхожено по всем направлениям.

Часто как самое убедительное доказательство неистинности, а главное, неисполнимости учения Христа приводится то, что учение это, известное людям 1900 лет, не было принято во всем его значении, а принято только внешним образом. «Если столько уже лет оно известно и все-таки не стало руководством жизни людей, если столько мучеников и исповедников христианства бесцельно погибло, не изменив существующего строя, то это очевидно показывает, что учение это не истинно и неисполнимо», говорят люди.

Говорить и думать так, всё равно, что говорить и думать, что, если посеянное зерно не

только не дает тотчас же и цвета и плода, а лежит в земле и разлагается, то это есть доказательство того, что зерно это не настоящее и не всхожее, и можно и надо затоптать его.

То, что христианское учение не было принято во всем его значении тогда же, когда оно появилось, а было только принято во внешнем, извращенном виде, было и неизбежно и необходимо.

Учение, разрушающее всё существовавшее устройство мира, не могло быть принято при своем появлении во всем его значении, а было принято только во внешнем, извращенном виде.

Люди, тогда огромное большинство людей, не были в состоянии понять учение Христа одним духовным путем: надо было привести их к пониманию его тем, чтобы, изведав то, что всякое отступление от учения – гибель, они узнали бы это на жизни, своими боками.

Учение было принято, как не могло быть иначе, как внешнее богопочитание, заменившее язычество, и жизнь продолжала идти дальше и дальше по пути язычества. Но извращенное учение это было неразрывно свя-

зано с евангелием, и жрецы лжехристианства, несмотря на все старания, не могли скрыть от людей самой сущности учения, и истинное учение, против воли их, понемногу раскрываясь людям, сделалось частью их сознания.

В продолжение 18 веков шла эта двойная работа: положительная и отрицательная. С одной стороны всё большее и большее удаление людей от возможности доброй и разумной жизни, а с другой стороны всё большее и большее уяснение учения в его истинном смысле.

И в наше время дело дошло до того, что христианская истина, прежде познававшаяся только немногими людьми, одаренными живым религиозным чувством, теперь, в некоторых проявлениях своих, в виде социалистических учений, сделалась истиной, доступной каждому самому простому человеку, жизнь же общества самым грубым и очевидным образом на каждом шагу противоречит этой истине.

Положение нашего европейского человечества с своей земельной собственностью, по-

датыми, духовенством, гюрьмами, гильотинами, крепостями, пушками, динамитами, миллиардерами и нищими действительно кажется ужасным. Но ведь всё это только кажется. Ведь всё это, все те ужасы, которые совершаются, и те, которые мы ожидаем, все ведь делаются или готовы делаться нами самими. Ведь всего этого не только не может не быть, но и должно не быть соответственно состоянию сознания человечества. Ведь сила не в формах жизни, а в сознании людей. А сознание людей находится в самом напряженном, растягиваемом в две противоположные стороны, вопиющем противоречии. Христос сказал, что он победил мир, и он действительно победил его. Зло мира, как ни ужасно оно, уже не существует, потому что оно не существует уже в сознании людей.

Рост сознания происходит равномерно, не скачками, и никогда нельзя найти той черты, которая отделяет один период жизни человечества от другого, а между тем эта черта есть, как есть черта между ребячеством и юностью, зимою и весною и т. п. Если нет определенной черты, то есть переходное время. И

такое переходное время переживает теперь европейское человечество. Всё готово для перехода от одного состояния в другое, нужен только тот толчок, который совершит изменение. И толчок может быть дан каждую секунду. Общественное сознание уже отрицает прежнюю форму жизни и давно готово на усвоение новой. Все одинаково и знают и чувствуют это. Но инерция прошедшего, робость перед будущим делают, что то, что уже давно готово в сознании, иногда еще долго не переходит в действительность. В такие моменты достаточно иногда одного слова для того, чтобы сознание получило выражение, и та главная в совокупной жизни человечества сила – общественное мнение – мгновенно перевернуло бы без борьбы и насилия весь существующий строй...

Спасение людей от их унижения, порабощения и невежества произойдет не через революции, не через рабочие союзы, конгрессы мира, а через самый простой путь, – тот, что каждый человек, которого будут привлекать к участию в насилии над своими братьями и над самим собой, сознавая в себе свое истин-

ное духовное «я», с недоумением спросит: «Да зачем же я буду делать это?»

Не революции, хитрые, мудрые, социалистические, коммунистические устройства союзов, арбитражи и т. п. спасут человечество, а только такое духовное сознание, когда оно сделается общим.

Ведь стоит только человеку очнуться от гипноза, скрывающего от него его истинное человеческое призвание, чтобы не то что отказаться от тех требований, которые предъявляет ему государство, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями.

«И пробуждение это может совершиться каждую минуту», – так писал я 15 лет тому назад. – Пробуждение это совершается, – смело пишу я теперь. Знаю я, что я с своими 80-ю годами не увижу его, но знаю так же верно, как то, что после зимы наступит весна, а после ночи – день, что время это наступило в жизни нашего христианского человечества.

XIV

Душа человеческая по природе своей христианка.

Христианство воспринимается людьми всегда как что-то забытое, вдруг вспомнившееся... Христианство поднимает человека на такую высоту, с которой ему открывается радостный мир, подчиненный разумному закону. Чувство, испытываемое человеком, узнающим истину христианства, подобно тому, которое испытал бы человек, запертый в темной душевной башне, когда бы он поднялся на высшую открытую площадку башни, с которой он увидал бы невидный прежде прекрасный мир.

Сознание подчинения закону человеческого порождает; сознание подчинения божескому закону освобождает.

*Одно из определенных условий труда человека состоит в том, что чем отдаленнее цель наших стремлений, чем меньше мы желаем сами видеть плоды наших трудов, тем больше и обширнее будет мера нашего успеха.
Джон Рёскин.*

Самые важные и нужные для самого и

для других дела человека – это те, последствия которых он не увидит.

«**В**сё это может быть, но для того, чтобы люди могли освободиться от той, основанной на насилии, жизни, в которой они запутаны и которая держит их, нужно, чтобы все люди были религиозны, то есть готовы были бы ради исполнения закона бога быть готовыми пожертвовать своим телесным, личным благом и жить не будущим, а только настоящим, стремясь только в этом настоящем исполнять открытую им в любви волю бога. Но люди нашего мира не религиозны и потому не могут жить так».

Так говорят люди нашего времени, как бы предполагая, что религиозное сознание, вера – есть состояние, несвойственное человеку, что религиозное сознание в человеке есть нечто исключительное, воспитанное, напущенное. Но думать и говорить так могут люди вследствие особенного состояния христианского мира, временно лишённые самого необходимого и естественного условия жизни человеческой – веры.

Такое возражение подобно тому, которое сделал бы человек против необходимости труда для блага людей тем, что для того, чтобы трудиться, надо иметь силы для этого, но что же делать тем, которые так отвыкли от труда, что не могут, не умеют и не имеют сил телесно трудиться.

Но так же, как труд не составляет нечто искусственное, выдуманное, предписываемое людьми, а нечто неизбежное, необходимое, без чего не могли бы жить люди, так точно и вера, то есть сознание своего отношения к бесконечному и вытекающего из него руководства поступков. Такая вера есть не только не нечто воспитанное, искусственное, исключительное, а, напротив, такое естественное свойство человеческой природы, без которого, как птицы без крыльев, никогда не жили и не могут жить люди.

Если мы теперь в нашем христианском мире видим людей, лишенных, или, вернее сказать, не лишенных, а с затемненным религиозным сознанием, то уродливое, неестественное положение это только временное и случайное, положение немногих, происшед-

шее от тех особенных условий, в которых жили и живут люди христианского мира, точно такое же исключительное, как и положение тех людей, которые живут и могут жить, не работая.

И потому для того, чтобы люди, утратившие это свойственное и необходимое для жизни людей чувство, вновь испытали его, им не нужно ничего придумывать, устанавливать, а надо только устранить тот обман, который временно скрыл от них это чувство и затемнил его.

Только освободись люди нашего мира от того обмана извращения христианского учения церковной веры и утвержденного на ней не только оправдания, но возвеличения, несовместимого с христианством, основанного на насилии, государственного устройства, и само собой устранится в душах людей не только христианского, но и всего мира главная помеха к религиозному сознанию высшего закона любви без возможности исключений и насилия, который 1900 лет тому назад был открыт человечеству и который теперь один только удовлетворяет требованиям че-

ловческой совести.

А войдет в сознание закон этот, как *высший* закон жизни – и само собой прекратится то губительное для нравственности состояние людей, при котором величайшие несправедливости и жестокости, совершаемые людьми друг против друга, считаются естественными, свойственными людям поступками, совершится то, о чем мечтают теперь, чего желают и что обещают все социалистические, коммунистические устроители будущих обществ, и гораздо больше этого. И достигается это совершенно противоположными средствами, и только потому и достигается, что будет достигаться не теми, самим себе противоречащими средствами насилия, которыми стараются достигнуть этого как правительства, так и противники их. Достигается это освобождение от мучащего и развращающего людей зла не тем, что люди укрепят или удержат существующее устройство: монархию, республику, какую бы то ни было, и не тем, что, уничтожив существующее устройство, установят лучшее, социалистическое, коммунистическое, вообще не тем, что одни люди

будут себе представлять известное, считаемое ими наилучшим, устройство общества и будут насильем принуждать к нему других людей, а только тем, что каждый человек (большинство людей), не думая и не заботясь для себя и для других о последствиях своей деятельности, будет поступать так или иначе, не ради того или иного устройства общества, а только ради исполнения для себя, для своей жизни, признаваемого им высшим, закона жизни, закона любви, не допускающего насилия ни при каких условиях.

XV

Гораздо естественнее представить себе общество людей, управляемое разумными, выгодными и признаваемыми всеми правилами, чем те общества, в которых живут теперь люди, подчиняясь только насилию.

Для непробудившегося человека государственная власть – это некоторые священные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося человека – это люди очень заблуд-

шие, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания, и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Всё это для пробудившегося человека заблудшие и большей частью подкупленные люди, насилующие других людей, точно такие же, как те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насилуют их. Древность этого насилия, размер насилия, организация его – не может изменить сущности дела. Для пробудившегося человека нет того, что называется государством, и потому нет оправдания всем совершаемым во имя государства насилиям; и потому для него невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

Может быть, что для прежнего состояния людей было нужно государственное насилие, может быть оно нужно еще и теперь, но люди не могут не видеть, не предвидеть того состояния, при котором насилие может

только мешать мирной жизни людей. А видя и предвидя это, люди не могут не стремиться к осуществлению такого порядка. Средство осуществления такого порядка есть внутреннее совершенствование и неучастие в насилии.

«Но как же жить без правительства, без власти? Никогда люди не жили так», скажут на это.

Люди так привыкли к этой государственной форме, в которой они живут, что она кажется им неизбежной, всегдашней формой жизни человечества. Но это только кажется: жили и живут люди и вне государственной формы. Жили и живут так теперь все дикие народы, не дошедшие до того, что называется цивилизацией; живут так и люди, ставшие в своем понимании смысла жизни выше цивилизации: живут и в Европе, и в Америке, и в особенности в России христианские общины, отказавшиеся от правительства, не нуждающиеся в нем и только неизбежно терпящие его вмешательство.

Государственная форма есть временная, но никак не постоянная форма жизни человечества. Как жизнь одного человека не неподвижна, а постоянно изменяется, подвигается, совершенствуется, так не переставая изменяется, подвигается, совершенствуется жизнь и всего человечества. Каждый отдельный человек когда-то сосал грудь, играл в игрушки, учился, работал, женился, воспитывал детей, освобождался от страстей, умудрялся к старости. Точно так же умудряется и совершенствуется и жизнь народов, только не годами, как для человека, а веками, тысячелетиями. И как для человека главные изменения совершаются в области духовной, невидимой, так и в человечестве главные изменения совершаются прежде всего в невидимой области, в его религиозном сознании.

И как изменения эти для отдельного человека совершаются так постепенно, что никогда нельзя указать тот час, день, месяц, когда ребенок перестал быть ребенком, а стал юношей, и юноша мужем, а между тем мы всегда безошибочно знаем, когда переходы эти уже совершились, так точно мы и не можем нико-

гда указать на те годы, когда человечество или известная часть его пережила один религиозный возраст и вступило в другой, следующий; но так же, как мы знаем про бывшего ребенка, что он стал юношей, мы знаем и про человечество или часть его, что оно пережило один и вступило в другой, высший, религиозный возраст, когда переход этот уже совершился.

Такой переход от одного возраста человечества к другому совершился в наше время в жизни народов христианского мира.

Мы не знаем того часа, когда ребенок стал юношей, но знаем, что бывший ребенок уже не может играть в игрушки; так же мы не можем назвать того года, десятилетия даже, во время которого люди христианского мира выросли из прежней формы жизни и перешли в другой, определяемый их религиозным сознанием, возраст, но не можем не знать, не видеть того, что люди христианского мира уже не могут серьезно играть в завоевания, в свидания монархов, в дипломатические хитрости, в конституции, с своими палатами и думами, в социал-революционные, демократи-

ческие, анархические партии и революции, а главное, не могут делать всех этих дел, основывая их на насилии.

Особенно это заметно теперь у нас в России, с внешним изменением государственного устройства. Серьезно мыслящие русские люди не могут уже не испытывать теперь по отношению всех введенных новых форм управления нечто вроде того, как, если бы взрослому человеку подарили новую, не бывшую у него во время детства, игрушку. Как ни нова и интересна игрушка, она не нужна ему, и он только с улыбкой может глядеть на нее. Так это у нас, в России, и для всех мыслящих людей и для большой массы народа с нашей конституцией, думой и разными революционными союзами и партиями. Ведь не могут же русские люди нашего времени – я думаю, что не ошибаясь скажу, чующие уже, хотя и в неясном виде, сущность истинного учения Христа, – серьезно верить в то, что призвание человека в этом мире состоит в том, чтобы данный ему короткий промежуток времени между рождением и смертью употребить на то, чтобы говорить речи в палатах или собра-

ниях товарищей социалистов или в судах, судить своих ближних, ловить, запирать, убивать их, или кидать в них бомбы, или отбирать у них земли, или заботиться о том, чтобы Финляндия, Индия, Польша, Корея были бы присоединены к тому, что называется Россией, Англией, Пруссией, Японией, или о том, чтобы освободить насильем эти земли и быть для того готовым к массовым убийствам друг друга. Не может человек нашего времени не сознавать в глубине души всего безумия такой деятельности.

Ведь мы не видим всего ужаса, несвойственности человеческой природе той жизни, которую мы ведем, только потому, что все те ужасы, в среде которых мы спокойно живем, наступали так постепенно, что мы не замечали их. Мне довелось в своей жизни видеть заброшенного старика в самом ужасном положении: черви кишели в его теле, он не мог двинуться без страдания ни одним членом, и он не замечал всего ужаса своего положения, так незаметно он пришел к нему, он только просил чайку и сахарцу. То же и мы в нашей жизни: мы не видим всего ее ужаса только

потому, что незаметными шажками пришли к своему положению и, как тот старик, не замечаем всего ужаса его и только радуемся на новые кинематографы и автомобили, как тот радовался на чай и сахар. Не говоря уже о том, что нет никакого вероятия, что уничтожение несвойственного человеческой разумной и любовной природе насилия человека над человеком, не улучшило бы, а ухудшило положение людей, не говоря уже об этом, теперешнее положение общества так ужасно дурно, что трудно себе представить положение хуже.

И потому вопрос о том: могут ли люди жить без правительства, не только не страшен, каким хотят представить его защитники существующего строя, а только смешон, как был бы смешон обращенный к истязаемому человеку вопрос о том, как он будет жить, когда его перестанут мучить.

Люди, находящиеся в исключительно выгодном положении, вследствие существования государственного устройства, представляют себе жизнь людей без государственной власти в виде величайшей неурядицы, борь-

бы всех против всех, точно как будто говорится о сожигании не только животных (животные живут мирно без государственного насилия), а каких-то ужасных существ, руководимых в своей деятельности только ненавистью и безумием. Но представляют они себе людей такими только потому, что приписывают людям те противные их существу свойства, которые воспитаны тем самым государственным устройством, в которое они сложились и которое они, несмотря на то, что оно очевидно не нужно и только вредно, продолжают поддерживать.

И потому на вопрос о том, какая будет жизнь без власти, без правительства? Ответ может быть только один – тот, что наверное не будет всего того зла, которое производит правительство: не будет земельной собственности, не будет податей, употребляемых на ненужные народу дела, не будет разделений народов, порабощения одних другими, не будет поглощения лучших сил народов на приготовление к войнам, не будет страха – с одной стороны бомб, с другой – виселиц, не будет безумной роскоши одних и еще более

безумной нищеты других.

XVI

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьем людей. И еще вопрос, не счастливее ли мы были бы в первобытном состоянии, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии.

Ибо как можно сделать людей счастливыми, когда их не делают нравственными и мудрыми!

Кант.

Старайся жить так, чтобы насилие было не нужно тебе.

Мы очень привыкли к рассуждениям о том, как нам устроить жизнь других людей, – людей вообще. И нам такие рассуждения не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда существовать между религиозными и потому свободными людьми. Такие рассуждения суть

последствия деспотизма – управления одним человеком или несколькими людьми другими.

Так рассуждают и сами деспоты и люди, развращенные ими.

Это заблуждение вредно не только потому, что оно мучает, уродует людей, подвергающихся насилию деспотов, но и потому, что ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя, тогда как это одно единственно действительное средство воздействия на других людей.

Не только один человек не имеет права распоряжаться многими, но и многие не имеют права распоряжаться одним.

В. Чертков.

«Но все-таки, в какую форму сложится жизнь людей, которые решатся жить без правительства?». Спрашивают люди, очевидно предполагая, что люди всегда знают, в какую форму сложится и в какой форме будет продолжаться их жизнь и что поэтому люди, решающиеся жить без правительства, долж-

ны тоже вперед знать, в какую форму сложится их жизнь. Но ведь люди никогда не знали и не могут знать того, в какую форму в будущем сложится их жизнь. Убеждение о том, что люди могут знать это и даже устраивать эту будущую форму, есть только очень грубое, хотя и очень старое и распространенное суеверие. Подчиняясь ли правительствам, или не подчиняясь им, люди одинаково никогда не знали, не знают и не могут знать, в какую форму сложится их жизнь, и тем более не может по своей воле небольшое число людей устраивать жизнь всех, так как форма жизни людей складывается всегда не по воле некоторых людей, а по очень многим сложным и независимым от воли некоторых людей причинам, из которых главная – нравственное, религиозное состояние большинства людей общества.

Суеверие же о том, что некоторые люди могут не только знать вперед, в какую форму сложится жизнь других, большинства людей, но и могут устраивать в будущем эту жизнь, – суеверие это возникло и держится на жelanии людей, совершающих насилие, оправ-

дать свою деятельность и на желаниии людей, терпящих насилие, объяснить и смягчить тяжесть испытываемого ими насилия. Люди, совершающие насилие, уверяют себя и других в том, что они знают, что надо делать для того, чтобы жизнь людей приняла ту форму, какую они считают наилучшею. Люди же, терпящие насилия, до тех пор, пока не в силах свергнуть насилия, верят в это, так как только такая вера придает какой-либо смысл их положению.

Казалось бы, история народов должна бы была самым решительным образом разрушить это суеверие.

Несколько людей французского народа в конце XVIII столетия насилием поддерживают деспотическое устройство королевства, но, несмотря на все их усилия, устройство это разрушается и появляется республиканское устройство. И точно так же, несмотря на все усилия людей, руководящих республикой, удержать это устройство, несмотря на величайшие насилия, вместо республики является Наполеоновская империя и так же противно воле правителей вместо наследственной им-

перии появляется коалиция, Карл X, конституция, опять революция, опять новая республика и опять вместо республики Людовик Филипп и т. д. до теперешней республики. То же и во всех других насильственных действиях людских. Все усилия папства не только не уничтожают возможности протестантства, а только вызывают его. Все усилия капитализма только усиливают социалистические стремления. Если и держатся некоторое время установленные насильем формы или изменяются насильем же, то только оттого, что в данное время одни формы перестали быть свойственны общему и, главное, духовному состоянию народа, а не потому, что их кто-нибудь поддерживал или устраивал.

Так что вера в то, что одни люди – меньшинство – может устраивать жизнь большинства, то самое, что считается несомненной истиной, такой истиной, во имя которой совершаются величайшие злодеяния, есть только суеверие, деятельность же, основанная на этом суеверии, та политическая деятельность революционеров и правителей и их помощников, которая обыкновенно счита-

ется самым почтенным и важным делом, есть в сущности самая пустая, притом же и вредная человеческая деятельность, более всего другого препятствовавшая и препятствующая истинному благу человечества. Реки крови пролиты и проливаются во имя этого суеверия и неисчислимые страдания перенесены и переносятся людьми из-за той глупой и вредной деятельности, которая возникла на этом суеверии. И что хуже всего, – это то, что реки крови пролиты и проливаются во имя этого суеверия, а между тем именно это суеверие более всего другого препятствовало и препятствует тому, чтобы в общественном устройстве совершались успешно те самые улучшения жизни, которые свойственны и времени и известной ступени развития человеческого сознания. Суеверие это препятствует истинному прогрессу главное тем, что во имя сохранения и укрепления, или изменения и улучшения общественного устройства, люди, обращая все свои силы на воздействие на других людей, этим самым лишают себя той деятельности внутреннего совершенствования, которая одна может содействовать измене-

нию устройства всего общества.

Человеческая жизнь в своей совокупности движается и не может не придвигаться к тому вечному идеалу совершенства только приближением каждого отдельного человека к своему личному, такому же безграничному совершенству.

Какое же страшное губительное суеверие то, под влиянием которого люди, пренебрегая внутренней работой над собою, то есть тем одним, что действительно нужно для блага своего и общего и в чем одном властен человек, направляют все свои силы на находящееся вне их власти устройство жизни других людей и для достижения этой невозможной цели употребляют наверное дурные и вредные для себя и других средства насилия, вернее всего отдаляющие их как от своего личного, так и от общего совершенства?!

XVII

Стоит человеку отвернуться от разрешения внешних вопросов и поставить себе единый, истинный, свойственный человеку внутренний вопрос, как ему лучше прожить свою жизнь,

чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение.

Мы не знаем, не можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение этого общего блага возможно только при исполнении того закона добра, который открыт каждому человеку.

Когда бы люди захотели, вместо того чтобы спасти мир, спасти себя; вместо того чтобы освободить человечество, себя освободить – как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!
Герцен.

В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать ее.

Делай свое дело жизни, исполняя волю бога, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

«Всё это может быть и справедливо, но воздерживаться от насилия будет разумно только тогда, когда все или большинство людей поймут невыгоду, ненужность, неразумность насилия. Пока же этого нет, что делать отдельным людям? Неужели не ограждать себя, предоставить себя и жизнь и судьбу своих близких произволу злых, жестоких людей?

Но ведь вопрос о том, что я должен сделать для противодействия совершаемому на моих глазах насилию, основывается всё на том же грубом суеверии о возможности человека не только знать будущее, но и устраивать его по своей воле. Для человека, свободного от этого суеверия, вопроса этого нет и не может быть.

Злодей занес нож над своей жертвой, у меня в руке пистолет, я убью его. Но ведь я не знаю и никак не могу знать, совершил ли бы, или не совершил бы занесший нож свое намерение. Он мог бы не совершить своего злого намерения, я же наверное совершу свое злое дело. И потому одно, что может и должен человек сделать как в этом, так и во всех подобных случаях, это то, что должно делать всегда во всех возможных случаях: делать то,

что он считает должным перед богом, перед своей совестью. Совесть же человека может требовать от него жертвы своей, но никак не чужой жизни. То же самое относится и к способам противодействия злу общественному.

Так что на вопрос о том, что делать человеку при виде совершаемых злодейств одного или многих людей, ответ человека, свободного от суеверия возможности знания будущего состояния людей и возможности устройства такого состояния насильем, только один: поступать с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой.

«Но он крадет, грабит, убивает, я же не краду, не граблю, не убиваю. Пускай он исполняет закон взаимности, тогда и от меня можно будет требовать исполнения его», обыкновенно говорят люди нашего мира, и с тем большей уверенностью, чем на более высокой ступени общественного положения они находятся. – «Я не краду, не граблю, не убиваю», – говорит правитель, министр, генерал, судья, земельный собственник, торговец, солдат, полицейский. Суеверие общественного устройства, оправдывающее всякого рода насилие,

до такой степени омрачило сознание людей нашего мира, что они, не видя тех сплошных, непрерывающихся грабежей, убийств, которые совершаются во имя суеверия будущего устройства мира, видят только те редкие попытки насилия так называемых убийц, грабителей, воров, не имеющих за собой оправдания насилия во имя блага.

«Он вор, он грабитель, он убийца, он не соблюдает правила не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали», говорят – кто же? – те самые люди, которые не переставая убивают на войнах и заставляют людей готовиться к убийствам, грабят и обкрадывают чужие и свои народы.

Если правило о том, чтобы делать другому то, что ты хочешь, чтобы тебе делали, стало недостаточным против людей, которых в нашем обществе называют убийцами, грабителями и ворами, то только потому, что эти люди составляют часть того огромного большинства народа, которое не переставая поколения за поколениями убивалось, ограблялось и обкрадывалось людьми, вследствие своих суеверий не видящими преступности своих

поступков.

И потому на вопрос о том, как поступать относительно тех людей, которые будут покушаться на совершение против нас всякого рода насилий, ответ один: перестать делать другому то, чего ты не желаешь, чтобы тебе делали.

Но не говоря уже о всей несправедливости приложения отжившего закона возмездия к некоторым случаям насилия, оставляя безнаказанными самые ужасные и жестокие насилия, совершаемые государством во имя суеверия будущего устройства, приложение грубого возмездия за насилия, совершаемые так называемыми разбойниками, ворами, кроме того явно неразумно и ведет прямо к противоположному той цели, ради которой совершается. Ведет к противоположной цели потому, что разрушает ту могущественнейшую силу общественного мнения, которая в сто раз больше острогов и виселиц ограждает людей от всякого рода насилий друг над другом.

И это же рассуждение с особенной поразительностью приложимо к отношениям международным. «Что делать, когда придут дикие

народы, будут отнимать от нас плоды трудов наших, наших жен, дочерей?», говорят люди, думая только о возможности предупреждения против себя тех самых злодейств и преступлений, которые они, забывая их, не переставая совершают против других народов. Белые говорят: желтая опасность. Индусы, китайцы, японцы говорят с гораздо большим основанием: белая опасность. Ведь стоит только освободиться от суеверия, оправдывающего насилия, для того, чтобы ужаснуться на все те преступления, которые совершены и не переставая совершаются одними народами над другими, и еще более ужаснуться перед той нравственной, происходящей от суеверия тупостью народов, при которой англичане, русские, немцы, французы, южно-американцы могут говорить ввиду ужасающих преступлений, совершенных и совершаемых ими в Индии, Индо-Китае, Польше, Манчжурии, Алжире, — не только об угрожающих им опасностях насилий, но и о необходимости оградить себя от них.

Так что стоит только человеку в мыслях хоть на время освободиться от того ужасно-

го суеверия возможности знания будущего устройства общества, оправдывающего всякого рода насилия для этого устройства, и искренно и серьезно посмотреть на жизнь людей, и ему ясно станет, что *признание необходимости противления злу насиланием есть не что иное, как только оправдание людьми своих привычных, излюбленных пороков: мести, корысти, зависти, честолюбия, властолюбия, гордости, трусости, злости.*

XVIII

Самим создателем предопределено, чтобы мерилom всех человеческих поступков служила не выгода, а справедливость, и, в силу этого, все усилия определить степень выгоды всегда бесплодны. Ни один человек никогда не знал, не знает и не может знать, каковы будут как для него, так и для других людей конечные результаты известного поступка или целого ряда поступков. Но каждый человек может знать, какой поступок справедлив и какой нет. И все мы точно так же можем знать, что последствия справедливости будут, в конце концов, наилуч-

шие как для других, так и для нас, хотя мы не в силах заранее сказать, каково будет это наилучшее и в чем оно будет состоять.

Джон Рёскин.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Иоанн. VIII. 32.

Человек мыслит – так он создан. Ясно, что он должен мыслить разумно. Разумно мыслящий человек прежде всего думает о том, для какой цели он должен жить: он думает о своей душе, о боге. Посмотрите же, о чем думают мирские люди. О чем угодно, только не об этом. Они думают о плясках, о музыке, о пении и тому подобных удовольствиях; они думают о постройках, о богатстве, о власти; они завидуют положению богачей и царей. Но они вовсе не думают о том, что значит быть человеком.

Паскаль.

Только освободитесь все вы, страдающие люди христианского мира, как властвующ-

щие и богатые, так же и подавленные и бедные, от тех обманов лжехристианства и государственности, которые скрывают от вас то, что открыл вам Христос и чего требует ваш разум и ваше сердце, – и вам ясно станет, что в вас, только в вас самих причины всех телесных страданий – нужды – и духовных: сознания несправедливости, зависти, раздражения, которые мучают вас, задавленных и бедных; и в вас же, вы, властвующие и богатые, – причины тех страхов, укоров совести, сознания греха своей жизни, которые более или менее, по степени вашей нравственной чуткости, тревожат и вас.

Поймите вы, и те и другие, что вы не рождены ни рабами, ни повелителями других людей, что вы свободные люди, но свободные и разумные только тогда, когда вы исполняете высший закон своей жизни. И закон этот открыт вам, и стоит вам только откинуть те тщи, которые скрывают его от вас, чтобы вам ясно было, в чем этот закон и в чем ваше благо. Закон этот в любви, и благо – только в исполнении этого закона. Поймите это – и вы станете истинно свободными и получите всё

то, чего теперь так тщетно стараетесь достигнуть теми сложными путями, на которые увлекают вас запутанные, ни во что не верующие, развращенные люди.

«Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, — и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня: ибо я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Иго мое благо и бремя мое легко» (Матф. XI, 28—30). Спасет, избавит вас от претерпеваемого вами зла и даст вам истинное благо, к которому вы так неумело стремитесь, не желание своей выгоды, не зависть, не следование партийной программе, не ненависть, не негодование, не желание славы, даже не чувство справедливости, и главное, не забота об устройстве жизни других людей, а только деятельность для своей души, как ни странно это вам покажется, не имеющая никакой внешней цели, никаких соображений о том, что из нее может выйти.

Поймите, что предположение о том, что человек может устроить жизнь других людей, есть грубое суеверие, признаваемое людьми только по своей древности. Поймите, что лю-

ди, занятые тем, чтобы устраивать жизнь других людей, начиная с монархов, президентов, министров и кончая шпионами, палачами, так же как и членов и руководителей партий, диктаторов, представляют из себя не нечто высокое, как думают теперь многие, но, напротив, людей жалких, глубоко заблуждающихся, занятых не только невозможным и глупым, но одним из самых гадких дел, какие может избрать человек.

Люди уже понимают жалкую низость шпиона, палача, начинают понимать это отношение к жандарму, полицейскому, даже отчасти к военному, но еще не понимают этого по отношению к судье, сенатору, министру, монарху, руководителю, участнику революции. А между тем дело сенатора, министра, монарха, руководителя партии точно так же низко, несвойственно человеческой природе, гадко, даже хуже дела палача, шпиона, тем, что оно, будучи таким же, как и дело палача, шпиона, прикрыто лицемерием.

Поймите вы, все люди, особенно вы, молодые люди, что не только посвящать свою жизнь, но заниматься тем, чтобы по своим

мыслям насилием устраивать жизнь других людей, есть не только грубое суеверие, но есть гадкое, преступное, губительное для души дело. Поймите, что свойственному просвещенной душе человека желанию блага других людей удовлетворяет никак не суэта устройства их жизни посредством насилия, а только та внутренняя работа над собой, в которой одной вполне свободен и властен человек. Только эта работа, состоящая в увеличении в себе любви, может служить удовлетворением этого желания. Поймите, что всякая деятельность, направленная на устройство жизни других людей посредством насилия, не может служить благу людей, а есть всегда более или менее сознаваемый лицемерный обман, под личиной служения людям скрывающий низкие страсти: тщеславие, гордость, корыстолюбие.

Поймите это, особенно вы, молодежь, поколение будущего, перестаньте, как это делают теперь большинство из вас, искать этого воображаемого счастья в составлении блага народа посредством участия в управлении, в суде, в обучении других людей, поступления

для этого в приучающие вас к праздности, самомнению, гордости, развращающие заведения всякого рода гимназий, университетов, перестаньте участвовать в разных организациях, имеющих целью будто бы благо народных масс, а ищите одного того, что всегда одно нужно всякому человеку, что всегда доступно всякому, что дает наибольшее благо ему самому и вернее всего служит благу его ближних. Ищите в себе одного: увеличения любви посредством уничтожения всего того: ошибок, грехов, страстей, что мешает ее проявлению, и вы наиболее действительным способом будете содействовать благу людей. Поймите, что исполнение в наше время познанного нами высшего закона любви, исключаящего насилие, так же неизбежно для нас, как неизбежен для птиц закон перелета, витья гнезд, закон питания растениями для травоядных, и мясом для хищных животных, и что поэтому всякое наше отступление от этого закона наверное губительно для нас.

Только поймите это и положите жизнь в этой радостной работе, только начните это делать – и вы тотчас же узнаете, что в этом,

только в одном этом дело жизни человека и что это одно производит то улучшение жизни всех людей, к которому вы стремитесь так тщетно и такими ложными путями. Поймите, что благо людей только в единении их, единение же не может быть достигнуто посредством насилия. Единение достигается только тогда, когда люди, не думая об единении, каждый думает только об исполнении закона жизни. Только этот *высший* закон жизни, один для всех людей, соединяет людей.

Высший закон жизни, открытый Христом, ясен теперь людям и одно следование ему может теперь до тех пор, пока не будет открыт новый, еще более ясный и близкий закон душе человеческой, соединить людей.

XIX

Одни ищут блага или счастья во власти, другие – в науке, третьи – в сластолюбии. Те же люди, которые, действительно, близки к своему благу, понимают, что оно не может быть в том, чем владеть могут только некоторые люди, а не все. Они понимают, что истинное благо человека таково, что им могут обладать все люди ра-

зом, без раздела и без зависти; оно таково, что никто не может потерять его, если он сам того не захочет.
Паскаль.

Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, всемирный дух, проникающий нас всех вместе и каждого, как единицу, влагающий в каждого стремление к тому, что должно; тот самый дух, который в дереве велит ему расти к солнцу, в цветке велит ему бросить семя к осени и в нас велит нам стремиться к богу и в этом стремлении всё более и более соединяться друг с другом.

Истинная вера влечет к себе не тем, что обещает благо верующему, а тем, что представляет единственное прибежище спасения от всех бед и смерти.

Спасение не в обрядах и исповедании веры, а в ясном понимании смысла своей жизни.

Вот всё, что я хотел сказать.

Хотел сказать я то, что мы дожили в наше время до того положения, в котором нам нельзя долее оставаться, и что, хотим мы или не хотим этого, мы должны вступить на новый путь жизни, и что для того, чтобы нам вступить на этот путь, нам не нужно ни выдумывать новой веры, ни новых научных теорий, которые могли бы объяснить смысл жизни и руководить ею, — главное, не нужно и никакой особенной деятельности, а нужно только одно: освободиться от суеверий как лжехристианской веры, так и государственного устройства.

Только пойми всякий человек, что он не только не имеет никакого права, но и возможности устраивать жизнь других людей, что дело каждого устраивать, блюсти только свою жизнь, соответственно тому высшему религиозному закону, который открыт ему, и само собой уничтожится то мучительное, несоответственное требованиям нашей души и всё ухудшающееся и ухудшающееся зверское устройство жизни так называемых христианских народов.

Кто бы ты ни был: царь, судья, земледелец, мастеровой, нищий, подумай об этом, пожалей себя, пожалей свою душу... Ведь как бы ты ни был затуманен, одурен своим царством, властью, богатством, как бы ты ни был измучен, озлоблен своей нуждой и обидой, ты так же, как и мы все, обладатель или скорее проявитель того же духа божья, который живет во всех нас и который в наше время ясно, понятно говорит тебе: зачем, для чего ты мучаешь себя и всех, с кем имеешь общение в этом мире? Только пойми, кто ты, и как, с одной стороны, ничтожно то, что ты ошибочно называешь собою, признавая себя в своем теле, как необъятно велико то, что ты сознаешь истинно собою, – твое духовное существо, – только пойми это и начни каждый час своей жизни жить не для внешних целей, а для исполнения того истинного назначения твоей жизни, которое открыто тебе и мудростью всего мира, и учением Христа, и твоим собственным сознанием, начни жить, полагая цель и благо твоей жизни в том, чтобы с каждым днем всё больше и больше освобождать дух свой от обманов плоти, всё больше и

больше совершенствоваться в любви, что в сущности одно и то же; только начни делать это – и с первого часа, дня ты почувствуешь, какое новое и радостное чувство сознания полной свободы и блага всё больше и больше будет вливаться в твою душу и – что больше всего поразит тебя – как те самые внешние условия, которыми ты так был озабочен и которые всё-таки так далеки были от твоих желаний, – как эти условия сами собой (оставляя тебя в твоём внешнем положении или выводя из него) перестанут быть препятствиями и будут только всё большими и большими радостями твоей жизни.

И если ты несчастлив, – а я знаю, что ты несчастлив, —подумай о том, что то, что предлагается тебе здесь, выдуманно не мною, а есть плод духовных усилий всех высших, лучших умов и сердец человечества, и что в этом одном единственное средство избавиться тебе от твоего несчастья и получить величайшее благо, доступное человеку в этой жизни.

Вот это я и хотел, прежде чем умереть, сказать своим братьям.

2-го июля 1908 года.

Ясная Поляна.

ПРИЛОЖЕНИЕ I
(К гл. III)

Самые вредные люди повешены или сидят по каторгам, крепостям и тюрьмам; другие, менее вредные десятки тысяч людей, выгнаны из столиц и больших городов и голодные, оборванные бродят по России; явные полицейские хватают, тайные разведывают и следят; все вредные правительству книги и газеты извлекаются из обращения. В Думе идут споры ораторов разных партий о том, как соблюсти благо народа, строить или не строить флот, так или иначе устраивать крестьянское землевладение, как и почему собирать или не собирать собор. Есть лидеры, которые ходят по кулуарам, есть кворум, блоки, премьеры, и всё до капельки, как у всех цивилизованных народов. Казалось бы, чего же еще. А между тем распадение существующего строя жизни именно теперь и именно у нас в России всё больше и больше приближается.

Ну хорошо, вы, правительственные люди, перевешаете, перестреляете еще 5, 10, 30 тысяч, как, очевидно, вы, подражая прежним ев-

ропейским подавлениям революций, и собираетесь сделать. Ну хорошо, вы сделаете это. Но ведь, кроме петли, виселицы, шпионов, винтовки, приклада, тюрем, есть еще силы духовные, самые могущественные, гораздо более сильные, чем всевозможные виселицы и тюрьмы. Ведь у всех задавленных вами веревками и застреленных вами, над вырытыми для них, живых, могилами, были и есть отцы, братья, жены, сестры, друзья, единомышленники, и, если казни эти избавляют нас от тех, которые зарыты в могилы, то эти казни возрождают не только в их близких, но и в чужих людях вдвое больше и вдвое злейших врагов вам, чем те, которые вами убиты и зарыты в землю. Чем больше вы перебьете людей, тем меньше вам возможности избавиться от главного врага вашего: от ненависти к вам людей. Своими преступлениями вы только удесятяряете эту ненависть и делаете ее для себя более опасной.

Но мало того, что вы среди близких казненным увеличиваете врагов своих и увеличиваете их ненависть, вы этими самыми казнями увеличиваете и в совсем посторонних и

вам и вашим врагам людям то чувство жестокости и безнравственности, с которыми вы думаете, что боретесь этими казнями. Ведь казни эти не делаются сами собою теми бумажками, которые вы пишете в своих судах и министерствах. Казни делаются людьми над людьми. Молодой, бывший солдат с явным недоумением о том, как надо относиться к этому, рассказывал мне, как его заставляли рыть траншею – могилу для 10 живых, приговоренных к расстрелу, и как заставляли одних солдат убивать этих приговоренных, а других стоять с заряженными винтовками позади убивающих и быть готовыми стрелять в этих, если они поколеблются в исполнении требуемого от них страшного, нечеловеческого дела. Разве может пройти даром для душ человеческих исполнение таких ужасных дел по приказанию всех властей, которых им внушено уважать и считать священными?

На днях я прочел в газете сообщение о том, как какой-то несчастный генерал-губернатор отдал приказ, в котором выражал похвалу и одобрение двум, по его выражению, молодцам городовым, назначив им по 25 рублей на-

граждения за то, что они застрелили безоружного пленника, который, соскочив с повозки, хотел убежать от них. Я не поверил этому ужасному поступку начальства и написал в редакцию газеты, прося подтверждения. Мне прислали подлинный приказ и объяснили, что такие похвалы за убийства – самые обыкновенные явления, и самые высокопоставленные лица высказывают такие похвалы.

Разве могут такие дела и такие слова проходить бесследно? Не могут такие дерзко высказываемые, извращенные мысли и чувства не оставлять страшных следов развращения, безнравственности, жестокости в душах людей, участвующих в таких делах и читающих такие приказы. Не могут такие дела и приказы не вызывать в людях и недоверия и презрения к тем людям, которые предписывают эти ужасные, противные человеческой совести дела и хвалят и награждают за них. Так что, если казнены тысячи людей, то сколько десятков, сотен тысяч людей, участвовавших так или иначе в этих делах, развращены этим участием, лишены этим участием последних остатков религиозных и нравственных основ

и подготовлены к тому, чтобы, если не ненавидеть еще, то уже презирать людей, совершающих такие дела, и совершать при первом случае те же самые злодейства против тех самых людей, которые теперь заставляют делать их против врагов своих.

А влияние прочитываемых миллионами газетных известий о том, сколько казнено и приговорено к смерти, печатаемых каждый день, как известия о переменах погоды, которые должны и не могут не повторяться ежедневно и постоянно. Если читающие каждый день такие известия и не спрашивают себя, как примирить такие, совершаемые по повелению высшей власти дела, не говорю уже с евангелием, но с 6-ой заповедью Моисея, то не могут противоречия эти не отозваться в душе людей и пренебрежением к заповедям, к религии вообще и к власти, совершающей дела, явно противные и религиозному закону и совести.

Разве не ясно, что совершаемые правящими властями злодеяния, имеющие целью избавление себя и видимых врагов правительственной власти, подготавливают для себя

вдвое, вдесятеро больше врагов невидимых и злейших?

Казалось, не может не быть очевидным всякому мыслящему человеку, что такая деятельность правительства не может улучшить положения. Это должно быть очевидным не только посторонним, но и самим правителям. Не могут они не видеть ясно тщету своей деятельности, не могут не видеть и всей преступности ее. Не могут не видеть потому, что то учение Христа о любви к врагам, которое так старательно скрывалось и скрывается людьми, живущими насилием, — хотя и не вполне, в полном и истинном его значении, а некоторыми частными проявлениями, но все-таки проникло уже в сознание людей христианского мира и думаю, что не ошибаюсь, — особенно живо воспринято было простым рабочим русским народом, который теперь так усердно развращается правительством.

Если Марк Аврелий мог, несмотря на всю свою кротость и мудрость, с спокойной совестью и воевать и распоряжаться казнями людей, то люди христианского мира уже не могут этого делать без внутреннего сознания

своей преступности, и какие бы они ни придумывали лицемерные и глупые гаагские конференции и условные наказания, все эти лицемерные глупости не только не скрывают их преступлений, но, напротив, показывают, что они сами знают, что то, что они делают, дурно. Сколько бы они ни уверяли себя и других, что они по каким-то высшим соображениям делают те ужасные преступления всех законов и божеских и человеческих, которые они не переставая делают, – они не могут скрыть ни от себя, ни от всех добрых людей всей преступности, порочности, низости своей деятельности. Ведь все уже знают теперь, что убийство, какое бы то ни было, гадко, преступно, дурно; знают это и все цари, министры, генералы, сколько бы они ни прятались за какие-то выдуманнные высшие соображения.

То же самое и революционеры каких бы то ни было партий, если они допускают убийство для достижения своих целей. Сколько бы ни говорили они о том, что, когда власть будет в их руках, им не нужно будет употреблять тех средств насилия, которые они упо-

требляют теперь, – поступки их столь же безнравственны и жестоки, как и действия правительств. И потому точно так же, как и злодеяния правительств, производят такие страшные последствия: озлобления, озверения, развращения людей.

Отличается их деятельность только тем, – отчего она и представляется менее преступной, – что тщета деятельности стоящего во власти правительства очевидна, тогда как деятельность революционеров, проявляемая большею частью в теории и только урывками на практике – во времена революций, как у нас теперь, – не так очевидна.

Приемы же и средства борьбы у тех и других одинаково чужды свойствам человеческой души и основам христианского учения и, одинаково озлобляя людей и доводя их до высшей степени неразумия и озверения, не только не достигают той цели, которую они выставляют, но, напротив, только отдаляют людей от возможности достижения ее.

Положение и деятельность обеих враждующих сторон – правительства и революционеров – как в России, так и во всем христиан-

ском мире, с их средствами улучшения быта народа насилием, подобны людям, которые для того, чтобы согреться, ломают стены того дома, в котором живут, и топят ими.

ПРИЛОЖЕНИЕ II (К гл. VII)

Христианское учение в его истинном значении, признающее *высшим законом* жизни человеческой закон любви, не допускающий ни в каком случае насилие человека над человеком, учение это так близко сердцу человеческому, дает такую несомненную свободу и такое ни от чего не зависимое благо и отдельному человеку, и обществам людей, и всему человечеству, что, казалось бы, стоило только узнать его, чтобы все люди приняли его за руководство своей деятельности. И люди действительно, несмотря на все усилия церкви скрыть этот закон, всё более и более понимали и стремились осуществить его. Но горе было в том, что к тому времени, когда христианское учение в его истинном значении стало выясняться людям, большая часть христианского мира уже привыкла считать

истиной те внешние религиозные формы, которые не только скрывают от людей истинный смысл христианского учения, но и утверждают прямо противоположные христианскому учению государственные установления. Так что для восприятия христианского учения в его истинном значении людям христианского мира, более или менее понявшим истину христианства, нужно освободиться не только от веры в ложные формы извращенного христианского учения, но еще и от веры в необходимость, неизбежность того государственного устройства, которое установилось на этой ложной церковной вере.

Так что хотя освобождение от ложных религиозных форм, всё убыстряясь и убыстряясь, совершается, люди нашего времени, откинув веру в догматы, таинства, чудеса, святость библии и другие установления церкви, не могут все-таки освободиться от тех ложных государственных учений, которые основались на извращенном христианстве и скрывают истинное.

Одни люди, большинство рабочего народа, продолжая по преданию исполнять то, чего

требуют церкви, и отчасти вера в это учение, без малейшего сомнения *верят*, именно верят, и в то, возникшее в церковной вере и основанное на насилии государственное устройство, которое ни в каком случае не может быть совместимо с христианским учением в его истинном значении. Другие же люди, так называемые образованные, большей частью уже давно не верящие в церковное, и потому и ни в какое христианство, так же бессознательно верят, как и люди народа, в то государственное устройство, основанное на том самом насилии, которое введено и утверждено тем самым церковным христианством, в которое они давно уже не верят.

Так что одинаково верят в необходимость насилия, как главное орудие устройства общества, как те, которые, как рабочий народ, верят в законность существующего устройства общества, так и так называемые образованные люди, которые стараются постепенно исправить или революционным переворотом изменить существующее. И те и другие не только не признают, но не могут себе представить устройства общества, как только ос-

нованное на насилии.

Вот эта-то бессознательная вера, вернее суеверие людей христианского мира в законность поддерживания устройства мира насилем и в законность и неизбежность самого насилия, – вот эта-то вера, основанная на извращенном христианстве и прямо противоположная истинному (хотя люди, освободившиеся от веры в лжехристианство, и не признают этого), и составляла и составляет до последнего времени главное препятствие для принятия людьми всё более и более выясняющегося для них в наше время христианского учения в его истинном значении.

ПРИЛОЖЕНИЕ III (К гл. VIII)

Стоит только упомянуть об учении Христа, воспрещающем противление злу насилем, и люди, принадлежащие к привилегированному, в сравнении с чернорабочими, словию, и верующие и неверующие, только иронически улыбнутся на такое упоминание, как будто положение о возможности непротивления злу насилем есть такая очевидная

нелепость, про которую нельзя и говорить серьезным людям.

Большинство таких людей, считая себя нравственными и образованными людьми, будут серьезно говорить и спорить о троичности бога, о божественности Христа, об искуплении, таинствах и т. п., или о том, какая из двух политических партий имеет более шансов на успех, какой союз государств более желателен, чьи предположения более основательны: социал-демократов или социалистов-революционеров, – но и те и другие совершенно согласно убеждены в том, что о непротивлении злу насилем нельзя говорить серьезно.

Отчего это?

А оттого, что люди не могут не чувствовать, что признание положения о непротивлении злу насилем под корень разрушает всю установившуюся их жизнь и требует от них чего-то нового, неизвестного и кажущегося им страшным.

От этого-то и происходит то, что вопросы о троичности, о бессеменном зачатии, о причастии, крещении могут занимать людей рели-

гиозных; так же могут занимать людей нерелигиозных вопросы о политических союзах, партиях, о социализме и коммунизме, но вопрос о непротивлении злу насилием им представляется какой-то удивительной бессмыслицей, и тем большей бессмыслицей, чем большими преимуществами при теперешнем устройстве мира пользуются люди.

От этого происходит и то, что наиболее резкое отрицание учения о непротивлении и непонимание его всегда пропорционально степени власти, богатства, цивилизации людей.

Люди, занимающие важные положения во власти, люди очень богатые, люди, привыкшие к своему положению, и люди, оправдывающие это положение, как большинство ученых, только пожимают плечами в ответ на упоминание о непротивлении. Люди менее значительные, и менее богатые, и менее ученые – менее презрительны. Еще менее презрительны люди еще меньшей важности, достатка и учености. Но все-таки все люди, жизнь которых непосредственно основана на насилии, хотя и не одинаково презрительно,

но всегда отрицательно относятся к мысли о возможности приложения к жизни учения о непротивлении злу насилием.

Так что если бы решение вопроса об освобождении себя от извращенного христианского учения и вытекающего из него допущения насилия, нарушающего любовь, и признание христианского учения в его истинном значении зависело только от людей цивилизованных, пользующихся в нашем обществе в материальном отношении лучшим, в сравнении с большинством рабочего народа, положением, то предстоящий переход людей от жизни, основанной на насилии, к жизни, основанной на любви, еще не был бы так близок и настоятелен, как он близок и настоятелен теперь и особенно у нас в России, где огромное большинство народа, более двух третей, еще не развращено ни богатством, ни властью, ни цивилизацией.

А так как этому большинству народа нет причины и выгоды лишать себя блага любовной жизни, допуская в нее возможность насилия, то среди этих людей, не развращенных ни властью, ни богатством, ни цивилизацией,

ей, и должна бы начаться та перемена строя, которую требует совершившееся уяснение христианской истины.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV (К гл. XVII)

Но как ни странно кажется мне ослепление людей, верящих в необходимость, неизбежность насилия, как ни неотразимо очевидна для меня неизбежность непротивления, не разумные доводы убеждают меня и могут неотразимо убедить людей в истине непротивления, убеждает только сознание человеком своей духовности, основное выражение которого есть любовь. Любовь же, истинная любовь, составляющая сущность души человека, та любовь, которая открыта учением Христа, исключает возможность мысли о каком бы то ни было насилии.

Полезно ли, не полезно ли, вредно ли, безвредно будет употребление насилий или претерпение зла, я не знаю и никто не знает, но знаю и знает это всякий человек, что любовь есть благо, благо и любовь ко мне людей и еще большее благо и любовь моя к людям. Са-

мое же великое благо – это любовь моя к людям не только не любящим меня, но, как и сказал Христос, ненавидящим меня, обижающим меня, делающим мне зло. Как ни странно это кажется тому, кто не испытал этого, это так, и когда вдумаешься в это и испытаешь это, то только удивляешься, как мог я не понимать этого. Любовь, истинная любовь, любовь, отрицающая себя и переносящая себя в другого, есть пробуждение в себе высшего всемирного начала жизни. Но она тогда истинная любовь и тогда дает всё то благо, какое она может дать, когда она только любовь, освобожденная от всего личного, от всякой малейшей доли пристрастия для себя к предмету любви. И такая любовь может быть только к врагу, к ненавидящим, обижающим. И потому предписание любить не любящих, а ненавидящих, не есть преувеличение, не есть указание на возможность исключений, но есть только указание на тот случай, ту возможность получения высшего блага, какую дает любовь. То, что это так должно быть, вытекает из рассуждения, и стоит испытать это, чтобы убедиться. Так что случаи обиды, напа-

дения станут дорогими, желательными. Так что, вникнув в сущность свойств души человеческой, мы увидим, что она такова, что от-вечание злом на зло заставляет ее страдать, и напротив, отвечание любовью на зло дает высшее доступное ей благо.

И потому всякое противление злу злом есть лишение блага, всякое любовное отвеча-ние на зло есть приобретение блага, и такого блага, которое, уничтожая личность и потому давая высшее благо, уничтожает вместе с тем и всякое страдание и, главное, вызывающее сопротивление пугало – страх смерти.

О ПРИСОЕДИНЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ К АВСТРИИ

Если бы была задана психологическая задача, как сделать так, чтобы люди нашего времени, христиане, гуманные, просто добрые люди, совершали самые ужасные злодейства, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно решение: надо, чтобы было то самое, что есть, надо, чтобы люди были разделены на государства и народы, и чтобы им было внушено, что это раз-деление так полезно для них, что они

должны жертвовать и жизнями и всем, что для них есть святого, для поддержания этого губительного, вредного для них разделения.

Мы так привыкли думать, что одни люди могут устраивать жизнь других людей, что распоряжения одних людей о том, как другие должны верить или поступать, нам не кажутся странными. Если люди могут делать такие распоряжения и подчиняться им, то это только потому, что люди эти не признают в человеке то, что составляет сущность всякого человека: божественность его души, всегда свободной и не могущей подчиняться ничему, кроме своего закона, то есть совести закона бога.

I

Со времени зарождения исторического общества до наших дней всегда и везде существовало притеснение народов государством. Следует ли отсюда заключить, что это притеснение неразрывно связано с человеческим обществом? Конечно, нет. Подобно тому, как государство было исторически

необходимым злом в прошлом, так же необходимо будет рано или поздно его полное уничтожение.
Бакунин.

Часто мы называем законы мудростью наших отцов, но это только заблуждение. Законы столь же часто являлись следствием страстей наших предков, их робости, зависти, узкого себялюбия, их властолюбия. Обязанность наша не в том, чтобы рабски следовать им, а в том, чтобы обсуждать их, раскрывая их ошибки.
Годвин.

Одна сербская женщина обратилась ко мне с вопросом о том, что я думаю о совершившемся на днях присоединении к Австрии Боснии и Герцеговины. Я вкратце отвечал ей, но рад случаю высказать тем, кого это может интересовать, насколько я могу ясно и подробно, мои мысли об этом событии. Мысли мои об этом следующие:[21]

Австрийское правительство решило признать народы Боснии и Герцеговины, до по-

следнего времени не признававшие еще в полной власти австрийского правительства, своими подданными, то есть признало за собой право, без согласия на то самих народов, распоряжаться произведениями труда и жизнями нескольких сот тысяч людей. Присоединение это вызвало сложные дипломатические соображения других правительств и раздражение славянских народов – и в особенности сербского и черногорского, готовящихся, ради противодействия этому поступку австрийского правительства, даже к отчаянной войне с несоизмеримо неравным по военной силе врагом.

Случилось, собственно, очень обыкновенное, постоянно повторяющееся событие. Одно из тех больших разбойничьих гнезд, называемых великими державами, которые посредством всякого рода обманов, лжи, насилия и всякого рода преступлений против самых первых требований нравственности держат в страхе перед собой, ограбляя их, миллионы и миллионы людей, одно из таких гнезд, всё больше и больше забирая власть над совершенно чуждыми ему сотнями тысяч людей

славянского племени, решило открыто закрепить эту свою власть и, когда сочло это для себя удобным, объявило, что оно отныне считает народы эти вполне своими подданными. Разбойничье гнездо это, называемое Австрийской империей, рассчитывало на то, что другие такие же разбойничьи гнезда, озабоченные в данную минуту своими делами, пропустят этот захват без требований признания за каждым из них права участия в этом ограблении. Но вышло то, что руководители других подобных же учреждений пожелали участвовать в этом грабеже, и вот уже несколько недель толкуют на своем, как у воров, воровском жаргоне о всякого рода аннексиях, компенсациях, конгрессах, конференциях, декларациях, делегациях и т. п. и не могут пока прийти ни к какому решению.

II

Премудрость божия так устроила мир, что люди не могут быть поработаны и деспотизм невозможен, если люди понимают премудрость Божию. Но владыки мира противопоставили премудрости Божией премудрость

князя мира сего – дьявола, и дьявол научил их адской хитрости для того, чтобы утвердить их деспотизм.

Он сказал им: «Вот что надо делать. Возьмите в каждой семье молодых людей самых сильных, дайте им оружие и научите их действовать им, и они будут сражаться против своих отцов и братьев, потому что я внушу им, что в этом их слава. Я сделаю им двух идолов, которые назовутся честью и верностью и закон которых будет называться беспрекословным послушанием. И они будут обожать этих идолов и слепо подчиняться этому закону, потому что я извращу их ум, и вам нечего будет бояться».

И угнетатели народов сделали то, что им сказал дьявол, и дьявол сделал то, что обещал угнетателям народов. И вот люди из народа подняли руку против своих, чтобы избавить своих братьев и заточать своих отцов и даже забывать про тех, которые носили их под сердцем. И когда им говорили: «Во имя всего святого, подумайте о несправедливости и жестокости того, что вам приказывают», они отве-

чали: «Мы не думаем, мы повинуемся». И когда им говорили: «Разве у вас нет любви к вашим отцам, матерям, братьям?» Они отвечали: «Мы не любим, мы повинуемся».

И когда им говорили про бога и Христа, они говорили: «Наши боги – это верность и честь».

Не было соблазна более ужасного этого. Но соблазн этот приходит к концу. Еще немного, и дьявол исчезнет вместе с угнетателями народов.

Ламенэ.

И Микромегас сказал: «О, вы, разумные атомы, в которых вечное существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ». На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых деяте-

лей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

– В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, – сказал он. – Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

– Из-за чего же ссорятся маленькие животные?

– Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной в вашу пятку, – отвечал философ. – И ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой никогда не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал животного, ради которого они режутся.

– Несчастливые! – вскрикнул сириец. – Можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц. – Не трудитесь делать это, – отвечали ему. – Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это бога.
Вольтер.

Признание Австрией босняков и герцеговинцев своими подданными, кроме дипломатических осложнений среди держав, вызвало еще и среди славянских народов сильное волнение, дошедшее в сербском и черногорском народе даже до желания воевать, то есть посредством самых преступных для человека поступков: убийства своих и чужих людей, противодействовать неправильному, по их мнению, вредному и опасному для них поступку австрийского правительства.

Понятно, что старый, с извращенными по-

нятиями человек, называемый австрийским императором, вместе с десятками таких же, как он, людей, с столь же извращенными понятиями, может, находя в этом свою выгоду и подчиняясь древнему суеверию о том, что одни люди, именно они, называющие себя правительством, имеют право и даже обязаны распоряжаться судьбами миллионов, могут, считая это очень хорошим и полезным, признать несколько сот тысяч людей, не имеющих с ними ничего общего, своими подданными и поддерживать это свое решение угрозами убийства всех тех, кто не признает этого решения. Всё это вполне понятно. Но непонятно то, чтобы те сотни тысяч босняков и герцеговинцев и миллионы сербов и черногорцев, возмущенных этим присоединением, не нашли бы никакого иного способа отозваться на это грубое насилие, как только одно из двух: или боснякам и герцеговинцам покориться решению австрийского правительства и признать себя рабами чуждых им людей, или противодействовать этому насильственному против себя поступку тем самым преступным и насильственным поступ-

ком, который употребляется против них, то есть насилием и убийством.

Можно понять то, что люди, составляющие большие разбойничьи гнезда, так запутаны, развращены, что, делая свои дурные дела для своих мелких, личных, тщеславных и корыстных целей, они могут быть так ослеплены, чтобы считать свою преступную деятельность исполнением своей обязанности, и потому, толкуя о компенсациях, конференциях и т. п., не чувствовать своей преступности и даже для достижения своей цели желать убийства ближних, войны, к которой они всегда готовятся. Но трудно уже понять в наше время, для чего те простые рабочие люди, которые составляют народ и дают своими трудами возможность жизни тем, кто ими распоряжается, будь это босняки, герцеговинцы, сербы, черногорцы, немцы, русские, поляки, индусы, англичане, французы, — трудно понять, для чего эти люди, тяготящиеся своим рабством, стремящиеся повсюду к освобождению, могут или спокойно переносить свое ничем не оправдываемое и необъяснимое рабство, или для освобождения от него прибегать

к тому самому средству, которое было причиною и теперь составляет главную причину их порабощения: к насилию, к войне, к убийству.

III

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различные деятельности человеческие, то нельзя не подумать, сколько тратится жизнью для продолжения на земле царства зла, и как этому злу содействует больше всего существование государств и вследствие этого учреждение правительств.

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что всё это не нужно, что всё это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей, искусных и развращенных, властвовать над собой.
Патрис Ларрок.

Если мог быть когда-нибудь нужен патриотизм, что он теперь? Что он

для людей больших государств, положим, для меня в России?

Патриотизм для всякого члена большого государства, для меня, русского, это то, чтобы быть не только не в любви с тысячами, миллионами людей, поляков, финнов, евреев, разных кавказцев, а быть предметом ненависти людей, которым я не делал никакого зла и с которыми не имел никаких сношений. Для маленьких же, порабощенных народностей это еще хуже: это в духовном отношении причина оправдываемой ненависти к людям совершенно чуждым, и в области материальной причина целого ряда угнетений, лишений, страданий. И это-то отсталое, грубое и нравственно и материально зловреднейшее чувство проповедуется и внушается всеми средствами внушения теми, кому это выгодно, и наивно и глупо принимается как добродетель и благо теми, кому оно явно вредно.

Ведь хорошо было говорить об аннексиях, компенсациях, конференциях и угрожать войнами 500, 100, даже 50 лет тому назад. Хо-

рошо было в те времена перекидывать одуренные, обманутые народы, как продажных рабов, от одних хозяев к другим, от турок к русским, от русских к немцам и т. д. Хорошо было в те времена, под влиянием патристически воинственного гипноза, ввергать сотни, тысячи, десятки, сотни тысяч людей в бессмысленное, озверяющее людей смертоубийство, как это хотят делать теперь одурманенные гипнозом некоторые части сербского народа. Но ведь время не стоит, не стоит и материальное и, главное, духовное развитие людей. Ведь подвиги храбрых Кара-Георгиевичей, которыми так гордятся сербы, имели смысл сотни и сотни лет тому назад. Теперь же такие подвиги не только не нужны, но вредны и даже были бы смешны, если бы не были так ужасно зловредны.

И потеряли эти подвиги свое значение не оттого только, что вместо прежних мечей и лат есть теперь пулеметы, браунинги, всякого рода пароходы, аэропланы, железные дороги, телеграфы, печать, вследствие которых тотчас же известно всему миру то, что делается в каждом конце его; не оттого только потеряли

значение патриотизм и воинственная храбрость и получили значение совсем другие свойства людей, что изменились материальные условия жизни, а потеряли они значение и требуется совсем другое оттого, что изменилось всё духовное состояние человечества. В наше время народам, над которыми совершается грубое насилие, как то, которое совершается теперь над славянскими народами, нужен не счет штыков и батарей и не заискивание у жалких, несчастных, заблудших, одуренных своим мнимым величием людей, как разные Габсбурги, Романовы, Эдуарды, султаны с их дипломатами, министрами, генералами и войсками, а нужно совсем другое. Нужно сознание людьми своего человеческого, равного для всех людей достоинства, не допускающего ни распоряжения одних людей жизнями других людей, ни подчинения этих людей другим каким бы то ни было людям. Сознание же это возможно только для тех людей, которые знают свое назначение в жизни и следуют тому руководству поведения, которое вытекает из этого познания. Знают же свое назначение в жизни и следуют вытекаю-

Щему из него руководству поведения только те люди, у которых есть религия.

IV

Я живу, живу нынче еще; завтра очень может быть, что меня не будет, что я навсегда уйду, откуда пришел. Пока я живу, я знаю, что, если я в любви с людьми, мне хорошо, спокойно, радостно, и потому, пока я живу, я хочу любить и быть любимым. И вдруг приходят люди и говорят: пойдём с нами обирать, казнить, убивать, воевать, тебе будет от этого лучше, если не тебе, то государству. Что такое? Какое государство? Что вы говорите? – ответит всякий не ошалевший, разумный человек. – Оставьте меня в покое. Не говорите таких глупостей и гадостей.

Для непробудившегося человека государственная власть – это некоторые священные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося же к религиозному пониманию жизни человека то, что называется государственной властью, это только люди, приписывающие себе какое-то

фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Для пробудившегося человека это заблудшие и большей частью подкупленные люди, насилюющие других людей, точно такие же люди, как и те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насилюют их. Древность этого насилия, размеры насилия, организация его – не может изменить сущности дела. Для пробудившегося человека нет того, что называется государством; и потому нет оправдания всем совершенным во имя государства насилиям, – невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

Несколько лет тому назад сидел в австрийской тюрьме, в числе сотен отказывающихся от военной службы людей из секты назарен, молодой человек той же секты. Мать молодого человека пришла проведать сына. Когда часовой, сжалившийся над ней, допу-

стил ее к окну, из которого она могла видеть сына, мать эта вместо того, чтобы плакаться сыну на свою беспомощность и упрекать его за то, что он бросил ее, закричала сыну: «Не бери ружья, сынок мой золотой. Помни бога». И сын послушался и матери, и своего внутреннего голоса и остался досиживать свои 15 лет тюрьмы, к которым приговорило его австрийское правительство.

Да, не готовиться вам, сербам, надо к войне, то есть к убийству жалких, заблудших людей, приведенных целым рядом грехов и соблазнов к тому одуренному состоянию, в котором они убивают и готовы убивать кого попало, и не выпрашивать вам надо посредством вами же поставленных бог знает зачем властителей, милости у людей, которые сами не знают, как им выпутаться из того обмана и зла, в которых они завязли, – ничего этого не нужно вам.

Для освобождения вас, и не только вас, не только славян, но для освобождения всех порабоощающих самих себя народов: и китайцев, и японцев, и индусов, и персов, и турок, и русских, и немцев, и французов, и итальян-

цев, и всех людей мира от тех грехов, соблазнов и суеверий, в которых они коснеют, нужны не штыки и батареи, и не дипломатические переговоры и конференции, и конвенции, и т. п., а нужно одно то, в чем поддерживала эта мать своего любимого сына. Нужны не патриотизм, не гордость, не злоба, не воинственная храбрость, а нужно только то, что делал этот назарен, что делали и делают теперь в России духоборы, молокане, иеговисты, свободные христиане, что делали и делают в Персии бабисты, такие же люди в Турции, Индии, что делают среди христианского, буддийского, магометанского мира тысячи и тысячи людей, сознающих в себе свое духовное начало и потому не признающих никакой выше власти этого духовного начала.

V

Нет ничего более недостойного разумного существа, как то, что чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали истинным, оказалось ложью. Не лучше ли искать новых основ единения, которые заменят прежние.

Мартино.

Говорят, что государство всегда было и что поэтому нельзя жить без государства. Но, во-первых, государство не всегда было, а, во-вторых, если и было и есть теперь, то это не показывает того, что оно всегда должно быть.

В наше время люди начинают уже понимать, что время государства прошло и что оно держится привычкой и обманом, но не могут освободиться от него, потому что все так или иначе запутаны в нем.

Много злого делают люди ради себя-любия; еще больше зла делают они ради семьи; самые же ужасные злодеяния делаются людьми ради государства. И что удивительнее всего, это то, что люди, делающие все эти хитрости, обманы, шпионства, поборы с народа и ужасные смертоубийства, войны, гордятся своими злодеяниями.

И вот поэтому-то и думаю я, что и боснякам, и герцеговинцам, и вам, сербам, и всем славянским народам, при теперешних собы-

тиях, прежде всего нужно уже никак не готовиться к войне, то есть к тем самым преступлениям, которыми живут называемые большими державами разбойничьи гнезда, и не выпрашивать помощи у правителей таких держав, а нужно перестать разжигать в себе отсталый от веры грубый сербский и всеславянский патриотизм, то есть тот самый обман и отступление от сознания своего единства со всем человечеством, который и привел другие родственные вам народы в рабство и неизбежно приведет вас к тому же: к порабощению вас чуждыми вам людьми; а нужно сделать то, что уже давно пора сделать всем народам и что хорошо знают живущие среди вас назарены, но значение чего вы, к сожалению, до сих пор так же мало понимали и понимаете, как и другие народы.

Да, выход не одним сербам из теперешнего, кажущегося запутанным положения, не одним славянским народам, но народам всего мира из всех, и политических, дипломатических и социальных, экономических затруднений и бедствий, выход для всех народов мира в одном: в том, чтобы признать то высшее ре-

лигиозное сознание, до которого дожило человечество нашего времени, и следовать ему, то есть прийти к тому главному условию доброй жизни – единой вере людей, без которого только временно живут люди, как живут теперь эти последние десятки лет люди вообще и в особенности люди христианского мира.

Не только бедствия, испытываемые теперь славянскими народами, но все бедствия всех народов только в том, что люди вообще и в особенности люди христианского мира живут по тому грубому пониманию жизни, которое давно уже пережито лучшими людьми всего человечества, а не по тому пониманию смысла жизни и вытекающему из него руководству поведения, которое открыто христианским учением 1900 лет тому назад, и которое понемногу всё более и более входило в сознание человечества, и которое теперь одно свойственно людям нашего времени.

VI

Все люди желают блага. И потому с самых старинных времен всегда и везде святые мудрые люди думали и получали людей о том, как надо жить,

чтобы иметь наибольшее благо. И все эти мудрые и святые люди в разных местах и в разное время учили людей одному и тому же учению. Учение это всё в том, что все люди живут одним и тем же духом, но все разделены в этой жизни своими телами. Если люди понимают это, то стремятся к соединению друг с другом любовью. Стремление это дает им благо. Если же люди не понимают этого и думают, что живут своими отдельными телами, то враждуют друг с другом и бывают несчастливы. И потому учение всё в том, чтобы делать то, что соединяет людей, любить и не делать того, что разъединяет их, не жить каждому отдельно для своего тела. Для того, чтобы человеку знать, что ему делать, ему надо следовать той воле бога, которая вложена в него. Воля бога хочет блага всем существам, всему, что есть на свете. Бог есть любовь, как сказано в евангелии, и потому воля в человеке, когда она сходится с волей бога, есть тоже любовь, и желает блага не одному себе, но всему, что есть в мире. И потому делать че-

ловеку в жизни нужно только то, что согласно с волей бога. А согласна с волей бога в человеке только любовь.

Постараюсь сказать вкратце, почему, по моему мнению, находятся христианские народы в этом несвойственном людям положении, и почему тяжесть этого положения дошла в наше время до высшей степени, и почему выход из этого положения может и должен, как я думаю, совершиться в очень близкое нам время.

С незапамятных времен народы мира признавали высшее начало, долженствующее руководить их жизнью, и в невидимых, воображаемых существах, и в святых учителях жизни, и в видимых царях победителях, героях, которых они обоготворяли и велениям которых слепо повиновались. Святые, обоготворенные мудрецы и также обоготворенные герои соединялись в одну сверхъестественную силу и власть, и народы слепо верили во всё то нравственное учение, которое проповедывалось этой властью, и так же слепо следовали всем требованиям этой власти в делах

жизни. Веры эти в своих проявлениях были разнообразны, но отношение людей к этим верам было во всех одно и то же. Отношение к вере было в том, что большинство людей, не признавая в себе никакого самостоятельного, руководящего духовного начала, слепо подчинялось руководству меньшинства избранных людей как в понимании смысла жизни, так и в руководстве поступков. Меньшинство же, приписывающее себе сверхъестественные свойства, считало себя вправе руководить и духовной и телесной жизнью большинства.

Так жили с древнейших времен народы мира. Но чем дольше жили люди, тем всё меньше и меньше удовлетворяло духовным требованиям людей такое отношение к вере, и всё чаще и чаще появлялись среди людей учения о новом, ином понимании жизни, при котором прежнее отношение к вере становилось всё менее и менее возможным. Новое понимание жизни это было в том, что каждый человек носит в себе единое во всех людях духовное начало, проявляющееся любовью и влекущее всех людей к единению, и что по-

этому основное руководство жизни человека может быть только внутреннее, а никак не внешнее, вытекающее из воли других людей.

Несмотря на всё более и более утверждавшееся, основанное на подчинении одних людей другим устройство жизни, всё чаще и чаще появлялись такие учения – и у индусов, и у китайцев, и у евреев, и у римлян, и у греков, – открывавшие людям то, что в каждом человеке проявляется единое для всех духовное начало и что поэтому основа жизни, долженствующая соединять людей, должна быть не произвол и насилие одних людей над другими, а это сознание единства духовного начала всех людей, проявляющееся любовью.

VII

Людей, не понимающих сущности учения Христа, особенно поражает заповедь о непротивлении злу насилеи, и им кажется, что при исполнении людьми этой заповеди восторжествуют злые, добрые же будут погибать без пользы, и человечество лишится возможности жизни.

– Нельзя не противиться злу, потому что иначе жизнь людей не будет обес-

печена и злые погубят добрых, – говорят люди языческого жизнепонимания. И они совершенно правы, если люди знают один закон силы и верят только этому закону. Непротивление злу есть нелепость при языческом жизнепонимании, но при христианском жизнепонимании, когда люди верят в закон любви, противление злу есть нелепость, не имеющая никакого оправдания.

Следовать учению непротивления трудно, но легко ли следование учению борьбы и возмездия? Для ответа на этот вопрос раскройте историю любого народа и прочтите описание одного из тех ста тысяч сражений, которые вели люди в угоду закона борьбы. На этих войнах убито несколько миллиардов людей, так что в каждом из тех сражений загублено больше жизней, перенесено больше страданий, чем бы их накопилось веками по причине непротивления злу.

Адин Балу.

Говорят, что нельзя не воздавать

злом за зло, потому что, если не делать этого, то злые завладеют добрыми. Я думаю, что совсем напротив: только тогда злые завладеют добрыми, когда люди будут думать, что позволено воздавать злом за зло, как это и есть теперь во всех христианских народах. Злые теперь завладели добрыми именно потому, что всем внушено, что полезно делать зло людям.

Учение о том, что каждый человек носит в себе единое духовное начало, стремящееся к единению посредством любви, учение это было выражаемо много раз и среди разных народов: и Конфуцием, и Лаотцы, и еврейскими пророками, и греком Сократом, и Буддой, и Рама-Кришной, и римлянами Эпиктетом и Марком-Аврелием, и в особенности ясно и обоснованно было Иисусом Христом. Иисусом Христом учение это было высказано уже не как нечто желательное и только возможное для некоторых людей, как оно высказывалось до Иисуса, а как учение, долженствующее стать в основу жизни, обязательное, так как

оно дает истинное благо не для некоторых, а для всех людей.

Учение Христа, признав всех людей сынами Божиими, то есть во всех людях одинаковое божественное начало, ясно и неопровержимо признало одинаковое достоинство и потому равенство всех людей, не допускающее ни властвования человека над человеком, ни подчинения человека человеку. Но мало того, что это учение, поставив в основу жизни людей учение любви, этим самым упразднило все законы властителей, приводившиеся в исполнение насильем, учение это отличалось от других учений, выражавших ту же истину, еще и тем, что оно с особенной ясностью и точностью указывало на несовместимость учения любви с каким бы то ни было применением насилия, возмездием злом за зло или самозащитой посредством зла.

Так что учение Христа, хотя и не внесло ничего нового в самое учение о любви, проповеданное всеми мудрецами древности, было важно тем, что, указав на несовместимость с учением любви всякого насилия, более ясно, чем все другие учения, определило значение

любви в ее практическом применении.

VIII

Христианство, как оно проповедано было Христом, не могло быть принято большинством языческих народов, потому что оно разрушало языческую жизнь порабощения большого числа малым. Тогда церковные учителя так переделали христианство, соединив его с грубым еврейским учением, что оно подладилось под язычество и стало главной поддержкой старого строя жизни. Люди, самые лучшие, просвещенные люди, сначала поддались этому обману, но потом понемногу стали понимать, что они обмануты, и озлобились на христианство, переодетое в церковные одежды, и возненавидели его так, что когда истинное христианство стало понемногу снимать с себя чуждые ему одежды, обманутые им люди, помня всё то зло, которое оно причинило им, продолжали отвергать христианство, не признавая его в его истинном значении, а понимая под ним церковное христианство.

Учение Христа было учение любви, не допускающей никакого насилия и ни в каком случае. Таково оно было всегда и так оно было понято при его появлении. Самая простая, доступная всем истина, выраженная христианским учением, была в том, что людям выгоднее жить, подчиняясь закону любви, чем подчиняясь закону насилия. Истина эта была так неопровержима для разума и так свойственна душе человека, что люди, узнавшие эту истину, не могли не принять ее. Когда же учение было принято, но жизнь продолжала идти по прежнему, противному открытой истине, закону насилия, и не могла сразу измениться соответственно истине, заключавшейся в учении, то люди, те, которым прежний, старый строй жизни казался более выгодным, чем следование учению, — те самые люди, которые имели власть над большинством, властители и духовенство, стали изменять учение, приурочивая его к грубому, древнееврейскому так, чтобы оно не противоречило существующему устройству. И жизнь людей, номинально принявших христиан-

ство, несмотря на отрицание христианством всего того, на чем основывалось всё прежнее устройство: и государственных, и международных, и экономических условий жизни, продолжала идти по-прежнему.

Сначала догматы, таинства, обряды, придуманные церковью для скрывтия сущности учения, удовлетворяли религиозным требованиям людей христианского мира, но чем больше усложнялась жизнь, основанная на насилии, христианских народов и рядом с этим усложнением чем всё больше и больше распространялось просвещение, тем всё меньше и меньше могли церковные теории удовлетворять религиозным требованиям людей, и дело дошло наконец до того, что людям, признававшим себя христианами, пришлось избирать одно из двух: признание истины, определяющей смысл человеческой жизни и вытекающее из него руководство, в одном из разных, несовместимых с совестью и с здравым смыслом, спорящих между собой, церковных, называющих себя христианскими, учений, или признать основой жизни и руководства поведения существующее устройство

жизни, а христианскую религию и вообще всякую религию признать ненужным и только затруднительным, громоздким усложнением. И христианские народы, большинство их, – одни явно, другие неявно – избрали второе. И вот это отсутствие всякой религии среди людей христианского мира и привело их к тому – несомненно временному – дикому состоянию, в котором они теперь находятся.

IX

Казалось бы, естественно человеку с неизвращенными и нерасслабленными духовными силами, встретившись с требованиями государственными: податей, солдатства и др., спросить себя: «Да зачем же я буду исполнять всё это? Я хочу наилучшим образом прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью, хочу сам решать, что мне приятно, полезно и должно делать. Оставьте меня в покое с вашей Россией, Францией, Германией, Британией, Сербией, Болгарией, Финляндией и т. п. Кому это нужно, те пускай соблюдают эти Британии и Франции, а мне они не нужны. Силою вы можете отобрать у меня всё, что хотите, и

убить меня, но сам я не хочу и не буду участвовать в своем порабощении».
Казалось бы, естественно поступить так, но никто еще не говорит этого и никто еще так не поступает. Но люди уже начинают думать так и потому скоро начнут и поступать так.

Христианское человечество живет уже более столетия в самом несвойственном людям положении: живет без всякого религиозного объяснения своей жизни и вытекающего из него руководства поведения. И чем дольше оно живет так, тем, с одной стороны, мучительнее и труднее становится его жизнь, и, с другой стороны, тем всё яснее и яснее становится для него сознание того давно предчувствуемого человечеством закона любви, долженствующего заменить закон насилия.

Ясность этого сознания, я думаю, дошла в наше время до такой степени, что всякий толчок может и должен вызвать пробуждение народов от того патриотизма и вытекающего из него рабства, в котором они находятся.

Сознание того, что старый закон и отжил и

довел людей до высшей степени бедственности и уродливости жизни и что новый закон свободы и любви, открытый уже тысячи лет тому назад, требует своего применения и осуществления, до такой степени близко теперь людям не только нашего христианского, но и всего мира, что пробуждение от того порабощения и развращения, в котором столько веков держали и держат сами себя народы, может, как я думаю, наступить всякую минуту. Ведь предстоящее огромной важности событие всё не в внешних поступках, которые могут встретить непреодолимые препятствия, а всё в сознании людей, всегда свободном и не могущем быть ничем задержанным. Ведь всё, что нужно теперь людям всего мира для своего освобождения, не заключается в каких-либо подвигах, трудных поступках борьбы с более сильным врагом. Нужно только одно: самое естественное, свойственное человеку и легкое дело, даже не дело, а только состояние, состояние воздержания, неделания поступков, противных сознанию. А ни сознанию, ни воздержанию от поступков, противных сознанию, ничто помешать не может.

К работнику, твердо знающему порученное ему хозяином дело, приходит чужой человек и говорит ему, чтобы он бросил хозяйское дело и делал бы совсем противное приказанному и этим самым испортил бы совсем хозяйское дело. Какой работник, зная, что всякую минуту может быть потребован к хозяину, не будучи сумасшедшим или не находясь в беспамятстве, может согласиться на это? А между тем это самое делается со всяким христианином, когда правительство требует от него дел, как суды, убийства на войнах, противных его совести и закону бога.

Из всякого трудного положения сейчас же выйдешь, если только вспомнить, что в тебе живет бог.

Только сознай люди ясно, твердо, кто они, сознай люди то, чему учили все мудрецы мира и чему учит Христос: что в каждом человеке живет свободный, один и тот же во всех, вечный, всемогущий дух, сын божий,

что человек не может ни властвовать, ни подчиняться, что проявление этого духа одно: любовь, – сознай это люди (а люди уже готовы к этому сознанию) и поступай согласно или, скорее, не поступай только люди противно этому сознанию, и сразу самым простым, мирным способом уничтожатся все затруднения не только в Боснии и Сербии, но во всем христианском мире, и не только в христианском мире, но и во всем человечестве. Только живо сознай люди эту открытую им истину и поступай по ней, и кончатся все те ужасы, от которых они теперь страдают: кончатся и угнетения одних народов другими, и войны и приготовления к ним, разоряющие и развращающие людей, кончатся эти смешные обманы конституций, эти захваты земли и обращение в рабство людей, кончатся эти суды людей над людьми, эти ужасные и по жестокости и по глупости наказания людей людьми, эти цепи, тюрьмы, казни, кончатся властвование праздного развращенного меньшинства людей над превращенным в рабов большинством людей, еще не развращенных, трудящихся, способных к разумной жиз-

ни. Только сознавай каждый человек свое человеческое достоинство, не подчиняй свою жизнь требованиям чуждых людей, только не делай того, чего от него требуют люди, считающие себя вправе предъявлять ему противные его нравственному сознанию требования: не отдавай чужим людям в виде податей свои труды, не участвуй в собирании их с других, не предоставляй людям права судить себя, ни сам не участвуй в судах и во всякого рода насилиях, только не считай никакой народ особенным, своим, главное, не участвуй в войске и во всех приготовлениях к убийству, – только поступай так, как требует этого и сердце и разум каждого человека-христианина, и сразу разрешаются все те затруднения и бедствия, от которых страдают не только босняки, герцеговинцы и сербы, но все задавленные, одуренные, безземельные, безработные, измученные люди всего света.

XI

То, что называется патриотизмом, в наше время есть только, с одной стороны, известное настроение, постоянно производимое и поддерживаемое в

народах школой, религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой – временное, производимое исключительными средствами правящими классами возбуждение низших по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм угнетенных народностей не составляет из этого исключения. Он точно так же несвойственен рабочим массам, а искусственно прививается им высшими классами.

Ничего нельзя знать про то, что случается с человеком: на пользу или на вред то, что случилось. Только про одно дело можно всегда знать, что оно на пользу. Какое же это дело? Любовь к людям. Любовь всегда наверное прибавляет тебе счастья в жизни. Бог хотел, чтобы мы были счастливы, и для того вложил в нас потребность счастья; но он хотел, чтобы мы все вместе были счастливы, а не отдельные люди. Оттого и несчастливы люди, что стремятся не к общему, а к

отдельному счастью. Высшее же счастье человека – это быть любимым, и потому в человека вложено это желание. Для того же, чтобы быть любимым, очевидно, надо самому любить.

«Но если это и так, то для того, чтобы сделалось всё это, чтобы изменился весь строй человеческой жизни, нужно, чтобы были не единицы, не десятки, а все или большинство. А пока большинство не будет понимать так требования жизни, жизнь не может измениться». Так говорят люди и продолжают попрежнему жить противно и здравому смыслу и совести.

Но говорят так только люди, находящиеся под внушением патриотического и государственного суеверия. Таким людям кажется, что человек немислим вне государства, что человек, прежде чем быть человеком, есть член государства. Такие люди забывают, что всякий человек, прежде чем быть австрийцем, сербом, турком, китайцем, человек, то есть разумное, любящее существо, призвание которого никак не в том, чтобы соблюдать

или разрушать сербское, турецкое, китайское, русское государство, а только в одном: в исполнении своего человеческого назначения в тот короткий срок, который предназначено прожить ему в этом мире. Вот это-то самое и говорит человеку учение Христа. Оно говорит ему про это его вечное назначение, и потому не знает и не может и не хочет знать о том временном, случайном положении, в государстве или вне государства, в котором в известный исторический период может находиться человек. Ведь дело в том, что государство есть фикция, государства никогда не было и нет как чего-то реального. Реально только одно: жизнь человека и людей. И реальность эта до такой степени очевидна и ясна всякому человеку, что никакие условия, в которых он может быть поставлен, не могут уничтожить его сознания этой первой для него важности реальности. Самое удивительное, что люди жертвуют самым реальным, что только есть у них, тому случайному, фиктивному, которое нынче одно, завтра другое и которое во всяком случае не может продолжать существовать таким, каким оно было. Учение Христа

открывает человеку такое его назначение и благо, которое не может изменяться соответственно каким-либо внешним учреждениям. Оно не говорит о том, что выйдет в будущем для собрания людей, называемых народами, государствами, и не может говорить, потому что никто не знает и не может знать этого, говорит только то, что знает и чувствует всякий: что из следования человеком своему закону, закону единения и любви, ничего, кроме добра, выйти не может. Говорят: «Правительства не допустят такого неповиновения, неисполнения своих требований и будут казнить всех неповинующихся». Но, во-первых, человеку, признающему открытое ему Христом благо в исполнении закона любви, не могут быть страшны никакие казни, если он точно верит в открытый ему и дающий благо закон жизни. Во-вторых, пугание людей теми жестокостями, которые будут совершать люди, отстаивающие государственное устройство, не так страшно, как это кажется, еще и потому, что люди, держащиеся суеверия государства, как бы предполагают, что правительства суть какие-то отвлеченные существа, об-

ладающие особенными свойствами и приводящие свои решения в исполнение тоже какими-то особенными, нечеловеческими силами. Но ведь таких существ нет, и как они ни называй себя, есть только люди, такие же, как и те, кого они мучают и угнетают.

Только поступай люди, отказывающиеся от дел насилия, по-христиански, не проявляя против деятелей насилия ничего, кроме любви, и всё меньше и меньше будет находиться людей как среди правительственных распорядителей, так и исполнителей, которые будут в силах грабить, мучить, убивать тех людей, которые во имя любви готовы скорее переносить насилия, чем участвовать в них. Понятно, что те люди, которые называют себя правительствами, могут не переставая казнить людей за неисполнение своих требований тогда, когда они имеют оправдание своей деятельности в жестокости и преступлениях тех, против кого они действуют (отстаивающие свое патриотическое чувство чужие народы, революционеры), но люди, называй они себя императорами, членами палат, судьями, генералами, губернаторами, шпиона-

ми, полицейскими, палачами, – все-таки люди, и нельзя себе представить таких ни императоров, ни судей, ни палачей, ни шпионов, на которых не действовала бы та истина и любовь, во имя которых люди, кротко перенося насилие, отказываются от участия в нем.

XII

Говорят: человек может действовать только для своего блага и потому не может жертвовать своим благом для блага других людей. Это было бы справедливо, если бы, жертвуя своим телесным благом, человек не получал бы без сравнения больше блага. Любя, человек, действуя для блага других, доставляет себе наибольшее благо.

Патриотизм, в самом простом, ясном и несомненном значении своем, есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так оно и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм. Патриотизм есть рабство.

Патриотизм мог быть добродетелью в древнем мире, когда он требовал от человека служения наивысшему доступному человеку того времени идеалу отечества. Но как же может быть патриотизм добродетелью в наше время, когда он требует от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал не только нашей религии, утвердившегося общественного мнения, – не признания равенства и братства всех людей, а признание одного государства и народности преобладающими над всеми остальными.

И потому, если у меня спрашивают совета, что делать? спрашивает ли совета индус, как бороться с Англией, серб, как бороться с Австрией, персиянин или русский человек, как бороться с своим персидским, русским насильническим правительством, я отвечаю одно (и не могу не верить, что это одно спасительно всегда и для всех). Отвечаю одно: освободиться всеми силами от губительного суеверия патриотизма, государства и сознать каждому человеку свое человеческое досто-

инство, не допускающее отступления от закона любви и потому не допускающее ни господства, ни рабства и требующее не делания чего-либо особенного, а только прекращения делания того, что поддерживает то зло, от которого страдают люди.

Что делать боснякам, герцеговинцам, индусам, сербам, русским, шведам, всем одуренным, потерявшим свое человеческое достоинство народам? Всем одно и одно: то самое, что сказала сербская женщина сыну: жить по закону божескому, а не по закону человеческому.

И как легко и просто и возможно это для всех людей с неизвращенным еще тем, что называется политикой и наукой, сознанием. К счастью, сознание большинства, особенно среди славянских народов, не извращено еще, и большинство простых, рабочих людей еще *ne sont pas encore asser savants pour raisonner de travers*, [22] еще могут понять ту простую, столь близкую сердцу человечества истину о том, что в каждом человеке живет одно и то же духовное начало и что поэтому не может человек подчиняться воле другого человека

или других людей, как бы они ни называли себя: императорами, скупщинами, палачами, парламентами, полицейскими участками и т. п. Подчиняться человек может только одному тому высшему закону любви, который дает высшее благо как каждому отдельному человеку, так и всему человечеству. Только сознание людьми в себе высшего духовного начала и вытекающее из него сознание своего истинного человеческого достоинства может освободить и освободит людей от порабощения одних другими. И сознание это уже живет в человечестве и всякую минуту готово проявиться.

5 ноября 1908 г.

Ясная Поляна.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ А. И. ЭРТЕЛЯ «ГАРДЕНИНЫ»

К издаваемому полному собранию сочинений покойного А. И. Эртеля меня просили написать несколько слов о его сочинениях.

Я очень рад был этому случаю перечесть «Гардениных». Несмотря на нездоровье и занятия, начав читать эту книгу, я не мог ото-

рваться, пока не прочел всю и не перечел некоторых мест по нескольку раз.

Главное достоинство, кроме серьезности отношения к делу, кроме такого знания народного быта, какого я не знаю ни у одного писателя, кроме сильной, часто как будто не признаваемой самим автором, любви к народу, который он иногда хочет изображать в темном свете, – неподражаемое, не встречаемое уже нигде достоинство романа, это удивительный по верности, красоте, разнообразию и силе народный язык.

Такого языка не найдешь ни у старых, ни у новых писателей. Мало того, что народный язык его верен, силен, красив, он бесконечно разнообразен. Старик дворовый говорит одним языком, мастеровой другим, молодой парень третьим, бабы четвертым, девки опять иным. У какого-то писателя высчитали количество употребляемых им слов. Я думаю, что у Эртеля количество это, особенно народных слов, было бы самое большое из всех русских писателей, да еще каких верных, хороших, сильных, нигде, кроме как в народе, не употребляемых слов. И нигде эти слова не под-

черкнуты, не преувеличена их исключительность, не чувствуется того, что так часто бывает, что автор хочет щегольнуть, удивить подслушанными им словечками. Эртелю, кажется, более естественно говорить народным, чем литературным языком.

Читая народные сцены Эртеля, забываешь, что читаешь сочинителя, – кажется, что живешь с народом; видишь не только все слабости этого народа, но и все те, превосходящие в бесчисленное число раз эти слабости, его достоинства, главное – его нетронутую и до сих пор, не революционную, а религиозную силу, на которую одну можно теперь в России возлагать свои надежды.

И потому для того, кто любит народ, чтение Эртеля большое удовольствие. Для того же, кто хочет узнать народ, не живя с ним, чтение это самое лучшее средство. Для того же, кто хочет узнать язык народный, не древний, которым уже никто не говорит, и не новый, которым, слава богу, говорят еще немногие из народа, а тот настоящий, сильный, где нужно – нежный, трогательный, где нужно – строгий, серьезный, где нужно – страстный,

где нужно – бойкий и живой язык народа, которым, слава богу, еще говорит огромное большинство народа, особенно женщины, старые женщины, – тому надо не читать, а изучать народный язык Эртеля.

Лев Толстой.

Ясная Поляна.

4 декабря 1908.

LETTER TO A HINDOO

All that exists is One; people only call this One by different names.

Veddas.

God is love, and he that abideth in love abideth in God, and God abideth in him.

1 Ep. John. Chap. 4.

God is one Whole; we are the parts.

Exposition of the teaching of the Veddas by Vivekananda.

|

Do not seek rest in that plane where the earthly gives birth to thoughts and desires, for if thou dost, thou wilt be dragged through the rough wilderness of life, which is not of Me. Whenever thou feelest that

thy feet are becoming entangled in the interlaced roots of life, know then that thou hast strayed from the path to which I beckon thee, for I have placed thee in broad smooth paths which are strewn with flowers.

I have put a light before thee, which thou can't follow and thus run without stumbling.

Krishna P. 212.

I received your letter and the two issues of the magazine. Both were intensely interesting to me; indeed, the oppression of a majority by the minority of a people and the corruption which flows from it, is a phenomenon which has always occupied my mind and at present is entirely occupying my attention. I will endeavour to convey to you what I think, both in a particular and a general way, about those causes from which those dreadful calamities have arisen and do arise, of which you write in your letter and which are also mentioned in the two numbers of the Hindoo magazine you sent me.

The causes, owing to which this astonishing spectacle arises, of the majority of the labouring classes submitting to a mere handful of idlers

whom it permits to dispose not only of its labour but also of its very life, are always and everywhere the same; whether the oppressors and the oppressed belong to the same, or, as is the case in India and in other countries, where the dominant class belongs to an entirely different nation from those oppressed.

It appears especially strange of India, for here we have a people of 200 millions of individuals, highly endowed with spiritual and physical powers, in absolute subjection to a small clique, composed of persons utterly alien in thought and aspiration and altogether inferior to those whom they enslave.

These causes, as one can easily see from your letter, from the articles in «Free Hindustan», from the highly interesting writings of the Hindoo Swami Vivekananda and others, are in accord with that which causes the distress of all the peoples of our time; in the absence of a rational religious teaching which, while elucidating the meaning of life to the people in an equal way, would also make clear the higher law, which should be a guide to conduct, and in the substitution for them of the more than dubious

propositions of a false religion and pseudo science, and in the immoral conclusions called civilization derived from both.

One has already seen not only from your letter and from the articles in «Free Hindustan», but also from the entire Hindoo political literature of our times, that the majority of the leaders of public opinion among the native races of India, while no longer ascribing any significance to those religious teachings which were professed, and are professed by the Hindoo peoples, now find the sole possibility of deliverance from the oppression they endure, in embracing those anti-religious and subtly immoral forms of social order in which the English and other pseudo Christian nations live to-day. Nothing shows more clearly than this, the total absence of religious consciousness in the minds of the present day leaders of Hindoo peoples, than does this tendency to instil into the hearts of the natives the acceptance of the forms of life in operation amongst European nations. Meanwhile, in the absence of this true religious consciousness and the guidance of conduct flowing from it, in the absence which is common

in our times to all the nations of the East and the West, from Japan to England and America: lies the chief if not the sole cause of the enslavement of all the Indian peoples by the English.

||

O ye, who see perplexities over your heads and beneath your feet, to the right and to the left! you will be an eternal enigma unto yourselves, until you become humble and joyful as children. Then you will find Me, and having found Me in yourselves, you will rule over worlds and looking out from the great world within to the little world without, you will bless everything that is and find all is well with time and with you.
Krishna P. 164.

In order to make my thoughts clear I must go back a considerable time.

We do not know, and cannot know (I boldly say – we need not) how mankind lived millions, or even tens of thousands of years ago; but in all those times of which we have any reliable knowledge, we find that Humanity has lived in separate tribes, clans, nations, in which the majority, submitting to the apparently inevitable,

has permitted the coercive rule of one, or several persons of the minority. We know this beyond a doubt. Notwithstanding the external diversity of events and persons, such an organisation of human life has manifested itself in a similar way, in all the countries of whose previous history we know anything. And such an order of life, the further back you go, was always looked upon as the necessary basis for concordent social intercourse by both the rulers and the ruled.

Thus it was everywhere. But in spite of such an external order of life having existed for centuries and continuing even until now, a long time ago – thousands of years before our time, in the midst of different nations and often from out of the very centre of this order of life resting on coercion, one and the same thought has been expressed, – that in every individual one spiritual source manifests itself, which is life itself, and that this Spiritual source tends to unification with everything which is homogeneous with it, and attains this unification by love. This thought in its various forms has been expressed with more or less completeness and lucidity at different times and in various places. It has been expressed in

Brahminism, Judaism, Mazdeism (the teaching of Zoroaster), Buddhism, Taoism, Confucianism, in the writings of the Greek and Roman sages, and in Christianity and Mohammedanism. Already the fact that one and the same thought has been expressed in the midst of the most diverse nations and at different times and places, indicates that this thought was inherent in human nature and contained the truth in itself.

But this truth appeared to those who considered that the only possible way of uniting people into societies, was violence on the part of one set to others to be in opposition to the existing order, and, moreover, at the time of its first appearance, it was expressed in such a vague fragmentary manner, that although the people embraced it as a theory, they were unable to accept it as an authoritative guidance for conduct. Besides, in regard to all the expressions of this truth as it was gradually proclaimed amongst people whose life was founded on violence, always occurred one and the same thing, vis. those who enjoyed the benefits derived from power finding that the recognition by the people of this truth undermined their position,

consciously or unconsciously distorted this truth by every means in their power, attaching to it attributes and meanings totally foreign to it, and also opposed its dissemination by downright violence. Thus the truth which is so natural to humanity – *that human life should be guided by the spiritual principle which is the foundation of human life and manifests itself in love,* – in order to enter man's consciousness had to struggle not only with the incompleteness of its expression and the intentional and unintentional distortions of it, but also with deliberate violence which compels by means of punishments and persecutions the acceptance of that explanation of the religious law established by the authorities, which is opposed to this truth. Such a misrepresentation and obscuration of the new but as yet imperfectly explained truth, took place everywhere, in Confucianism, Taoism, Buddhism, Christianity, in Mohammedanism and also in your Brahminism.

III

*My hand has sowed love everywhere,
giving unto all that will receive. Blessings
are offered unto all my children, but many*

times in their blindness they fail to see them. How few there are who gather the gifts which lie in profusion at their feet; how many there are who, in wilful waywardness, turn their eyes away from them and complain with a wail that they have not that which I have given them! Many of them defiantly repudiate not only my Gifts, but Me also, Me, the Source of all blessings and the Author of their Being.
Krishna P. 161.

O, tarry awhile from the turmoil and strife of the world. I will beautify and quicken thy life with love and with joy, for the light of the Soul is love. Where love is there is contentment and peace, and where there is contentment and peace there am I also in their midst.
Krishna P. 163—164.

The aim of the Sinless One consists in acting without causing sorrow to others, although he could attain to great power by ignoring their feelings.
The aim of the Sinless one lies in not doing evil unto those who have done evil unto him.

If a man causes suffering even to those who hate him without any reason, he will ultimately have grief not to be overcome. The punishment of evil doers consists in making them feel ashamed of themselves by doing them a great kindness.

Of what use is superior knowledge in the one, if he does not endeavour to relieve his neighbour's wants as much as his own?

If, in the morning a man wishes to do evil unto another, in the evening the evil will return to him.

Hindoo Kural.

This has taken place everywhere. The fact that love is the highest moral feeling was accepted universally, but the truth itself was interwoven with many and varied falsehoods, which so distorted it, that nothing but mere words remained, out of this recognition of love as the highest moral feeling. The theory was advanced that this highest moral feeling is applicable only to the individual life, that it was good only for home use, – but in social life all forms of violence, prisons, executions, wars, involving acts diametrically opposed to the feeblest sensation of love, were regarded as indispensable for the

protection of the majority against evil doers. Notwithstanding that common sense clearly indicates, that if one set of people can arrogate to themselves the right to decide as to which people are to be subjected to all kinds of coercion for the supposed welfare of the many, it naturally follows that those few individuals to whom violence is so applied could also come to the same conclusion with regard to the ruling caste which subjected them to violence: and although the great religious teachers, – Brahmin, Buddhist and especially Christian, – anticipating this perversion of the law of love, directed attention to the one inevitable condition of love: the enduring of affronts, injuries, all kinds of violence without resisting the evil by evil, – mankind continued to accept what was incompatible: the beneficence of love, and with it the resistance of evil by violence, which is and must be opposed to love. And such teachings, in spite of the palpable contradiction which is in them, have taken such a deep hold upon the people, that while believing in the beneficency of love, people fail to question the lawfulness of an order of life founded on coercion, which includes

the imposition not only of tortures but also of death, by some persons upon others.

For a long time people lived in this obvious contradiction without noticing it. But the day came when this contradiction began to stagger the more thoughtful people of different nations. And the ancient simple truth that it was natural for people to help and to love, instead of torturing and killing each other, began to dawn upon the minds of men and became every day clearer, while the acceptance of those false interpretations by which the deviations from it were justified, became less and less convincing.

In ancient times the chief justification of violence was the theory that so-called monarchs, tsars, sultans, rajahs, shahs, and other heads of states had peculiar and Divine rights. But the longer people lived, the faith in special rights of monarchs sanctioned by God, became weaker and weaker. This faith declined in equal degree and almost simultaneously in the Christian, in the Brahman, in the Buddhist and in the Confucian spheres, and it has recently become so feeble that it can no longer serve, as it did before, as a justification of acts openly opposed to common

sense and to the true religious feeling. People saw more and more distinctly, and to-day the majority see quite clearly the absurdity and the immorality of the submission of one's will to that of others like oneself, who require of them actions not only contrary to their material welfare but which are also a violation of their moral feelings. It is, therefore, perfectly natural that people who have lost faith in the supported by religion divinity of the authority of all manner of potentates, should endeavour to free themselves from it. But unfortunately during the domination of those monarchs, considered to be Divinely appointed beings, established themselves near the courts, an ever increasing number of persons, which under the guise of governing the people lived upon their labours. And this governing class took care that as soon as the old religious fraud about divine rule of monarchs should cease to be believed by people another and similar deception should take its place and continue in the same way as the old one to keep nations in slavery to a limited number of rulers.

Children, do you want to know by what your hearts should be guided? Throw aside your longings and strivings after that which is null and void; get rid of your erroneous thoughts about happiness, and wisdom, and your empty and insincere desires. Dispense with these and you will know love.

Krishna P. 171.

Be not the destroyers of yourselves. Arise to your true Being, and then you will have nothing to fear.

Krishna P. 177.

New vindications of the power of potentates have replaced the obsolete ones. These justifications are as groundless as those they superseded but they are still new; hence their inconsistency cannot at once be quite clear to the majority, and, besides, the people who make use of power propagate them and support them in such a skilful manner that these justifications appear to many as quite incontrovertible, even to those who suffer from what they justify. These new vindications are termed scientific.

«Scientific» is a word that has for the majority

the same power as has the word «religious». As all that was *called religious* for the simple reason that it was called *religious* implied [that it] should be always the truth, exactly in the same way all that is called *scientific* for the simple reason that it is called *Science*, is always regarded [as] undoubtedly true. Thus, in this case the outlived religious justification of violence which consisted in the recognition of the peculiarity and divinity of personages being in power and put in power by God («there is no power but from God») was replaced by the justification consisting in the first place of the fact, that as amongst people, the coercion of some by others has always been, it is proved that such violence must continue indefinitely. In this, i. e. that mankind should not live according to reason and conscience, but in obedience to that which has for a long time been taking place amongst them, – in this is embodied what «Science» terms the «historical law». The second «scientific» justification is, that as amongst plants and animals a struggle or existence goes on which always culminates in the survival of the fittest, the same struggle should go on amongst men (notwithstanding that men are

beings endowed with the attributes of reason and love, faculties which are absent from beings submitting to the law of struggle and selection). In this consists the second «scientific» justification of violence.

The third scientific justification of violence the most prominent, and unfortunately the most widespread, is in reality the oldest religious justification only a little altered which is the theory that the use of violence in social life against some, for the welfare of others is inevitable, and, however desirable love amongst people might be, coercion is indispensable. The difference between the justification of violence by pseudo science and that of pseudo religion is in the fact that to the question, «Why such and such people, and not others, have the right to decide as to whom violence may and must be used against», – science does not give the same reply as that which religion had formulated: that these decisions are just because they are pronounced by personages who possess a divine power, but that these decisions represent the will of the majority, which, under a constitutional form of government is supposed to express itself

in all the decisions and actions of the *party* who at any given time is in power.

Such are the scientific vindications of coercion. These vindications, although quite groundless, are so necessary to people occupying privileged positions that they as implicitly believe in them, and as confidently propagate them, as they formerly did the doctrine of the immaculate conception.

Meantime the unhappy majority weighed down by toil, is so dazzled by the display which accompanies the propagation of these «scientific truths», that, under this new influence it accepts them as readily as it formerly accepted the pseudo religious justifications and continues to submit slavishly to new potentates who are just as cruel as the former one, but who have somewhat increased in number.

V

Who am I? I am that which thou hast searched for since thy baby eyes gazed wonderingly upon the world, whose horizon but hides this real life from thee. I am that which in thy heart thou hast prayed for, demanded as thy brithright,

*although thou hastnot known what it was.
I am that which has lain in thy soul for
hundreds and thousands of years.
Sometimes I lay in thee grieving, because
thou didst not recognise me; sometimes I
raised my head, opened my eyes, and
extended my arms calling thee either
tenderly and quietly, or strenuously,
demanding that thou should'st rebel
against the hard iron earth-chains which
held thee bound to clay.*
Krishna P. 192.

Thus it has been, and still is, going on in the
Christain world. One could hope that in the
vast Brahmin, Buddhist, Confucian worlds this
new scientific superstition would not have place,
and that the Chinese, the Japanese, the Hindoos,
having seen the falsity of religious impositions
which justify violence, would proceed direct to
the conception of the law of love inherent in
humanity, which has been so clearly enunciated
by the great teachers of the East. But it appears
that the scientific superstition which replaced the
religious one, is getting a firmer and firmer grip
upon the Oriental nations. It has now a specially
strong hold on the land of the extreme East,

Japan, not only upon its leaders but on the majority of its people and is the precursor to the greatest calamities. It has taken hold of China with her 400 millions of inhabitants, and also of your India with her 200 millions, or at least the bulk of the people who look upon themselves, as you do, as the leaders of these peoples.

In your magazine you insert as the basis principle which should direct the activity of your people the following thought as an epigraph: «*Resistance to aggression is not simply justifiable but imperative; non resistance hurts both Altruism and Egoism*».

You say that the English have enslaved and keep the Hindoos in subjection because the latter have not resisted sufficiently, and do not resist the violence by force.

But it is just the contrary. If the English have enslaved the Hindoos, it is just because the Hindoos recognised and do recognise coercion as the main and fundamental principle of their social order: in the name of this principle they submitted to their little Radjas, in their name they struggled with each other, fought with Europeans, with the English, and at present are

preparing to a struggle with them again.

A commercial company enslaved a nation comprising 200 millions. Tell this to a man free from superstition and he will fail to grasp what these words mean. What does it mean that thirty thousand people not athletes, but rather weak and illooking have enslaved 200 millions of vigorous, clever, strong, freedom-loving people? Do not the figures make it clear that not the English, but the Hindoos, have enslaved themselves?

For the Hindoos to complain that the English have enslaved them, is equal to people who are addicted to drikn, complaining that vendors of wine, who have settled in their midst, have enslaved them. You tell them that they can abstain from drinking, but they answer that they are so accustomed to it that they cannot abstain, that they find it necessary to keep up their energy by wine. Is not that the case with all the people, with millions of people who submit to thousands and hundreds of individuals, either of their own nation or of foreign nations?

If the Hindoos have been enslaved by violence it is because they themselves have lived by

violence, live by violence, and do not recognise the eternal law of love, inherent in humanity.

«Pitiful and ignorant is the man who seeks what he has already got, but is unaware that he has it. Yes, pitiful and ignorant is the man who does not know the bliss of that love which surrounds him, which I gave him» (Krishna).

If man lives only in accord with the law of love which includes non resistance, which has been already revealed to him and is natural to his heart, and hence does not participate in any form of violence, not only hundreds will not enslave millions but even millions will be unable to enslave one individual. Do not resist evil, but also yourselves participate not in evil, in the violent deeds of the administration, of the law courts, the collection of taxes, and what is most important of the soldiers, and no one in the world will enslave you.

Love is the only means of saving people from all disasters which he may undergo. In your case the only means of liberating your people from slavery lies in love. Love as the religious foundation of human life was proclaimed with striking force and lucidity in the midst of your

people in remote antiquity. Love, without non-resistance is a contradiction in itself. And there, in the 20th century you, a member of one of the most religious of peoples, with a light heart and with confidence in your scientific enlightenment and hence in your undoubted righteousness – you deny this law, repeating – pardon me – that colossal error which they, the defenders of violence, the enemies of the truth, at first the servants of theology, then of science, your European teachers, have instilled into you.

VI

O, ye who sit in bondage, and continually seek and pant for freedom, seek only love. Love is peace in itself and peace which gives complete satisfaction. I am the key that opens to the rarely discovered land where contentment alone is found.

Krishna P. 167.

To the humanity of our times, Eastern or Western, the same thing happens which takes place in regard to every individual when he is passing from one age to the other (a child becoming a youth, a youth a man) and loses that which has been hitherto his guide in life, and not

having elucidated a new one appropriate to his age, lives without any guidance and invents various anxieties, cares, amusements, provocations, untoxications, to distract his attention from the misery and selfishness of his own life. Such a condition may last a long time.

But as during the transition of an individual from one age to another, the time must inevitably come when life can no longer continue in the old ruts as before, in senseless anxiety and irritation, and the man must understand that the previous guidance for life is no longer applicable to him, – it does not follow that he must necessarily live without any rational guidance whatever, but that he should formulate for himself a theory of life corresponding to his age, and having elucidated it, he should in his new age be guided by it.

Similar crises must of necessity occur in the ever changing life of humanity. And I am of opinion that the time has arrived for such a transition of humanity from one age to another, and not in the sense that it has arrived now, vis. 1908, but that the inherent contradiction of human life; the consciousness of the beneficence of the law of love, and the system of life built

upon the law of violence opposed to love in our time has reached that degree of intensity under which it can no longer go on, and must be met by a solution, and evidently not with a solution which favours the outlived law of violence, but in favour of the truth that the law of human life is the law of love, cherished by all humanity from the most remote antiquity.

The recognition of this truth in its full significance is possible for men, only when they free themselves completely from all religious, as well as scientific superstitions by means of which it has been for centuries hidden from mankind.

In order to save a sinking ship it is necessary to throw overboard the ballast, which though it might have been indispensable at one time, would now cause destruction. It is exactly the same with religious and scientific superstitions which hide this salutary truth from men. In order that people could embrace the truth, not in such a vague way as it presented itself to them during their childhood, nor in such a onesided, unstable way as it was interpreted to them by religious and scientific teachers, but in such a manner that it should become the highest law of human life;

to effect this, the complete liberation of this truth from all, *all* those superstitions pseudo religious as well as pseudo scientific which now obscure it, is necessary, not a partial, timid liberation, such a one as in the religious sphere was effected by Guru-Nanaka, the founder of the religion of the Sakas, and in Christianity by Luther, or similar reformers in other religions, but a complete deliverance of the religious truth from all those ancient religious, as well as from the modern scientific superstitions.

If people only freed themselves from beliefs in all kinds of Ormuzds, Brahmas, Sabbaoths, their incarnation in Krishnas and Christs, from beliefs in a paradise and hell, in angels and demons, from reincarnations, resurrections, from the idea of the interference of God in the life of the universe; free themselves chiefly from the recognition of the infallibility of the various Vedas, Bibles, Gospels, Triptakas, Korans, etc.; if people only freed themselves also from blindly believing in all sorts of scientific doctrines about infinitesimally small atoms, molecules, about all kinds of infinitely great and infinitely remote worlds, about their movements and their origin,

about forces; from the implicit faith in all manner of theoretical scientific laws to which man is supposed to be subjected – the historic and economic laws, the laws of straggle and survival etc., – if people only freed themselves from this terrible accumulation of the idle exercises of our lower capacities of mind and memory which are called the Sciences, from all the innumerable divisions of all sorts of histories, anthropologies, homiletics, bacteriologies, jurisprudences, cosmographies, strategies, their name is legion; if people only relieve themselves of this ruinous intoxicating ballast, – that simple, explicit law of love accessible to all, which is so natural to mankind, solving all questions and perplexities, will of its own accord become clear and obligatory.

VII

Children, look at the flowers at your feet; do not trample upon them. Look at the love in your midst and do not repudiate it.
Krishna P. 178.

There is a higher reason which transcends all human minds. It is far and near. It

permeates all the worlds and at the same time is infinitely higher than they.

A man who sees that all things are contained in the higher spirit, cannot treat any being with contempt.

For him to whom all spiritual beings are equal to the highest, there can be no room for deception or grief.

Those who are ignorant and are devoted to the religious rites only, are in a deep gloom, but those who are given up to fruitless meditations are in a still greater darkness.

Upanishads, from Vedas.

Yes, in our time, men – to escape from self inflicted calamities which have reached the highest degree of intensity: whether it be a Hindoo seeking liberation from the subjugation of the English, or any other man in his struggle with those using violence – whether in the negro's fights with the North American, or the Persian's, Russian's or the Turk's fight with his Government, as well as any man who seeks the greatest amount of welfare for himself as well as for everybody – do not require new explanations and justifications of old religious superstitions, as

Vivekanandas, Baba Bharatis and others have formulated in your country, and in the Christian world; an infinite number of such new interpreters and expounders of what no one stands in need; nor the innumerable sciences about matters which not only are unnecessary but mostly harmful (in the spiritual realm there is nothing indifferent, but what is not useful is always harmful). The Hindoo, as well as the Englishman, the Frenchman, the German, the Russian, do not require constitutions, revolutions, any conferences, congresses, any new ingenious devices for submarine navigation, aerial navigation, powerful explosives, or all kinds of conveniences for the enjoyment of the rich ruling classes; not new schools, universities with instruction in innumerable sciences, not the augmentation of papers and books, and gramophones and cinematographs, not those childish and mostly corrupt stupidities which are called arts; but one thing only is needful: the knowledge of that simple lucid truth – that the law of human life is the law of love, which gives the highest happiness to every individual, as well as to all mankind. If people only free themselves

in their consciousness from those mountains of nonsense which hide the truth from them; and that indubitable eternal truth inherent to mankind which is one and the same in all the great religions of the world, will inevitably enter the soul of every man. And as soon as this is acknowledged by the great majority, stupidity which now conceals it will disappear and with it will by itself disappear all the evils from which humanity now suffers.

«Children, look upwards with your beclouded eyes, and a world full of joy and love will disclose itself to you, a rational world made by my wisdom, the only real world. Then you will know what love has done with you, what love has bestowed upon you, and what love demands from you» (Krishna).

Dec. 14th, 1908.

Yasnaya Poliana.

ПИСЬМО К ИНДУСУ

Всё, что существует, едино: люди только называют это единое разными именами.

Веды.

Бог есть любовь; пребывающий в любви пребывает в боге, и бог в нем.
1-ое Посл. Иоанна.

Бог есть одно целое; мы только части его.
Изл. учения Вед Вивекананды.

|

Не ищи спокойствия, отдыха в той земной области, которая порождает рассуждения и желания, потому что, если будешь искать этого там, ты будешь влеком через пустыню жизни, чуждой мне. Когда ты почувствуешь, что ноги твои путаются в свившихся корнях жизни, знай, что ты сбился с того пути, на который я призывал тебя, потому что я поставил тебя на пути широком, легком, усыпанном цветами, и дал свет, за которым ты всегда можешь идти и следуя которому никогда не споткнешься.
Кришна.

Получил ваше письмо и два номера журнала. И то и другое мне было в высшей степени интересно, так как угнетение и неиз-

бежно вытекающее из этого развращение одних людей другими, малым числом большого числа, есть явление, всегда занимавшее и особенно живо занимающее меня последнее время. Постараюсь высказать вам то, что я думаю об этом вообще и в частности по отношению к тем причинам, вследствие которых произошли и происходят те страшные бедствия, о которых вы говорите в вашем письме и говорится в присланных вами мне номерах индийского журнала.

Причины, по которым происходит то удивительное явление, что большинство трудящегося народа подчиняется кучке праздных людей, распоряжающихся не только трудами, но и жизнью большинства, всегда и везде одни и те же, как там, где угнетаемые и угнетенные принадлежат к одному и тому же народу, так и там, где, как это происходит в Индии и в других странах, угнетатели принадлежат к иной, чем угнетенные, нации. В Индии это кажется особенно странным, так как здесь более чем 200-миллионный, высокоодаренный и духовными и телесными силами народ находится во власти совершенно чуждого ему

небольшого кружка людей, стоящих в религиозно-нравственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют. Причины эти, как это видно из вашего письма и из статей «Free Hindusthan», и из весьма интересных сочинении индусского писателя Свами Вивекананды и других, состоят в том же, в чем причины бедствий всех народов нашего времени: в отсутствии разумного религиозного учения, которое, одинаково уясняя людям смысл их существования, определяло бы и высший закон, долженствующий руководить их поступками, и в замене и того и другого теми, более чем сомнительными положениями, ложной религии и ложной науки и вытекающими из того и другого безнравственными выводами, называемыми цивилизацией.

Как видно из вашего письма и из статей не только «Free Hindusthan», но и из всей политической индийской литературы нового времени, большинство руководителей общественного мнения вашего народа, не приписывая уже никакого значения религиозным учениям, которые исповедовались и испове-

дуются индийским народом, видят единственную возможность избавления этого народа от претерпеваемого им угнетения в приобщении его к тем антирелигиозным и глубоко безнравственным формам общественного устройства, в которых живут теперь английские и другие мнимо-христианские народы. Ничто очевиднее этого стремления внушить индусскому народу усвоение форм жизни европейских народов не показывает в теперешних руководителях индусского народа полного отсутствия религиозного сознания. А между тем в этом отсутствии религиозного сознания и вытекающего из него руководства поведения, – отсутствии, общем в наше время всем народам и запада и востока, от Японии до Англии и Америки, и заключается главная, если не единственная причина порабощения индусского народа англичанами.

II

О вы, видящие бедствия над вашими главами и под вашими ногами и справа и слева! Вечно вы будете загадкой для самих себя, пока не сделаетесь смиренными и радостными, как ребенок. То-

гда признаете меня, и, познавши меня в себе, вы будете управлять мирами и, глядя из великого мира внутри себя на малый мир вне себя, вы будете благословлять всё, что есть, и будете знать, что всё хорошо и в вас и вне вас.
Кришна.

Для того, чтобы уяснить мою мысль, должен начать немного издалека.

Как жило человечество за миллионы, хотя бы десятки тысяч лет тому назад, мы не знаем и не можем (смело скажу, и не нуждаемся) знать; но то, что человечество с тех пор, как мы что-нибудь знаем о нем, всегда жило отдельными соединениями семей, родов, народов, в которых большинство покорно и охотно, считая это неизбежно необходимым, подчинялось насилию одного или нескольких лиц, самого малого меньшинства, это мы верно знаем. Такое устройство жизни людей, несмотря на внешнее разнообразие событий и лиц, проявлялось одинаково во всех народах, о прежней жизни которых мы что-нибудь знаем. И такое устройство жизни, чем дальше назад, тем больше считалось как

властвующими, так и подвластными необходимым условием возможности согласного сожития людей между собою.

Так это происходило везде.

Но, несмотря на то, что такое устройство жизни в своих внешних формах продолжалось веками, продолжается и теперь, еще очень давно, за тысячи лет до нашего времени, среди держащегося на насилии устройства жизни, была высказываема в различные времена, среди различных народов одна и та же мысль о том, что в каждом отдельном человеке проявляется одно и то же духовное начало, дающее жизнь всему существующему, и что это-то духовное начало стремится к единению со всем однородным ему и достигает этого единения любовью. Мысль эта в разных формах и с большей или меньшей полнотой и ясностью выражалась в разные времена и в разных местах. Выражалась она и в браманнизме, и в еврействе, и в маздеизме (учение Зороастра), и в буддизме, и в таосизме, и в конфуцианстве, и в писаниях греческих и римских мудрецов, и в христианстве, и в магOMETанстве. Уже то одно, что мысль эта, одна

и та же, высказывалась среди самых различных народов и в различное время, показывает то, что мысль эта была свойственна человеческой природе и заключала в себе истину. Но истина эта, провозглашавшаяся среди людей, считавших возможным соединение людей в общества только посредством употребления насилия одних над другими, была так несогласна с существующим устройством и, кроме того, была выражаема первое время своего появления так отрывочно и неясно, что люди, хотя отвлеченно и признавали ее, не могли принять ее как обязательное руководство поведения. Кроме того, со всеми выражениями этой истины, по мере того, как она высказывалась среди основанного на насилии устройства жизни людей, происходило одно и то же, а именно то, что люди, пользовавшиеся выгодами власти, чувствуя то, что признание людьми этой истины разрушало их положение, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, как могли, извращали истину, одевая ее самыми чуждыми ей прибавлениями, толкованиями и, кроме того, прямым насилием противодействовали ее распростра-

нению. Так что свойственная человеческой природе истина о том, что жизнь человеческая должна быть руководима тем духовным началом, которое составляет основу жизни человеческой и проявляется любовью, для того, чтобы войти в сознание людей, должна была, кроме своей неясности выражения, бороться еще с умышленными и неумышленными извращениями ее, а также и с прямым насилием, заставлявшим людей наказаниями и гонениями признавать установленное властью понимание религиозного закона, противное открытой истине. Такое извращение и затемнение новой, не доведенной еще до полной ясности истины происходило везде: и в конфуцианстве, и в таосизме, и в буддизме, и в христианстве, и в магометанстве, и в вашем браманизме.

III

*Моя рука рассеяла любовь повсюду,
предлагая ее тем, кто хочет взять ее.
Благо дано всем моим детям, но ча-
сто в своей слепоте они не видят его.
Только немногие поднимают те дары,
которые в изобилии лежат у их ног, но*

еще больше тех людей, которые в своем самодовольном легкомыслии отворачиваются от них и с плачем жалуются на то, что у них нет того, что я дал им. Многие из них отрицают не только дары мои, но и меня. Меня, источника всех благ, творца их жизни.
Кришна.

О, остановись, хоть на время, от суеты и борьбы мира, и я украшу твою жизнь любовью и радостью, потому что свет души – это любовь. Там, где есть любовь, есть довольство и мир, а где есть довольство и мир, там и я среди них.
Кришна.

Решение безгрешного состоит в том, чтобы не причинять печали другим, хотя бы он мог через это получить великую власть.

Решение безгрешного в том, чтобы не делать зла тем, кто сделал ему зло. Если человек заставит страдать даже тех, которые без причины ненавидят его, он в конце концов будет иметь неустранимую печаль.

Наказание делающим зло состоит в том, чтобы сделанным им великим добром заставить их устыдиться своих дел.

Какая польза в учености того, кто не старается избавиться от страданий своего ближнего столько же, как и самого себя.

Если человек поутру хочет сделать зло другому, ввечеру зло посетит его.
Индийский Кюрал.

Так это происходило везде. Везде истина о том, что любовь есть высшее нравственное чувство, не отвергалась и не опровергалась, но везде так искусно соединялась с таким количеством самой разнообразной лжи, извращающей ее, что от признания любви высшим нравственным чувством ничего не оставалось, кроме слов. Внушалось то, что это высшее нравственное чувство применимо только для личной жизни, годно, так сказать, для домашнего обихода, для общественной же жизни признавалось необходимым для блага большинства людей употребление против злых людей всякого рода насилия, тюрем, казней, войн, поступков, прямо противополо-

ложных самому слабому чувству любви. Несмотря на то, что здравый смысл говорил то, что, если одни люди могут быть решителями того, каких людей надо подвергать всякого рода насилиям ради предполагаемого блага многих, то и эти некоторые люди могли решать то же самое по отношению тех, кто их подвергал насилию, несмотря и на то, что великие религиозные учителя – и браминские, и буддийские, и в особенности христианские, предвидя это извращение закона любви, прямо указывали на неизбежное условие любви: перенесение обид, оскорблений, всякого рода насилий без противления злу злом, люди продолжали признавать несовместимое: благодетельность любви и, вместе с тем, противление злу насилием, прямо противоположное любви. И такие учения, несмотря на явное заключающееся в них противоречие, так укоренились, что люди, признавая благодетельность любви, признают вместе с тем и законность устройства жизни, основанного на насилии, включающем нанесение одними людьми другим не только истязаний, но и смерти.

Люди долгое время жили в этом явном противоречии, не замечая его. Но пришло время, когда противоречие это всё чаще и чаще стало поражать мыслящих людей разных народов. И древняя простая истина о том, что людям свойственно помогать и любить, а не мучить и убивать друг друга, всё более и более стала выясняться, и всё менее и менее могли люди верить в те лжетолкования, которыми оправдывались отступления от нее.

В старинные времена главным средством оправдания употребления насилия, противного любви, было признание особенных, сверхъестественных прав за так называемыми государями, царями, султанами, раджами, шахами и т. п. главами государств. Но чем дольше жили люди, тем всё больше и больше стала ослабевать вера в особенные, освященные богом права государей. Ослабевала эта вера одинаково и почти одновременно и в христианском, и в браминском, и в буддийском, и в конфуцианском мире, а в последнее время уже так ослабела, что не могла уже служить, как прежде, оправданием поступков, явно противных и здравому смыслу и истин-

ному религиозному чувству. Люди всё яснее и яснее и уже теперь в большинстве вполне ясно видят бессмысленность и безнравственность подчинения своей воли воле таких же, как они, людей, требующих от них поступков, противных не только их выгоде, но и нравственному чувству. И потому, казалось бы, естественно людям, потеряв веру в поддерживаемую религией божественность власти всякого рода властителей, освободиться от подчинения ей. Но, к сожалению, выгодами властвования над народами пользовались не одни эти считавшиеся сверхъестественными существами государи, но везде вследствие существования этих мнимо-сверхъестественных существ образовалось в продолжение их царствования всё большее и большее количество людей, пристраивавшихся к властителям и, под видом управления народом, живших его трудами. И вот эти-то люди позаботились о том, чтобы по мере того, как ослабевал старый религиозный обман о сверхъестественном и самим богом определенном властвовании государей, вырастал такой новый обман, который мог бы, заменив старый, про-

должать так же, как и старый, держать народы в рабстве немногих властителей.

IV

Хотите знать, дети, чем должны быть руководимы сердца ваши! Оставьте ваши желания и стремления к тому, что ничтожно и пусто; откиньте ваши невежественные мысли о счастье, о мудрости, о пустых и неискренних желаниях. Откиньте всё это, и вы познаете любовь.
Кришна.

Не будьте уничтожателями самих себя. Поднимитесь к вашему истинному я, поднимитесь до него, и тогда вам нечего бояться.
Кришна.

На место устарелых, отживших религиозных оправданий явились новые. Оправдания эти так же неосновательны, как и прежние, но они еще новы, так что несостоятельность их еще не сразу может быть признана большинством, и, кроме того, люди, пользующиеся властью, так искусно распространяют и поддерживают их, что оправдания эти мно-

гим, даже тем, которые страдают от того, что они оправдывают, кажутся неопровержимыми. Новые оправдания эти называются научными. Под словом же «научное» понимается то же самое, что разумелось под словом «религиозное», а именно то, что так же, как всё то, что называлось религией, уже по одному тому, что называлось религией, всегда было несомненно истинно, так точно и всё то, что называется наукой, уже по одному тому, что оно называется наукой, всегда несомненно истинно. Так в данном случае отжившее религиозное оправдание насилия, заключавшееся в признании особенности, сверхъестественности лиц, стоящих во власти и утверждаемых во власти богом («нет власти не от бога»), заменилось научным оправданием, заключающимся, во-первых, в том, что всегдашнее существование среди людей насилия одних людей над другими доказывает то, что такое насилие должно всегда существовать. В этом, то есть в том, что люди должны жить не согласно с разумом и с совестью, а с тем, что долгое время происходило между ними, – в этом состоит то, что «наукой» называется «ис-

торическим законом». Второе же «научное» оправдание насилия состоит в том, что так как среди растений и животных происходит борьба за существование, оканчивающаяся всегда переживанием наиболее приспособленных, то эта же самая борьба должна происходить и между людьми, существами, одаренными свойствами разума и любви, – свойствами, отсутствующими у существ, подчиняющихся закону борьбы и отбора. В этом другом «научное» оправдание насилия.

Третье же, самое главное и самое, к сожалению, распространенное научное оправдание насилия есть, в сущности, самое старое религиозное оправдание, только несколько видоизмененное, состоящее в том, что, так как в общественной жизни бывает неизбежно необходимо употребление насилия против некоторых для блага многих, то, как ни желательна любовь людей между собою, насилие все-таки необходимо. Отличие оправдания насилия лженаукой от оправдания лжерелигией состоит только в том, что на вопрос о том, почему те, а не другие люди имеют право определять, кто именно те люди, против

которых может и должно быть употреблено насилие, наука отвечает уже не то, что отвечала религия: что определения эти справедливы потому, что делаются лицами, имеющими сверхъестественную власть, а то, что определения эти представляют волю народа, которая будто бы при избирательном образе правления выражается во всех решениях и поступках людей, в данную минуту находящихся во власти.

Таковы научные оправдания насилий. Оправдания эти не только неосновательны, но прямо нелепы, но они так нужны людям, занимающим привилегированное положение, что они слепо верят в них, как прежде верили в бессеменное зачатие, и так же уверенно распространяют эту веру.

Несчастное же, задавленное трудом большинство так ослеплено той важностью, с которой передаются ему эти «научные истины», что, находясь под этим новым внушением, принимают, так же, как прежде принимали лжерелигиозные оправдания, все эти научные глупости за священную истину и продолжают рабски подчиняться своим новым,

столь же жестоким, только несколько увеличившимся по численности властителям.

V

Кто я? Я то, чего ты искал с тех пор, как твой детский взгляд с удивлением смотрел на мир, пределы которого скрывают от тебя истинную жизнь. Я то, о чем ты молил в своем сердце, чего ты требовал, как право своего рождения, хотя и не знал, что это такое. Я то, что лежало в твоём сердце веками, тысячелетиями. Иногда я лежало в тебе с печалью о том, что ты не узнаешь меня. Иногда я поднимало голову, открывало глаза и простирало руки, призывая тебя, то тихо, то громко требуя от тебя, чтобы ты возмутился против тех железных цепей земли, которые притягивали тебя к праху.
Кришна.

Так это происходило и происходит в христианском мире. Можно было надеяться, что в огромном брамино-буддийском, конфуцианском мире новое научное суеверие это не будет иметь места, и китайцы, японцы, индусы,

поняв ложь религиозных обманов, оправдывающих насилие, прямо перейдут к сознанию свойственного человечеству закона любви, так сильно провозглашенного великими учителями Востока, но оказывается, что научное суеверие, заменившее религиозное, захватило и захватывает всё больше и больше восточные народы. Оно захватило уже с особенной силой и страну крайнего востока, Японию, и, кажется, уже не одних руководителей, но и большинство этого народа, готовя ему величайшие бедствия; захватило и 400-миллионный Китай и вашу 200-миллионную Индию, или, по крайней мере, большинство людей, считающих себя, так же как и вы, руководителями этих народов.

Вы в своем журнале, как основной принцип, долженствующий руководить деятельностью вашего народа, ставите эпиграфом такую мысль: Resistance to aggression is not simply justifiable, but imperative; not resistance hurst both Altruism and Egoism (Противодействие нападению не только справедливо, но и обязательно: непротивление вредит одинаково и альтруизму и эгоизму).

Любовь есть единственное средство спасения людей от всех претерпеваемых ими бедствий. В данном случае единственное средство освобождения вашего народа от порабощения только в любви. Любовь, как религиозная основа жизни людей, с особенной силой и ясностью была еще в далекой древности провозглашена в вашем народе. Любовь при допущении противления злу насилием есть внутреннее противоречие, так что теряет всякий смысл и значение. И что же? В 20-м веке вы, член одного из самых религиозных народов, с легким сердцем и уверенностью в своем научном просвещении и потому несомненной правоте отрицаете этот закон, повторяя ту – простите меня – поразительную глупость, которую внушили вам защитники насилия, враги истины, сначала служители богословия, потом науки, ваши европейские учителя.

Вы говорите, что англичане поработили и держат в порабощении индусов потому, что индусы недостаточно противились и противятся насилью силою.

Но ведь это совершенно наоборот. Если ан-

гличане поработили индусов, то только потому, что индусы признавали и признают главными, основными принципами своего общественного устройства насилие. Во имя этого принципа подчинялись своим царькам, во имя его боролись между собой, боролись с европейцами, с англичанами и теперь стараются бороться с ними.

Торговая компания поработила 200-миллионный народ. Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не поймет, что значат эти слова. Что значит то, что 30 тысяч людей, не силачей, даже скорее слабых и дурных людей, поработили 200 миллионов живых, умных, сильных, любящих свободу людей? Разве не ясно по одним цифрам, что не англичане, а сами индусы поработили себя. Индусам жаловаться на то, что англичане поработили их, всё равно, что людям, предающимся пьянству, жаловаться на то, что поселившиеся среди них продавцы вина поработили их. Вы говорите им, что они могут не пить, но они отвечают вам, что они так привыкли, что не могут воздержаться, что им стало необходимо поддерживать свою энергию вином. Разве не

то же самое со всеми людьми, с миллионами людей, покоряющихся тысячам, сотням людей своих или чужих народов.

Если индусы поработаны насильем, то только оттого, что они сами жили насильем, живут насильем и не признают вечного, свойственного человечеству закона любви.

«Жалок и невежественен тот человек, который ищет того, что он имеет, но не знает, что имеет его. Да, жалок и невежественен человек, который не знает блага той любви, которая окружает его, которую я дал ему» (Кришна).

Только живи человек согласно с свойственным его сердцу и открытым уже ему законом любви, включающей в себя непротивление, и потому естественно не участвуя в каком бы то ни было насилии, и не только сотни не поработят миллионы, но миллионы не поработят одного. Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас.

VI

О вы, сидящие в заключениях и страда-

ющие о свободе и ищущие ее, ищите только любви. Любовь есть мир в самом себе, и мир, дающий полное удовлетворение. Я – тот ключ, который отпирает дверь в ту редко открываемую страну, в которой одной живет довольство.

Кришна.

С человеком нашего времени, одинаково с восточным, как и с западным, совершается то же, что совершается с каждым отдельным человеком, когда он, переходя от одного возраста в другой (ребенок в юношу, юноша в мужа), теряет прежнее руководство в жизни и, не уяснив себе еще нового, свойственного его возрасту, живет без всякого руководства и придумывает, какие может, суеты, заботы, развлечения, раздражения, одурманивания, которые бы скрыли от него бедственность и бессмысленность его жизни. Такое состояние может продолжаться долго.

Но как при переходе одного человека от одного возраста к другому неизбежно должно наступить время, когда жизнь не может уже продолжаться попрежнему, в бессмысленной

суете и раздражении, и человек должен понять, что если прежнее руководство жизни уже несвойственно ему, то это не значит то, что ему надо жить без всякого разумного руководства в жизни, а только то, что надо постараться уяснить себе то понимание жизни, которое свойственно его возрасту, и, уяснив его, руководствоваться им в своем новом возрасте. Точно такие же времена должны наступать и для движущегося и изменяющегося человечества.

И я думаю, что время такого перехода человечества от одного возраста к другому наступило теперь, и теперь не в том смысле, что оно наступило именно в 1908 году, а в том, что то внутреннее противоречие жизни людей: сознания благодетельности закона любви и устройства жизни на противном закону любви насилии, вызвавшее бессмысленную, раздраженную, суетливую и страдальческую жизнь человечества, продолжавшееся столетия, в наше время дошло до того напряжения, при котором оно не может уже более продолжаться и неизбежно должно разрешиться, и разрешиться, очевидно, не в пользу отживше-

го свое время закона насилия, а в пользу с самых древних времен уже сознаваемой всем человечеством истины о том, что закон жизни людей есть закон любви.

Признание же этой истины во всем ее значении возможно для людей только тогда, когда они вполне освободятся от всех, как религиозных, так и научных, суеверий и вытекающих из них лжетолкований, извращений и нагромождений, посредством которых столько веков она скрывалась от человечества.

Для того, чтобы спасти тонущий корабль, надо выбросить из него тот балласт, который если и был, может быть, когда-нибудь нужен, теперь губит его. То же и с религиозными и научными суевериями, скрывающими от людей спасительную для них истину. Для того, чтобы люди могли воспринять истину уже не так смутно, как она представлялась им в период их детства, и не так односторонне и превратно, как она истолковывалась для них религиозными и научными учителями, а так, чтобы она стала высшим законом жизни людей, для этого нужно полное освобождение этой истины от всех, всех тех суеверий, как

лжерелигиозных, так и лженаучных, которые теперь скрывают ее, освобождение не частичное, робкое, считающееся с освященным древностью преданием, с привычками народа, такое, какое в области религиозной сделано у вас Гуру Нанака, основателем религии сейков, а в христианстве Лютером и такими же реформаторами в других религиях, а полное освобождение религиозной истины от всех, как древних религиозных, так и новых научных, суеверий.

Только освободи себя люди от верования в разных ормуздов, брам, саваофов, в воплощения их в кришнах и Христах, от верований в рай и ад, ангелов и демонов, от перевоплощений и воскресений, от вмешательства бога во внешнюю земную жизнь; освободи себя, главное, от признания непогрешимости разных вед, библий, евангелий, трипитак, коранов и т. п.; освободи себя люди точно так же и от слепого верования в разные научные учения о бесконечно малых атомах, молекулах, о разных бесконечно великих и бесконечно удаленных мирах, их движениях и происхождении их, силах, от слепой веры в несомнен-

ность разных научных мнимых законов, которым будто бы подчинено человечество, – законов исторических, экономических, законов борьбы и переживания и т. п.; освободи себя только люди от этого страшного нагромождения праздных упражнений низших способностей ума и памяти, называемых науками, от всех этих бесчисленных отделов разных историй, антропологий, гомилетик, бактериологий, юриспруденций, космографий, стратегий, им же имя легион, – только освободись люди от этого губительного, одуряющего их балласта, и тот простой, ясный, доступный всем и разрешающий все вопросы и недоумения закон любви, который так свойственен человечеству, станет сам собой ясным и обязательным.

VII

Дети, смотрите на цветы под вашими ногами, не топчите их. Смотрите на любовь между вами, не отвергайте ее.
Кришна.

Есть один высший разум, превосходящий все человеческие умы. Он далек и

близок. Он проникает все миры и вместе с тем до бесконечности выше их. Человек, который видит, что все вещи содержатся в высшем духе и что высший дух проникает все существа, не может относиться с презрением ни к какому существу.

Для того, для кого все духовные существа одинаковы с высшим, не может быть места для обмана или для печали. Те, кто невежественны, преданы одним обрядам религии, находятся в густом мраке, но те, кто преданы только бесплодным размышлениям, находятся в еще большей темноте. Упанигиады из Вед.

Да, в наше время людям для избавления себя от наносимых ими самим себе, дошедших до высшей степени бедствий: индусу ли, ищущему своего освобождения от английского порабощения, или какому бы то ни было человеку в борьбе его с насильниками, будут ли эти насильники люди своего или чужого народа, в борьбе или негра с северо-американцами, или персиянина, русского, турка со своим персидским, русским, турецким прави-

тельством, как и вообще для каждого человека, ищущего наибольшего блага как для себя, так и для всех людей, нужны не новые объяснения и оправдания старых религиозных суеверий, как это делали у вас Вивекананды, Баба-Барати и другие, и у нас, в христианстве, бесчисленное количество таких же новых толкователей и разъяснителей того, что никому ни на что не нужно; и не бесчисленные науки о предметах не только никому не нужных, но большею частью вредных (в духовной области не бывает безразличного, а то, что не полезно, всегда вредно). Нужны как индусу, так и англичанину, и французу, и немцу, и русскому не конституции, не революции, не какие-либо конференции, не конгрессы, не новые хитрые изобретения подводного плавания, воздушного летания, могущественных взрывов или различного рода удобств для удовольствия богатых, властвующих классов, не новые училища, университеты с преподаванием бесчисленных наук, не увеличение газет и книг, и граммофонов, и кинематографов, не те ребяческие, большею частью развратные глупости, которые назы-

ваются искусствами, а нужно только одно: знание той простой, ясной, укладывающейся в душе каждого человека, не одуренного религиозными и научными суевериями, истины о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающий высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству. Только освободись люди в сознании своем от тех гор чепухи, которые скрывают теперь от них истину, и та, несомненно вечная, всегда свойственная всем людям истина, которая одна и та же во всех великих религиях мира, сама собой выделится из всей той лжерелигиозной чепухи, которая теперь скрывает ее. А выделится эта истина так, что войдет в сознание людей, и сама собой исчезнет вся та чепуха, которая скрывает ее, и вместе с ней и то зло, от которого теперь страдает человечество.

«Дети, взгляните вверх своими ослепленными глазами, и мир, полный радости и любви, откроется вам, разумный мир, сделанный моей мудростью, один мир действительный. Тогда вы узнаете, что любовь сделала с вами, чем наградила вас любовь и чего она от вас

хочет» (Кришна).

14 дек. 1908.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬБОМУ: «РУССКИЕ МУЖИКИ» Н. ОРЛОВА

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить».

(Мф. X, 28.)

Прекрасное дело – издание альбома картин Орлова. Орлов мой любимый художник, а любимый он мой художник потому, что предмет его картин – мой любимый предмет. Предмет этот – это русский народ, – настоящий русский мужицкий народ, не тот народ, который побеждал Наполеона, завоевывал и подчинял себе другие народы, не тот, который, к несчастью, так скоро научился делать и машины, и железные дороги, и революции, и парламенты со всеми возможными подразделениями партий и направлениями, а тот смиренный, трудовой, христианский, кроткий, терпеливый народ, который вырастил и держит на своих плечах всё то, что теперь так

мучает и старательно развращает его.

И любим-то мы с Орловым в этом народе одно и то же, любим в этом народе его мужицкую смиренную, терпеливую, просвещенную истинным христианством душу, которая обещает так много тем, кто умеет понимать ее.

Во всех картинах Орлова я вижу эту душу, которая, как в ребенке, носит еще в себе все возможности и главную из них – возможность, миновав развращенность и извращенность цивилизации Запада, идти тем христианским путем, который один может вывести людей христианского мира из того заколдованного круга страданий, в котором они теперь, мучая себя, не переставая, кружатся.

Вот в курной избе на соломенной постели умирающая женщина. Смертная свеча вложена в ее холодеющие руки, над нею с торжественным, покорным спокойствием стоит муж и подле него в одной рубашонке плачущая худенькая старшая дочка. Бабка успокаивает раскричавшегося в подвесной люльке новорожденного. Соседки гуторят у двери. Картина эта производит на меня одновремен-

но чудесное, возвышающее впечатление умиленной жалости и, вместе с тем, как ни странно сказать, зависти к той святой бедности и отношению к ней, которые изображены в ней.

Такое же возвышающее впечатление сознания великой духовной силы народа, к которому имеешь счастье принадлежать, хоть не жизнью, а породой, производят на меня и другие две одного же характера, всегда глубоко трогаящие меня картины: «Переселенцы» и «Возвращение солдата».

Не говоря уже о том, что картина отъезда переселенцев, прощающихся с остающимися, значительна по содержанию своему, в живых образах представляя нам всё то, что, несмотря на все представляемые ему трудности и правительством и земельными владельцами, совершает русский народ, заселяя и обрабатывая огромнейшие пространства, – картина эта особенно трогательна по лицам не одного только чудного старика на первом плане, но всех этих полных движения и жизни лиц как возбужденных отъезжающих, так и недоумевающих остающихся.

Вторую же картину возвратившегося солдата я особенно люблю. Промаявшись года на чужбине, в тяжелой, чуждой его душе солдатской службе, Пахом или Сидор, покорный сын, любящий муж, здоровый работник, дорвался, наконец, до свободы, до дому. И что же в доме? Еще не доехав до дома, ему уже рассказали. Матрена его без него прижила ребенка.

И вот первое свидание: жена на коленях перед мужем, ребенок-улика – тут же. Све-кровь – бабьи счеты – подуськивает сына, поминая, как она говорила: смотри, Матрена, придет муж... Но старик, еще полный того христианского духа милосердия, прощения и любви, которым жил и живет еще в своих лучших представителях русский народ, перебивает визгливую речь старухи и поминает о том, что прекращает все счеты, все обиды, все злобы, – поминает о боге, и все счеты кончены и всё развязано.

Как ни больно сыну, как ни чувствует он себя оскорбленным, как ни хотелось бы ему выместить жене за свой стыд, он – сын отца, и тот же дух божий, дух милосердия, проще-

ния, любви живет в нем, и дух этот пробуждается, и он – в своем столь чуждом испытываемому им чувству солдатском мундире – махает рукой и испытывает умиленную радость прощения.

– Бог простит, вставай, Матрена. Буде.

Так же важны и прекрасны и остальные шесть картин. Я отделил эти шесть картин от первых трех только потому, что, кроме одинаковых черт, общих всем картинам, в этих представлены еще в живых образах те соблазны, то развращение, с которыми приходится бороться христианской душе русского народа и с которыми она еще борется и не поддается.

Картины эти особенно привлекательны именно тем, что выражают эту борьбу, не решая вопроса о том, на чьей стороне будет победа. Пойдет ли весь народ по тому пути душевного и умственного разврата, на который зовет его так называемая интеллигенция, желая сделать его подобным себе, или удержится на тех христианских основах, которыми он жил и в огромном большинстве живет еще по сих пор.

Картины этого рода, во-первых, та, где ста-

роста, придя в обед за податями к одинокому бедняку, только что пришедшему с работы, стоит над ним, дожидаясь ответа. Ответ дает только старик, независимо от всяких соображений о государственных необходимостях, говоря о боге и о грехе обирания трудящегося, еле-еле кормящего свою семью работника. Особенно трогательны на этой картине, кроме самого хозяина, покорно опустившего голову, хозяйка, стоящая над только что собранным столом, от которого их всех оторвали, и ребенок, с недоумением и сочувствием смотрящий на разгорячившегося деда.

Таковы и остальные пять [23] картин этого разряда, изображающие борьбу добра со злом, в котором со стороны зла уже участвуют начинающие развращаться и вполне развращенные люди из народа.

Такова картина: «Недоимка», изображающая продажу у вдовы кормилицы детей – коровы. Богатый деревенский кулак покупает, старшина продает, писарь записывает.

Таковы же полная содержания картина изловления вдовы, кормящейся корчемством и тем нарушающей доход казны, и замечатель-

ная и по живописи, и по тонкости, и точности выражения мысли, и по верности типов — освящение монополии. Такова же отвратительная по содержанию картина телесного наказания.

Во всех этих картинах, кроме того верного изображения не испорченного еще русского народа, которое составляет главное содержание всех картин, изображены представители и той части этого народа, которая, развратившись уже сама, ради своих выгод хочет развратить своих еще не развращенных братьев. Староста, пришедший за податями к недоимочному крестьянину, еще не потерял связи со своими братьями, и, очевидно, страдает за собрата и за свое участие в этом деле. Отъездивший же старшина в картине, где уводят корову, уже совершенно спокойно исполняет свою жестокую обязанность; и, только заботясь о своей выгоде, покупает корову кулак. В картине изловления корчемницы и урядник, и старшина, и писарь, уже не смущаясь, делают свое дело и даже одобрительно смотрят на ловкость ряженого. Только старик, представитель души народа, нарушает это общее удо-

вольствие своим смелым словом. В картине монополии, не говоря уже о толстом, огорченном лишении своей торговли кабатчике, паразитен мужик, так явно лицемерно крестящийся на иконы, и тот оборванец, который несвоевременно лезет в дверь того заведения, которое довело его до его положения и так успешно развратило и развращает ради барышей казны большую часть народа.

То же и в картине телесного наказания. Все лица, кроме молящегося за грехи людей старика и недоумевающего перед жестокостью людей мальчика, уже доведены до того, что делают свое постыдное дело как что-то нужное и должное.

Последняя же картина, в себе одной выражающая всё то, что сказано в этих шести,[24] особенно и сильна и страшна тем, что самым простым и понятным способом изображает то, что лежит в основе того развращения, которому подвергается народ, и ту главную опасность, которая предстоит ему.

– Ступай, ступай, бог подаст, – говорит девушка, отказывая нищей, – видишь, батюшка тут.

Да, это ужасная картина.

Сила народа в наибольшей истинности его религиозного, руководящего его поступками, понимания законов жизни. Я говорю «наиболее истинном» потому, что вполне истинного религиозного понимания законов жизни, как и вполне истинного понимания бога, никогда не может быть у человека. Человек только всё больше и больше приближается к тому и другому.

И такое, наиболее, по нашему времени, истинное религиозное понимание жизни было и есть еще у русского безграмотного, мудрого и святого мужицкого народа. И вот, с разных сторон, со стороны суда, податей, солдатства, винной отравы для государственного дохода, его окружают ужасными соблазнами и самым страшным из них – религиозным соблазном, вследствие которого церковь и ее служители важнее милосердия, любви к брату.

Всё это изображено в картинах Орлова. И потому мне кажется, что я не напрасно люблю их.

Картины эти указывают нам на ту опасность, в которой находится теперь духовная

жизнь русского народа.

А понять опасность там, где не видал ее, уже шаг к избавлению от нее.

26 июня 1908.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ,
НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

* THE HOSTELRY
(A parable for children)

There was a benevolent man who wished to do as much good as he could to men, and he bethought himself that the best way to do this was to...[25] an inn in such a place where many people passed and of furnishing it with all that could be of use or give pleasure to men. So he arranged a hostelry with comfortable rooms, good stoves, fuel, lighting, store-rooms full of every kind of provisions, vegetables and all sorts of refreshment, also beds, every kind of clothes, underwear and boots in such quantities as to suffice for a great quantity of people.

Having arranged all this the benefactor wrote very distingly a direction how to use his hostelry and all the thing that where gathered in it. This

decretion the benefactor nailed on the entrance door so that every man should see it. In the direction it was written that every man who entered the hostelry might stay in it as long as it was good for him and might eat and drink at his heart content and use all what was gathered in the inn clothes or boots or kind of provisions. The sole condition which was required from the travelers was that they should take only what they needed presently and that they should help each other and leaving the hostelry made things tidy as before their arrival.

Having arranged all this and written and hanged on the door this direction the benefactor himself retired.

But it came to pass that when people came into the hostelry they did not look at the direction and began to use all the goods that were at their disposal without thinking of other people and trying to get all the things although not needed all everybody for himself.[26] They too began to quarrel between themselves over the goods. In snatching goods from each other spoiled them and sometime spoiled things out of selfish spite in order that others should not get them.

So that havend spoiled everything in the inn, they began to sutler from cold and hunger, and from the injuries they themselves had inflicted on each other, and abused their host for having prepared too little goods, for not having placed caretakers, tor having allowed all sorts of bad men to enter. Others said that there egisted no anybody to abuse and that the hostelry had no master and had come into egistence (by itself) and that a bad damned place.

In this same way behave in our world people who dos not read the direction of our life written in our hearts and in all the great teachengs of our wise men [*1 не разобр.*] and others, live by their own will and not by the will of their benefactor. They ruin their own lives and that of others and condemn for it each other, God, the world only not themselves.

If only men understood that their welfare depends only from themselves and if they did the will of their benefactor, they would enjoy such welfare, greater than which they could imagine.
[27]

ГОСТИНИЦА
(Сказка для детей)

Один благотворитель хотел сделать людям так много добра, как только мог, и он решил, что лучше всего для этого построить гостиницу в таком месте, где проходит много народу, и снабдить ее всем, что только может доставить людям пользу и удовольствие. Итак, он устроил гостиницу с удобными комнатами, хорошими каминами, украшениями, освещением, кладовыми, полными всякого рода продуктов, овощей и всякого сорта освежительных напитков, а также кроватями, различным платьем, бельем, обувью в таком количестве, чтобы хватило на большое количество людей.

Устроив всё это, благотворитель написал очень отчетливо правила, как пользоваться его гостиницей и всеми вещами, которые были в ней собраны. Эти правила благодетель прибил гвоздями на входной двери так, чтобы каждый мог их видеть. В правилах было написано, что каждый человек, который входит в гостиницу, может оставаться в ней столько, сколько ему надо, и может есть и пить сколько душе угодно и пользоваться всем собранным в гостинице платьем, обу-

вью и провизией. Единственное условие ставилось путешественникам: чтобы они брали только то, что им нужно сейчас, и чтобы они помогали друг другу, а оставляя гостиницу, приводили вещи в тот же порядок, какой был до их приезда.

Устроив всё это и написав и вывесив на двери правила, благотворитель удалился.

Но случилось так, что, когда люди пришли в гостиницу, они не посмотрели на правила и стали пользоваться всеми бывшими там вещами по своему желанию, не думая о других людях и стараясь захватить себе самим все вещи, хотя бы они были им и не нужны. Они начали ссориться между собою из-за вещей. Хватая их из рук друг у друга, они портили их, а иногда портили и из зависти, чтобы другие не могли ими воспользоваться.

Так перепортив всё в гостинице, они начали страдать от холода и голода и от несправедливостей, которые они нанесли друг другу, и стали обвинять их хозяина за то, что он приготовил слишком мало вещей, за то, что он не поставил сторожей, за то, что разрешил вход всяким злым людям. Другие говорили,

что обвинять некого, что у гостиницы нет хозяина, что гостиница возникла сама по себе и что это плохое, проклятое место.

Точно так же ведут себя в нашем мире те люди, которые не читают правил нашей жизни, начертанных в наших сердцах и во всех великих учениях наших мудрецов; живут по своей собственной воле, а не по воле их благодетеля. Они разрушают жизнь свою собственную и чужую и обвиняют в этом друг друга, бога и мир, но только не самих себя.

Если бы только люди поняли, что их счастье зависит только от них самих и если бы они творили волю своего благодетеля, они наслаждались бы таким счастьем, больше которого они не могут себе и представить.

* [РОЖЕНИЦА]

Это было 7 ноября 1897 года. В большом селе Рязанской губернии рожала уже немолодая женщина. Роды шли уже вторые сутки и были трудны, опасны. Вышла ручка, и дело не двигалось. Семья была из бедных. Муж одинокий, работающий, но и выпивающий мужик, [28] всё непомиращий дед на печи и четверо ребят: три девки и [?] один малый,

кроме того, кто шел ручкой. С вечера бабка Матвевна, проведшая весь день, ушла ночевать домой, и Марфа родильница была одна в избе. Старика увели к сватам, девки были на улице, муж Авдей[29] пошел за бабкой и за попом.

«Аниска, а Аниска! О-о-х, смерть моя! О-о-х, Аниска, кур загони. Ономнясь... О-ох...». Дальше она не могла говорить и даже перестала охать, а только нахмурилась, сморщилась, как будто выжидая чего-то. Аниска, быстроглазая 8-летняя девочка, разинув ротик, неподвижными глазами [?] смотрела на мать, быстро шевеля только ступнями ног в рваных башмаках. «Помирает мамушка», думала она. И она не слушала ее о курах, а думала о том, что надо делать, когда помирает мать. Мать же, невольно глядя на быстро шевелящиеся ноги, подумала о том, как после ее смерти ее новые башмаки останутся для Аниски.

– Отец не приходил?

– Не.

– Ну, ступай да смотри. О-ох.

В завтрак пришла бабка Матвевна.[30] Отец, высокий белокурый мужик с большими

глазами и спокойным добрым лицом, не вошел в избу и тотчас же взялся за дрова. Он вчера привез из лесу хворост, но не успел сложить. Взялся за работу с споростью и безостановочностью привычного рабочего. Только изредка, работая, он, прислушиваясь к стонам в избе, поднимал белые брови над слезящимися глазами и значительно поворачивал голову.

«Помрет, что станем делать. – Ну и поп!» – приходило ему в голову, вспоминая, как поп вперед торговал. «Где у них бог».

– Ты чего мерзнешь, дура. Марфутка! Беги к деду в избу, – крикнул он на 5-летнюю девочку.

А в избе было тихо. Родильница мучалась хуже и хуже и временами ослабевала. Но Матвевна не унывала и обнадеживала. «Ничего, умница, ничего. Всё бывало. Всё бог. Его святая воля». – И она, раздевшись, то осматривала больную, то оправляла ей подложенную подушку, то давала ей напиток...

* РАЗГОВОР ОТЦА С СЫНОМ

Ванька. Что это, батя, вчера Михайла такой веселый из города пришел, всё песни пел?

Отец. А его в солдаты взяли.

Ванька. Что же ему хорошо там будет?

Отец. Наверяд.

Ванька. Отчего же он радуется? Что же он будет делать в солдатах?

Отец. В городе будет жить, в казарме.

Ванька. Что ж он там будет делать?

Отец. Будет учиться стрелять, рубить, чтобы защищать отечество.

Ванька. Что такое отечество?

Отец. А это та земля, в которой мы живем.

Ванька. Что же земля эта наша?

Отец. Хорошо бы было, если бы была наша, а то у кого из нас кусочек, а то и вовсе ничего нет.

Ванька. У кого же она?

Отец. У богачей.

Ванька. Так зачем же Михайла будет защищать эту чужую землю? Ведь нам нет пользы от того, что у богачей ее много.

Отец. Да известно лучше бы было, если бы у нас ее побольше было. Совсем другое бы житье было.

Ванька. Так отчего же нам не взять земли сколько нам нужно?

Отец. Потому, что даром не дают. А денег у нас нет.

Ванька. А скажи, батя, у тех, кто в городах живут, много земли?

Отец. У тех и совсем нет. Те совсем бедные.

Ванька. Так вот как. Все, значит, бедные, кроме богачей. Если так много бедных, они бы взяли себе земли, сколько нужно.

Отец. Хорошо бы так, да нельзя, пришлют солдат.

Ванька. Зачем их пришлют?

Отец. А затем, чтобы стрелять в тех людей.

Ванька. Вот чудно! И что же их за это в тюрьму не посадят?

Отец. Какое в тюрьму, их еще наградят за это.

Ванька. Вот чудно! Когда на празднике Петруха Гавриле голову в кровь расшиб, его за это на пять лет в тюрьму посадили, а солдат за то, что людей насмерть убивать будут, награждать будут? Чудно !.. Зачем же солдаты стреляют по людям?

Отец. А офицеры велят. Так и с Михайлой будет.

Ванька. Что же и Михайла также по нас

стрелять будет?

Отец. И Михайла, как и все солдаты.

Ванька. Так зачем же Михайла идет в солдаты?

Отец. А затем, что если не пойдет, то придут другие солдаты и заставят его идти.

Ванька. Что же другие солдаты богатые люди?

Отец. Какие богатые! Все такие же бедняки, как и наш Михайла.

Ванька. Так зачем же они помогают богатым, а не бедным?

Отец. А затем, что если не будут слушаться, так их всех либо в острог посадят, либо перестреляют.

Ванька. Кто же их перестреляет, офицеры?

Отец. Нет, другие солдаты.

Ванька. Да ведь другие солдаты такие же бедняки, как и они?

Отец. А то кто же? Такие же.

Ванька. Ну, а если они офицеров не послушают, что же тогда будет?

Отец. Да тогда... Да тогда...

Ванька. Тогда, значит, никто в солдаты не пойдет, солдат не будет, и кому нужна земля,

тот на ней работать и кормиться будет, и не будут больше люди убивать друг друга и всем будет хорошо.

Отец (*задумывается*). Однако малый-то, пожалуй, и верно рассудил.

**** [ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР]**

Иеромонах Илиодор, опустив голову и закрыв глаза, сидел во время службы в алтаре скитской церкви. Сейчас ему надо будет встать, подойти к престолу, стать лицом к царским дверям и сделать руками известное движение, произнести известные слова и потом подойти к алтарю, взять в руки серебряную золоченую чашу и начать совершать таинство причащения телом и кровью Христа бога. Прошло уже три с половиной года с тех пор, как он, князь Иван Тверской, перестал быть князем Тверским и отставным гвардии полковником, а стал смиренным иноком Илиодором, и никогда еще не было с ним того, что было сейчас.

Первые после пострижения три года его жизни в уединенной келье в лесу, жизни, во время которой он виделся только с старцем руководителем и с сестрой, раз в год приез-

жавшей к нему, и братиею в церкви, с которой он не имел никаких сношений, жизнь его была сплошной восторг. Всё большее и большее сознание в своей душе бога по мере всё большего и большего освобождения себя от страстей тела давало ему полное удовлетворение. И беседы с древним, кротким, простодушным и глубоко-религиозным старцем, и чтение священных книг, пророчеств, евангелий, посланий и особенно близкого его сердцу послания Павла и одинокая молитва не только по определенным временам, но постоянное молитвенное настроение: памятование о временности телесной жизни и о сознании в себе бога, давали ему не только удовлетворение, но сознание свободы от уз тела и радость, доходящую до восторга. – Так это продолжалось почти три года. Но в конце этих трех лет с ним случилось то, что вместе с этими минутами, часами, днями восторга стали повторяться и минуты, и часы, и дни упадка духа, слабости, уныния. Илиодор сообщил об этом старцу, и старец посоветовал – а совет старца был для Илиодора повелением – служить в церкви по очереди с братьею и прини-

мать приходящих. Про отца Илиодора уже давно говорили те, кто посещали монастырь, и как только стало известно, что он принимает, посетители осадили его. В первое время и сознание послушания старцу, и той пользы, которую он мог принести людям, и той физической усталости, которую он испытывал при исполнении всех новых, возникших для него обязанностей, совершенно избавили его от тех часов и дней уныния, которые он прежде испытывал. Ему приятна бывала и самая телесная и душевная усталость, которую он испытывал, исполняя все возлагавшиеся на него обязанности. Служение еженедельное в церкви, которое советовал старец, тоже возбuditельно действовало на него.

Сейчас, сидя в алтаре в кресле и ожидая своего времени, он, как это всегда бывает, совершенно неожиданно и неуместно думал о том разговоре, который у него был нынче утром с посетительницей-исповедницей. Старая девица, институтская классная дама, очевидно восторженно преданная ему, говорила ему о том великом добре, которое он делает людям своей жизнью и своими поучениями,

и что ее он спас от неверия, гибели. Когда она утром говорила это ему, он не обратил внимания на эти слова. Сейчас же он по случаю молитвы.....[31] вспомнил о них и ужаснулся на то, как они польстили, порадовали его, понял, насколько эта похвала, насколько вообще слава людская еще важна, дорога для него. И вспомнив о словах этой женщины, он вспомнил и о том, что ему говорил льстивый казначей, о том удовольствии, которое он испытал, когда добродушный старец, поговорив о тех посетителях, которые ходят к нему, к Илиодору, улыбаясь сказал ему, что он теперь еще веселей помрет, зная, что есть ему заместитель. Вспомнил раз за разом случаи, где он, забывая душу и бога, весь отдавался славе людской. И он ужаснулся и стал молиться, прося бога помочь ему. И подумал, что сейчас избавит его от этого соблазна та важная минута совершения таинства, которая предлежала ему. И вдруг, о ужас, он совершенно неожиданно, ничем не подготовленный, почувствовал, что то, что он будет совершать, не поможет, не может помочь ему. Он вспомнил, как в прежнее время совершение этого

таинства, когда он причащался у старца, возвышало его, и как теперь, когда он сам совершал его, как он был равнодушен – да, совершенно равнодушен – к этому.

– «Да ведь я сам причащусь, соединюсь с ним. Да кабы духом соединиться. А ведь это одна внешность...» И ужас охватил его. Он усумнился. И, усумнившись, понял, что в этом деле не было середины: или это точно великое таинство, или это – ужасный, отвратительный обман. Он всё забыл и, мучительно страдая, старался не думать – и думал, и, думая, забыл, где он и что предстоит ему. Отец Евмений подошел к нему и напомнил, что время.

Илиодор встал во весь свой высокий рост и, не понимая в первую минуту, где он и что с ним, подошел к алтарю и, услышав пение, опомнился настолько, что вспомнил, чего от него ждут и что надо делать. И он начал делать то, что надо было делать, и что он так часто делал. Но делая и чем дальше он делал, тем ему мучительнее становилось. Он говорил себе, что, может быть, совершение таинства избавит его от соблазна славы людской,

а между тем то, что он теперь отрывался от своих мыслей и молитвы, он отрывался для того, чтобы сделать то, чего требует от него не бог, а люди. И выходило то, что совершение таинства было тоже действие во имя славы людской. И он вспомнил о том, как он вырезал из просфоры кусочки хлеба, вспомнил и о вкусе вина, которое он влил в чашу. И между тем он делал с внешним видом уважения и торжественности то, чему он в эту минуту не приписывал уже должного уважения и торжественности. И он всё больше и больше презирал себя и то, что он делал. Однако он докончил всё до конца и [спрашивал], как звать, и младенцев и взрослых. Вернувшись в царские двери в алтарь, допил чашу и поставил ее.

– Или вам не по себе, батюшка? – сказал Евмений.

– Да, что-то, да, да, нездоровится, – солгал он.

[32] Многие, заметив его волнение, приписывали это особому, сверхъестественному религиозному настроению. Поклонницы его толпились у его кельи. Но он никого не при-

нял и заперся в своей келье.

II

В этот же день Илиодор побывал у старца и, вернувшись в келью, безвыходно пробыл в ней 12 дней. Рыжий Митрий приносил ему трапезы обед и ужин и всё съедал сам. Илиодор ничего не ел и питался во все эти дни просвирами и водой. Митрий слышал его вздохи, его плач и его громкую молитву.

ДНЕВНИК ИЛИОДОРА

15 сент. 1902 г. Да, всё кончено. Нет выхода, нет спасения. Главное, нет бога – того бога, которому я служил, которому отдал свою жизнь, которого умолял открыться мне, который мог бы слышать меня. Нет и нет его.

** ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ «УБИЙЦЫ»

Не могу молчать и не могу и не могу. Никто не слушает того, что я кричу, о чем умоляю людей, но я все-таки не перестану и не перестану обличать, кричать, умолять всё об одном и том же до последней минуты моей жизни, которой так немного осталось. Умирая, буду умолять о том же. О том же пишу в другой форме, только чтобы хоть как-нибудь дать

выход тому смешанному мучительному чувству: сострадания, стыда, недоумения, ужаса и, страшно сказать – негодования, доходящего иногда до ненависти, – чувства, которое не могу не признавать законным, потому что знаю, что оно вызывается во мне высшею духовной силой, знаю, что я должен, как могу, как умею, выражать его.

Я поставлен в ужасное положение. Самое простое, естественное для меня было бы то, чтобы высказать злодеям, называющим себя правителями, всю их преступность, всю мерзость их, всё то отвращение, которое они вызывают теперь во всех лучших людях и которое будет в будущем общим суждением о них, как о Пугачевых, Стеньках Разиных, Маратах и т. п. Самое естественное было бы то, чтобы я высказал им это, и они, так же как они поступают со всеми обличающими их, послали [бы] ко мне своих одуренных, подкупленных служителей, которые схватили бы меня, посадили в тюрьму, потом сыграли бы надо мной ту мерзкую комедию, которая у них называется судом, потом сослали на каторгу, избавив меня от того свободного положения, которое

среди тех ужасов, которые совершаются кругом меня, так невыносимо тяжело мне.

И я делал это всё, что я мог, для того, чтобы достигнуть этой цели (может быть, если бы я участвовал в убийстве, я бы достиг этого, <но этого я не могу>): называл их царя самым отвратительным существом, бессовестным убийцей, все их законы божии и государственные – гнусными обманами, всех их министров, генералов – жалкими рабами и наемными убийцами, – всё это мне проходит даром, и я остаюсь жить среди теперешнего общества, основанного на самых гадких преступлениях, невольно чувствуя себя солидарным с ними. Ставит меня в это положение отчасти мой возраст, главное же – та пошлая известность, которая меня постигла благодаря глупым, пустым побасенкам, которыми я когда-то забавлялся и забавлял людей. В этом трагизм моего положения: они не берут и не казнят меня, а если они не казнят меня, то я мучаюсь гораздо хуже всякой казни тем положением участия в их гадостях, в котором нахожусь. Остается мне одно: всеми силами стараться заставить их вывести меня из этого

положения. Это я и делаю этим рассказом и буду делать. Буду делать тем более, что то, что может заставить их взять меня, вместе с тем и достигает другой цели: их обличения.

** КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ

1

Это было 3 июня 1906 года. Овсы зошли хорошо, всходила и гречиха. Рожь выколосилась и сбиралась цвeсть. Народ взялся за навоз. Стояла жара. Подходило к полдню. Семен Лункин свалил последние кучи на свое паровое поле, и на двоem возвращался домой, дремля на передке передней телеги. Дорога шла овсами.

– Дядя! Гей! дядя Семен! – кричал звонкий девичий голос. Семен очнулся и увидал встречные два воза с навозом и здоровую бо-сую девку в красном платке с утыканными васильками, в синей кофте и серой юбке. Девка стояла подле воза и, смеясь, окликала Семена.

– Задремал, дядя Семен? А?

– И то. А! Графена Марковна, – шутливо проговорил Семен, раскрывая глаза. – А что же Ванька-то? (Ванька был брат Аграфены, а

Аграфена была пропита, образована за Павла, сына Семена).

– В Москву, шелудивый, ушел, тоже на место поставили.

– Ну! – отозвался Семен. – Что же, велела Павлушку проведать? Соскучилась, я чай?

– Что мне твой Павлушка? Очень он мне нужен. Ну его к лешему. Сворачивай, что ль!

Девка нахмурилась и покраснела.

– Эка ты щекотлива, погладиться не дастся. Что гневаешься? Хозяин не пущает. Дай разговеемся. Он в письме пишет тебе поклон...

Семен объехал.

– Ладно, ладно!

Девка улыбнулась, и всё лицо ее рассияло.

[33]

Задняя лошадь Семенова не заворотила совсем, и заднее колесо было на дороге. Грушка зашла сзади телеги и сильным движением откинула зад вправо. Ее воз прошел.

– Что ж, я не обижаюсь, – сказала она.

– То-то, мы тебя как жалеем.

– Но, стала! – крикнула девка на свою лошадь и, быстро семеня загорелыми ногами, догнала ее.

– Ах, хороша девка! – проговорил Семен, покачивая головой.– Ох, Павлушка, мотри! Упустишь – не воротишь.

Семен отпруг на подчищенном дворе, кликнул малого и послал его с лошадьми в денное. Навоз был довожен, но работы было много. Надо было заплести плетень у огорода, надо было картошку пропахать, надо было косу отбить: сказывали, завтра к купцу косить зовут; надо было и решетнику на сарай либо купить, либо выпросить, либо так крадучи взять в лесу; надо было и письмо Павлу писать. Еще дорогой домой он передумал все эти дела и решил лошадей не трогать, заморил уж их, пускай вздохнут, и письмо трудно писать, а за косу взяться, отбить.

Аксинья собрала обедать. Семен перекрестился на икону и сел за стол со старухой матерью, девкой и малым. Похлебав щей, Семен заговорил о Павле.

2

Павел жил конторщиком в Москве на «паффемерной» (парфюмерной) фабрике, получал 18 рублей и покамест хорошо присылал; прислал и последний месяц, да обещался по-

бывать, а не приехал.

– Уж не заболтался ли? По нынешним временам того гляди. Ослаб народ.

Так толковал Семен за обедом, пережевывая хлеб и картошку. Старуха поддакивала об опасностях теперешних времен. Аксинья весело, бодро служила, присаживалась, ела и живо собирала на стол и со стола, и, радостно подмигивая глазами – а глаза у нее были[34] блестящие, умные,[35] – хвалила сына, улыбалась при одной мысли о нем и ждала от него всего только хорошего.

Разговор о сыне зашел потому, что Семен рассказал про Аграфену, с которой Пашка был образован, и говорил о том, как он думает теперь же, после Петрова, до рабочей поры, женить.

– Хорошее дело, ах, хорошее дело! – говорила Аксинья. – Что ж, пошли ему письмо. Авось приедет. Даве Матрена сказывала, видали его. Такой щеголь, говорит, ровно[36] барин.

– Что ж, – сказала старуха, отвечая не на слова, а на мысль, главное, чувства, которые, она знала, поднялись в сердце ее невестки, –

чувства нежной любви, главной радости ее жизни – Пашки. – Что ж, – как бы оправдывая Аксинью, сказала она, – малый ничего, хоть всякому отцу лестно. Не буян, не пьяница. Малый, что говорить.

Так говорила бабка и точно одобряла внука.[37]

«Ну его к лешему», – сказала Аграфена Семену. Она считала, что так нужно сказать. Но когда она одна, отпрягши лошадь, пошла с девками купаться, она не переставая думала о Пашке, вспоминая его статную фигуру, усики, веселое лицо, его выходку под гармонию и улыбку, когда он не мог удержаться от удовольствия о том, что может так плясать хорошо. Потом вспоминала, как он на Рождестве, на засидках, подошел к ней, выбрал ее из всех девок и робко и уважительно вытянутыми губами поцеловал ее.

Так думали о Павле в этот день, 15-го[38] июня, в деревне.[39] С Павлушкой же в этот день случилось, казалось бы, неважное событие, но такое, от которого изменилась вся его жизнь.

П[40]олтора года тому назад отец Павла привез его в город, поладил с евреем, хозяином парфюмерной фабрики, и, оставив ему посланные Аксиной рубахи и жилетку, сам уехал.[41]

Павел жил в деревне, руководясь в своей жизни, как живут все в молодые годы и руководствуется в жизни и огромное большинство людей до смерти, только тем, что делали все вокруг него, все его близкие. Если он отклонялся от того, что делали все, то только когда увлекался страстью, но, отклоняясь, знал, что делал дурно, так что считал хорошим то, что люди считали хорошим, и дурным то, что люди считали таковым. В деревне руководством его поведения был общий деревенский склад жизни: хорошо было не болтаться, а работать и уметь работать, не робеть ни перед чем, быть выносливым, не поддаваться в обиду, ко времени и повеселиться и выпить можно, и поругаться, и подраться, если не выдержишь. «Кто богу не грешен, царю не виноват». Если выйдет случай попользоваться от богачей – не зевать, но своего брата не обижать, а по чести. Во всяком же слу-

чае об душе и о боге помнить, мало того, что к попу ходить и молитву творить в свое время, но и нищего не отгонять, а помогать по силе, по мочи.

Пока молод – веселись, не грех, но не во-руй, не распутничай, не напивайся без време-ни, а, главное, дело понимай и стариков слу-шай... Таковы были требования деревни и определения хорошего и дурного. И Павлуш-ка держался их, не разбирая их. Но и в дерев-не, отдаваясь требованиям окружающих, он по книгам, которые он любил читать и читал, понимал, что есть какая-то другая жизнь, предъявляющая свои какие-то другие требо-вания. Но в чем они состояли, он не мог по-нять, и эта смутно интересовало его. Читая всё, что попадало ему, он ждал ответа на этот вопрос, но читанные им книги не давали это-го ответа.

Слышал он еще в школе похвалы признан-ным лучшим русским писателям, от Пушки-на и до Чехова, и где мог доставал и читал их и, прочитывая их, испытывал странное чув-ство недоумения и внутреннего разлада. Один голос робко говорил ему, что тут ничего

нет такого важного, главного, объясняющего ему смутного недоумения о том, зачем попы учат тому, что так странно, зачем господа богато живут, не работают,[42] а у соседа Шитняка пала последняя лошадь и в щи покрошить нечего. Но все эти недоумения были смутны, и уж не в глубине души, а громко, явно говорил голос, что, видно, так надо и что недоумение оттого, что я не знаю, не понимаю, как не понимаю катехизис, который учил в школе.[43]

4

Но в Москве очень скоро это успокоение его разрушилось, и вопросы о том, почему сложилась жизнь людей так, что одни люди покупают по три рубля духи, а другие ходят днями не евши, а в церквах звонят колокола и блестят золотом иконы и парчовые ризы, всё чаще и чаще стали приходить.[44]

То, что это так было потому, что так было угодно богу, как толковал это священник, не могло быть правда, – он чувствовал это всей душой, а то, чтобы это было просто оттого, что богачи были «сволочи», как говорили это пьющие товарищи, он тоже не мог согла-

шаться. Это было слишком просто. Должно было быть более ясное и разумное объяснение, и его-то он и искал. Но мало того, что он искал его, он смутно боялся этого решения, потому что чуял, что решение это, если оно есть, перевернет всю его жизнь.

Вся жизнь, окружавшая его, представилась ему огромной, сложной загадкой, и разгадка этой загадки сделалась для него постоянно тревожившим его вопросом жизни. И отец и мать (он ее больше всех любил) и Аграфена, невеста, и домашнее хозяйство – всё это занимало его, но всё это было каплей в море в сравнении с тем главным интересом – разгадывания[45] загадки жизни.[46]

Внешняя жизнь его шла, как обыкновенно идет жизнь всех в людях живущих рабочих. Жил он на квартире с земляком. В восьмом часу приходил в контору, садился за счета, внося их в книгу, и за написание накладных и расписок в получении и т. п. Обедал, отдыхал, садился опять за работу, потом уходил домой, читал, писал стихи, очень плохие, но не знал, что они плохие. По праздникам, когда контора была заперта, ходил <в читаль-

ню>, в зоологический сад, иногда в театр. Одевался чисто, любил это, но отцу все-таки посылал больше половины заработка.[47]

Один раз, в субботу вечером, когда он вместе с товарищем по конторе, Николаем Аносовым, выходил из конторы, Аносов сказал ему:

– Вот ты охотник до книг, а читал «Царь-го-лод»?

Павел сказал, что не читал.

– Так вот, заходи, у меня есть; пожалуй, дам.

Павел взял книжки и всю ночь читал их. Перед утром заснул. Проснувшись, хотел по привычке перекреститься, но вспомнил то, что он прочел, улыбнулся сам с собой и стал повторять в себе то, что он прочел и что было началом разгадки той загадки, которая так неотвязчиво мучала его.

5

Вскоре после этого Аносов[48] ввел Павла в союз рабочих, где Павел познакомился с целями их деятельности. Мало того, что ясно было признано и доказано умными учеными людьми, что существующее устройство жизни нехорошо, несправедливо, возмутительно,

было найдено средство исправить всё, и мало того: дана возможность участия в этом исправлении.

И Павел весь отдался этому делу. Он перечитал все книги: и «Хитрую механику», и Кропоткина, и Реклю.[49]

И в душе Павла всё переменялось. В сущности, было то же, что было в деревне. Разница была только в том, что там он руководился тем пониманием жизни, которое там было обще всем, теперь он руководился тем, которое здесь было обще окружавшим его. Еще разница была в том, что там он не радовался на себя, не был доволен собою; здесь же он не мог не радоваться на себя и не быть довольным. Но зато там он не испытывал недобрых чувств к людям, даже приказчика, оштрафовавшего его отца за лес, он не ненавидел, а признавал, что тот сделал то, что по его должности нужно, и не ставил себя на место барчука, пролетавшего мимо него на велосипеде, — почему-то считая, что так это должно быть. Теперь же он не мог не спрашивать себя, почему не он едет с этой дамой на рысаке, а тот, с усиками кверху, и чувствовал недоб-

рое чувство к этому господину с усиками. Третье было то, что там он ничего не ожидал от всей жизни, а всё только от себя, здесь же была надежда, даже уверенность, что всё это вот-вот переменится, и в этой перемене он будет одним из участников, пожалуй, что и главным: были же руководители из рабочих.

6

Так жил он до 15-го июня, всё дальше и дальше погружаясь в эти мысли и чувства и всё больше и больше забывая о деревне и Аграфене.

Целомудрен он был и в деревне, также воздержан он был и здесь, весь поглощенный мыслью о революции. В деревне он был целомудрен, потому что считалось дурным распутничать.[50] Когда при прощании Аграфена сказала ему: «Теперь забудешь меня с московскими кралями», он сказал: «Буде язык чесать попустому; сказал – тебя одну люблю, тебя и буду любить». Теперь в Москве он, вспоминая это, улыбался сам на себя, и ему странно было любить безграмотную Грушку. Он думал теперь о духовной связи с интеллигентной женщиной и ради этой связи и революционного

дела хотел быть и был целомудрен.

15-го июня Павел, уходя вечером из конторы, натолкнулся на улице на бывшего товарища по конторе и товарища по фракции рабочей организации, членом которой уже с нового [года] состоял Павел, Николая Аносова, веселого, разбитного парня, считавшегося очень умным, начитанным и смелым товарищем. Первым словом Аносова было:

– Я к тебе, Паша. В контору не хотел идти. Ну его, эксплуататора, еврея. А до тебя дело и важное и хорошее.

Павел пошел с ним, и дорогой Аносов рассказал Павлу, что в их фракции (он с особенным удовольствием пользовался всяким случаем говорить такие слова) решено для покупки типографии – а типография нужна для пропаганды – делать экспроприации. И в этом должны участвовать все сознательные рабочие. А так как Павел считался таким сознательным членом партии, то он предлагал ему с ним вместе сейчас же идти в комитет рабочей ассоциации, где будет решено, как и где совершить экспроприацию. Павел, [51] слушая Аносова, едва держался от волнения и

восторга. Он думал не о том, что ему предстоит, не о том, что такое экспроприация. Он знал, что это делают. И этого было довольно. Стало быть, это хорошо. Он краснел и бледнел от восторга, слушая Аносова. Главное, самое важное было для него то, что он вступал в прямое общение с вожаками революции, что он мог участвовать в освобождении народа, мог действовать. Аносов звал его сейчас же. Но Павлуша сказал, что ему надо забежать домой по делу, но что через три четверти часа будет на Бронной.

7

Павел пошел скорым шагом домой, не чувствуя себя от восторга, что он уже член, что будет участвовать, покажет себя. И рядом с этими мыслями он подумал о том, что для того, чтобы в первый раз войти в общение с этими необыкновенными людьми, надо произвести на них хорошее впечатление. А для произведения этого впечатления нужен костюм, как он называл это. И у него был такой пиджачок небрежный, короткий и, главное, брюки, узкие, хорошо обрисовывавшие ноги, которые ему особенно нравились. Он быстро

дошел до дома, переоделся, посмотрелся в зеркало, поправил усики, причесался и большим шагом пошел на Бронную.

8

Владимир Васильевич Антипатров, бывший студент 5-го курса медицинской академии, присужденный к каторге за участие в бунте рабочих, бежавший с каторги за границу и возвратившийся в Россию под другим именем, летом 1906 года приехал в Москву, чтобы вербовать рабочих в партию социал-революционеров.[52]

История Владимира Васильевича была такая. Сын дьякона, он в семинарии еще обратил на себя внимание и начальства и товарищей необыкновенно блестящими способностями, честностью, правдивостью и большой наружной не красотой, но привлекательностью. Улыбка у него была такая заразительная, что самый серьезный, огорченный человек не мог удержаться от ответной улыбки. Родители его с большими хлопотами добыли ему место священника при условии женитьбы на дочери старичка деревенского священника. Сколько он ни убеждал отца, что он не

годится в священники, сколько ни упрашивал мать, родители сердились, обещались проклясть его. Владимир решил избавиться другим способом. Он поехал к невесте и прямо объяснился с ней, сказал, что он не верит в церковь, не имеет любви к ней, что поэтому его вступление с ней в брак и на место священника было бы подлостью, гадостью. Простая, добрая девушка сначала огорчилась, но потом была побеждена прелестью улыбки и правдивостью жениха и решила расстроить свадьбу. Всё так и сделалось. Владимир уехал из дома без копейки. Отец только больше ругал его и не позволил матери помочь сыну.

В университетском городе Владимир обратился к бывшему преподавателю семинарии, тот достал ему уроки, и Владимир, перебиваясь уроками, поступил в медицинскую академию. Тут началась его революционная деятельность. Вызвана она была преимущественно той поразительной противоположностью, которую он не мог не чувствовать не только между безумной роскошью тех семей, в которых он давал уроки (из таких семей была особенно поразительна одна, где он гото-

вил в гимназию очень глупого мальчика), но, главное, той противоположностью утонченных научных знаний и ужасного по грубости и непоколебимости суеверного невежества и его отца, дьякона, и товарищей семинаристов, и, главное, масс народа. Главным, единственным двигателем его в революционной деятельности было желание просветить народ, избавить его от того невежества, поддерживаемого церковностью, при котором он не мог не подпадать власти всех тех, кто только хотел пользоваться ею.

9

С начала своей деятельности Владимир Васильевич жил все последние 5 лет своей жизни, не имея никаких личных желаний, весь отдаваясь своему делу. Не говоря уже об удобствах жизни, о радостях женской любви, он всякую минуту был готов отдать свою свободу, жизнь во имя той цели, которую он преследовал. Он берег себя, скрывался от своих врагов, но делал это не для себя, для своей личности, а для дела, великого общего дела избавления народа от матерьяльного и духовного ига. Удобств жизни он не знал и не хотел

знать никаких. С женщинами, и с очень многими, у него были самые близкие отношения, но настолько целомудренные и деловые, что, несмотря на то, что и Юлия Кравцова и Атансон были обе влюблены в него, он, хотя и подозревал это, не позволял и самому себе сознаться в этом.

10

Теперь в Москве он жил у одного товарища, бывшего артиллерийского офицера, и у него же устраивал собрания. На последнем собрании, в начале июня, был и Павел. Речь на собрании шла о необходимости приобретения денег для покупки типографии. Аносов <бывший на собрании> веселым...

<ПАВЛУША>

Драма

ДЕЙСТВИЕ I

Небольшая комната, бедно меблированная. Стол посередине, вокруг стулья. Самовар без скатерти. В комнате хозяйки сидят у стола: 1) Аронсон, Анна Осиповна, красивая брюнетка, курсистка; 2) ее подруга Мария Ивановна Шульц, серьезная блондинка, [53] фельдшерница; 3) Разумников, бывший офицер, в рус-

ской рубашке и высоких сапогах, высокий, сильный, красивый; 4) Алмазов, Николай Гаврилович, бывший студент 5 курса медицинской академии, решительное, умное, насмешливое лицо, худой, среднего роста; 5) Шам, эстонец, плотный, молчаливый; 6) Матвеев, 22-летний крестьянин, горячий, с блестящей сильной речью.

[ЯВЛЕНИЕ 1]

Шульц (*подает стакан чая Разумникову*). Да полноте спорить. Ведь решено большинством, что экспроприация необходима.

Разумников (*горячо*). Да я не спорю, я только говорю, что как нашим правителям, если им нужны казни, надо самим вешать, а не принуждать людей чуждых, не нуждающихся...

Алмазов (*с тонкой, насмешливой улыбкой доканчивает его речь*). Так, мол, и нам, если мы хотим экспроприаций (точно как будто мы хотим), то подобает, мол, [54] и нам самим заниматься этим приятным делом, предоставив вот хоть Шаму или столь уравновешенному, практическому юноше, как тонкий дипломат Юзя (*указывая на Матвеева*), вести са-

мое дело, переписку, организацию, печатание и т. д.

Разумников. Я говорю, что риск этого дела нельзя наваливать на других.

Алмазов (*раздражаясь*). Говорить про это можно бы было, если бы ваш покорный слуга сидел бы в безопасности, а то, кажется, риск для всех один. Тут простое разделение труда.

Аронсон (*с горячностью*). Ну, вам не нравится, не делайте. А упрекать – кого же? Николая Гавриловича, который всё отдал и отдаст жизнь.

Шульц. Да будет спорить, пейте чай.

Разумников. Я высказал свое мнение, а вы делайте, как хотите.

Матвеев. Риск. Мы рады опасности. Мы жизнь готовы отдать и только рады случаю показать свою искренность. Только скажите мне, что делать. Хотя бы на верную смерть – с радостью пойду. И знаю, что Павел Бурылин такой.

Шульц (*улыбаясь*). Ну, загорелся Юзик.

Матвеев. Вы ведь не знаете, что такое наш брат мужик или фабричный, когда вдруг в темноту его ворвется свет. Надо знать эту тем-

ноту, думать, как мы думали, что эта темнота нормальна, думать, что так и надо, чтобы мужик, рабочий голодал и считал бы за милость, что ему дают работу на чужой земле или на чужом капиталистическом устройстве, и вдруг...

Алмазов (*переглядывается с Аронсон и Шульц*). Верно, верно.

Матвеев. Да, думать так, жить в гробу, и вдруг понять, что этого не должно быть, что должно быть совсем другое, что не мы, рабочие руки, должны зависеть от капитала, а капитал от нас...

Алмазов. Это всё так. Но вы хотели сказать про Бурылина...

[Вместе]:

Разумников. Он мне очень понравился.

и

Шульц. Редко симпатичный юноша.

Матвеев. Да, про Бурылина. А то, что он теперь находится именно в этом экстазе прозрения. Я вчера говорил с ним. Он весь горит. И чем больше узнаёт, тем больше ему хочется узнать. А главное – хочется делать, не гово-

ритель, а делать. На то мы и мужики...

Все смеются.

Алмазов. Понимаю, понимаю.

Аронсон. Бурылин и Аносов ждут внизу. Что ж, позвать их? Как решили?

Алмазов (*ко всем и преимущественно к Разумникову*). Как же, товарищи? Поручим это Бурылину и Аносову? И если да, то позвать их и передать.

Разумников. Я высказал свое мнение.

Аронсон. Да ведь вы знаете, что типография куплена, что нужны эти деньги, что их нет и что дело это и необходимое и спешное.

Разумников. Я высказался.

Алмазов (*обращаясь ко всем, кроме как к Разумникову*). Согласны, господа, поручить Бурылину с Аносовым экспроприировать, сколько могут, у хозяина парфюмерной фабрики? (*Все выражают согласие.*) Большинство согласно. Юзя, зовите их. (*Матвеев уходит.*)

[ЯВЛЕНИЕ 2]

[Те же без Матвеева.]

Алмазов (*к Аронсон*).[55] Какой огонь и как умен!

Аронсон. Да, ваш воспитанник. Вы хоть кого разожжете.

Шульц (к Разумникову). Я, пожалуй, и согласна с вами, но не хочется отделяться.

Шам. Надо помнить первое – дело, первее всего. Всё оставить, только дело.

Разумников. Да, но не в ущерб другим.

Шам. Зачем щерб?

ЯВЛЕНИЕ 3[56]

Те же и Аносов и Бурылин входят, здороваются со всеми за руку.

Шульц (к Павлу). Садитесь, вот сюда. (*Усаживаются. Молчание неловкое.*)

Алмазов (к Павлу). Ваш товарищ по службе, а наш по убеждениям и делу сообщил нам, что вы разделяете наши убеждения и что вы желаете содействовать нам.

Павел (*в волнении*). Я на всё, на всё готов. Я теперь понял не то, что...

Алмазов. Дайте мне договорить. Так я сказал: желаете[57] содействовать нам. Это, разумеется, для нас желательно, с нами солидарны[58] уже не сотни, а скоро тысячи рабочих, но чем больше, тем и вернее успех нашего дела, но мы должны предупредить вас, что для

успеха нужны и энергия и выдержка, осторожность, тайна, мы окружены врагами.[59]

Павел высказывает длинно, взволнованно всё, что он пережил. Как он был во мраке. Как они, мужики, ничего не понимают. Как попы их обманывают. Как он написал на это стихотворение.

Алмазов, улыбаясь, останавливает его и возвращает к делу.

Павел опять болтает лишнее о том, как ему радостно узнать настоящих людей, таких людей, которые отдают свою жизнь за друзей, за дело, великое дело уничтожения эксплуатации, деспотизма. И с такими людьми он на всё готов.

Алмазов дает поручение и спрашивает, как он думает сделать это.

Аносов (*вступает и предлагает план – рано утром войти в контору, сломать замок и уйти*). Очень просто, как пить дать. И не пахнет. А там тысяч 10 верных.

Павел. Десять не десять, а 7 должно быть.

14

Всё это было 16 июня. 17 же июня, в тот самый день, когда отец Павла встретился с

Аграфеной и Аграфена и мать Павла так любовно поминали о нем, в этот самый день ранним утром Павел вместе с Аносовым исполнял сделанное ему революционным комитетом [поручение] экспроприации своего хозяина.[60] Хозяин фабрики, крещеный еврей, Михаил Борисович Шиндель, в этот день пришел несколько раньше обыкновенного в контору, так как это был день выдачи денег рабочим. Вечер накануне 17-[го] Шиндель провел у литератора, знакомством с которым Шиндель особенно дорожил и гордился. Литератор работал в кадетской либеральной газете и любил Шинделя и как единомышленника и как приятного знакомого. На вечере был проездом один бойкий и даровитый член думы, обновленец консерватор, и вечер в очень оживленных политических спорах, в которых и Шиндель принимал участие, затянулся очень долго: речь шла о многом и, между прочим, о положении рабочих. Шиндель, как человек, имеющий дело с рабочими, отстаивал их право собираться в союзы, высказывая свои требования, и даже за мирные стачки. Он видел, что такое его, независимо от поло-

жения фабриканта, мнение нравилось и вызывало уважение, и ему это было очень приятно.

Проснувшись рано, чтобы идти в контору, он повторял в памяти вчерашний разговор и свои слова, и ему это было приятно. С такими приятными мыслями он[61] вышел из своей квартиры, соображая о том, достанет ли у него денег для расплаты с рабочими и за принятый на неделю в кредит товар. Он подходил к конторе.

– Надо будет спросить у Бурьлина (у Павла), – подумал он. И он при мысли о Бурьлине тотчас же вспомнил о том, что он говорил вчера, именно имея в виду Павла, доказывая умственное и образовательное развитие и нравственность рабочих.[62]

К удивлению его, контора была отперта.

15

Войдя в приемную, он увидел в ней Бурьлина. Это не удивило его. Поздоровавшись с ним, он снял с гвоздя ключ и хотел пройти в проходную, темную, которая вела в кабинет, как вдруг Бурьлин с странным видом решительно подбежал к нему и, схватив одной ру-

кой за борт пальто, другой вынул револьвер и наставил в грудь.

– Ключи от кассы! – взвизгнул Бурылин.

– Что, что такое?

– Ключи! Деньги!

– Бурылин, что вы? – обратился Шиндель к Павлу.

– Скорее, скорее давайте, что есть. Я знаю, там 7000...

– Ай-яй-яй! Что это? – говорил Шиндель, доставая ключи.

Не успел Шиндель отдать ключи, как из-за двери выскочил

Аносов и, тоже с револьвером, схватил за ворот Шинделя. Павел схватил ключ и, войдя в кабинет, отпер кассу, откинул крышку. Аносов держал револьвер, уставленный на Шинделя. Павел достал деньги, положил в карман.

– Молчать, а то... – сказал еще раз Аносов, задом отступая к двери. Дойдя до двери, оба вышли на двор. Павел хотел бежать, но Аносов остановил его.

– Шагом, – шепнул он ему.

Не дошли они до ворот, как Шиндель с отчаянным криком выскочил из двери и закри-

чал:

– Держи!

Тогда оба побежали, но дворник перехватил их. Аносов обратился к хозяину, направив на него револьвер. Павел же, не дав добежать, [63] столкнулся с дворником, перерезав ему дорогу. Думая испугать дворника, выстрелил раз и два через плечо дворника. Аносов подбежал.

– Стреляй ты, – сказал Павел, – я не могу, – и пустился бежать по переулку. Но навстречу бежал народ. Павел вбежал в пустой двор, но не успел оглянуться, как уже толпа людей навалилась на него и начала бить как попало.

16

– **Ч**то ж это? Что это? – говорил себе Павел, не понимая ничего, когда он, избитый, измученный, обливающийся потом, без шапки, в растерзанной одежде, сидя на заднице, локтями отклонял удары по разбитому уже, с подбитым глазом лицу, по которому его старался бить дворник соседнего дома. Опоминаться стал он только тогда, когда городовые отогнали бивший его народ и, подняв его, повели его куда-то. В голове его мель-

кали мысли то о том, зачем он не побежал в ту сторону, куда пустился Аносов, то зачем он не выстрелил в татарина-дворника, и упрекал себя за это, то вспоминалось, как он исполнил то, что обещал Владимиру Васильевичу, и что виноват в неуспехе не он, а Аносов, так долго возившийся с хозяином. Мысли эти перебивались впечатлением о боли от побоев и воспоминаниями об испуганном лице хозяйина и таком же лице татарина. Да, надо было не бояться. Взятся за гуж, надо было не мимо, а в него стрелять, думал он. Ведь не для себя, а для спасения народа делалось то, что делалось. Мелькнула мысль о доме, о матери, но мысль эта была так несообразна с тем, что было здесь, что она тотчас же забылась.

В части его заперли в отдельную клеть, а в обед перевели в большую тюрьму и оставили одного. <И он стал передумывать всё, что с ним было со вчерашнего вечера>.

17

Со вчерашнего вечера было с ним вот что. На заседании союза было решено похитить деньги с вечера с помощью Лункина и еще двоих. Для этого получены[64] были от

Лункина два револьвера, обоймы с зарядами и круглая штука – бомба.

Решено было сделать[65] это в тот же вечер, но когда Павел с Аносовым вышли из квартиры, где было заседание, он вдруг сказал:

– Нет, не могу нынче.

– Боишься?

– Я боюсь? – улыбаясь, сказал Павел. – Что другое, а я не побоюсь, только нынче не могу.

– Ну, а завтра? – сказал Аносов.

– Завтра можно.

– А коли можно, так и не нужно нам никого, а одни сделаем.

И Аносов рассказал свой план. План состоял в том, чтобы[66]

* [ЧЕРНОВОЕ НАЧАЛО
НЕОЗАГЛАВЛЕННОЙ ПЬЕСЫ]

<Дом> фасад дома, большая терраса. Два лакея: старый, Семен Петрович, и молодой, Михайла, собирают на большой обеденный стол в 10 приборов. Поденные девки две полют клумбы с цветами. Из-за угла дома выходит старик крестьянин в кафтане, хорошо обутых онучах и лаптях, снимает шапку и, не

видя никого господ, опять надевает ее.

Старый крестьянин (*обращаясь к молодому лакею*). Здорово, Миша. (*К старому лакею*.) Наше вам почтение, Семен Петрович, здорово живете.

С[емен] П[етрович]. Здорово, здорово. (*Озабоченно раскладывает салфетки*.)

М[олодой] л[акей] (*к старому*). Уж вы, Семен Петрович, потрудитесь. Я сейчас. Я сейчас. Видно, у бати дело.

С[тарый] л[акей]. Ладно, ладно. Важные ваши дела. Знаем. Ты помни, что нынче на 10 кувертов. Генеральша с детьми. Да иди, иди, что с вами делать.

(*Михаила с отцом отходят на авансцену*.)

Старый крестьянин. Что, брат, дела! Мерин-то вовсе стал. Без ног. Нынче с утра заехал на старый затон, одну полосу и ту не допахал. <Не миновать покупать.> Хотел с старухой наутро на ярманку ехать. Не миновать куплять. Возьми хоть две красненьких.

Мих[айла]. Ох, не любит он.

Старый крестьянин. Что ж станешь делать. Любит не любит. Деньги надо.

Мих[айла]. Да уж как-нибудь подъеду. Го-

сти у них нынче, некогда. Ну, да ты пойдн, тут где. Я зараз после кушанья доложу. Ну, а Марья что?

Старый крестьянин. Что Марья твоя, всё еще ходит. Даве думали бог [1 неразобр.] Акулька и за бабкой сбегала.

(Входят из сада две дев[ицы] и молодой человек. Старик идет за куст. Михаила – к столу.)

** ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ

1. О религии.
2. О войнах.
3. Об отечестве, государстве.
4. О податях.
5. Об осуждении.
6. О доброте.
7. О вознаграждении за труд.
8. О пьянстве.
9. О смертных казнях.
10. О тюрьмах.
11. Богатство.
12. Любите обижающих вас.
13. О печати.
14. Раскаяние.
15. Об искусстве.

16. О науке.
17. Суд.
18. Суд уголовного.
19. Собственность.
20. Дети.
21. Воспитание.

О РЕЛИГИИ

Мальчик. Отчего это няня нынче нарядилась и на меня надела вот новую рубашечку?

Мать. А оттого, что нынче праздник, и мы пойдем в церковь.

Мальчик. Какой праздник?

Мать. Вознесенье.

Мальчик. Что значит вознесенье?

Мать. Значит то, что господь Иисус Христос вознесся на небо.

Мальчик. Что значит вознесся?

Мать. Значит полетел.

Мальчик. Как же он полетел: на крыльях?

Мать. Не на крыльях, а просто полетел, потому что он бог, и бог всё может.

Мальчик. Ну, а куда же он полетел? Мне папа говорил, что небо только кажется, а что там нет ничего, что там звезды, и за звездами

еще звезды, и небу нет конца. Куда же он полетел?

Мать (*улыбается*). Всего нельзя понять, надо верить.

Мальчик. Чему?

Мать. Тому, что говорят старшие.

Мальчик. А ты сама мне говорила, что когда я сказал, что кто-нибудь помрет оттого, что просыпали соль, ты мне сказала, что не надо верить глупостям.

Мать. Глупостям и не надо верить.

Мальчик. А почему же я узнаю, что глупости, а что не глупости?

Мать. Потому что надо верить настоящей вере, а не глупостям.

Мальчик. А какая же настоящая вера?

Мать. Наша вера. (*Про себя.*) Кажется, я говорю глупости. (*Вслух.*) Так поди скажи папе, что мы идем, и надень шарф.

Мальчик. А после обедни будет шоколад?

О ВОЙНАХ

Карлхен Шмит – 9 лет, Петя Орлов – 10 лет и Маша Орлова – 8 лет.

Карлхен. Потому, что наша Пруссия не позволит, чтоб русские у нас отнимали землю.

Петя. А мы говорим, что эта земля наша, потому что мы ее завоевали прежде.

Маша. Чья наша?

Петя. Ну, ты мала, не понимаешь. Наша – значит нашего государства.

Карлхен. Все люди так живут, что одни принадлежат одному государству, другие другому.

Маша. Кому я принадлежу?[67]

Петя. Так же, как и все, – России.

Маша. А коли я не хочу?

Петя. Да это уж ты хочешь, не хочешь, ты все-таки русская. У каждого народа свои царь, король.

Карлхен (*вставляя*). Парламент...

Петя. У каждого свое войско, каждый собирает от своих подати.

Маша. Зачем же так врозь?

Петя. Как зачем? Затем, что каждое государство особо.

Маша. Да зачем врозь?

Карлхен. Как зачем? Затем, что каждый человек любит свое отечество.

Маша. Не понимаю, зачем врозь. Разве не лучше всем вместе?

Петя. Это играть в игрушки лучше вместе, а это не игрушки, а важные дела.

Маша. Не понимаю.

Карлхен. Вырастешь – поймешь.

Маша. Так не хочу и вырастать.

Петя. Маленькая, а уж упрямая, как все они.

ОБ ОТЕЧЕСТВЕ, ГОСУДАРСТВЕ

Гаврила – запасный солдат, прислуга. Миша – барчук.

Гаврила. Ну, Мишенька, прощайте, милый барин. Теперь уж приведет ли бог повидаться.

Миша. Так ты и точно уходишь?

Гаврила. Да как же? Война опять. А я запасный.

Миша. С кем же война? Кто с кем воюет?

Гаврила. Да бог их знает. И не разберешь. Я хоть и читал в газетах, да не пойму досконально. Сказывают, австрияк на нашего обиделся за то, что он тех, как бишь их, в чем-то уважил...

Миша. Ты-то зачем идешь? Ну, цари поссорились, пускай они и дерутся.

Гаврила. А то как же? За царя, отечество, веру православную.

Миша. Да ведь тебе не хочется идти?

Гаврила. Кому же хочется. Жену, детей побросать. Да и самому разве охота после жисти хорошей.

Миша. Так зачем же ты идешь? Ты скажи, что «не хочу», и не иди. Что же они тебе сделают?

Гаврила (*смеется*). Что сделают? Силой потащут.

Миша. А кто же тебя потащит?

Гаврила. Да такие же вот, как я, подневольные люди.

Миша. Зачем же они тебя потащат? Ведь они такие же, как ты.

Гаврила. А то начальство. Велят и потащут.

Миша. А если они не захотят?

Гаврила. Нельзя.

Миша. Отчего нельзя?

Гаврила. Оттого... оттого, что такого закона нет.

Миша. Какой закон?

Гаврила. И чудно вы говорите! С вами заболтаешься. Пойти на последках самовар поставить.

О ПОДАТЯХ

Старшина и Грушка.

(Старшина входит в бедную избу. Никого нет, кроме 7-летней Грушки. Оглядывается.)

Старшина. Али нет никого?

Грушка. Мамка ушла за коровой, а Федька на барском дворе.

Старшина. Ну, так скажи мамке, что старшина, мол, заходил. Скажи, в третий раз поминаю, велел, скажи, непременно принести к воскресенью подати, а то корову сведу.

Грушка. Как корову сведешь? Ты разве вор? А мы не дадим.

Старшина *(улыбается)*. Вишь, шустрая девочка какая. Как звать?

Грушка. Грушка.

Старшина. Ай, Грушка, молодец. Так ты слухай, так и скажи матери, что я хоть и не вор, а корову сведу.

Грушка. Зачем же ты корову сведешь, коли ты не вор?

Старшина. А затем, что положено, то плати. За подати сведу.

Грушка. Какие такие подати?

Старшина. Эка девчонка, зелье. Что подати? А такие, что от царя положено, чтобы платил народ.

Грушка. Кому?

Старшина. Известно кому. Царю. А уж там рассудят кому.

Грушка. Разве он бедный? Мы бедные. Царь богатый. Зачем же у нас брать?

Старшина. Он не себе. Он на нас же, дураков, на наши нужды, на начальство, на войску, на ученье. Нам же на пользу.

Грушка. Какая же нам польза, что корову сведешь? Это не польза.

Старшина. Вырастешь, поймешь. Так смотри, скажи мамке.

Грушка. Не стану говорить глупости. Что вам с царем нужно, делайте сами, а что нам нужно, мы сами себе сделаем.

Старшина. И яд же девка будет, дай вырастет.

ОСУЖДЕНИЕ

Митя – 10 лет, Илюша – 9 лет, Соня – 6 лет.

Митя. Я говорю Петру Семенычу, что можно себя так приучить, чтоб не нужно было одеваться. А он говорит: нельзя. А я ему го-

ворю, что мне Михаил Иванович говорил, что мы приучили же лицо так, что не холодно. Так можно и всё тело приучить. Дурак, говорит, твой Михаил Иванович. *(Смеется.)* А Михаил Иванович[68] мне только вчера говорил: много, говорит, врет ваш П[етр] С[еменыч]. Ну, говорит, дуракам закон не писан. *(Смеется.)*

Илюша. Я бы ему так и сказал: вы его, а он вас.

Митя. Нет, сурьезно, я так и не знаю, кто из них дурак.

Соня. Оба дураки. Кто кого дураком ругает, тот и дурак.

Илюша. А ты обоих обругала. Стало быть, ты самая дура и есть.

Митя. Нет, мне то не нравится, что друг про дружку так говорят, а в лицо не скажут. Я вырасту большой, так не буду делать. Что думаю, то и буду говорить.

Илюша. И я тоже.

Соня. А я по-своему буду.

Митя. Как по-своему?

Соня. Да так. Когда захочу – скажу, а не захочу – не скажу.

Илюша. Вот и вышла дура.

Соня. А ты сказал, не будешь ругать.

Илюша. Да я не за глаза.[69]

О ДОБРОТЕ

Дети: Маша и Миша, перед домом строят для кукол шалаш.

Миша (*с сердцем на Машу*). Да не то. Ту палку тащи. Непонятная!

Старуха (*выходит на крыльцо, крестится и приговаривает*). Спаси ее Христос! Вот душа ангельская. Всех жалеет.

(*Дети перестают играть, смотрят на старуху.*)

Миша. Ты о ком?

Старуха. Об матушке об вашей. Помнит бога. Нас, бедных, жалеет. Вот и юбку дала, и чайку, и деньжонок. Спаси ее господи, царица небесная. Не так, как тот нехристь. «Много вас, говорит, шляется». И собаки такие же злые. Насилу ушла.

Маша. Это кто же?

Старуха. Да напротив винополки. Ох, недобрый барин. Ну да бог с ним. Спасибо ей, голубушке, наградила, утешила горемычную. И как бы жить нам, кабы таких людей не бы-

ло. (Плачет.)

Маша (к Мише). Какая она добрая.

Старуха. Вырастете, детки, также не остав-
ляйте бедноту. И вас бог не оставит. (Старуха
уходит.)

Миша. Какая она жалкая.

Маша. А я рада, что мама ей дала.

Миша. А я не знаю, отчего не давать, когда
есть. Нам не нужно, а ей нужно.

Маша. Ты помнишь, как Иоанн Креститель
говорил: у кого две одежды, отдай одну.

Миша. Да, когда вырасту, я всё буду отда-
вать.

Маша. Всё нельзя.

Миша. Отчего нельзя?

Маша. А сам как же?

Миша. А мне всё равно. Надо быть всегда
добрым. И всем хорошо будет.

И Миша бросил играть и пошел в детскую,
оторвал от тетради листок и написал что-то в
него и положил в карман.

В листке было написано:

«НАДА БУТЬ ДОБРУМ».

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ

Отец и Катя – 9 лет и Федя – 8 лет.

Катя. Папа, [у] нас салазки сломались. Ты не можешь починить?

Отец. Не могу, голубчик. Не умею. Надо Прохору отдать, он вам починит.

Катя. Да мы были на дворне. Он говорит, ему некогда. Он ворота делает.

Отец. Ну, что же делать, подождите.

Федя. А ты, папа, совсем не умеешь?

Отец (улыбаясь). Совсем не умею, дружок.

Федя. Ты и ничего не умеешь?

Отец (смеется). Нет, кое-что умею. А того, что Прохор умеет, того не умею.

Федя. А самовары делать, как Василий, умеешь?

Отец. Тоже не умею.

Федя. А лошадей закладывать?

Отец. Тоже не умею.

Федя. А я думаю, отчего мы ничего не умеем делать, а они всё для нас делают. Разве это хорошо?

Отец. Каждому свое. Ты вот учись и узнаешь, что кому нужно уметь делать.

Федя. Разве нам не нужно и уметь кушанье готовить и лошадей закладывать?

Отец. Есть вещи нужнее этого.

Федя. Да, я знаю: чтобы быть добрым, чтобы не сердиться, не браниться. Да ведь можно и кушанье готовить, и лошадей закладывать, и быть добрым? Правда, ведь можно?

Отец. Разумеется, можно. Погоди, вырастешь, тогда поймешь.

Федя. А коли я не вырасту?

Отец. Какие ты глупости говоришь.

Катя. Так можно Прохору сказать?

Отец. Можно, можно. Подите к Прохору, скажите, что я велел.

О ПЬЯНСТВЕ

Вечер. Осень.

Макарка 12 лет и Марфутка 8 лет выходят из дома на улицу. Марфутка плачет. Павлушка 10 лет стоит на крыльце в соседнем доме.

Павлушка. Куда вас нелегкая несет, ночное дело?

Макарка. Опять закурил.

Павлушка. Дядя Прохор?

Макарка. А то кто ж?

Марфутка. Мамку бьет...

Макарка. И не пойду. Он и меня исколотит.

(Садится у порога.) Тут и ночевать буду. Не пойду.

(Марфутка плачет.)

Павлушка (на Марфутку)[70]. Ну, буде. Ничего. Что же делать? Буде.

Марфутка (сквозь слезы). Кабы я царь была, я бы тех исколотила, кто ему водку дает. Никому бы не велела эту водку держать.

Павлушка.[71] Как не так? Царь сам водкой торгует. Он только другим не велит, чтобы ему убытка не было.

Макарка.[72] Вре.

Павлушка.[73] Вот те и «вре». Поди спроси. За что Акулину в тюрьму посадили? А за то, что не торгуй вином, нам убытка не делай.

Макарка. Разве за это? Сказывали, она что-то против закону.

Павлушка. То и против закону, что вином торговала.

Марфутка. Я бы и ей не велела. Всё это вино. То ничего, а то бьет не судом всех.

Макарка (к Павлушке). Чудно ты говоришь. Спрошу завтра у учителя. Ему нельзя не знать.

Павлушка. Ну и спроси.

На другое утро Прохор, отец Макарки, выспавшись, ушел опохмеляться. Мать Макарки с распухшим, подбитым глазом месила хлеба. Макарка пошел в школу. Ребята еще не собрались. Учитель сидел на крылечке и курил, пропуская ребят в школу.

Макарка (*подходя к учителю*). А скажите, Евгений Семеныч, правду это мне вчера один человек сказывал, что царь вином торгует, и Акулину в тюрьму посадил за это самое.

Учитель. И ты глупо спрашиваешь, и дурак тот, кто говорил тебе: царь ничем не торгует. На то он царь. А что Акулину подвергли тюремному заключению, так это за то, что она беспатентно торговала вином, следовательно, казне убыток делала.

Макарка. Почему убыток?

Учитель. Потому что на вино наложен акциз. Ведро на заводе стоит..., [74] а в продаже.... [75] Вот этот лишек и составляет доход государству. И доход этот самый большой.... [76] миллионов.

Макарка. Стало быть, что больше пьют вино, то больше дохода.

Учитель. Известно. Не будь этого дохода, не на что бы было содержать ни войско, ни училища, ни всё то, что для вас всех нужно.

Макарка. Да если это всем нужно, так отчего же прямо бы [не] брать это на нужные дела, а зачем через вино?

Учитель. Как зачем через вино? Затем, что, значит, так положено. Ну, ребята, собрались, рассаживайтесь.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

М[арья] И[вановна] – жена профессора
(шьет).

Федя, ее сын, 9 лет (*слушает разговор отца*).

Ив[ан] В[асильевич] – военный прокурор.

Петр Петр[ович] – профессор.

И[ван] В[асильевич]. Но нельзя же отрицать опыта истории. Мы не только видели это во Франции после революции и в других исторических моментах, но мы видим это теперь у нас, что пресечение, то есть изъятие извращенных и опасных для общества членов, достигает цели.

Петр Петр[ович]. Нет, мы не можем знать

этого, знать дальнейших последствий, и это не оправдывает исключительных положений.

И[ван] В[асильевич]. Но мы тоже не имеем права предполагать, что последствия исключительных мер будут дурные и что если бы они и были дурные, чтобы причина их заключалась именно в применении исключительных мер. Это одно, другое же то, что устрашение не может не действовать на людей, потерявших всякое человеческое свойство и превратившихся в зверей. Чем же другим, кроме устрашения, можете вы подействовать на людей, как тот, который спокойно зарезал старуху и трех детей только для того, чтобы украсть 300 рублей?

Петр Петр[ович]. Но ведь я не отрицаю вообще применение смертной казни, я отрицаю исключительно военные суды, так часто применяющиеся. Если бы эти частые смертные казни производили только устрашение, но вместе с устрашением они производят и развращение: приучают людей к равнодушию, к убийству себе подобных.

Ив[ан] В[асильевич]. Опять мы не знаем

дальнейших последствий, а зная благотворность...

Петр Петр[ович]. Благотворность?!

Ив[ан] В[асильевич]. Да, благотворность ближайших, не имеем права отрицать ее. Как же может общество не воздавать по делам его такому злодею, как...

Петр Петр[ович]. То есть что общество должно мстить?

Ив[ан] В[асильевич]. Не мстить, а, напротив, заменять личную месть общественным возмездием.

Петр Петр[ович]. Да, но тогда оно должно происходить в раз навсегда определенных законом формах, а не в исключительных положениях.

Ив[ан] В[асильевич]. Возмездие общественное заменяет ту месть случайную, преувеличенную, незаконную, часто необоснованную, ошибочную, которую могло бы употребить частное лицо.

Петр Петр[ович] (*горячась*). Что же, по вашему мнению, это возмездие применяется теперь всегда не случайно, всегда обоснованно, всегда безошибочно? Нет, никогда не согла-

шусь. Никакие ваши доводы не могут убедить ни меня, ни кого бы то ни было, что эти исключительные положения, при которых казнены тысячи, и казни всё продолжают, — чтобы это было и разумно, и законно, и благотворно. *(Встает и ходит в волнении.)*

Федя *(к матери)*. Мама, о чем папа спорит?

М[арья] И[вановна]. О том, что папа думает, что нехорошо, что так много смертных казней.

Федя. Как, что до смерти убивают?

М[арья] И[вановна]. Да. Он думает, что не надо этого делать так часто.

Федя *(подходит к отцу)*. Папа, отчего же в десяти заповедях сказано: не убивать? Стало быть, совсем не надо?

Петр Петр[ович] *(улыбаясь)*. Это сказано не про то, про что мы говорим, а про то, чтобы одни люди не убивали других.

Федя. Да ведь если казнят, то убивают все-таки люди?

Петр Петр[ович]. Разумеется, но надо понимать, почему и когда можно.

Федя. Когда же можно?

Петр Петр[ович]. Ну, как тебе сказать? Ну

война, ну злодей всех убивает. Как же его так и оставить и не наказывать?

Федя. А как же в евангелии сказано, чтобы всех любить, всех прощать.

Петр Петр[ович]. Хорошо бы было, если бы можно было так. Да нельзя.

Федя. Отчего нельзя?

Петр Петр[ович]. А от того. *(Обращается к Ив[ану] В[асильевичу], который улыбается, слушая Федю.)* Так вот я, почтенный Ив[ан] В[асильевич], и не могу признать пользы исключительных положений и военных судов.

О ТЮРЬМАХ

Семка 13 лет. Аксютка 10 лет, Митька 10 лет, Палашка 9 лет, Ванька 8 лет. *(Набравши грибов, сидят у колодца.)*

Аксютка. И уж как убивалась тетка Матрена. А ребята – один заголосит, все зальются, зальются.

Ванька. Чего же они ревут?

Палашка. Чего ревут? Отца в острог ведут. Кому ж реветь.

Ванька. За что в острог?

Аксютка. А кто их знает. Пришли, собирайся, говорят, взяли, повели. Нам всё видать...

Семка. За то и ведут, что лошадей не уводят. У Демкина свел, у Краснова тоже их работа. Не миновал их рук и наш мерин. Что ж его по головке гладить?

Аксютка. Да что и говорить, только ребят жалко. Четверо ведь их. А беднота – хлеба нет. Нынче к нам приходили.

Семка. А не воруй.

Митька. Да ведь он воровал, а не ребята. Им-то что же, по миру идти?

Семка. А не воруй:

Митька. Да ведь не ребята, а он.

Семка. Эка заладил: «ребята, ребята». Зачем же он худо делает? Что ж, оттого, что много ребят, так ему и воровать?

Ванька. А что ж с ним там в остроге делать будут?

Аксютка. Будет сидеть, да и всё.

Ванька. А кормить будут?

Семка. То-то они не боятся, конокрады проклятые. Что ему острог. На всем готовом, сиди, посиживай. Кабы я царь был, я бы знал, как с этими конокрадами обойтись. Я бы их отучил. А то ему что. Сидит, посиживает с такими же молодцами. Друг друга научают, как

лучше воровать. Дед сказывал, что Петруха совсем хороший был малый, а как раз побывал в остроге, такой отпетый оттелева вышел, что беда. С тех пор и начал...

Ванька. Так зачем их сажают?

Семка. А вот ты спроси.

Аксютка. Его посадят на готовый на хлеб...

Семка (*вставляет*). Чтоб он лучше обучился.

Аксютка. А ребята с мамкой помирай с голоду. Соседи ведь, жалко. Что с ними станешь делать? Придут хлеба просить, нельзя не дать.

Ванька. Так зачем же их сажают?

Семка. А что ж с ними делать?

Ванька. Что? Что делать? Как-нибудь так, чтоб...

Семка. Вот то-то как-нибудь, а как – и сам не знаешь. Поумней[77] тебя думали, да не придумали.

Палашка. А я думаю, что если [бы] я была царица...

Аксютка (*смеется*). Ну, что ж ты, царица, бы сделала?

Палашка. А то бы сделала, чтоб никто не

воровал и чтоб ребята не плакали.

Аксютка. Да как же ты сделаешь?

Палашка. А так и сделала бы, чтобы всем давать всё, что нужно, чтоб никого не обижать, и чтобы всем хорошо было.

Семка. Ай царица. Да как же ты это сделаешь?

Палашка. Да так и сделаю.

Митька. Ну, а что же частый березник пройдем? Там анадьсь много девки набрали.

Семка. И то. В ход, ребята. Ты, царица, смотри, не рассыпь свои грибы, то уж очень шустра.

(Встают и уходят.)

БОГАТСТВО

Сидят на балконе за чаем хозяин, хозяйка, дочь и 6-летний Вася. Дети взрослые играют в теннис. Подходит молодой нищий.

Хозяин *(к нищему)*. Ты что?

Нищий *(кланяется)*. Известно что. Пожа- лейте безработного. Раздемши, не емши идем. В Москве были, теперь до дома пробираюсь. Помогите бедному человеку.

Хозяин. А отчего ты бедный?

Нищий. Известно отчего, от нужды.

Хозяин. Работал бы, не был бы беден.

Нищий. И рад бы работать, да работы нынче нет. Всё позакрывали.

Хозяин. Отчего же другие работают, а у тебя нет работы?

Нищий. Верьте совести, всей душой рад бы работать. Не берут. Пожалейте, барин. Второй день не емши иду.

Хозяин (*смотря в комнату, к жене*). Avez-vous de la petite monnaie? Je n'ai que des assignats[78].

Хозяйка (*к Васе*). Поди, умник, у меня в мешке на столике, подле кровати, кошелек – возьми и принеси.

(*Вася не слышит матери, смотрит, не спуская глаз с нищего.*)

Хозяйка. Вася! не слышишь? (*Дергает его за рукав.*) Вася.

Вася. Что ты, мама?

(*Хозяйка повторяет, куда идти, что взять.*)

Вася (*вскакивает*). Сейчас. (*Всё оглядывается на нищего, уходит.*)

Хозяин. Подожди, сейчас. (*Нищий отходит к стороне.*) (*К жене по-французски.*) Это ужас-

но, сколько их ходит без работы. Всё лень. Но все-таки ужасно, если он голоден.

Хозяйка. Преув[ел]ичен[ие]. Говорят, то же и за границей. Я читала, в Нью-Йорке что-то около 100 000 безработных. Хочешь еще чаю?

Хозяин. Налей послабее. *(Закуривает. Молчание.)*

(Нищий смотрит на них, покачивает головой и кашляет, очевидно обращая на себя внимание.)

(Вася прибегает с кошельком и тотчас ищет глазами нищего и, подавая кошелек матери, уставляется на него.)

Хозяин *(достает гривенник из кошелька)*. Так вот, ты, как тебя, получи.

Нищий *(снимает шапку, кланяется, берет монету)*. Благодарю, спасибо и на этом. Благодарю за то, что пожалели бедного человека.

Хозяин. Жалею, главное, о том, что не работаете. Работали бы, так не были бы бедны. Кто работает, тот не будет беден.

Нищий *(получив деньги, надевает шапку и, повернувшись, говорит)*. Это точно, что от работы будешь не богат, а горбат. *(Уходит.)*

Вася. Что это он сказал?

Хозяин. А сказал ихнюю глупую мужицкую поговорку, что от работы не будешь богат, а будешь горбат.

Вася. Что это значит?

Хозяин. А то, что будто бы от работы только сторбишься, а не разбогатеешь.

Вася. Это неправда?

Отец. Разумеется, неправда. Те, кто так, как эти, шлятся и не хотят работать, те всегда бедны. Богаты бывают только те, кто работает.

Вася. Отчего же мы не работаем, а богаты?

Мать (*смеется*). Почему же ты знаешь, что папа не работает?

Вася. Я не знаю, но ведь мы очень богаты, стало быть, папе надо ух как много работать. А разве он так много работает?

Отец. Работа работе рознь. Может, моя работа такая, что ее не всякий может работать.

Вася.[79] Какая же твоя работа?

Отец. Моя работа та, чтоб вас всех кормить, одевать, учить.

Вася. Да ведь и у него то же. За что же ему надо ходить таким жалким, а мы вот такие...

Отец (*смеется*). Вот так самородный соци-

алист.

Мать. Да, говорится: Ein Narr kann mehr fragen, als tausend Weise antworten (Всякий дурак задает такие вопросы, что и сто мудрых не ответят). Надо бы сказать: Ein Kind (не дурак, а всякий ребенок).

ЛЮБИТЕ ОБИЖАЮЩИХ ВАС

Маша 10-ти лет и Ваня 8-ми.

Маша. А я сейчас думаю: вот если бы мама вернулась сейчас и взяла бы нас с собой и мы все бы поехали сначала в пассаж, а потом к Насте. А тебе чего бы хотелось?

Ваня. Мне? Мне бы хотелось, чтобы было, как вчера.

Маша. Да что ж такого вчера было? То, что тебя Гриша побил, и потом вы с ним расплакались? Тут хорошего мало.

Ваня. А вот это самое и хорошо было. Так хорошо было, что лучше ничего не бывает. Вот этого бы мне и хотелось.

Маша. Не понимаю.

Ваня. А это вот что. Я тебе растолкую, чего мне хочется. Помнишь, как в прошлое воскресенье дяденька П. И... как я его люблю...

Маша. Кто ж его не любит. Мама говорит,

что он святой. Это и правда.

Ваня. Так помнишь – прошлое воскресенье он рассказывал историю, как одного человека все обижали, и кто больше обижал, тех он больше любил. Они его ругают, а он их хвалит. Они его бьют, а он им помогает. Дяденька говорит, что если так делать, так очень хорошо тому, кто так делает. Мне это понравилось, я и захотел так делать. И вот, когда Гриша побил меня вчера, я вспомнил это, стал его целовать, а он заплакал. И так мне стало весело. А с няней вчера я ошибся: она меня стала бранить, а я забыл, как надо, и сам нагрубил ей. И вот мне теперь хочется еще раз попробовать, как с Гришей было.

Маша. Так тебе хотелось, чтобы тебя побил кто-нибудь?

Ваня. Даже очень бы хотелось. Я бы сейчас сделал то же, что с Гришей, и сейчас же мне бы стало весело.

Маша. Вот глупости-то. Как был глуп, так и остался.

Ваня. Ну что ж, глуп так глуп, а только я знаю теперь, как надо делать, чтобы всегда [было] хорошо.

Маша. Ужасный дурак! И точно хорошо от этого бывает?

Ваня. Очень.

ПЕЧАТЬ

Классная.

Володя, гимназист 14 лет, читает, готовит уроки. Соня, 15, пишет.

Дворник (входит с тяжелой ношей за спиной, за ним Миша 8 лет). – Куда, барин, самую эту историю сложить? Все плечи оттянуло.

Володя. Да куда тебе велели?

Дворник. Вас[илий] Тим[офеевич] сказал: неси пока в классную, пока сам придет.

Володя. Ну так сюда в угол. *(Опять читает.)*

(Дворник сваливает, вздыхает.)

Соня. Это что?

Володя. «Правда», газета.

Миша. Как правда?

Соня. Как, так много?

Володя. За весь год. *(Продолжает читать.)*

Миша. Всё это писано?

Дворник. Ну и сказать, что не гуляли те, что писали.

Володя (*смеется*). Как ты сказал?

Дворник. Да как сказал. Писали, не гуляли, говорю. Так я пойду, вы скажите, что я принес. (*Уходит.*)

Соня (*к Володе*). Зачем же это папе всю газету?

Володя. Он хочет выбрать статьи Большакова.

Соня. А дядя Мих[аил] Ив[анович] говорит, что ему от Большакова тошно делается.

Володя. Ну, то дяденька Мих[аил] Ив[анович]. Он только одну «Истину для всех» читает.

Миша. А эта дяденькина «Истина» такая же большая, как эта?

Соня. Еще больше. Да ведь это за один год, а они лет по 20 выходят.

Миша. Таких 20, да еще 20.

Соня (*хочет удивить Мишу*). Это что. Это две газеты, а их выходит 30 или больше.

Володя (*не поднимая головы*). 30? 530 в России, а если взять все, что за границей, то тысячи.

Миша. В эту комнату не уложатся?

Володя. В эту комнату?! В нашу улицу не

уложатся. Ну да не мешайте мне, пожалуйста. Завтра наверное спросят, а вы с своими глупостями. *(Опять читает.)*

Миша. А я думаю, что это не надо так много писать.

Соня. Отчего не надо?

Миша. А оттого не надо, что если правда, так что ж всё одно и то же говорить, а если неправда, так не надо врать.

Соня. Вот так решил!

Миша. Зачем же они так ужасно много пишут?

Володя *(от книги)*. А без свободы печати почему узнаем, где правда.

Миша. Папа вот говорит, что в «Правде» правда, а дядя Мих[аил] Ив[анович] – что ему от «Правды» тошно делается. Как же они узнают, где правда: в «Правде» или в «Истине».

Соня. Это точно. Я думаю, что слишком много газет, журналов, книг.

Володя. Вот и видна женщина. Всегда легкомыслие.

Соня. Нет, я говорю, что оттого, что слишком много, нельзя узнать.

Володя. На это каждому ум дан, чтобы рассудить, где правда.

Миша. А если у каждого ум есть, то и может каждый сам рассудить.

Володя. Вот ты от большого ума и рассудил, но, пожалуйста, иди куда-нибудь, мне не мешай.

РАСКАЯНИЕ

Воля, 8 лет, стоит в коридоре с пустой тарелкой и плачет. Федя, 10 лет, вбегает в коридор и останавливается.

Федя. Мама велела узнать, где ты. Да ты что ж плачешь? Няне снес? *(Видит пустую тарелку – свистит.)* Где ж пирожное?

Воля. Я...я...я хотел, я... и вдруг... у, у, у, нечаянно съел.

Федя. Не донес до няни, съел? Вот так ловко. А мама думала, что ты рад снести няне.

Воля. Да я и рад... да вдруг... нечаянно... у, у, у.

Федя. Попробовал, да и съел. Ловко. *(Смеется.)*

Воля. Да, тебе... хорошо... смеяться, а как я скажу... и к няне нельзя и к маме нельзя...

Федя. Ну, брат, наделал дела... ха, ха, ха. Так

всё и съел? Да что ж плакать? Надо придумать...

Воля. Что ж я могу придумать? Что мне теперь делать?

Федя. Ну дела! *(Старается не смеяться. Молчание.)*

Воля. Что мне теперь делать? Пропал я. *(Ревет.)*

Федя. Об чем же так огорчаться. Будет реветь-то. Просто поди скажи маме, что съел.

Воля. Это еще хуже.

Федя. Ну так няне признайся.

Воля. Как я ей скажу.

Федя. Так слушай же: постой здесь, я сбегаю к няне, расскажу, она ничего.

Воля. Нет, не говори. Как я ей скажу.

Федя. Вот пустяки! Ну, ошибся, что ж делать! Я сейчас ей скажу. *(Убегает.)*

Воля. Федя, Федька. Постой. Убежал. Только попробовал, а потом и не помню как, и вот наделал, что мне теперь делать? *(Ревет.)*

(Прибегает Федя.)

Федя. Да будет реветь. Я как и говорил тебе, что няня простит. Она только и сказала: ах, мой голубчик!

Воля. Что ж, и не сердится?

Федя. И не думает. Бог с ним, с пирожным, а бы ему и так отдала.

Воля. Да ведь я нечаянно. *(Опять плачет.)*

Федя. Ну об чем же теперь? Маме не скажем, а няня простила.

Воля. Няня простила. Я знаю, что она хорошая, добрая. А я?.. Я гадкий, гадкий. Об этом и плачу.

ОБ ИСКУССТВЕ

Лакей, экономка. [80]

Лакей *(с подносом)*. Миндального молока к чаю и рому.

Экономка *(вяжет чулок и считает петли)*.
22, 23...

Лакей. Слышите, что ли, Авдотья Васильевна? А, Авдотья Васильевна!

Экономка. Слышу, слышу, сейчас. Не разорваться мне. *(К Наташе.)* Сейчас, милочка, и вам черносливцу принесу. Вот дай срок – молоко отпущу. *(Цедит молоко.)*

Лакей *(присаживается)*. Ну уж насмотрелся я. И за что только деньги платят.

Экономка. Это что же, в киятре были? Что-то долго нынче?

Лакей. Опера всегда долго. Сидишь, сидишь. Спасибо, пустили посмотреть. Чудно.

(Буфетный мужик Павел входит со сливками и останавливается слушать.)

Экономка. Пение, значит?

Лакей. Какое пение! Так, дуром горланят. И не похоже вовсе. Я, говорит, ее очень как люблю. И всё это на голос выводит, и не похоже совсем. А то повздорили, надо им драться, а они опять поют.

Экономка. А ведь, сказывают, дорого стоит абонент.

Лакей. За нашу ложу 300 рублей за 12 представлений.

Павел *(качает головой)*. 300 рублей! Кому же эти деньги-то идут?

Лакей. Известно кому: кто поет, тому и платят. Сказывают, певица в год 50 тысяч выручает.

Павел. Тут уж не до тысяч речь, а на 300 рублей в деревенском быту <чего бы надедал>, ох много денег. Другой всю жизнь бьется, не 300, а и сотни не добьется.

(Гимназистка шестого класса приходит в буфет.)

Нина. Наташа тут? Что же ты пропала, мама спрашивает.

Наташа (*жует чернослив*). Я сейчас.

Нина (*к буфетному мужику*). Что это ты говоришь: 100 рублей?

Экономка. Да рассказывал Сем[ен] так (*указывает на лакея*), как он нынче в театре пение слушал, и что как много певицам платят, так вот Павел дивится. Неужели и правда, Нина Михайловна, что певица-то 50 тысяч выручает?

Нина. Еще больше. Одну певицу пригласили в Америку, 150 тысяч дали. Да не это одно. Вчера в газетах было, что музыкант один за нготь 25 000 получил.

Павел. Мало ли что пишут. Разве это можно?

Нина (*с видимым удовольствием*). Верно я тебе говорю.

Павел. За что же, за нготь 25 тысяч?

Наташа. За что же?

Нина. А за то, что он музыкант на фортепьяно и застрахован. Так что если что-нибудь с рукой случится и нельзя играть, так ему выплачивают.

Павел. Ну, дела.

Сеничка (*гимназист 6 класса, входит*). Вот у вас какое заседание здесь. О чем это?

(*Нина рассказывает.*)

Сеничка (*еще с большим удовольствием*). Мало того, что за ноготь. В Париже танцовщица застраховала ногу за 200 000. Значит, если свихнет и не может работать.

Лакей. Это те, что, с позволенья сказать, без порток ногами работают?

Павел. Ну уж и работа, как не платить деньги!

Сеничка. Да ведь не всякий может, да и сколько лет училась.

Павел. Чему училась-то? Добру или как ногами вертеть?

Сеничка. Ну, ты не понимаешь. Искусство – великое дело.

Павел. А я думаю, пустяки одни, с жиру дурашные деньги платят. Кабы деньги так, как нам, доставались горбом, этих бы ни плясунов, ни песенниц не было бы. А то им и вся цена-то грош. Ну, да что.

Сеничка. Что значит необраз[ование]. Для него и Бетховен, и Виардо, и Рафаэль – всё

вздор.

Наташа. А я думаю, он правду говорит.

Нина. Пойдем, пойдем.

НАУКА

Два гимназиста: реалист и классик, и два близнеца, братья классика: Володя и Петруша, 8 лет.

Реалист. Зачем же мне и латинский и греческий, когда всё, что есть важного, хорошего, всё уже переведено на новые языки.

Классик. Никогда не поймешь Илиаду, если не будешь читать ее по-гречески.

Реалист. Да мне и вовсе читать ее не нужно. Да и не хочу.

Володя. А что такое Илиада?

Реалист. Сказка.

Классик. Да, но такая, какой другой нет в мире.

Петруша. Чем же она так хороша?

Реалист. Да ничем, сказка как сказка.

Классик. Да, только настоящего понимания древности никогда не достигнешь, если не будешь знать этих сказок.

Реалист. А по-моему, это такое же суеверие, как то, что называется законом Божиим.

Классик (*горячась*). Закон божий ложь и вранье, а это история и мудрость.

Володя. Разве закон божий вздор?

Классик. И что вы тут сидите. Ведь вы ничего не понимаете.

Оба (*обиженно*). Отчего же не понимаем?

Володя. Может быть, лучше вашего понимаем.

Классик. Ну, хорошо, хорошо, только не мешайтесь в разговоры, сидите смирно. (*К реалисту.*) Ты говоришь, что нет приложения к жизни древних языков, да ведь то же самое можно сказать и про бактериологию, и про химию, и про физику, и про астрономию. На что тебе знать о расстоянии звезд и их объеме и все эти никому ни на что не нужные подробности.

Реалист. Почему ненужные, очень нужные.

Классик. На что же?

Реалист. Как на что. На всё. А мореплавание?

Классик. Это и без астрономии.

Реалист. Но зато практическое приложение к земледелию, к медицине, к промыш-

ленности...

Классик. Да что же, эти самые данные прилагаются и к бомбам, и на войнах и [у] революционеров. Если бы эти знания делали бы то, чтобы люди лучше жили...

Реалист. А разве от вашей науки люди лучше делаются?

Володя. А какие науки, от каких люди лучше делаются?

Классик. Я говорил тебе, не мешайся в разговор с большими. Всё и говоришь глупости.

Володя и Петруша (*в один голос*). Ну, глупости, не глупости, а только какие науки, чтобы жить хорошо?

Реалист. Таких нет. Это сам всякий для себя делает.

Классик. Ну что ты с ними разговариваешь, ничего они не понимают.

Реалист. Нет, отчего же. Этому, Володя, Петруша, в гимназиях не учат.

Володя. А этому не учат, так и не надо учиться.

Петруша. Мы вырастем большие, не станем учиться тому, что не нужно.

Володя. А будем сами жить лучше.

Классик (*смеется*). Вот так мудрецы, рассудили.

СУД

Крестьянин, его жена и кума, Федор – сын, 19 лет, Петька – другой [сын], 9 [лет].

Отец (*входит в избу, раздевается*). Ну и погодка, насилу добрался.

Мать. Рази ближний свет. Верст, я чай, 15 будет?

Отец. И все 20. (*К сыну Федору.*) Убери поди мерина-то.

Мать. Ну что же, на нашу руку присудил?

Крестьянин. Черта с два присудил. Ничего толков нет.[81]

Кума. Да в чем, куманек, дело-то, я не разберу.

Крестьянин. А в том дело, что захватил Аверьян мой огород и владеет, а я концов не найду.

Жена. Уж 2-й год судимся.

Кума. Знаю, знаю. Как же, тогда постом-то в волости судились. Мой сказывал, тебе присудили.

Крестьянин. То-то и дело, а Аверьян земскому подал. А земский возьми да и поверни

опять всё дело назад. Я к судье. Судья мне присудил. Надо бы конец, так нет, опять ему присудили. Тоже судьи!

Жена. Ну как же теперь быть?

Крестьянин. А так же, не дам я ему своего, на вышний суд подам. Я уж и аблаката подговорил.

Кума. А ну как и в вышнем суде на его руку потянут?

Крестьянин. Еще выше подам. Хоть последнюю корову просужу, а не поддамся толстопузому дьяволу. Будет меня знать!

Кума. Ох, горе, горе суды эти. А ну как и эти ему присудят?

Крестьянин. Царю подам. Пойти сена мерину дать. *(Уходит.)*

Парень 9 лет. А коли царь присудит, тогда кому подавать?

Жена. Да уж после царя некому.

Парень 9 лет. Отчего же они так судят, одни за Аверьяна, другие за тятку?

Мать. Должно оттого, что сами не знают.

Парень 9 лет. Так зачем их и спрашивать, коли они не знают?

Жена. А затем, что никому не хочется свое-

го отдавать.

Парень 9 лет. А я, когда вырасту, так так буду делать: если поспорю с кем об чем, так кинем жребий, кому достанется. Кому выйдет – и конец. Мы так завсегда с Акулькой делаем.

Кума. А что же, кума, пожалуй что сходнее так-то, пра. Без греха.

Жена. Как есть. Что из-за этого истратили, и огород того не стоит. Ой, грехи, грехи!

СУД УГОЛОВНОГО

Ребята: Гришка 12 [лет], Семка 10 [лет], Тишка 13 [лет].

Тишка. А затем, что не залезай в чужой за-
кром. Вот посадят в тюрьму, другой раз и по-
боится.

Семка. Да хорошо, как за дело, а то дед Ми-
кита сказывал, Митрофана вовсе понапрасну
посадили.

Тишка. Как же понапрасну. Что ж, ему. кто
зря присудил, ничего не будет за это?

Гришка. Тоже по головке не погладят. Если
не по закону судить, тоже накажут.

Семка. А кто же накажет?

Тишка. А кто выше его.

Семка. А кто выше его?

Гришка. Начальство.

Семка.[82] А коли и начальство ошибется?

Гришка. На то и еще выше есть. И тех накажут. На то и царь есть.

Семка.[83] А если царь ошибется, тогда кто его накажет? Гришка. Кто накажет, кто накажет? Известно...

Тишка.[84] Бог накажет.

Семка.[85] Так ведь бог и того накажет, что корову украл.[86] Так пускай бы бог и наказывал один всех, кто виноваты. Бог уж не ошибется.

Гришка. Видно, нельзя так.

Семка.[87] Отчего?

Гришка. Оттого...

[СОБСТВЕННОСТЬ]

Старик плотник чинит перила балкона. Семилетний барчук смотрит, любуется на работу плотника.

Барчук. Как вы хорошо работаете. Вас как звать?

Плотник. Нас как звать? Звали Хролкой, а нынче уже Хролом, да еще Савичем величают.

Барчук. Как вы хорошо работаете, Хр[ол] Сав[ич].

Плотник. Работать так уж хорошо. Зачем же плохо работать?

Барчук. А у вас есть балкон?

Плотник (*смеется*). У нас! У нас, паренек, такой балкон, что этот ваш никуда не годится. У нас балкон без окон. А войдешь, иди вон. Вот какой у нас балкон.

Барчук. Вы всё шутите. Нет, точно. Я спрашиваю. Есть у вас такой балкон? Я серьезно спрашиваю.

Плотник. Эх, паренек голубчик, балкон! Какой у нашего брата балкон! Нашему брату дай бог крышу над головой. А то балкон. С весны затеял строиться. Старую сломать – сломал, а новую всё не доведу. И теперь без крыши стоит, преет.

Барчук (*удивленно*). Отчего же?

Плотник. Вот и отчего же. А оттого, что силы не хватает.

Барчук. Да как же силы не хватает. Ведь вот вы нам работаете.

Плотник. Вам-то работаю, а себе не могу.

Барчук. Отчего? Я не понимаю, растолкуй-

те мне.

Плотник. Вырастешь, молодчик, поймешь. На вас работаю, а на себя нельзя.

Барчук. Отчего?

Плотник. А оттого, что лесу надо, а его нет, купить надо. А купила-то и нет. Вот у вас поработаю, мамаша заплатит, ты ей скажи, чтобы побольше заплатила, я в роццу поеду, осин пяток на верх возьму, тогда и крышу доделаю.

Барчук. А у вас разве своего леса нет?

Плотник. У нас леса такие, что три дня иди, конца не найдешь. Одно горе – не наши.

Барчук. А вот мамаша говорит, что ее больше всего наш лес мучает, все неприятности у нее от леса.

Плотник. В том-то и беда. У мамыши неприятности оттого, что леса много, а у меня неприятность оттого, что нет его ничего. Ну, с вами разболтался, работу забыл, а нашего брата не хвалят за это. *(Берется за работу.)*

Барчук. Я, когда вырасту, сделаю так, чтобы у меня ровно со всеми, всего ровно со всеми было.

Плотник. Вырастай поскорее, а то я не до-

ждусь. Только, мотри, не забывай. И куда это я рубанок дел?

ДЕТИ

Барыня с детьми, мальчик, гимназист, 14 лет, Таничка 5 лет. Ходят в саду. К ним подходит крестьянка-старуха.

Барыня. Ты что, Матрена?

Старуха. К вашей милости.

Барыня. Да об чем?

Старуха. Да что матушка-барыня, и говорить совестно, да что поделаешь. Опять родила кумушка-то ваша. Девчонку бог дал. Приказала просить, не приведете ли в православную веру?

Барыня. Да ведь она недавно родила?

Старуха. Как сказать? Летось постом год был.

Барыня. Сколько ж у тебя внуков теперь?

Старуха. И, матушка, и не перечесть, отда-ла бы половину. И всё мал мала меньше. Беда.

Барыня. У дочери сколько?

Старуха. Седьмой, матушка-барыня, и все живы. Хоть бы прибрал бог которых.

Барыня. Что ты говоришь. Как можно так говорить.

Старуха. Да что станешь делать. И согрешишь, окаянная. Да уж нужды много. Что ж, матушка, пожалейте нас, окрестите. А то, верите богу, барыня, не то что попу заплатить, а и хлеба вволю нет. Мелкота всё. Зять в людях. А мы с бабой одни. Я старая, а она то с брюхом, то с ребенком. Какая же от нее работа. Во все дела всё я одна. А арава эта то и знает, что есть просит.

Барыня. Неужели семеро?

Старуха. Однова дыхнуть, семеро. Старшенькая только-только стала подсоблять, а то всё мелкота.

Барыня. Да отчего же это уже так много?

Старуха. Что станешь делать, матушка-барыня. Придет на побывку али на праздник. Дело молодое. А живет в городе, близко. Хоть бы куда занесло его в даль.

Барыня. Да, кто плачется, что детей нет и что умирают, а вы плачетесь, что много слишком.

Старуха. Много, много. Не под силу. Что же, матушка-барыня, обнадежить ее?

Барыня. Хорошо. Тех крестила и этого буду. Мальчик?

Старуха. Малый, да и здоровенный, не судом кричит... Когда же прикажете?

Барыня. Когда хотите.

(Старуха благодарит и уходит.)

Таничка. Мама, отчего у одних дети есть, а у других нет? У тебя есть, у Матрены есть, а у Параша нет.

Барыня. Параша не замужем. Дети рожаются, когда женятся. Женятся, станут мужем с женой, тогда рожаются.

Таничка. Всегда рожаются?

Барыня. Нет, не всегда, вот у повара жена есть, а детей у них нет.

Таничка. А нельзя сделать так, чтоб кто хочет, чтобы у него были дети, чтоб они рожались, а кто не хочет, чтоб они не рожались.

Мальчик. Какие ты глупости спрашиваешь.

Таничка. Совсем не глупости. Я думала, что если Матрениной дочери не хочется детей, так сделать так, чтоб их не было. Мама, можно так сделать?

Мальчик. Вот я и говорю, что ты глупости болтаешь, чего не знаешь.

Таничка. Мама, можно так сделать?

Барыня. Как тебе сказать. Мы этого не знаем. Это от бога.

Таничка. Да от чего дети рожаются?

Мальчик. От козла. *(Смеется.)*

Таничка *(обиженно)*. Ничего смешного нет. Я думаю, что если Матрена говорит, что им трудно от детей, то надо так сделать, чтоб они не рожались. Вот у няни нет и не было детей.

Барыня. Да ведь она девушка, не замужем.

Таничка. Так и всем, кто не любит детей, надо так. А то как же, дети родятся, а их кормить нечем.

(Барыня переглядывается с мальчиком и молчит.)

Когда вырасту большая, непременно женюсь и сделаю так, чтобы у меня была девочка и мальчик. А больше чтоб не было. А то разве хорошо, дети есть, а их не любят. Я своих зато как любить буду. Правда, мама? Я пойду к няне, у нее спрошу. *(Уходит.)*

Барыня *(сыну)*. Да, как это говорится: из уст младенцев... что то истина, истинная правда, что она говорит. Если бы люди понимали, что женитьба великое дело, а не забава, что жениться надо не для себя, а для детей, не было

бы этих ужасов, подкинутых, заброшенных детей, не было бы того, что у Матрениной дочери, что дети не радость, а горе.

ВОСПИТАНИЕ

Дворник чистит замки. Катя, 7 лет, строит домики из кирпичиков. Николай, гимназист, 15 лет, входит, швыряет книгу.

Николай. Черт их дери и с гимназией треклятой.

Дворник. А что?

Николай. Опять палку закатали. Опять история будет. Черт бы их подрал. Очень мне нужна география проклятая. Какие-то Калифорнии. На черта мне их знать.

Дворник. Да что ж они вам сделают?

Николай. Опять оставят.

Дворник. Да отчего же вы не учитесь?

Николай. Отчего? оттого, что не могу глупости учить. Эх, пропадай всё. *(Кидается на стул.)* Пойду скажу мамаше. Не могу, да и всё тут. Пускай делают, что хотят. А я не могу. А не возьмет меня из гимназии, уйду. Ей-богу, уйду.

Дворник. Куда ж уйдете-то?

Николай. Из дома уйду. Наймусь в кучера,

в дворники, всё лучше этой чертовской глупости.

Дворник. Да ведь в дворниках тоже трудно. Рано вставать, дрова колоть, носить, топить.

Николай. Фю (*свищет*). Это праздник. Дрова колоть, любимое дело. Вот удивил. Да это самое любезное дело. Нет, ты попробовай географию учить.

Дворник. Это точно. Зачем же она вам? Принуждают?

Николай. А вот ты спроси – зачем, зачем? Не зачем. Так заведено. Они думают, что без этого нельзя.

Дворник. А затем, чтобы потом служить, чины получать, жалованье, как вот папаша, дядюшка.

Николай. А коли я не хочу.

Катя. А коли он не хочет?

(*Входит мать с запиской в руке.*)

Мать. А мне директор пишет, у тебя опять единица. Этак нельзя, Николинька. Одно из двух: или учиться, или не учиться.

Николай. Разумеется, одно: не могу, не могу и не могу. Отпустите меня, ради бога. Не

могу я учиться.

Мать. Как не могу?

Николай. Так не могу, не идет мне это в голову.

Мать. Не идет потому, что ты не о том думаешь. У тебя всё глупости в голове. Ты не думай о глупостях, а думай о том, что тебе задают.

Николай. Маменька, я серьезно говорю. Пустите меня. Мне ничего не нужно, только избавьте меня от этого ужасного учения, от этой каторги. Не могу.

Мать. Что ж ты будешь делать?

Николай. Это мое дело.

Мать. Нет, это не твое дело, а мое. Я дам богу ответ за вас, я должна воспитать вас.

Николай. Да если я не могу.

Мать (*строго*). Что за глупости: не могу. Я в последний раз говорю с тобой, как мать. Прощу тебя перемениться и исполнить то, что от тебя требуют. Если же ты не слушаешь меня теперь, я должна буду принять меры.

Николай. Я вам сказал, что не могу и не хочу.

Мать. Николай, берегись.

Николай. Нечего беречься. За что вы меня мучаете? Это вы не понимаете.

Мать. Не смей говорить так. Как ты смеешь говорить. Вон отсюда! Смотри!

Николай. И уйду. Ничего не боюсь. Ничего мне от вас не нужно. *(Убегает, хлопая дверью.)*

Мать *(сама с собой)*. Ах, измучил он меня. Ведь я знаю, отчего всё это. А всё оттого, что он думает не о том, что должно, а об своих глупостях: об собаках, об курах.

Катя. Да как же, мама, помнишь, ты сама мне рассказывала, как нельзя не думать об белом медведе.

Мать. Не про то я говорю, а про то, что надо учиться, когда велят.

Катя. Да он говорит, что не может.

Мать. Он говорит пустяки.

Катя. Да ведь он не говорит, что не хочет ничего делать, он только учиться географии не хочет. А он хочет работать, хочет в кучера, в дворники.

Мать. Если бы он был дворников сын, он бы и был дворником, а [если он] сын твоего отца, то ему надо учиться.

Катя. А он [не] хочет учиться.

Мать. Мало ли чего он хочет или не хочет, надо слушаться.

Катя. А если не может?

Мать. Смотри и ты так же не делай.

Катя. А я именно так и хочу. Ни за что не стану учиться, чему не хочу.

Мать. И будешь дура.

Катя. А я, когда вырасту большая и у меня будут дети ни за что не стану их заставлять учиться. Хотят, пускай учатся а не хотят, и не надо.

Мать. Вырастешь, не будешь так делать.

Катя. Нет, непременно буду.

Мать. Не будешь, когда вырастешь.

Катя. Нет, буду, буду, буду.

Мать. Ну и будешь дура.

Катя. Няня говорит, что и дураки и дуры богу нужны.

**** ПОЧЕМУ ХРИСТИАНСКИЕ НАРОДЫ
ВООБЩЕ И В ОСОБЕННОСТИ РУССКИЙ
НАХОДЯТСЯ ТЕПЕРЬ В БЕДСТВЕННОМ
ПОЛОЖЕНИИ**

Люди мирно живут между собой и согласно действуют только тогда, когда они соеди-

нены одним и тем же мировоззрением: одинаково понимают цель и назначение своей деятельности.

Так это для семей, так это и для различных кружков людей, так это для политических партий, так это для целых сословий и так это в особенности для народов, соединенных в государство.

Люди одного народа живут более или менее мирно между собой и отстаивают дружно свои общие интересы только до тех пор, пока живут одним и тем же усвоенным и признаваемым всеми людьми народа мировоззрением. Общее людям народа мировоззрение выражается обыкновенно установившейся в народе религией.

Так это было всегда и в языческой древности, так это есть и теперь и в языческих, и магометанских народах, и с особенной ясностью в самом древнем и до сих пор продолжающем жить одной и той же мирной и согласной жизнью народе Китая.[88] Так это было и среди так называемых христианских народов. Народы эти были внутренне соединены той религией, которая носила название христи-

анской.

Религия эта представляла из себя очень неразумное и внутренне противоречивое соединение самых основных и вечных истин о жизни человеческой с самыми грубыми требованиями языческой жизни. Но как ни грубо было это соединение, оно, облакаясь в торжественные формы, долгое время отвечало нравственным и умственным требованиям европейских народов.

Но чем дальше подвигалась жизнь, чем больше просвещались народы, тем всё очевиднее и очевиднее становилось внутреннее противоречие, заключающееся в этой религии, ее неосновательность, несостоятельность и ненужность. Так это продолжалось веками и в наше время дошло до того, что религия эта держится только инерцией, никем уже не признается и не исполняет главного свойственного религии внешнего воздействия на народ: соединения людей в одном мировоззрении, одном общем всем понимании назначения и цели жизни.

Прежде религиозное учение это распалось на различные секты, и секты горячо от-

стаивали каждая свое понимание, теперь этого уже нет. Если и существуют различные секты между разными охотниками словопрений, никто уже серьезно не интересуется этими сектами. Вся масса народа – как самые ученые, так и самые неученые рабочие не верят уже не только в эту когда-[то] двигавшую людьми христианскую религию, но не верят ни в какую религию, верят, что самое понятие религии есть нечто отсталое и ненужное. Люди ученые верят в науку, в социализм, анархизм, прогресс. Люди неученые верят в обряды, в церковную службу, в воскресное неделание, но верят как в предание, приличие; но веры, как веры, соединяющей людей, движущей ими, совсем нет, или остаются исчезающие ее остатки.

Ослабление веры, замена или скорее затемнение ее суеверными обычаями и для масс и рационалистическое толкование основ веры высшими учеными классами происходит везде: и в браманизме, и в конфуцианстве, и в буддизме, и в магометанстве, но нигде нет того полного освобождения народов от религии, какое произошло и с необычно-

венной быстротой происходит в христианстве.

Затемнение основ веры суеверными толкованиями и обычаями есть общее всем религиям явление. Общие причины затемнения основ веры заключаются, во-первых, и главное, в том, что всегда именно непонимающие люди желают толковать учение и своими толкованиями извращают и ослабляют его; во-вторых, в том, что большинство ищет видимых форм проявления учения и переводит на вещественный духовный смысл учения; в-третьих, в общих всем религиям жреческих искажениях религиозных основ учений ради выгод жрецов и властвующих классов.

Все три причины эти извращения религии общи всем религиозным учениям и исказили отчасти учения браманизма, буддизма, таосизма, конфуцианства, еврейства, магометанства: но причины эти не уничтожили веру в эти учения. И народы Азии, несмотря на извращения, которым подверглись эти учения, продолжают верить в них и соединены между собою и отстаивают свою независимость. Только одна так называемая христианская ре-

лигия утратила всякую обязательность для народов, исповедующих ее, и перестала быть религией. Отчего это? Какие особенные причины произвели это странное явление?

Причина эта в том, что так называемое церковно-христианское учение не есть цельное, возникшее на основании проповеди одного великого учителя учение, каковы буддизм, конфуцианство, таосизм, а есть только подделка под истинное учение великого учителя, не имеющая с истинным учением почти ничего общего, кроме названия основателя и некоторых ничем не связанных положений, заимствованных из основного учения.

Знаю, что то, что я имею высказать теперь, именно то, что та церковная вера, которую веками исповедовали и теперь исповедуют миллионы людей под именем христианства, есть не что иное, как очень грубая еврейская секта, не имеющая ничего общего с истинным христианством, – покажется людям, исповедующим на словах учение этой секты, не только невероятным, но верхом ужаснейшего кощунства.

Но я не могу не сказать этого. Не могу не

сказать этого потому, что для того, чтобы люди могли воспользоваться тем великим благом, которое дает нам истинное христианское учение, нам необходимо прежде всего освободиться от того бессвязного, ложного и, главное, глубоко-безнравственного учения, которое скрыло от нас истинное христианское учение. Учение это, скрывшее от нас учение Христа, есть то учение Павла, изложенное в его посланиях и ставшее в основу церковного учения. Учение это не только не есть учение Христа, но есть учение прямо противоположное ему.

Стоит только внимательно прочесть евангелия, не обращая <в них> особенного внимания на всё то, что носит печать суеверных вставок, сделанных составителями, вроде чуда Каны Галилейской, воскрешений, исцелений, изгнания бесов и воскресения самого Христа, а останавливаясь на том, что просто, ясно, понятно и внутренне связано одною и тою же мыслью, – и прочесть затем хотя бы признаваемые самыми лучшими послания Павла, чтобы ясно стало то полное несогласие, которое не может не быть между всемир-

ным, вечным учением простого, святого человека Иисуса с практическим временным, местным, неясным, запутанным, высокопарным и подделывающимся под существующее зло учением фарисея Павла.

Как сущность учения Христа (как всё истинно великое) проста, ясна, доступна всем и может быть выражена одним словом: человек – сын бога, – так сущность учения Павла искусственна, темна и совершенно непонятна для всякого свободного от гипноза человека.

Сущность учения Христа в том, что истинное благо человека – в исполнении воли отца. Воля же отца – в единении людей. А потому и награда за исполнение воли отца есть само исполнение, слияние с отцом. Награда сейчас – в сознании единства с волей отца. Сознание это дает высшую радость и свободу. Достигнуть этого можно только возвышением в себе духа, перенесением жизни в жизнь духовную.

Сущность учения Павла в том, что смерть Христа и его воскресение спасает людей от их грехов и жестоких наказаний, предназначен-

ных богом теперешним людям за грехи прародительские.

Как основа учения Христа в том, что главная и единственная обязанность человека есть исполнение воли бога, то есть любви к людям, – единственная основа учения Павла та, что единственная обязанность человека – это вера в то, что Христос своей смертью искупил и искупает грехи людей.

Как, по учению Христа, награда за перенесение своей жизни в духовную сущность каждого человека есть радостная свобода этого сознания соединения с богом, – так, по учению Павла, награда доброй жизни не здесь, а в будущем, посмертном состоянии. По учению Павла, жить доброй жизнью надо, главное, для того, чтобы получить за это награду «там». С своей обычной нелогичностью он говорит, как бы в доказательство того, что должно быть блаженство будущей жизни: «Если мы не распутничаем и лишаем себя удовольствия делать гадости здесь, а награды в будущей жизни нет, то мы останемся в дураках».

Да, основа учения Христа – истина, смысл –

назначение жизни. Основа учения Павла – расчет и фантазия.

Из таких различных основ естественно вытекают и еще более различные выводы.

Там, где Христос говорит, что люди не должны ждать наград и наказаний в будущем и должны, как работники у хозяина, понимать свое назначение, исполнять его, – всё учение Павла основано на страхе наказаний и на обещаниях наград, вознесения на небо или на самом безнравственном положении о том, что если ты веришь, то избавишься от грехов, ты безгрешен.

Там, где в евангелии признается равенство всех людей и говорится, что то, что велико перед людьми, мерзость перед богом, Павел учит повиновению властям, признавая установление их от бога, так что противящийся власти противится божию установлению.

Там, где Христос учит тому, что человек должен всегда прощать, Павел призывает анафему на тех, кто не делает то, что он велит, и советует напоить и накормить голодного врага с тем, чтобы этим поступком собрать на голову врагу горячие уголья, и про-

сит бога наказать за какие-то личные расчеты с ним Александра Медника.

Евангелие говорит, что люди все равны; Павел знает рабов и велит им повиноваться господам. Христос говорит: не клянись вовсе и кесарю отдавай только то, что кесарево, а то, что богово – твоя душа – не отдавай никому. Павел говорит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены». (К Римл. XIII, 1, 2.)

Христос говорит: «Взявшие меч от меча погибнут». Павел говорит: «Начальник есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч; он – божий слуга..., отмститель в наказание делающему злое». (Римл. XIII, 4.)

Христос говорит: сыны бога никому не обязаны платить подати. Павел говорит: «Для сего вы и подати платите: ибо они божии слугители, сим самым постоянно занятые. И потому отдавайте всякому должное; кому подать – подать; кому оброк – оброк, кому страх – страх, кому честь – честь». (Римл. XIII, 6, 7.)

Но не одни эти противоположные учения Христа и Павла показывают несовместимость великого, всемирного учения, уясняющего то, что было высказано всеми величайшими мудрецами Греции, Рима и Востока, с мелкой, сектантской, случайной, задорной проповедью непросвещенного, самоуверенного и мелко-тщеславного, хвастливого и ловкого еврея. Несовместимость эта не может не быть очевидна для всякого человека, воспринявшего сущность великого христианского учения.

А между тем целый ряд случайных причин сделали то, что это ничтожное и лживое учение заняло место великого вечного и истинного учения Христа и даже на много веков скрыло его от сознания большинства людей.

Правда, во все времена среди христианских народов были люди, понимавшие христианское учение в его истинном значении, но это были только исключения. Большинство же так называемых христиан, в особенности после того, как властью церкви все писания Павла даже и его советы приятелям о том, чтобы пить вино для поправления желудка, были признаны непререкаемым про-

изведением святого духа, – большинство верило, что именно это безнравственное и запутанное учение, поддающееся, вследствие этого, самым произвольным толкованиям, и есть настоящее учение самого бога-Христа.

Причин такого заблуждения было много различных.

Первая та, что Павел, как и все самолюбивые, славолюбивые проповедники лжи, суетился, бегал из места в место, вербовал учеников, не брезгая никакими средствами для приобретения их; люди же, понявшие истинное учение, жили им и не торопились проповедовать.

Вторая причина была в том, что послания, проповедующие, под именем Иисуса Христа, учение Павла, стали, вследствие торопливой деятельности Павла, известны прежде, чем евангелия (это было в 50-х годах после рождения Христа. Евангелия же появились позднее).

Третья причина была в том, что грубо суеверное учение Павла было доступнее грубой толпе, охотно принявшей новое суеверие, заменявшее старое.

Четвертая причина была та, что учение это (как ни ложно оно было по отношению тех основ, которые оно извращало), будучи все-таки разумнее грубого исповедуемого[89] народами язычества, между тем не нарушало языческих форм жизни, как и язычество, допуская и оправдывая насилия, казни, рабство. Тогда как истинное учение Христа, отрицая всякое насилие, казни, войны, рабство, богатство, – в корне уничтожало весь склад языческой жизни.

Сущность дела была такая.

В Галилее и Иудее появился великий мудрец, учитель жизни, Иисус, прозванный Христом. Учение его слагалось из тех вечных истин о жизни человеческой, смутно предчувствуемых всеми людьми и более или менее ясно высказанных всеми великими учителями человечества: браминскими мудрецами, Конфуцием, Лао-Тзе, Буддой. Истины эти были восприняты окружавшими Христа простыми людьми и более или менее приурочены к еврейским верованиям того времени, из которых главное было ожидание пришествия мессии.

Появление Христа с его учением, изменявшим весь строй существующей жизни, было принято некоторыми как исполнение пророчеств о мессии. Очень может быть, что и сам Христос более или менее приурочивал свое вечное, всемирное учение к случайным, временным религиозным формам того народа, среди которого он проповедовал. Но, как бы то ни было, учение Иисуса привлекло учеников, расшевелило народ и, всё более и более распространяясь, стало так неприятно еврейским властям, что они казнили Христа и после его смерти гнали, мучили и казнили его последователей (Стефана и других). Казни, как всегда, только усиливали веру последователей.

Упорство и убежденность этих последователей, вероятно, обратили на себя внимание и сильно поразили одного из фарисеев-гонителей, по имени Савла. И Савл этот, получив потом название Павла, человек очень славлюбивый, легкомысленный, горячий и ловкий, вдруг по каким-то внутренним причинам, о которых мы можем только догадываться, вместо прежней своей деятельности, на-

правленной против учеников Иисуса, решил-
ся, воспользовавшись той силой убежденно-
сти, которую он встретил в последователях
Христа, сделаться основателем новой религи-
озной секты, в основы которой он положил те
очень неопределенные и неясные понятия,
которые он имел об учении Христа, все срос-
шиеся с ним еврейские фарисейские преда-
ния, а главное, свои измышления о действи-
тельности веры, которая должна спасать и оправ-
дывать людей.

С этого времени, с 50-х годов, после смерти
Христа, и началась усиленная проповедь это-
го ложного христианства, и в эти 5-6 лет были
написаны первые (признанные потом свя-
щенными) псевдо-христианские письма,
именно послания. Послания первые опреде-
лили для масс совершенно превратное значе-
ние христианства. Когда же было установле-
но среди большинства верующих именно это
ложное понимание христианства, стали появ-
ляться и евангелия, которые, в особенности
Матфея, были не дельные произведения одно-
го лица, а соединение многих описаний о
жизни и учении Христа. Сначала появилось

[евангелие] Марка, потом Матфея, Луки, потом Иоанна.

Все евангелия эти не представляют из себя цельных произведений, а все они суть соединения из различных писаний. Так, например, евангелие Матфея в основе своей имеет краткое евангелие евреев, заключающее в себе одну нагорную проповедь. Всё же евангелие составлено из прибавляемых к нему дополнений. То же и с другими евангелиями. Все евангелия эти (кроме главной части евангелия Иоанна), появившись позднее Павла, более или менее подгонялись под существовавшее уже павловское учение.

Так что истинное учение великого учителя, что, которое сделало то, что сам Христос и его последователи умирали за него, сделало и то, что Павел избрал это учение для своих славлюбивых целей; истинное учение, с первых шагов своих извращенное павловским извращением, всё более и более прикрывалось толстым слоем суеверий, искажений, лжепониманием, и кончилось тем, что истинное учение Христа стало неизвестно большинству и заменилось вполне тем странным

церковным учением – с папами, митрополитами, таинствами, иконами, оправданиями верою и т. п., которое с истинным христианским учением почти ничего не имеет общего, кроме имени.

Таково отношение истинно-христианского учения к павловско-церковному учению, называемому христианским. Учение было ложное по отношению к тому, что им будто бы представлялось, но как ни ложно оно было, учение это все-таки было шагом вперед в сравнении с религиозными понятиями варваров времен Константина. И потому Константин и окружающие его люди охотно приняли это учение, совершенно уверенные в том, что учение это есть учение Христа. Попад в руки властвующих, учение это всё более и более огрубело и приближалось к мирозерцанию народных масс. Явились иконы, статуи, обоготворенные существа, и народ искренно верил в это учение.

Так это было и в Византии и в Риме. Так это было и все средние века, и часть новых – до конца 18 столетия, когда люди, так называемые христианские народы, дружно соедини-

лись во имя этой церковной павловской веры, которая давала им, хотя и очень низменное и ничего не имеющее общего с истинным христианством, объяснение смысла и назначения человеческой жизни.

У людей была религия, они верили в нее, и потому могли жить согласной жизнью, защищая общие интересы.

Так это продолжалось долго, продолжалось бы и теперь, если бы эта церковная вера была самостоятельное религиозное учение, как учение браманизма, буддизма, как учение шинто, в особенности как китайское учение Конфуция, и не была подделкой под учение христианства, не имеющей в самой себе никакого корня.

Чем дальше жило христианское человечество, чем больше распространялось образование и чем смелее и смелее становились на основании извращенной и признанной непогрешимой веры как светские, так и духовные властители, тем всё больше и больше изобличалась фальшь извращенной веры, вся неосновательность и внутренняя противоречивость учения, признающего основой жиз-

ни любовь и вместе с тем оправдывающего войны и всякого рода насилия.

Люди всё меньше и меньше верили в учение, и кончилось тем, что всё огромное большинство христианских народов перестало верить не только в это извращенное учение, но и в какое бы то ни было общее большинству людей религиозное учение. Все разделились на бесчисленное количество не вер, а мировоззрений; все, как пословица говорит, расползлись, как слепые щенята от матери, и все теперь люди нашего христианского мира с разными мировоззрениями и даже верами: монархисты, социалисты, республиканцы, анархисты, спиритисты, евангелисты и т. п., все боятся друг друга, ненавидят друг друга.

Не стану описывать бедственность, разделение, озлобленность людей христианского человечества. Всякий знает это. Стоит только прочесть первую попавшуюся какую бы то ни было, самую консервативную или самую революционную газету. Всякий, живущий среди христианского мира, не может не видеть, что как ни плохо теперешнее положение христианского мира, то, что ожидает его,

еще хуже.

Взаимное озлобление растет, и все заплатки, предлагаемые[90] как правительствами, так и революционерами, социалистами, анархистами, не могут привести людей, не имеющих перед собою никакого другого идеала, кроме личного благосостояния, и потому не могущих не завидовать друг другу и не ненавидеть друг друга, ни к чему другому, кроме [как] к всякого рода побоищам внешним и внутренним и к величайшим бедствиям.

Спасение не в мирных конференциях и пенсионных кассах, не в спиритизме, евангелизме, свободном протестантстве, социализме; спасение в одном: в признании одной такой веры, которая могла бы соединить людей нашего времени. И вера эта есть, и много есть людей уже теперь, которые знают ее.

Вера эта есть то учение Христа, которое было скрыто от людей лживым учением Павла и церковью. Стоит только снять эти покровы, скрывающие от нас истину, и нам откроется то учение Христа, которое объясняет людям смысл их жизни и указывает на проявление этого учения в жизни и дает людям воз-

возможность мирной и разумной жизни.

Учение это просто, ясно, удобоисполнимо, одно для всех людей мира и не только не расходится с учениями Кришны, Будды, Лао-Тзе, Конфуция в их неизвращенном виде, Сократа, Эпиктета, Марка Аврелия и всех мудрецов, понимавших общее для всех людей одно назначение человека и общий всем, во всех учениях один и тот же закон, вытекающий из сознания этого назначения, – но подтверждает и уясняет их.

Казалось бы, так просто и легко страдающим людям освободиться от того грубого суеверия, извращенного христианства, в котором они жили и живут, и усвоить то религиозное учение, которое было извращено и исполнение которого неизбежно дает полное удовлетворение как телесной, так и духовной природе человека. Но на пути этого осуществления стоит много и много самых разнообразных препятствий: и то, что ложное учение это признано божественным; и то, что оно так переплелось с истинным учением, что отделить ложное от истинного особенно трудно; и то, что обман этот освящен преданием

древности, и на основании его совершенно много дел, считающихся хорошими, которые, признав истинное учение, надо было бы признать постыдными; и то, что на основании ложного учения сложилась жизнь господ и рабов, вследствие которой возможно было произвести все те мнимые блага материального прогресса, которым так гордится наше человечество; – а при установлении истинного христианства вся наибольшая часть этих приспособлений должна будет погибнуть, так как без рабов некому будет их делать.

Препятствие особенно важное и то, что истинное учение невыгодно для людей властвующих. Властвующие же люди имеют возможность, посредством и ложного воспитания и подкупа, насилия и гипноза взрослых, распространять ложное учение, вполне скрывающее от людей то истинное учение, которое одно дает несомненное и неотъемлемое благо всем людям.

Главное препятствие (состоит) в том, что именно вследствие того, что ложь извращения христианского учения слишком очевидна, в последнее время всё более и более рас-

пространялось и распространяется грубое суеверие, в много раз вреднейшее, чем все суеве- рия древности, суеверие о том, что религия вообще есть нечто ненужное, отжитое, что без религии человечество может жить разум- ной жизнью.

Суеверие это особенно свойственно людям ограниченным. А так как таковых большин- ство людей в наше время, то грубое суеверие это всё более и более распространяется. Люди эти, имея в виду самые извращения религии, воображают, что религия вообще есть нечто отсталое, пережитое человечеством, и что те- перь люди узнали, что они могут жить без ре- лигии, то есть без ответа на вопрос: зачем жи- вут люди, и чем им, как разумным суще- ствам, надо руководствоваться.

Грубое суеверие это распространяется пре- имущественно людьми, так называемыми учеными, то есть людьми особенно ограни- ченными и потерявшими способность само- бытного, разумного мышления, вследствие постоянного изучения чужих мыслей и заня- тия самыми праздными и ненужными вопро- сами. Особенно же легко и охотно восприни-

мается это суеверие отупевшими от машинной работы городскими фабричными рабочими, количество которых становится всё больше и больше, в самых считающихся просвещенными, то есть в сущности самых отстающих и извращенных людях нашего времени.

В этом всё более и более распространяющемся суеверии причина непринятия истинного учения Христа. Но в нем же, в этом распространяющемся суеверии, и причина того, что люди неизбежно будут приведены к пониманию того, что та религия, которую они отвергают, воображая, что это религия Христа, есть только извращение этой религии, а что истинная религия одна может спасти людей от тех бедствий, в которые они всё более и более впадают, живя без религии.

Люди самым опытом жизни будут приведены к необходимости понять то, что без религии люди никогда не жили и не могут жить, что если они живы теперь, то только потому, что среди них еще живы остатки религии; поймут, что волки, зайцы могут жить без религии, человек [же], имеющий разум, такое орудие, которое дает ему огромную си-

лу, – если живет без религии, подчиняясь своим животным инстинктам, становится самым ужасным зверем, вредным особенно для себе подобных.

Вот это-то люди неизбежно поймут, и уже начинают понимать теперь, после тех ужасных бедствий, которые они причиняют и готовятся причинить себе. Люди поймут, что им нельзя жить в обществе без одного соединяющего их, общего понимания жизни. И это общее, соединяющее всех людей понимание жизни смутно носится в сознании всех людей христианского мира отчасти потому, что это сознание присуще человеку вообще, отчасти потому, что это понимание жизни выражено в том самом учении, которое было извращено, но сущность которого проникала и сквозь извращение.

Надо только понять, что всё, чем еще держится наш мир, всё, что есть в нем доброго, всё единение людей, то, какое есть, все те идеалы, которые носят перед людьми: социализм, анархизм, всё это – не что иное, как частные проявления той истинной религии, которая была скрыта от нас павловством и

церковью (скрыта она была, вероятно, оттого, что сознание народов еще не доросло до истинной) и до которой теперь доросло христианское человечество.

Людям нашего времени и мира не нужно, как это думают ограниченные и легкомысленные люди, так называемые ученые, придумывать какие-то новые основы жизни, могущие соединить всех людей, а нужно только откинуть все те извращения, которые скрывают от нас истинную веру, и эта вера, единая со всеми разумными основами вер всего человечества, откроется перед нами во всем своем не только величии, но всей обязательности своей для всякого человека, обладающего разумом.

Как готовая кристаллизироваться жидкость ожидает толчка для того, чтобы превратиться в кристаллы, так и христианское человечество ждало только толчка для того, чтобы все его смутные христианские стремления, заглушаемые ложными учениями и в особенности суеверием о возможности человечества жить без религии, [превратились в действительность], и толчок это[т] почти од-

новременно дан нам пробуждением восточных народов и революцией среди русского народа, больше всех других удержавшего в себе дух истинного христианства, а не павловского христианства.

Причина, по которой христианские народы вообще и русский народ в особенности находятся теперь в бедственном положении, — та, что народы не только потеряли единственное условие, необходимое для мирного, согласного и счастливого сожителства людей: верования в одни и те же основы жизни и общие всем людям законы поступков, — не только лишены этого главного условия хорошей жизни, но еще и коснеют в грубой суеверии о том, что люди могут жить хорошей жизнью без веры.

Спасение от этого положения в одном: в признании того, что если извращение христианской веры и было извращение веры и должно быть отвергнуто, то та вера, которая была извращена, есть единая, необходимейшая в наше время истина, признаваемая всеми людьми не только христианского, но и восточного мира, и следование которой дает

людям, каждому отдельно и всем вместе, не бедственную, а согласную и добрую жизнь.

Спасение не в том, чтобы устроить придуманную нами для других людей жизнь, как понимают это спасение теперь люди, не имеющие веры – каждый по-своему: одни парламентаризм, другие республику, третьи социализм, четвертые анархизм, а в том, чтобы всем людям в одном и том же понимать для каждого самого себя назначение жизни и закон ее и жить на основании этого закона в любви с другими людьми, но без определения вперед какого-либо известного устройства людей.

Устройство жизни всех людей будет хорошо только тогда, когда люди не будут заботиться об этом устройстве, а будут заботиться только о том, чтобы каждому перед своей совестью исполнить требование своей веры. Только тогда и устройство жизни будет наилучшим, не такое, какое мы придумываем, а такое, какое должно быть соответственно той веры, которую исповедуют люди и законы которой они исполняют.

Вера же эта существует в чистом христи-

анстве, совпадающем со всеми учениями мудрецов древности и востока.

И я думаю, что именно теперь настало время этой веры, и что лучшее, что может человек сделать в наше время, это то, чтобы в жизни своей следовать учению этой веры и содействовать распространению ее в людях.

1907. 17 мая.

* РЕЛИГИЯ И НАУКА

Мне сначала казалось парадоксом моя же невольна с разных сторон приходящая мысль, что наша наука есть не только не нечто полезное, но подобно ложной вере нечто особенно вредное, более всего содействующее тому состоянию развращения, в котором живет наше человечество. Но чем больше я живу, чем старше становлюсь и серьезнее думаю о вопросах жизни, тем меньше эта мысль кажется мне парадоксом, и смело могу сказать, что теперь я не могу не считать ее истиной, и важной и несомненной истиной. В самом деле, из всех знаний человека есть одно не только важное, но такое, без которого никакие другие знания не могут быть

на пользу, а всегда будут во вред. Вроде того, как человек, собирающий в мешок муку для пищи, всё, ссыпаемое в мешок, что не есть мука, наверное уменьшает количество муки и почти всегда портит ее качество. Это-то неизбежно необходимое для живых людей знание было и есть всегда одно: знание своего назначения в том положении, в котором находит себя человек в этом мире и в той деятельности, или том воздержании от деятельности, которые вытекают из понимания этого назначения. Знание это всегда для всех людей представлялось главным, пользовалось величайшим уважением и называлось большей частью религией, но иногда и мудростью. Правда, что в нашем теперешнем положении тесного общения всех народов всегда существовавшие несогласия и противоречия между учениями религиозными стали гораздо нам очевиднее и потому естественно всё более и более подрывают доверие к тем учениям, которые исповедуются теми или другими народами. Но просвещение, с одной стороны увеличившее понимание наших отношений в пространстве (различие вер), как и

должно было, увеличило, с другой стороны, и понимание отношений людских вер во времени. Стоит только обратить внимание на временное историческое происхождение этих учений, которые теперь кажутся нам противоречивыми, чтобы увидеть, что противоречия эти лежат не в основах религиозных учений, а во временных извращениях этих основ, со временем всё более и более грубых. Передовые люди нашего времени, привыкшие руководствоваться разумом, встречаясь с противными и здравому смыслу, и часто самой первобытной нравственности грубыми извращениями учений, как наше церковное, не могли не усомниться в истинности этих учений. А усомнившись, признали их ложными и откинули, предполагая, что какие бы то ни было знания все-таки лучше знаний ложных, и о самых важных предметах. Ошибка эта была самая естественная и даже неизбежная. А между тем, поступая так, руководители наших молодых поколений поступали подобно тому, что бы сделал человек с мешком, убедившись, что мука, которая ему предлагается и кроме которой он не видит никакой,

совсем гнилая, и не только не годится, но вредна для питания, стал бы наполнять мешок опилками и травой, хотя и свежими, но ни в каком случае не могущими быть питанием человека. Увидав, что все существующие религиозные учения, противореча одно другому, не дают того, что обещают, прямо откинули их, по пословице: осердясь на блох, и шубу в печь. Вместо того, чтобы, изучив сущность этих учений и усвоив себе основу их, одни и те же во всех религиях, постараться, объединив эти основы со всем тем, что сделано человечеством до последнего времени в этом направлении, поставить эти основы главным знанием и руководством жизни человеческой, они или просто откинули их, или изучали их как интересное историческое явление, не имеющее уже никакого значения в это время. Вместо того, чтобы постараться понять, что противоречия между учениями возникают не от ложности самих учений, а от ложности извращений их, передовые люди решили, что учения, отвечающие на вопросы о назначении жизни и о руководстве в ней, сами по себе ложны и потому излишни,

ненужны и даже вредны. Таково несомненно направление всей европейской, охватившей теперь весь мир, науки, начиная с конца XVIII столетия. Направление, состоящее, странно сказать, в том, что всякие знания, и чем больше, тем лучше, полезны человеку и могут заменить то единственное знание, без которого, казалось бы, человеку нельзя ступить шагу в жизни. То есть сыпь в мешок что попало, и чем ты больше набьешь мешок, тем больше ты унесешь с собой для пищи.

Так что предстоящее теперь дело передовым мыслителям человечества, — мыслителям, но не ученым, это два совершенно противоположные понятия, — состоит даже не в том, чтобы показать тщету того, что называется науками, а показать неизбежность и необходимость того, что всегда считалось знанием, и показать, что это знание было давно известно человечеству и проявлялось как в учениях религии, так и в учениях мудрецов не только египетских, греческих и римских, но и позднейших мудрецов до самого последнего времени: Канта, Шопенгауера, Вивекананды, Амиеля и др. Показать не только то,

что знание это существовало и существует для избранных людей человечества, но что оно в сущности одно и то же. В этом главная задача мыслящих людей нашего человечества, задача, без исполнения которой никакие усилия, ни научные, ни умственные, ни политические, не могут подвинуть вперед человечество, осуществление же которой, давши всем людям одно и то же понимание жизни (я неверно говорю, что это даст людям общее понимание жизни: это только откроет им, что это общее понимание жизни всегда существовало для них), само собой без всяких усилий приведет человечество к тому свойственному ему удовлетворяющему его сознанию положению.

Л. Толстой.

**** БЛАГО ЛЮБВИ**

(Обращение к людям-братьям)

Милые братья, особенно те, кто теперь у нас в России борется за такое или иное никому ненужное государственное устройство. Нужно тебе, милый брат, кто бы ты ни был, царь, министр, работник, крестьянин, нужно тебе одно. Это одно – прожить тот

неопределенно короткий миг жизни так, как этого хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь.

Мы все знаем, и я всегда смутно чувствовал это, и чем дальше в жизни, тем яснее; теперь же, с нынешнего дня, когда я в первый раз ясно почувствовал такую же, как для живого человека близость завтрашнего дня, естественную близость смерти, не только не страшной, но такой переход, который так же естественен и благ, как переход к завтрашнему дню, — теперь, почувствовав это, мне и страшно и, главное, странно думать о той ужасной ненавистнической жизни, которой живет теперь большинство из нас, людей, рожденных для любви и для блага.

Кто мы, что мы? Ведь только ничтожные, могущие всякую минуту исчезнуть слабые существа, выскочившие на мгновение из небытия в жизнь прекрасную, радостную, с небом, солнцем, лесами, лугами, реками, птицами, животными, блаженством любви и к близким, и к своей душе, к добру и ко всему живому... И что же? Мы, существа эти, не находим ничего лучшего, как то, чтобы этот короткий,

неопределенный, каждую минуту могущий прерваться миг жизни отдавать на то, чтобы, изуродовав десятиэтажными домами, мостовыми, дымом, копотью, зарыться в эти трущобы, лезть под землю добывать камни, железо для того, чтобы строить железные дороги, развозящие по всему миру ненужных никому людей и ненужные товары, и, главное, вместо радостной жизни, жизни любви, ненавидеть, бояться, мучать, мучаться, убивать, запирать, казнить, учиться убивать и убивать друг друга.

Ведь это ужасно!

Те, кто делают это, говорят, что всё это они делают для того, чтобы избавиться от всего дурного и, что еще лживее, – говорят, что они делают это для того, чтобы избавить людей от зла, что они, делая это, руководятся любовью к людям.

Милые братья, опомнитесь, оглянитесь, подумайте о своей слабости, мгновенности, о том, что в этот неопределенный, короткий срок жизни между двумя вечностями или, скорее, безвременностями, жизни, не знающей высшего блага, чем любовь, – подумайте

о том, как безумно не делать, что вам свойственно делать, а делать то, что вы делаете.

Вам в вашем невольном поддерживаемом общественным мнением затемнении кажется, что всё то, что вы делаете, есть неизбежное условие жизни людей нашего времени, что то, что вы делаете, это участие в всемирной жизни человечества, что вы не можете не делать того, что все делали и делают и считают необходимым делать. Но ведь хорошо бы было думать так, если бы то, что вы делаете, совпадало с требованиями вашей души, если бы это давало благо вам и другим людям. Да ведь этого нет. Жизнь мира, человечества всего, как она идет теперь, требует от вас злобы, участия в делах нелюбви к одним братьям ради других, не дает блага ни другим, ни вам.

«Но мы работаем для будущего», говорят на это. Но почему жизнью любви в настоящем, сейчас, жертвовать ради неизвестной нам жизни будущей?

Разве не очевидно, какое это странное, губительное суеверие. Я знаю, несомненно знаю, что жизнь – в любви и законе бога и требовании моего сердца и дает благо мне и

другим, и вдруг какие-то отвлеченные рассуждения заставят меня отказаться от верного несомненного блага моего, обязанности, закона моего... Ради чего? Ни чего. Ради обычая, привычки, подражания.

Пусть только борец за «свободу» или «порядок» положит одну сотую тех усилий, тех жертв, которые он полагает на борьбу ради своей цели, – на увеличение любви в себе и других, и он – не так, как при деятельности борьбы, где не видны последствия, а только ожидаются, а тотчас же и увидит плоды своей любовной деятельности не только в себе: в великой радости любви, но и в следах, которые неизменно на других людях оставляет эта деятельность.

Милые братья, опомнитесь, освободитесь от той ужасной инерции заблуждения (заблуждения, что борьба, животная борьба, может быть свойственна и не губительна человеку), и вы узнаете радость, благо, святость жизни, ненарушимые ничем: ни нападками других людей, потому что нападки эти будут только поводом усиления любви, ни страхом смерти, потому что для любви нет смерти.

Милые братья, не смею говорить: «поверьте, поверьте мне», не верьте, но проверьте то, что я говорю, проверьте хоть один день. Хоть один день, оставаясь в тех условиях, в которых застал вас день, поставьте себе задачей во всяком деле этого дня руководиться одной любовью. И я знаю, что сделайте это вы, вы уж не вернетесь к старому, ужасному, губительному заблуждению.

Об одном прошу вас, милые братья: усомнитесь в том, что та жизнь, которая сложилась среди нас, есть та, какая должна быть (жизнь эта есть извращение жизни), и поверьте, что любовь, только любовь выше всего: любовь есть назначение, сущность, благо нашей жизни, что то стремление к благу, которое живет в каждом сердце, та обида за то, что нет того, что должно быть: благо, – что это законное чувство должно быть удовлетворено и удовлетворяется легко, только бы люди не считали, как теперь, жизнью то, что есть извращение ее.

Милые братья, ради вашего блага, сделайте это: усомнитесь в той, кажущейся вам столь важной внешней жизни, которой вы

живете, поймите, что, не говоря уже о личной славе, богатстве и т. п., все те воображаемые вами устройства общественной жизни миллионов и миллионов людей, всё это ничтожные и жалкие пустяки в сравнении с той душой, которую вы сознаете в себе в этот короткий миг жизни между рождением и смертью и которая не переставая заявляет вам свои требования. Живите только для нее и ею, тою любовью, к которой она зовет вас, и все те блага и вам, и всем людям, о которых вы только можете мечтать, и в бесчисленное число раз больше приложатся вам.

Только поверьте открытому и зовущему вас к себе благу любви.

Лев Толстой.

21 августа 08.

Я думал, что умираю в тот день, когда писал это. Я не умер, но вера моя в то, что я высказал здесь, остается та же, и я знаю, что не изменится до моей смерти, которая, во всяком случае, должна наступить очень скоро.

**** [ВРЕМЯ ПРИШЛО]**

Жизнь моя накоротке. Я умираю, и прежде чем умереть, мне хочется – не то, что хочется, но мне необходимо, я не умру спокойно, не сказав вам, всем людям, милым братьям моим, то, чем вы губите себя, чем губите не только свои тела, свои души, но и своих детей.

Говорить о том теперь, в чем это учение, я не буду, я говорил это много и много раз в других местах. Скажу только о том, что вытекает из того, что вы не следуете ему, какие ваши страшные страдания, какое развращение вас и детей ваших только оттого, что вы не следуете ему.

Последствие этого неследования то, что вы живете в том, что называется государственным устройством. Государственное же устройство есть не что иное, как такое сцепление людей, при котором люди, сами не зная этого, мучают, губят себя, губят свои души, считая дурное хорошим и хорошее дурным.

Но что же такое это – государство? Может быть, это – какой-нибудь завоеватель, злодей, дикарь, напавший на вас и завладевший вами сплюю? Должно бы быть так, потому что

делает он над вами всё то, что может делать только такой враг. И что же, – этого врага нет, этот враг вы сами. Враг этот то государственное устройство, при котором вы сами мучаете, грабите себя, всех себя, в пользу малой части развращенных людей, пользующихся этим грабежом.

Но, может быть, нельзя жить без государства? Так, по крайней мере, уверяют вас. «Без государства, без власти, без того грабежа и тех насилий, которые делаются над вами, вы все будете не переставая грабить друг друга, перережете себя». И вы как будто верите в это и спокойно даете грабить себя, и даже не то, что даете грабить (это еще было бы понятно), а сами грабите себя, а добычу отдаете тем, которые уверяют вас, что вам надо грабить себя и отдавать им добычу.

В головах ваших всё так смешалось, что вы уже всё видите наыворот. Люди, минуя таможи, перевозят товары, или дома торгуют, не платя пошлин, или сядут на землю, считающуюся господской, чтобы кормиться, все эти люди считаются преступниками, и их

хватают, судят, сажают в тюрьмы; а никому в голову не приходит, что преступники те, кто мешает перевозить товары через какие-то границы, или требуют пошлины с водки, сахара; что преступники не те, кто хочет удержать всё, что заработал, а те, кто отнимают часть этого; не те, кто хотят кормиться с земли, а те, которые, не работая на ней, не пускают на нее. Главное же, преступники это те, кто лишают людей свободы за то, что они признают над собой одну власть бога, а не хотят признавать над собой власти людей, не хотят идти в судьи, в солдаты, не хотят убивать, мучить людей.

Говорят, что можно человека здорового, сильного так запутать, что он поверит, что он слаб и не может пошевелиться ни одним членом, – что он поверит этому и будет лежать и позволять делать над собой всё, что вздумается. Разве не то же с вами, с нами, со всеми народами? Вас уверили не только в том, что вы бессильны, но в том, что вы должны сами сечь, мучить, позорить, развращать себя и своих детей. И вы всё это покорно делаете. Зачем? За что губите себя, своих детей, свои те-

ла и души?

Затем, что есть правительство, власти, государства и что нельзя не повиноваться ему, что всегда так было.

Но, во-первых, то, что всегда – не всегда, а давно – так было, не показывает того, что теперь так и должно быть. Долго, очень долго, люди не знали другой жизни, как пастушеская, и других средств сообщения, как свои ноги и ноги животных, и слова, и даже не письмо и не печать. Но ведь это не осталось таким же навсегда.

Это во-первых, а во-вторых, надо понять, что такое государство, и какими силами оно обладает, чтобы властвовать над нами. Государство – это власти. А власти – это те люди, в руки которых мы отдаем свои жизни. Что это особенные люди? Самые лучшие или хоть самые сильные? Ни то, ни другое. Эти или по наследству, или по бессовестной извращенности люди, как Наполеоны, Екатерины, захватившие власть, или случайно по ловкости, тоже безнравственно, плутовски устроившие себе избрание.

Таковы власти. Сила же их в том, что мы сами всеми силами поддерживаем их. Сила в том, что мы все для своих маленьких выгод поддерживаем их, участвуем в их преступлениях, называемых законами, и для этих своих маленьких выгод губим свои и чужие жизни и души.

Пора опомниться, пора очнуться! Пора и потому, что страдания, а главное, развращение народа, то есть наше, всё растет и растет и дошло уже до ужасающих пределов. Какой-нибудь – не могу удержаться – негодяй, называемый императором, или подлец, называемый министром, задумают для самых ничтожных, легкомысленных, тщеславных, корыстных, низких целей присоединить к своим государствам маленькие народы других государств, вступят в войны, и сотни тысяч людей идут убивать братьев и умирать в сражениях.

Пора понять, что если было время, когда государственные власти могли быть нужны, было время, когда они могли быть терпимы, было время – каково самое последнее – что люди, хотя и видели безумие подчинения го-

сударствам, не могли очнуться и освободиться от инерции предания, но пора понять, что теперь пришло время, когда разумные существа, люди, не могут уже больше сознательно губить свои жизни, свои души, и жизни и души своих детей. Пришла пора людям опомниться, и этому загипнотизированному человеку, поверившему в то, что он не может пошевелить ни одним членом, спокойно встать, оглянуться вокруг себя и просто начать жить, как свойственно жить всякому живому существу. Пора всем людям, особенно христианского мира, понять, что они сами связывают, мучают, губят себя, и перестать это делать.

Перестать, самое простое, делать всё то, что противно требованиям и выгоды, и здравого смысла, и, главное, нравственности. Перестать, самое первое, повиноваться тем, кто называет себя властью, перестать давать подати, перестать признавать таможи, а возить товары мимо, признавать суды, полицию и обязанность исполнять требования их, перестать отдаваться во власть военных, перестать, главное, самим принимать участие в каком бы то ни было насильническом дей-

ствии правительств.

«Вы хотите податей, я не даю их, вы можете отнять, но я не даю и признаю не себя преступником, а вас грабителями и преступниками. Вы хотите, чтобы я вез товары через таможню, я везу контрабандой и знаю, что преступник не я, а вы. То же и с судами, и с военной службой. Не иду ни в присяжные, ни в выборщики, ни в солдаты. Главное же, не только не иду ни в стражники, полицейские, сборщики податей, ни в какие бы то ни было слуги правительства, но считаю преступниками точно так же, как теперь считают преступниками убийц, – всех людей, участвующих в правительстве.

«Вы говорите, что если уничтожить правительство, то мы все перережем друг друга. Но сколько вы ни говорите это, я не могу верить этому, не могу – потому что я, человек, не имею ни малейшего желания резать моих соседей, точно так же и все мои соседи и знакомые. Желание это я вижу только в вас, не только желание, но и исполнение. Но из того, что несколько людей: императоров, королей, министров, генералов, богачей и всяких гу-

бернаторов и т. п., имеют желание грабить и резать народ, что они и делают, я никак не могу заключить, чтобы весь народ желал того же, и вследствие того, что его перестали бы мучить, тотчас же бы стал мучить сам себя. Не вижу этого. Вижу только то, что государство есть остаток самого грубого, старинного суеверия, вроде суеверия жертв, приносимых богам, которое дожило до того, что оно даже и не может не быть разрушено».

«Хорошо, – скажут, – но если это так, то отчего, несмотря на явный вред его, государство держится и держится, и люди не могут разрушить его? Отчего это?»

На это есть две причины.

Первая то, что те люди, которые теперь хотят и пытались и пытаются разрушить государство, пытаются совершить это теми самыми средствами, которыми государство держало и держит в своей власти людей. Пытаются разрушить не государство, а только одну из форм, заменив одну другой, и тем же насилем, и тем же обманом народа, который сам мучает теперь, а при разрушении одной формы государства будет мучить себя в другой.

Это одна причина, другая же причина это то развращение, в особенности религиозное, до которого государство довело народы. Причина эта в том, что люди не верят в то единственно свойственное нашему времени религиозное мирозерцание, по которому люди все братья и цель жизни – увеличение в себе любви и соединения, не допускающих ничего разъединяющего: ненависти, вражды, неравенства и, главное, насилия. Поверь люди в это учение (они и верят, но только не решаются жить по нем), поверь люди в это учение, или, скорее, откажись от того, что противно ему и скрывает его, и тотчас же они поднимутся, как тот загипнотизированный человек, и начнут жить истинно человеческой, согласно с сознанием всего человечества, жизнью.

Ведь нужно только одно: понять, в чем обман, и не участвовать в том насилии, которое губит наши жизни, не участвовать и не противодействовать ему тем же насилием. Подати? Я не даю, как не даю тому разбойнику, хотящему взять силой деньги. Отнять и вы можете, но знайте, что вы не власть, не государ-

ство, но просто грабители. То же на таможне, то же на суде, то же на призыв в войско, на предложение участвовать в выборах для образования насильнического правительства. Только поступай так десятки, сотни, потом тысячи, десятки тысяч людей, и кончится весь ужас нашей жизни.

Очнитесь, братья! Время пришло.

Но что же будет – будет для каждого отдельного человека и для народа, для того, что называется государством? Для народа будет то, что наверное уже не будет податей, не будет пошлин, не будет земельной собственности, отнимающей землю у трудящихся, не будет судов, тюрем, казней, не будет войн, ни тех, при которых сам идешь убивать и умирать, ни тех, при которых чужие люди приходят убивать и разорять живущих. Скажут: «будет хуже». Пускай скажут. Что же будет хуже? Мое воображение отказывается представить себе худшее. Худшее, что я могу себе представить, это то, что бывает в самые тяжелые времена революций. Но ведь и тогда все ужасы были оттого, что насилие продолжало

считаться единственным средством улучшения своего положения. Так что худшее для народа от прекращения участия его в насилии я не могу и никто не может себе представить.

Но что же будет для отдельного человека? В худшем случае, в самом невероятном, если человек этот, не платя податей, не признавая границ государств, отказываясь от исполнения судебных и военных обязанностей, останется одиноким, будет то, что подать будет взята с него насильем, что на него наложены будут наказания за неисполнение правительственных требований вообще. Хотел я сказать о том, что те лишения и опасности, которым подвергнется человек, будучи одиноким при отказе от участия в государственной жизни, что лишения эти будут меньше тех лишений, которым он подвергается, живя государственной жизнью. Хотел я сказать это, но это была бы неправда. Хотел я сказать, что риск наказаний за неуплату податей, за несоблюдение других требований государства, и в особенности за отказ от воинской повинности, предстоящей не всем, но только тем, которые подлежат ей, будет меньше тех невзгод, которые

несет человек от участия в государственной жизни. Но, повторяю, это была бы неправда, и не может не быть неправда, потому что благо, как духовное, так и телесное, приобретается только усилием – духовным, нравственным стремлением жить по-божьи, для души. Без этого же человек как был рабом, так и будет рабом и никогда не освободится от рабства, которое он сам в себе носит.

Не может быть достигнуто благо многих людей и исполнение истины без жертвы и самоотречения. Жертва же и самоотречение доступны только человеку религиозному, живущему не для одного тела, а для души.

Так что то, к чему я призываю вас, это то, чтобы избавиться от того зла, которым мы губим свои души и души близких нам и детей наших. Достигнуть же этого нельзя рассуждением и расчетом, а только духовным усилием и жертвой, которая дает благо людям и, главное, тому, кто ее проявляет.

Люди, или покоряясь самым унижительным для человека требованиям порабощения, совершая такие же злодеяния, как и те, от которых мы хотим избавиться, хотят быть

людьми, иметь разумную, добрую жизнь. В этом недоразумение. Можно понять, что человек, не понимая совершаемого над ним обмана самопорабощения, участвует в нем, или, не понимая того, что причина его угнетения – насилие, по инстинктивно животному чувству делает насилие за насилие; но и непонятно и непростительно, когда человек, понимая обман, которым он опутан, и всё то зло, которое терпит не он один, а его братья от этого обмана, – сам участвует в нем, сам сечет себя и братьев, отнимает у себя плоды своих трудов, участвует, или деятельно, или молчаливым соглашением, во всех злодеяниях администрации, судов, войска, в которых ему велят участвовать, или, понимая причину своих бед в насилиях, сам совершает их.

Да, да, страшно, почти необъяснимо для разумного человека суеверие причастия, поедания тела и крови под видом вина и хлеба, или искупления и т. п., но еще удивительнее суеверие подчинения насилию государства или совершения насилия для уничтожения насилия: революционеры.

Страшны лишения, страдания, риск, но, не

говоря уже о революционерах, рискующих несравненно больше тех, кто отказывается от участия в правительстве, разве не тот же или почти тот же риск по теперешнему времени и людей правительственных? Революционеры и бомбы сравнивали шансы – хоть на это онигодились, и шансы эти всё более и более уравниваются. Так что теперь, если человек предпочитает покорность властям, то есть дрянным людям, покорности богу и своей совести, он делает это только по глупости или потому, что предпочитает ложь истине, подлость – благородству, или [если] сам предпочитает делать насилия, как революционеры, то только потому, что предпочитает зверство – человечности, ненависть – любви и ложь – правде.

Так это по расчету. Но человек становится человеком только жертвой. Есть сторонники суеверия государства, которые идут на жертву ради своего суеверия; есть, и еще чаще, такие революционеры; так должно и не может не быть и есть среди людей, не говорю: христиан, но просто людей разумных и добрых.

Так вот, будьте ими, и вы найдете истин-

ное благо и дадите его людям.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

ПЕСНИ НА ДЕРЕВНЕ

* № 1 (р^{ук. № 1}). Было осеннее, пасмурное, туманное, безветренное утро. С деревни была слышна разлихая песня многих голосов под бойкую игру гармонии. Голоса и гармония были слышны точно рядом, но за туманом никого не было видно. Был будний день, и потому песни поутру сначала удивили меня.

Да это, верно, рекрутов провожают, — вспомнил я бывший на днях разговор о том, что пятеро назначено из нашей деревни, и пошел по направлению к невольно притягивающей к себе развеселой песне. Пели на деревне. Но когда я подошел к[91] песенникам, песня и гармония затихли. У каменной двухсвязной избы на проулке стояла небольшая кучка баб, девок, детей и два или три мужика. Песенники, то есть провожаемые ребята, вошли в[92] избу к отцу одного из провожаемых. Пока я расспрашивал у баб, чьи да чьи ребята

идут, и зачем они зашли к Прохору, из избы вышли сопровождаемые <отцами>, матерями и сестрами и сами молодые ребята. Так, как и говорили, их было пятеро: четверо холостых, один женатый. Деревня наша под городом, и почти все призывные были городские и, очевидно, одетые, как на праздник, в самые лучшие одежды – пиджаки, новые картузы, высокие щегольские сапоги. Невольно заметил я особенно троих: первого правнука[93] хорошо знакомого мне хозяйственного старика-пчеловода. Это был один из лучших дворов в деревне в мое время, и все три поколения были такие же, как прадед: порядочные, честные, трудолюбивые и уважаемые люди. Правнук этот, «Александра», был невысокий, хорошо сложенный парень с милым, веселым, выразительным лицом, с чуть пробивающимися[ся] усиками и бородкой. Как только он вышел, он тотчас же взялся за большую дорогую гармонику, висевшую у него через плечо, и, весело поклонившись мне, тотчас же заиграл веселую «барыню», в такт, в самый раз шагая бойкими, притопывавшими шажками. Другой невольно бросался в глаза своим могучим те-

досложением: высокий, широкий, так же, как и все, чисто одетый – он обращал на себя внимание еще и тем серьезным, строгим выражением[94] молодого, чистого, умного лица. Он шел большими шагами позади песенников, опустив голову и только изредка взглядывая на кучу баб, шедших и рядом и позади ребят. Там, как я после узнал, была его мать. Третий был невысокий, коренастый малый, так же хорошо, даже лучше всех одетый,[95] особенно развязно поглядывавший по сторонам и бойко подхватывавший второй голос, когда запевало выводил первый. Этот был женатый. Другие два ничем особенным не отразились в моей памяти.

Когда я подошел к проводам, парни заходили уже во второй двор. По обычаю заходили для угощения вином ко всем тем, от кого шли парни в солдаты. С песнями парни прошли от 2-го двора до 3-го. Песни все были веселые, и, хотя лица большинства женщин были печальные, не было никаких выражений горя. Но как только подошли к 4-му двору, в котором должно было быть угощение, и остановились, так началось вытье и голошение

женщин. Трудно было разобрать, что они причитали. Слышны были только отдельные слова: на кого, родимый, оставляешь... Смертушка не берет... Отца-матери... Покидаешь родиму сторонушку... И после каждого стиха голосащая заливалась странными и страшными звуками, втягивая в себя воздух, и потом закатывалась истерическим хохотом, и потом опять, несмотря на уговоры других женщин, опять начинала голосить. – Да будет, Матрена. Я чай, уморилась – говорили ей. И одна кончала, начинала другая. Парни вошли в избу, я остался на улице, разговаривая со знакомым, бывшим моим школьником, крестьянином. Сын его был один из пятерых, тот самый коренастый парень, который шел женатым. Крестьянин этот был зажиточный. У него оставалось еще два сына подавальщика. Кроме того, шедший в солдаты женился в городе на горничной, и отец не надеялся уже на него – отрезанный ломоть – какая уже от него работа. Только бы сам себя кормил. Жалко-то жалко. А что же поделаешь.

Пока мы говорили, ребята вышли и из 4-го двора, и опять гармошка, потом голошение,

взвизги, хохот и опять гармоника. Сначала постояли, потом тронулись. Нельзя было не дивиться на энергию, бодрость певца и игрока, как он верно отбивал темп, как притопывал, останавливаясь, как замолкал и потом в самый раз подхватывал голосом, <развеселыми глазами поглядывая кругом>. У него, очевидно, настоящее и большое музыкальное дарование. Мы встретились с ним глазами, и эта веселость особенно не только жалка, но страшна была. И когда он взглядывал на меня – так, по крайней мере, мне показалось, – он видел, что я понимаю его веселость, скрывающую хуже чем горе – отчаяние, он отворачивался и еще бойчее заливался. В 5-й и последний двор я вошел вслед за ребятами. Парни, и одни они уже, сидели за убраным скатертью столом. На столе были хлеб и вино. Хозяин, тот самый крестьянин, у которого сын был женатый, наливал и подносил. Ребята почти ничего не пили, только пригубливали и отдавали. Хозяйка резала ковригу и подавала закусывать. Раза два так обошли всех стаканчиками. В то время, как я смотрел на парней, с печки, подле самого того места, где

я сидел, слезла женщина, скорее «дама», а не женщина, в модном платье, что-то было шелковое, какие-то прошивки, больше же всего бросались в глаза большие золотые серьги-кольца в ушах. Лицо женщины было не веселое и не грустное, но как будто обиженное. Она сошла на пол своими, с каблучками, новыми ботинками и вышла наружу. Я никак не мог понять, кто могла быть эта женщина. Всё ее одеяние, в особенности серьги и обиженное лицо было так чуждо всему окружающему, как было бы чуждо появление— мужика в лаптях в светской гостиной. Это была та жена призываемого, сноха, про которую свекор говорил мне, что она не работница, отрезанный ломоть. Парни отказались от угощения, встали, помолились, поблагодарили хозяев и вышли на улицу. Опять вытье, голосование, опять гармоника и опять вытье, особенно мучительное, так что бабы вдали покачивали головами, а вблизи стоявшие подхватили воющую и закатившуюся бабу под локти и отвели в сторону.

— Кто это?

— Да Александрина мать.

Это была мать песенника. Не доходя 5-го двора, шествие остановилось, подъехали телеги, чтоб везти призывных до волости. У телег особенно бойко разошелся Александра. Он, согнув голову на бок, и установившись на одной ноге, и вывернув другую, и постукивая ею, выводил такие залихватские выкрики под гармонию, что ребята, окружавшие толпу, не спуская глаз, смотрели на певца, любуясь им. На меня же он не взглянул ни разу, несмотря на то, что я смотрел только на него.

– И ловок же, бестия! – сказал кто-то из мужиков.

– Горе плачет, горе песенки поет.

Со мной поровнялся в это время маленький, худенький старичок, в лаптях и прорванном на боку зипунишке. Он поздоровался со мной. Я, не узнавая его, спросил: кто он.

Он не сказал, как бы сказал всякий старый знакомый на мой вопрос, не сказал: али не узнаешь, а сказал:

– Я-то? – Прокофий я.

И я тотчас же вспомнил работающего, хорошего рыжего мужика, который, как часто бывает, как бы на подбор подпадал под одно

несчастье после другого: то лошадей двух увели, то сгорел, то жена померла. Я не узнал его особенно потому, что, давно не видав его, помнил Прокофья красно-рыжим и среднего роста человеком; теперь же он был не рыжий, а с седой коротенькой бородкой и сделался маленьким, сгорбленным человечком.

– А, Прокофий. Как же, – сказал я и опять стал смотреть на парней.

К[96] возчику подъехавшей телеги подошел один из парней, тот высокий, сильный человек с строгим, серьезным лицом, которого я заметил с самого начала. Я не знал, кто он, из какого двора.

– А этот чей? – спросил я у остановившегося подле меня Прокофия.

– Это-то? – сказал Прокофий, и голос его задрожал. – Мой это, – проговорил Прокофий <и> зарыдал, как старая баба.

<И мне стало совестно смотреть на это ужасное зрелище. Если можешь что-нибудь сделать для того, чтобы не было этого ужаса, то делай, а не можешь, то не смотри на это, а иди домой.>

Сын его взглянул на отца, и умное лицо его

стало еще серьезнее, и тотчас же отвернулся. И мне стало мучительно тяжело и стыдно, и я повернулся и ушел домой.

5 ноября.

[ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР]

* № 1 (р^{ук. № 1}₁).

Служба обедни. Сомнения.

2

Беседа с старцами. Сознание недостаточности для себя достаточного для них.

<4[97]

Сестра или мать. Высший свет. Их ужас на революцию. Разговор о Jean об его fredaines.[98]

5[99]

Является Jean. Он <слушает и понимает> говорит, что думает. Обличает.>

3

Опять уединение. Дневник.

4

<Идет в народ.> Мужики живут. Появляется Иван. Его хватают.

5

Тюрьма, политические, проповедь. Сестра
выкупает.

6

У сестры. Обличает.

7

К революционерам.

8

К <сестре> товарищу начальнику.

9

За границей.

10

К государю.

11

Берет на себя.

12

Казнь с двумя разбойниками.

КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ

* **№ 1** (р^{ук. № 2}).
<УБИЙЦЫ> НЕТ ВИНОВА-
ТЫХ

Они все семеро уже 2-й месяц сидели в
тюрьме и ждали суда и решения. Решение
могло быть только одно: насильственная
смерть – <удавят за шею веревками>. Пре-
ступление их состояло в том, что они были

уличены в намерении убить взрывом бомбы считавшегося ими очень дурным и вредным человека, называвшегося «великим князем». Сидели они уже 2-й месяц, свидания между собой не допускалось, не допускалось и свидания с родственниками, не допускалось и общение с другими заключенными, но начальники тюрьмы, их помощники, надзиратели, сторожа, часовые солдаты были люди и притом русские люди, не совсем еще, но только временно одуренные, и потому необходимые сведения и не только сведения, но выражения чувств передавались и друг от друга между заключенными, а также и из внешнего мира. Известие, полученное 5 октября из верхнего этажа тюрьмы, спущенное на нитке, было особенно важное. На 22, то есть через две недели, был назначен суд над всеми тут же в Петербурге.

Первый узнал об этом Петр Подборский, считавшийся начальством как административным, так и судебским и тюремным – главою, руководителем всего дела. И начальство не ошибалось в этом. Если не он, а скорее Аркадий Сенцов был духовным руководителем,

сплочавшим всех восьмерых в одну душу, то несомненно то, что руководителем самого дела был Подборский. Как на воле, так и в тюрьме он, не так, как говорится, все, а действительно все свои силы и ума, и знания, и ловкости, и выдержки он употреблял на то дело, которое он раз решил, что нужно делать. Дело это, не общее дело (общее дело состояло в том, чтобы вывести русский народ на определенный и твердый путь свободы), а дело частное, в данное время составлявшее только часть общего дела, когда он был на воле, вне тюрьмы, было в том, чтобы, уничтожив одного из самых вредных членов правительства, нагнать этим страх на это правительство с тем, чтобы добиться от него тех первых уступок, которые нужны были для дальнейшей деятельности. В этом было то дело, которое он вел, будучи на воле, и он вел его с удивительным спокойным, неустанным расчетом, и не удалось оно не по его вине; теперь же ему предстояло другое дело: освобождение себя и товарищей от тюрьмы, и он вел его также вдумчиво, внимательно и упорно, и в те полтора месяца, которые он сидел, достиг в этом

деле уже значительного успеха. У него уже установилось посредством подкупленного сторожа общение с друзьями на воле и вырабатывался план их освобождения в то время, как их повезут на суд. Корреспондент его был узник верхнего этажа. У этого узника, тоже политического, были свидания с родными и через них получались сведения.

По особенному стуку в потолок он узнал о том, что надо дожидаться посылки, и тотчас же, открыв форточку, приготовился ловить записку. Записка долго не давалась, отгоняемая ветром, но все-таки [он] успел ухватить ее, хотя не большим с указательными пальцами, но указательным и средним, и осторожно потянул ее к себе. Записка в руке, в форточке, в камере. Он подносит к лампе: «Суд 22. Готовятся. Ждите».

Подборский сел на койку, глубоко вздохнул и стал думать: 22. Казанская – праздник. И хорошо и дурно, – думал он.

17 дек.

*№ 2 (рук. № 4).

ДЕЙСТВИЕ I-E

Действующие лица: Вл. Вас. Разумников, бывший офицер, 30 лет, в летней поддевке и картузе, и Павел в элегантном пальто и шляпе.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Александровский сад. На скамейке сидят Разумников и Павел и разговаривают. Мимо ходят гуляющие. Когда проходят близко, Разумников замолкает, но Павел не может удерживаться, говорит.

Разумников. <Всё дело в том, чтобы захватить все капиталистические предприятия: фабрики, заводы.

Павел. А земли? Первое дело земли.>

Разумников. Земли, разумеется, но главное дело согласиться, чтоб всем дружно действовать, а для этого нужно, чтоб народ понимал.

Павел. <Всё это верно сказано>. Истинная правда. Только бы понимал народ, и мужик, и фабричный, <что в нас сила, конец бы богачам, дармоедам, это верно>.

<Только одно: попы. Не понимает ведь народ>. *(Проходят гуляющие дама с мужчиной).*

Мужчина. Тут совсем недалеко, позвольте я провожу...

Разумников. Для этого нужно толковать (*останавливается, пока проходят*), образовывать народ, раздавать книги, <прокламации>. Вот вы в своей деревне.

Павел. <Я готов>. Я <теперь понял всё дело> на всё готов, я свет увидел. Только еще одно я хотел спросить: как же теперь с церквами, с попами, <народ держится за них>, у меня родители...

Разумников. А вы как? Верите в их учение?

Павел. Я? (*Пожимает плечами.*) Я когда и учился закону божию в школе, <сомневался> я понимал, что что-то тут не то; <теперь и вообще не верю>. А только не могу я всего отвергать. Ну, а как же теперь пророчества, мощи? Как вы скажете?

Разумников. Скажу вам так. Казалось бы, какая тут важность, верить или не верить в мощи, в чудотворные иконы...

Павел. <Да я и не верю>. Доказывают, что чудеса были. Люди видали.

Разумников. Я только одно скажу, что если верить в чудесное, то уже нельзя <вполне> правильно рассуждать о житейских делах.

Павел. О социальных вопросах?

Разумников. Да, да. Так вот, если вы поняли задачу партии и хотите работать с нами...

Павел. Только давайте работу и в деревне и в Москве. Я теперь вижу весь обман, вижу, что над нами сделано. Пора очнуться.

Разумников. Ну, так приходите в пятницу на собрание с Аносовым. Он[100] проведет вас.

** № 3 (рук. № 10).

[На л. 1:]

1) Судящиеся за покушение на жизнь великого князя сидят ли в одиночках, или могут быть вместе некоторые?

2) Могут ли быть сношения между собою?

3) Могут ли быть получаемы сведения извне?

4) Объявляется ли вперед день суда, или только накануне? И много ли может пройти времени между объявлением о времени суда и судом?

5) Допускаются ли свидания с родными? С какими и как?

6) Могут ли быть сношения с уголовными?

7) Как ведут или везут в суд?

8) В каком помещении суд?

9) Состав и процедура суда.

10) Палач.[101]

На все вопросы желательно иметь ответы: самые подробные, как обыкновенно делается и могут ли быть исключения.

[На л. 2:]

1) При военном суде допускаются ли адвокаты к подсудимому? Как? Где?

2) Описание, если возможно, помещения военного суда.

3) В чем состоит увещание священника о том, чтобы свидетель говорил правду?

4) Палачи кто? Сколько получают?

5) В какой тюрьме в Москве содержатся подлежащие 279 статье? В общей или в одиночной? Дают ли свидания?

6) Как делают бомбы?

7)

ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ

* № 1 (р^{ук. № 1}).

1) О религии.

2) О войнах.

3) Об отечестве, государстве.

4) О податях.

- 5) О пьянстве.
- 6) О представительстве.
- 7) О вознаграждении за труд.
- 8) О тюрьмах.
- 9) О казнях.
- 10) О богачах.
- 11) О наследственности.
- 12) О печати.
- 13) Об искусстве.
- 14) О науке.
- 15) О суде гражданском.
- 16) О суде уголовном.
- 17) О воспитании.
- 18) О труде.
- 19) Об охоте.
- 20) О питании мясом.
- 21) О городах.
- 22) О церкви.
- 23) О мощах.
- 24) О таинствах.
- 25) Об уважении древности.
- 26) Об играх.
- 27) Об образовании.
- 28) О власти – насилии.
- 29) О земле.

30) О науке.

31) Об искусстве.

* № 2 (рук. № 1).

ПЕЧАТЬ

В доме Смирновых. Два гимназиста 5 класса: Юдин и Смирнов, и Соня 15 лет, и В а н я 8 лет.

Входит дворник Матвей с тяжелой ношей за спиной.

Матвей. Куда, барчуки, эту штуку сложить?

Юдин. Что это?

Смирнов. Это газета «Истина» за прошлый год. Папа взял в редакции. *(Дворнику.)* Да вот сюда сложи. *(Дворник кладет в угол.)*

Ваня. Вот сколько написано.

Дворник. Да, брат, писали, не гуляли. *(Смеются.)*

Юдин. И зачем только твой отец выписывает эту гадкую газету?

Смирнов. Как гадкую? Тут всё верно объясняется.

Юдин. Как же верно, когда утверждается, что так и должна быть, когда подати выкола-

чиваются, и всякие незаконности.

Смирнов. Потому что никто не имеет права поступать самовольно. А если поступают, то должны быть наказаны. Этого нигде не будут терпеть.

Юдин. Неправда. Мы стоим за народ.

Смирнов. За народ. Жидовские газеты только это говорят.

Юдин. Нет, «Современное слово» не кривит душой.

Дворник. Это какая же – хорошая? Хорошая или нехорошая – не знаю, а тяжелая. Ну, скажите же папаше, что принес. *(Уходит.)*

Смирнов. Хорошо, спасибо. Отец взял за год из-за фельетонов Скрипицына.

Юдин. А дядя говорит, что это пустобрех. Он вчера читал маме, как его Никитин в «Современном слове» отделявает. Все смеялись.

Смирнов. А мы считаем, что Никитин дурак.

Юдин. Ну, это я бы не советовал тебе говорить.

Смирнов. Отчего? Я как думаю, так и буду говорить. Если есть законы, то надо им повиноваться.

Юдин. Зачем? Вот если бы ты читал Никитина, ты бы понял, когда можно и должно по-виноваться, когда...

Соня. А я думаю, что об этом не надо рассуждать.

Смирнов. <У каждого свое мнение.> Du moins, des opinions saillit la vérité.[102]

Соня. Да как же одна газета говорит одно, другая совсем другое. Кто же прав?

Смирнов. Вот видно, что девочка, и рассуждаешь, как женщина. На то у каждого свой ум, ч[тобы] решать.

Ваня. А какая же газета [говорит] правду, а какая неправду?

Смирнов (*смеется*). В этом-то и дело, чтоб узнать, кто прав.

Ваня. А я думаю, что этого совсем не нужно.

Юдин. Чего?

[Ваня.] Да всех газет этих. Каждый сам рассудит.

Юдин. Ну, рассудил.

* № 3 (рук. № 1).

СУД

Маша 10, Гриша 12, Люся 6. (Мать шьет.)

Маша (*прижимает к груди картину*). Тетя сказала: это тебе, а это Грише.

Гриша. И неправда. Она не говорила: это тебе, а это Грише, а тетя сказала: тебе и Грише. Разумеется, всякому хочется самое лучшее себе. А ты и схватила самое лучшее.

Маша. Нет, она мне дала картину, а тебе книжку.

Гриша. Вот и врешь. Люсе она дала куклу, а нам вместе. Люся, ты слышала?

Люся. Нет, я не знаю. <Только вы лучше разделите.

Маша (*смеется*). Вот умно как! Что ж мы разорвем и картину и книжку?>

Гриша. Надо у мамы спросить.

Маша. И спроси. (*Идут к матери.*)

Гриша. Маша выдумала, что тетя подарила ей картину, а не вместе. Правда, что она сказала: вам вместе.

Маша. Нет, она сказала: это тебе. Ведь правда?

Мать. В чем у вас спор?

* № 4 (рук. № 4).

[ЛЮБИТЕ ОБИЖАЮЩИХ ВАС]

(Маша 10-ти лет и Ваня 8-ми).

Маша. Отчего же тебе скучно? Кататься ездил, вечером будет угощение.

Ваня. Как это ты не понимаешь. Веселье совсем не в этом.

Маша. А в чем же?

Ваня. Вот если бы ты меня побила, как третьего дня. Вот это было бы мне веселье.

Маша. Зачем ты, Ваня, поминаешь про это? Ведь ты простил меня. Я знаю, что я была виновата. Ты простил, ну что ж поминать.

Ваня. Ах, как ты не понимаешь. Я не хочу тебе поминать, а я только говорю, что не весело.

Маша. Не понимаю.

Ваня. Чего ж тут понимать. Помнишь, как в прошлое воскресенье дядюшка П. И., как я его люблю...

Маша. Кто ж его не любит. Мама говорит, что он святой. Это и правда.

Ваня. Ты помнишь, прошлое воскресенье он рассказывал историю, как одного человека все обижали, а он тех-то и любил, которые его обижали. Они его ругают, а он их хвалит. Они

его бьют, а он им помогает. Дядя говорил, что если так делать – самая большая веселость. И я вот третьего дня и стал так делать. И вот, когда ты меня побила, а я тебя стал целовать, и ты заплакала. И мне стало так весело. И с Колей и с няней так раз сделал, и всегда весело. А раз не удержался с Колей.

Маша. Так это от этого?

Ваня. Да. От этого и скучно теперь.

Маша. Некому прощать?

Ваня. Да.

Маша. Так тебе хотелось, чтобы тебя побил кто-нибудь?

Ваня. Даже очень бы хотелось.

Маша. Как ты был дурачок, так и остался.

Ваня. Пускай совсем дурак, а только теперь мне никто ничего не делает.

Маша. Отчего никто ничего не делает?

Ваня. Оттого, что мне всё хорошо.

Маша. Вот чудак.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

**** № 1** (1 ук. № 1).
Беру в руки газету, в заголовке: 7 смертных казней – 2 там, 4[103] там, 1 там, 8 смертных приговоров. То же бы-

ло вчера, то же 3-го дня, то же каждый день, уж месяцы, чуть не годы. И это делается в той России, в которой не было смертной казни, отсутствием которой как гордился я когда-то перед европейцами. И тут неперестающие казни, казни, казни. То же и нынче. Но нынче это что-то ужасное, для меня, по крайней мере, такое, что я не могу не то что молчать, не могу жить, как я жил, в общении с теми ужасными существами, которые делают эти дела. Нынче в газете стоят короткие слова: исполнен в Херсоне смертный приговор через *повешение* над 20 крестьянами, т. е. 20, двадцать человек из тех самых, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы развращаем [104] всеми силами, начиная с яда водки, которой мы спаиваем их, и кончая солдатством, нашими скверными установлениями, называемыми нами законами, и, главное, нашей ужасной ложью той веры, в которую мы не верим, но которую стараемся обманывать их, 20 человек из этих самых людей, тех единственных в России, на простоте, доброте, трудолюбии которых держится русская жизнь, этих людей, мужей, отцов, сыновей, таких же,

как они, мы одеваем в саваны, надеваем на них колпаки и под охраной из них же взятых обманутых солдат мы взводим на возвышение под виселицу, надеваем по очереди на них петли, выталкиваем из-под ног скамейки, и они один за другим затягивают своей тяжестью на шее петли, задыхаются, корчатся и, за три минуты полные жизни, данной им богом, застывают в мертвой неподвижности, и доктор ходит и щупает им ноги – холодны ли они. И это делается не над одним, не нечаянно, не над каким-нибудь извергом, а над двадцатью[105] обманутыми мужиками, кормильцами нашими. А те, кто главные виновники и попустители этих ужасных преступлений всех законов божеских и человеческих – г-н Столыпин говорит бесчеловечные, глупые, чтоб не сказать отвратительные, спокойные речи, старательно придуманные глупости о Финляндии, и [в] думе господ Гучковы и Милюковы вызывают друг друга на дуэль, и самый глупый и бесчеловечный из всех г-н Романов, называемый Николай второй, смотрит казачью сотню и за что-то благодарит. [106]

Ведь это ужасно. Нельзя и нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не хочу и не буду. Затем и пишу это [107] и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы или кончились эти ужасные нечеловеческие дела, или кончил бы я и или посадили меня в каменный мешок, где бы я чувствовал, что не могу ничего сделать, или лучше всего (так хорошо, что я не смею и мечтать о таком счастье) надели бы на меня на 21-го или 21000 первого саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле петлю.

[108] Нельзя, нельзя так жить. Ведь все эти творимые ужасы, ведь оправдание их – это я с своей просторной комнатой, с своим богатым обедом, с своей лошастью. Ведь мне говорят, что всё это делается, между прочим, и для меня, для того, чтобы я мог жить спокойно и со всеми удобствами жизни. Для меня, для обеспечения моей жизни все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, сидящих,

как сельди в бочонке, и мрущих от тифа в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня эти полицейские шпионы, доносы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награды за убийства, для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых. Для меня эти ужасные виселицы и работа трудно добываемых, но теперь уже не так гнушающихся этим делом людей – палачей.

Не хочу, не могу я пользоваться всем этим. А между [тем] я знаю, не могу не знать, что правда то, что моя спокойная жизнь достаточного человека, моя и моих семейных обеспечена всем этим. Не хочу я этого, не могу переносить больше. Как мне ни больно чувствовать свою связь, связь своей спокойной жизни со всеми этими ужасами лжей, подкупов, насилий, жестокости, убийств, а она есть, несомненно есть; большее всего мне, непереносимее, это не эти мерзкие, бесчеловечные дела, а то развращение народа, которое, как пожар в сухой соломе, распространяется в народе вследствие того, что все эти мерзкие преступления правительства, превышающие в сотни раз всё то, что делалось и делается и

простыми ворами, грабителями и всеми революционерами вместе, совершаются под видом закона, чего-то нужного, хорошего, необходимого. Ужасно это развращение, поддерживаемое всем блеском внешности: царь, сенат, синод, солдатство, дума, церковь.[109] И развращение это ужасно. В Орле искали палача. Нашелся вольный человек и согласился исполнить дело за 50 р. Во время совершения ужасного дела, уже надев на убиваемого мешок, вольный палач остановился и, подойдя к начальнику, сказал: не могу, прибавьте четвертной билет. Ему прибавили. Он исполнил. Мало этого. Следующая казнь предстояла пятерым. Накануне казни злодею, называемому председателем, доложили, что его спрашивает человек по важному тайному делу. Злодей вышел, неизвестный человек сказал: «С вас, ваше превосходительство, тот жила три четвертных взял, сказывали; слышно, нынче пятерых, я по 15 цел[ковых] – и сделаю, как должно. Прикажете оставить за мной». Не знаю, принято или нет предложение. Нельзя более молчать. Я по крайней [мере] не могу более. —

Знаю я, что все люди – люди, все мы слабы, все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Так я думал, чувствовал и долго боролся с тем чувством негодования и отвращения, которое возбуждали и возбуждают во мне все эти председатели военных судов, Щегловитые, Столыпины и Николаи. Но я не хочу больше бороться с этим чувством. Не хочу, во 1-ых, потому, что дела этих людей дошли теперь до того предела, при котором не осуждение, а обличение людей, довольных своей порочностью, гадостью, окруженных людьми, восхваляющими их за их гадость, необходимо и для них самих и для той толпы людей, которая не разбирая подчиняется общему течению. Не хочу бороться, во 2-ых (откровенно признаюсь в этом), потому, что надеюсь, что мое обличение их вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из того круга людей, среди которого я живу, или вообще из круга живых людей. Жить так и спокойно смотреть на это для меня стало совершенно невозможно.

Обращаюсь ко всем участникам непрерывно совершающихся под ложным назва-

нием закона преступлений, ко всем вам, начиная от взводящих на виселицу и надевающих колпаки и петли на людей-братьев, на женщин, на детей, и до вас, двух главных скрытных палачей, своим попустительством участвующих во всех этих преступлениях: Петру Столыпину и Николаю Романову.

Опомнитесь, одумайтесь. Вспомните, кто вы, и поймите, что вы делаете.

Ведь вы, прежде чем быть палачами, премьерями, царями, прежде всего люди и братья людей, нынче выглянули на свет божий, завтра вас не будет. (Вам-то, вызвавшим и вызывающим к себе, как палачи, так и вы, особенную ненависть, вам-то особенно надо помнить это.) Неужели вам, выглянувшим на этот один короткий миг на свет божий – ведь смерть, если вас и не убьют, вот она всегда у всех нас за плечами, – неужели ваше призвание в жизни может быть только в том, чтобы убивать, мучать людей, самим дрожать от страха убийства и лгать перед собой, перед людьми и перед богом, что вы делаете всё это по обязанности для какой-то выдуманной несуществующей цели, для выдуманной

именно для вас, именно для того, чтобы можно было, будучи злодеем, считать себя подвижником выдуманной *России*. Ведь вы сами знаете, когда не опьянены своей обстановкой, что призвание ваше и всех людей в одном: в том, чтобы прожить этот короткий промежуток данного нам времени в согласии с самим собою, с богом и в любви от людей и к людям. А что же вы? Что же ваша жизнь? Кого вы любите? Кто вас любит? Ваша жена? ваш ребенок? И то едва ли? Да и это не любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь – это любовь к людям и от людей. А вам льстят те, которые в душе презирают вас и вас боятся и ненавидят, и как ненавидят!

Мой приятель живописец пишет картину: смертную казнь, и ему нужно было лицо палача. Он узнал, что в Москве дело это исполняет сторож, дворник в большом сарае. Художник пошел на дом к сторожу. Это было на святой. Семейные сидели за чайным столом нарядные, но хозяина не было: он спрятался, увидав незнакомца. Жена сказала, что его нет дома, но ребенок-девочка выдала его.

– Нет, он на чердаке.

Художник решил дожидаться. Когда этот несчастный, развращенный человек решил прийти, он долго выпытывал художника, зачем ему нужен, почему именно он (художник сказал, что он, встретив его, нашел, что лицо его подходит к задуманной им картине), и, испуганно оглядываясь, отказался от всего.

[110] Палач этот тем лучше вас, – вы, председатели судов, министры и вы, два главные, Столыпин и Романов, – тем лучше, что он знает свое преступление, в которое он был вовлечен и своей бедностью и невежеством. А вы, вы, чем оправдаетесь вы перед людьми теперешними, ненавидящими и презирующими вас теперь, и перед будущими поколениями, которые навсегда с отвращением будут поминать ваши имена. Еще те разные председатели, прокуроры счастливы тем, что в будущем их забудут, а вас не забудут. Но понимаю, что можно еще пренебречь мнением людей, но бог, совесть? Неужели в вас нет ее? Палач этот, да и всякий палач (все палачи, сознавая свой грех, боятся людей и прячутся), палач этот много, много лучше вас тем, что он со-

знает свой грех; вы же верите тем лживым людям, которые из своих личных целей восхваляют вас, но восхваляют только [до] тех пор, пока вы нужны им. Подумайте, подумайте о том, что вы делаете.

Вы говорите, что вы боретесь с революцией, что вы хотите водворить спокойствие, порядок, но ведь если вы не дикие звери, а хоть немного добрые и разумные люди, вы не можете верить тому, что вы говорите. Как! вы водворите спокойствие тем, что разрушите в людях всякие последние остатки христианства и нравственности, совершая – вы, представители власти, руководители, наставники – все самые величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительства и последнее, вечно противное всякому человеку, не потерявшему последние остатки нравственности – не убийство, а убийства, бесконечные убийства, одеваемые в какие-то такие лживые одежды, при которых убийства переставали бы быть преступлениями. <Вы> говорите, что это единственное средство погашения революции, успокоения народа. Разве вы можете верить в то, что, не удовлетворяя

требованиям, определенным требованиям всего русского народа и сознанным[111] уже большинством людей требованиям самой первобытной справедливости, требованиям уничтожения земельной собственности, не удовлетворяя даже и другим требованиям молодежи, напротив того, раздражая народ и молодежь, вы можете успокоить страну убийствами, тюрьмами, ссылками? Вы не можете не знать, что, поступая так, вы не только не излечиваете болезнь, а только усиливаете ее, загоняя ее внутрь. Ведь это слишком ясно. Этого не могут не видеть дети.

[112] Вы говорите, что революционеры начали, что злодеяния революционеров могут быть подавлены только такими же мерами. Но как ни ужасны дела революционеров: все эти бомбы, и Плеве, и Сергей Александрович, и те несчастные, неумышленно убитые революционерами, дела их и по количеству убийств и по мотивам их едва ли не в сотни раз меньше и числом и, главное, менее нравственно дурны, чем ваши злодеяния. В большинстве случаев в делах революционеров есть, хоть и часто ребяческое, необдуманное,

желание служения народу и самопожертвование, главное же, есть риск, опасность, оправдывающая в их глазах, глазах увлекающейся молодежи, оправдывающая их злодеяния. Не то у вас: вы, начиная с палачей и до Петра Столыпина и Николая Романова, руководимы только самыми подлыми чувствами: властолюбия, тщеславия, корысти, ненависти, ме-сти.

Сначала я думал про Петра Столыпина, когда имел наивность[113] предлагать ему выступление с проектом освобождения земли от собственности, что он только ограничен и запутан своим положением, думал и про Николая Романова, что он[114] своим рождением, воспитанием, средой доведен до той тупости, которую он проявлял и проявляет в своих поступках, но чем дольше продолжается теперешнее положение, тем больше я убеждаюсь, что эти два человека, виновники совершающихся злодейств и развращения народа, сознательно делают то, что делают, и что им именно, находящимся в той среде, где они, вследствие своей возможности удовлетворять желаниям окружающих их людей, жи-

вут в постоянной атмосфере лести и лжи, что эти два человека больше каких-нибудь других нуждаются в обличении и напоминании.

Да, вы все, от первого палача до последнего из них, Николая II, опомнитесь, подумайте о себе, о своей душе. Поймите, что всё то, что побуждает вас делать[115] то, что вы делаете, один людской, жалкий людской обман, а что истина в вас самих, в том голосе, который хоть изредка, но наверное говорит в вас и зовет вас к одному тому, что нужно человеку в этом мире, к тому, что несовместимо с злобой, местью, причинением страданий, не говорю уже, с казнями, к одной любви, к любви и к любви к людям. Только одно это нужно, только это[116] даст вам благо в этой жизни и в том скоро предстоящем каждому из нас переходе[117] из этой жизни в то состояние, которое мы не знаем.

Помоги вам в этом, всем вам, как вам, несчастным, заблудшим, преимущественно юношам, которые думают насилиями и убийствами избавить себя и народ от насилий и убийств, так и вам всем несчастным палачам от того сторожа в Москве и заместителя по 15

р. с головы до Столыпина и Ник. Романова, помоги вам всем тот бог, который живет во всех вас, опомниться прежде смерти и скинуть с себя всё то, что мешает вам вкусить истинное, открытое для всех нас в любви благо жизни.

Лев Толстой.

14 мая 1908.

* № 2 (рук. № 2).

И вот *двадцать*, [118] двадцать человек из этих самых наших кормильцев, тех единственных в России, на доброте, трудолюбии, простоте которых еще держится русская жизнь, этих людей, мужей, отцов, сыновей, схватили, заковали в цепи, потом под охраной из них же взятых обманутых солдат притащили к помосту виселицы; должно быть, в насмешку над ними и над богом привели туда же в парчовой ризе длинноволосого с крестом, дерзко под виселицей призывающего имя Христа; потом одели этих людей в саваны, надели на них колпаки и ввели на возвышение. Начальство в мундирах, генералы и прокуроры, с значительным видом людей, де-

лающих важное и полезное дело, смотрели на это, своим присутствием оправдывая совершаемое. Потом на шеи этих людей захлестывали по очереди петли, вытолкнули из-под их ног скамейку – и они один за другим повисали, затягивая своей тяжестью на шее петли. И 20 человек, за три минуты полные жизни, данной им богом, застыли в мертвой неподвижности. Служащий врач ходил под повешенными и щупал их ноги – холодны ли они, и когда всё начальство нашло, что всё совершилось, как должно, оно всё спокойно удалилось. Мертвые тела сняли и зарыли. И это делается не над одним, не нечаянно, не над каким-нибудь извергом, а над двадцатью[119] обманутыми мужиками. И в это время, как это делается, те несчастные, чтобы не сказать мерзавцы, главные виновники и попустители этих ужасных преступлений всех законов божеских и человеческих – эти люди говорят – один в Думе с полной уверенностью в важности совершаемого им дела высказывает какие-то никому не нужные, но все-таки лживые рассуждения о том, как русские могут и должны делать неприятности финлянд-

цам, другой же на смотру каких-нибудь казаков еще с большей важностью высказывает казакам свою высочайшую благодарность за то, что они хорошо верхом ездят.

* № 3 (рук. № 3).

Перед виселицами стоят генералы и прокуроры в мундирах и с крестами на груди, с значительными видами людей, исполняющих хотя и трудную, но священную обязанность. Вокруг них, охраняя порядок при совершении этого ужасного дела, стоят такие же точно, как те, которых будут вешать, мужички, лишь только одетые теперь в хорошие, чистые солдатские с погонами мундиры, с перекинутыми через плечи свернутыми шинелями и с ружьями в руках. Среди всех их, должно быть в насмешку над богом и Христом, стоит также длинноволосый и в парчовой ризе так называемый священник. И «священник» этот тут же под виселицей, обращаясь к убиваемым, держа перед собой крест, призывает для чего-то имя Христа. Потом одевают убиваемых в саваны, надевают на них колпаки и взводят их на помост. Несчастный,

измученный, развращенный до последнего предела такой же мужик, как и те, кого он убивает, надевает по очереди на шеи этих людей петли, потом выталкивает из-под ног скамейку, и они, один за другим, затягивая своей тяжестью на шее веревки, повисают в пустом месте перед помостом. И *двадцать* человек, за три минуты полные жизни, данной им богом, застывают в мертвой неподвижности. Служащий врач ходит под виселицами и щупает им ноги. И когда он находит, что ноги достаточно холодны и дело совершено, как должно, он докладывает начальству, и все эти люди – люди, называющие себя христианами, удаляются к своим обычным занятиям и удовольствиям с сознанием добросовестно исполненного долга. Застывшие тела снимают и зарывают опять те же из разных губерний мужички, одетые в мундиры. Ведь это ужасно. И это делается не над одним, не случайно, не над каким-нибудь извергом, а над *двадцатью* обманутыми мужиками. И в то время, как это делается, те несчастные, главные виновники и попустители этих преступлений всех законов божеских и челове-

ских, не испытывая и тени сознания своей преступности, с полным спокойствием и самоуверенностью говорят – кто разные пошлые, всем известные неправды и глупости о том, как русским надо непременно мешать финляндцам, жить так, как хотят этого финляндцы, а заставлять их жить, так, как хотят несколько человек русских, кто о том, что он глубоко тронут преданностью каких-нибудь казаков или купцов, и как он изъявляет им за это свою высочайшую благодарность. Ведь это ужасно.

№ 4 (рук. № 3).

V

Вы говорите еще: начали не мы, а революционеры, и ужасные злодеяния революционеров могут быть подавлены только твердыми (вы так называете ваши злодеяния), твердыми мерами правительства. Но как ни ужасны дела революционеров, все эти бомбы, и Плеве, и Сергей Александрович, и все эти отвратительные убийства при грабежах денег – все дела революционеров и по количеству убийств и по мотивам едва ли не в сотни раз

меньше и числом и, главное, – не так нравственно отвратительны, как ваши злодеяния. Побудительной причиной их поступков в огромном большинстве случаев есть хоть и ребяческое, необдуманное, тщеславное, но все-таки справедливое негодование против угнетения народа, есть готовность жертвы, есть риск, опасность, оправдывающие многое в глазах молодежи. Не то в ваших делах. Вы, начиная с низших палачей и до высших распорядителей их, вы все руководимы только самыми подлыми чувствами: властолюбия, тщеславия, корысти, ненависти, мести. Говорят: революционеры начали. *Que Messieurs les assassins commencent par nous donner l'exemple,*[120] как говорил шутник француз. И явно, что это самое и думают все виновники тех страшных дел: революционеры убивают, и мы будем убивать их. И это говорят – кто же? – люди, признающие богом того, кто, не говоря уже об установлении главного закона жизни христиан – братства и любви друг к другу, самым определенным образом запретил не только всякое убийство, но всякий гнев на брата, который признал всех людей

сынами бога, который запретил не только суд и наказание, но осуждение брата, который в самых определенных выражениях отменил всякое наказание, признал неизбежность всегдашнего прощения, сколько бы раз ни повторилось преступление, который так просто, ясно показал рассказом о приговоренной к побитию камнями женщине невозможность осуждения и наказания одними людьми других. Так не говорите же, по крайней мере, о Христе и его законе, который будто оправдывает ваши ужасные преступления. Кроме постыдного греха лжи, который вы этим совершаете, вы делаете еще ужасное преступление, извращая это учение и этим извращением лишая народ того блага, которое оно дает ему. А это делаете вы все: и те редкие из вас, которые веруют как-то в это извращенное учение, и те, которые притворяются, что веруют, и те, которые ни во что не веруют и ничем не руководствуются, кроме своих телесных похотей.

КОММЕНТАРИИ

«ВОЛК»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Сказку «Волк» Толстой продиктовал в фонограф около 19 июля 1908 г. Под этим числом в дневнике секретаря Толстого Н. Н. Гусева записано: «Сегодня я списал с фонографа сказанную Львом Николаевичем на днях сказочку о волке и мальчике. Сказочку эту Лев Николаевич придумал для своих внуков, детей Михаила Львовича, гостивших в Ясной».

[121]

Сказка впервые была напечатана в журнале «Маяк» (изд. «Посредник»), М. 1909, «№ 1 (вышел 23 февраля 1909 г.)».

В настоящем издании сказка печатается по журнальному тексту.

Рукописи сказки не сохранились; в архиве Толстого имеется лишь машинописная копия ее без авторских исправлений. Текст этой копии имеет несколько мелких различий с журнальным текстом. Возможно, что эти различия вызваны исправлениями Толстого

в наборной рукописи или же в корректурах.

«РАЗГОВОР С ПРОХОЖИМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Сюжетом для очерка «Разговор с прохожим» послужил Толстому его разговор с «калуцким мужичком», которого он встретил на прогулке, близ Крекшина, Московской губ., где жили Чертковы и у которых Толстой гостил с 4 по 18 сентября 1909 г.

В Дневнике 9 сентября Толстой записал: «Рано вышел. На душе очень хорошо. Всё умиляло. Встреча с калуцким мужичком. Записал отдельно. Кажется, трогательно только для меня» (т. 57, стр. 135).

С этой записи, сделанной «отдельно» (то есть на отдельных листах, а не в Дневнике), была снята машинописная копия. 18 сентября Толстой, просматривая копию, внес в нее исправления и значительные дополнения. В Дневнике под этим числом он записал: «Сейчас дома прибавил к 1-му разговору»[122] (т. 57, стр. 142).

Окончательный просмотр этой рукописи Толстой, повидимому, произвел уже в Ясной

Поляне 21 сентября, о чем свидетельствует помета переписчика на последней чистой странице ее (см. описание рук. № 2).

Очерк «Разговор с прохожим» впервые был напечатан в «Юбилейном сборнике Литературного фонда» (СПб. 1910), куда, по словам редактора этого сборника С. А. Венгерова, передал его по поручению Толстого В. Г. Чертков.

В настоящем издании очерк печатается по тексту сборника, с исправлением опечаток и ошибок корректуры по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 2 л. среднего почтового формата. Первый лист заполнен с обеих сторон; второй – только с лицевой. Заглавия нет. *Начало:* «Встал рано». *Конец:* «и всего можно ожидать от того народа». Вслед за текстом дата: «9 сент. 1909».

2. Машинописная копия предыдущей рукописи. 4 л. 4°, заполненных с одной стороны (л. 4 чистый). Много исправлений и дополнений автора. Заглавия нет. *Начало:* «Вышел рано». *Конец:* «самого прекрасного от такого народа?» На обороте четвертого, чистого, листа

помета переписчика: «Черновые 1-го разговора с крестьянином. 21 сент.».

«ПРОЕЗЖИЙ И КРЕСТЬЯНИН»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

11 сентября 1909 г., в бытность у В. Г. Чертова в Крекшине, [123] Толстой отметил в Дневнике: «Записал разговор с крестьянами», и дальше под тем же числом: «Ничего, кроме разговора с крестьянами, не записал» (т. 57, стр. 137).

В Записной книжке под этим числом Толстой набросал в художественной форме свой разговор с крестьянами о причинах их бедственного положения и о средствах избавления от него (см. т. 57, стр. 239—241) и в тот же день записал эту сценку на отдельных листах (см. описание рук. № 1).

Как в Записной книжке, так и в первой черновой рукописи Толстой не называет действующих лиц и не дает заглавия этой сценке.

По содержанию и характеру записи диалога в Записной книжке можно заключить, что Толстой стремился придать этому диалогу чи-

сто художественную форму, исключив из него все автобиографическое. Судя по народным оборотам речи, разговор с крестьянами ведет также человек из народа.

Запись диалога, сделанная на отдельных листах, по форме резко отличается от первой записи. Здесь разговор ведет сам автор. Крестьяне пришли к нему, и, здороваясь с ними, автор благодарит их за это: «Здравствуйте, братцы. Спасибо, что пришли».[124] Далее, в ответ на жалобы крестьян на «недостатки», автор отвечает: «Есть у меня сын, тоже всё матери на недостатки жалуется. А приехал я к нему: полная конюшня лошадей, собаки охотницкие по сто рублей плачены». Речь автора в этой записи не похожа на речь крестьян, и вся сценка написана более пространно, в особенности последний монолог автора, в котором он пытается указать пути выхода из «бедственного положения» крестьян.

Однако уже в первой копии, сделанной со второй записи диалога, Толстой вычеркивает всё, что указывало на автобиографичность этой беседы. Вычеркиваются слова из первой реплики автора: «Спасибо, что пришли»; а ре-

плика о сыне, цитированная выше, заменяется следующей: «Вот тоже я сейчас от помещика, так тоже всё на недостатки жалуется. А у самого 12 лошадей на конюшне, оранжереи, теплицы, собаки охотничьи по 100 рублей плачены. А всё говорит недостатки» (см. рук. № 2).

Сценка перестраивается с разговора автора с крестьянами на разговор «приезжего» с крестьянином. Соответственно этому вписывается заглавие: «Приезжий и крестьянин», и реплики каждого из них помечаются буквами «П.» и «К.».

Следующая копия (рук. № 3) вновь перерабатывается Толстым от начала до конца. Исключается место о помещике (см. выше), почти целиком вычеркивается последний монолог «приезжего». Самый разговор заканчивается уже словами крестьянина, которыми заканчивается (почти дословно) сценка и в окончательной редакции. Заглавие изменяется на «Проезжий старик и крестьянин».

Можно предположить, что исправление этой, второй, копии Толстой производил 14 сентября. В Дневнике под этим числом он от-

метил: «Поправил разговор проезжего с крестьянином» (т. 57, стр. 139). Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что как во второй копии, так и в Дневнике 14 сентября Толстой употребил впервые слово «проезжего» вместо «приезжего».

18 сентября Толстой записал в Дневнике: «Сейчас дома прибавил к 1-му разговору и хочу переделать 2-й» (т. 57, стр. 142). «Первым разговором» Толстой называл «Разговор с прохожим», а вторым – «Проезжий и крестьянин».[125]

Однако до 22 сентября Толстой, повидимому, не принимался за исправление «второго разговора»: третья копия помечена именно этим числом (см. описание рук. № 4). Дальнейшая работа над ним, судя по отметкам переписчиков на обложках рукописей и записям Толстого в Дневнике, производилась 22, 25, 30 сентября, 2, 4, 6, 8, 9, 11 и 12 октября (см. описание рукописей и записи в Дневнике, т. 57, стр. 145, 147, 149 и 150).

Соответственно развитию темы диалога Толстой в Записной книжке вносил как отдельные мысли к нему, реплики, так и целые

сцепки (см. т. 57, стр. 242, 243, 245 и 246).

4 октября Толстой дал этому «Разговору» окончательное заглавие (см. описание рук. № 7), а 12 октября была в основном закончена работа над ним. Этим числом подписана переписчицей последняя, полная, рукопись (№ 13). Дубликат этой рукописи, имеющий лишь одну поправку Толстого, надо думать, просматривался Толстым 22 октября, о чем он отметил в этот день в Дневнике: «Чуть-чуть поправил разговор» (т. 57, стр. 158).

При жизни Толстого диалог «Проезжий и крестьянин» напечатан не был. Впервые опубликован в 1917 г. в газете «Утро России», № 116 от 10 мая.

В настоящем издании диалог печатается по рукописи № 13.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 5 лл. почтового формата, испи-
1санных с обеих сторон. Пагинация рукой Толстого цифрами 1-10. *Начало:* «Здравствуй-те, братцы». *Конец:* «не на кого будет жаловаться». Под текстом дата: «И сентября 1909». На обложке рукой переписчика помечено: «Черновые 2-го разговора крестьянина с при-

езжим».

2. Машинописная копия рук. № 1 с исправлениями Толстого. 7 лл. 4° *Начало*: «П. Здравствуйте, братцы». *Конец*: «не на что будет и жаловаться». Толстым вписано заглавие: «Приезжий и крестьянин».

3. Машинописная копия рук. № 2 с большими исправлениями Толстого. 8 лл. 4°. *Начало*: «П. <Здравствуйте, братцы>». *Конец*: «Речи твои хорошие (уходит)». Заглавие Толстым исправлено: «Проезжий старик и крестьянин».

4. Машинописная копия рук. № 3 с исправлениями Толстого. 2 лл. 4° и 3 отрезка (остальные переложены в следующие рукописи). *Начало*: «П. Ну, как живете, братцы?» *Конец*: «воевать нельзя» запрещаю». На обложке дата переписчицы: «22 сент. 09».

5. Машинописная копия рук. № 4. 1 л. 4° и 1 л. почтового формата автографа-вставки (остальные листы переложены в следующие рукописи). *Начало*: «В крестьянской избе». *Конец*: «П. А я ведь <точно думал>». На обложке дата переписчицы: «30 сент. 09».

6. Машинописная копия рук. № 5 с большими

ми исправлениями и вставками Толстого. 10 лл. 4°, 1 л. почтового формата (автограф-вставка) и 4 отрезка (часть листов переложена из предыдущих рукописей). *Начало*: «(В крестьянской избе)». *Конец*: «Речи твои хорошие (уходит)». На обложке дата переписчицы: «2 окт. 09 г.».

7. Машинописная копия рук. № 6 с исправлениями Толстого. 4 лл. 4° и 7 отрезков (часть листов и отрезков переложена в следующие рукописи). *Начало*: «(В крестьянской избе)». *Конец*: «не такая бы наша жизнь была». Заглавие исправлено Толстым: «Проезжий и крестьянин». На обложке дата переписчицы: «4-го окт. 09 г.».

8. Машинописная копия рук. № 7 с исправлениями Толстого. 11 лл. 4°, 1 л. почтового формата (автограф-вставка) и 5 отрезков. *Начало*: «(В крестьянской избе)». *Конец*: «всё хорошо будет». На обложке дата переписчицы: «6-го окт. 09».

9. Машинописная копия рук. № 8 с исправлениями Толстого, 5 лл. 4° и 2 отрезка (часть листов и отрезков переложена в следующие рукописи). *Начало*: «разговор короткий». *Ко-*

нец: «А то придут из города».

10. Машинописная копия рук. № 9 с исправлениями Толстого. 3 лл. 4° и 8 отрезков (часть отрезков переложена в следующую рукопись). *Начало*: «разговор короткий». *Конец*: «Речи твои хорошие».

11. Машинописная копия части рук. № 10. 1 отрезок (остальные листы и отрезки переложены в следующую рукопись). *Начало*: «Долго молчат оба». *Конец*: «в стражники не пойдет». На обложке помета переписчицы: «Черновые 8 и 9 окт.».

12. Машинописная копия рук. 10 и 11. 10 лл. 4°, 1 л. почтового формата (автограф-вставка) и 2 отрезка. *Начало*: «(В крестьянской избе)». *Конец*: «Баба подстелет».

13. Машинописная копия рук. № 12. 9 лл. F° и 1 отрезок. *Начало*: «(В крестьянской избе)». *Конец*: «Баба подстелет». Под текстом дата переписчицы: «12-го окт. 1909 г.». Последняя полная рукопись, правленная Толстым. Одно исправление, сделанное Толстым в рук. № 14, перенесено сюда рукой Н. М. Кузьмина.

14. Дубликат рукописи № 13 с одной поправкой Толстого. Исправления, сделанные

Толстым в рукописи № 13, перенесены в данную рукопись Н. М. Кузьминым.

«ПЕСНИ НА ДЕРЕВНЕ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Очерк «Песни на деревне» был написан Толстым под впечатлением проводов 22 октября 1909 г. яснополянских новобранцев (см. Дневник, т. 57, стр. 157).

К работе над очерком Толстой приступил 5 ноября. В этот день он записал в Дневнике: «Написал впечатление отправляемых рекрутов – слабо» (т. 57, стр. 166). Толстым был написан очерк целиком (см. описание рук. № 1 и вариант № 1).

Эта первая редакция очерка на следующий день подверглась значительной переработке. В Дневнике 7 ноября Толстой отметил: «Вчера утром... поправлял Рекрутов. Вышло порядочно. Вечер тоже занимался... Рекрутами» (т. 57, стр. 167). Судя по помете переписчицы на обложке рукописи № 2, Толстой правил «Рекрутов» и 7 ноября (см. описание рук. 2). Последние исправления были сделаны Толстым 8 ноября, когда он дал очерку и окончательное

заглавие, отметив в Дневнике: «Поправил «Песни на деревне» (т. 57, стр. 168).

Впервые очерк «Песни на деревне» был напечатан в «Юбилейном сборнике Литературного фонда» (СПб. 1910), куда, по словам редактора этого сборника С. А. Венгерова, передал его «непосредственно» сам Толстой.

В настоящем издании очерк печатается по тексту сборника, с исправлением опечаток и нескольких ошибок, сделанных машинисткой, по рукописи № 1.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 3 лл. большого почтового формата и 1 л. среднего почтового формата, испи- санных с обеих сторон. Заглавия нет. *Начало:* «Накануне говорили в доме о том». *Конец:* «И я повернулся и ушел домой». Под текстом да- та: «5 ноября».

Публикуется в вариантах под № 1.

2. Машинописная копия (с ошибками) ав- тографа, с большой авторской правкой. Пер- воначально содержала 8 лл. 4°. После перера- ботки и дополнений рукопись составила из 9 лл. 4°, 1 л. среднего почтового формата (ав- тограф) и 2 отрезков. Рукопись заключена в

обложку, третья страница которой занята автографом-вставкой. На первой странице обложки рукой переписчицы помечено: «Черновые 7 ноября 09 г.». Заглавия нет. *Начало*: «<Было осеннее, пасмурное, туманное>». *Конец*: «и обманутым русским народом».

3. Машинописная копия (с ошибками) предыдущей рукописи. 10 лл. 4°. Заглавие рукой переписчицы: «Песни на деревне». На обложке рукой неизвестного помечено: «Песни на деревне. Черновик. Октябрь 1909 г.», затем «октябрь» красным карандашом переправлен на «ноябрь». Авторские исправления многочисленны по всей рукописи. Последняя редакция очерка.

«НАШЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Н. Г. Сутковой при письме от 27 февраля 1907 г. прислал Толстому особое «провозглашение», целью которого ставил: «возможно короче.... изложить основные положения нашего жизнепонимания и возможно шире распространить этот листок в народе». При этом он просил Толстого или указать недостатки присланного ему «провозглашения», или изложить самому основы их «общего миропонимания». В письме от 11 марта 1907 г. [126] Толстой сначала сообщил Н. Г. Сутковому, что он не будет изменять его «провозглашения», а затем добавил, что еще раз просмотрит его. 24 марта 1907 г. Толстой приступил к работе над статьей. Вначале работа заключалась в переделке «Провозглашения основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира» Гаррисона и «провозглашения» Н. Г. Суткового, из которых Толстой пытался составить статью.

Свою работу над «Провозглашением», как

называл первоначально свою статью и Толстой, он отметил в Записной книжке за 24, 25, 26, 27, 28 и 30 марта (см. т. 56, стр. 188—189); продолжал эту работу он и в апреле и в мае 1907 г.

2 июня Толстой послал «Наше жизнепонимание» В. Г. Черткову для издания, как это видно из письма к последнему Ю. И. Игумновой от 2 июня 1907 г. (АЧ).

Впервые эта статья была напечатана в переводе в болгарском толстовском журнале «Възраждане» (1907), а затем в приложении к брошюре Воинова (А. В. Луначарского) «Смерть Толстого и русское общество», изданной в 1911 г. в Лозанне Международным комитетом помощи безработным. В России впервые была напечатана в журнале «Голос Толстого» 1917, 3, стр. 3—5.

В настоящем издании эта статья печатается по тексту журнала «Голос Толстого». Ошибки переписчиков и опечатки исправляются по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтовой бумаги, исписанный с обеих сторон. Первая черновая редак-

ция, неоконченная. Заглавия нет. *Начало*: «70 лет тому назад». *Конец*: «Страшно оставаться на этой стороне. В самом деле».

2. Машинописная копия рук. № 1. 2 лл. 4° и 1 л. почтового формата. Много исправлений и дополнений Толстого. Дописан конец статьи. Заглавия нет. *Начало*: «70 лет тому назад». *Конец*: «мы и призываем людей этим воззванием».

3. Машинописная копия рук. № 2. 4 лл. 4° и 2 лл. почтового формата. Много исправлений и вставок Толстого. Заглавия нет. *Начало*: «70 лет тому назад». *Конец*: «и призываются люди этим воззванием».

4. Машинописная копия рук. № 3. 4 лл. 4°. Рукопись заключена в обложку с надписью рукой переписчика: «Черновики к провозглашению Гаррисона». *Начало*: «70 лет тому назад». *Конец*: «и призываются люди этим воззванием».

5. Рукопись, написанная неизвестной рукой. 10 лл. 4°. Содержит «провозглашение», присланное Толстому Н. Г. Сутковым. Толстой переработал «провозглашение» от начала до конца и значительно сократил его. *Начало*:

«Соединившись в одном». *Конец:* «Царство это близко, и при дверях».

6. Рукопись, составленная из машинописных копий с рук. № 5 и рук. № 4. Рук. № 4, представляющая собой вступление и послесловие к «провозглашению» Гаррисона, переработана Толстым применительно к «провозглашению» группы лиц, присланному Н. Г. Сутковым. Первоначально рукопись № 6 содержала 9 лл. 4°. После переработки часть листов и отрезков была переложена в следующие рукописи. *Начало:* «Провозглашение это было написано». *Конец:* «составляет основу их жизни».

7. Машинописная копия рук. № 6. Первоначально заключала в себе 9 лл. 4° (из них несколько листов, склеенных из отрезков). После переработки часть листов и отрезков переложена в следующие рукописи. В данной рукописи осталось 2 лл. 4° и 8 отрезков. *Начало:* «Провозглашение это было написано». *Конец:* «и призываются люди этим воззванием».

8. Машинописная копия рук. № 7. Первоначально заключала в себе 14 лл. 4° (часть листов, склеенных из отрезков). После перера-

ботки часть отрезков была переложена в следующие рукописи. В данной рукописи осталось 10 л. 4° и 4 отрезка. *Начало*: «<Провозглашение> Воззвание это». *Конец*: «составляет основу их жизни».

9. Машинописная копия рук. № 8. Первоначально содержала в себе 14 л. 4° (часть листов, склеенных из отрезков). После переработки часть листов и отрезков была переложена в следующие рукописи. В данной рукописи осталось 2 л. 4° и 5 отрезков. *Начало*: «Воззвание это». *Конец*: «Составляет основу их жизни».

10. Машинописная копия рук. № 9. 13 л. 4° (часть листов, склеенных из отрезков) и 1 отрезок. Листы вложены в обложку, на первой странице которой – автограф письма Толстого к Н. Г. Сутковому, в котором Толстой извещает Суткового о посылке ему переработанного им «воззвания» («провозглашения»). Письмо это см. в т. 77.

11. Копия неизвестной рукой «Провозглашения» Гаррисона. 10 л. 4°. Копия представляет собой сокращенное изложение «провозглашения», напечатанного в трактате «Цар-

ство божие внутри вас». Толстой написал к нему новое вступление и сделал несколько исправлений в тексте. *Начало*: «В 1838 году в Америке». *Конец*: «Добавляем мы к этому званию следующее».

12. Машинописная копия рук. 10 и 11. 8 лл. тонкой бумаги стандартного формата. Исправления Толстого незначительны.

Между этой копией и печатными текстами имеются большие разночтения. Очевидно, была еще рукопись, переработанная Толстым, с которой, и делался набор. Рукопись эта неизвестна.

«БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ ПО НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

2 февраля 1906 г. Толстой записал в Дневнике: «Очень хочется Круг чтения для детей и народа. Но всё руки не доходят» (т. 55, стр. 186). К осуществлению этого замысла Толстой приступил в декабре 1906 г. Тогда же он начал занятия с крестьянскими мальчиками Ясной Поляны по вопросам религии и нравственности. Эти занятия давали ему материал для детского «Круга чтения». Занятия с детьми Толстой продолжал в течение всего первого полугодия 1907 г. и параллельно с этими занятиями работал над составлением детского «Круга чтения». 29 июня 1907 г. он отметил в Записной книжке: «Кончил год Круга чтения, но очень плохо» (т. 56, стр. 201).

И. И. Горбунов-Посадов, предпринимавший с осени 1907 г. издание журнала «Свободное воспитание», в июле или в начале августа обратился к Толстому с просьбой дать ему для первого номера этого журнала что-нибудь из составляемого Толстым детского «Круга чте-

ния». Толстой обещал исполнить эту просьбу. 6 августа 1907 г. он записал в Дневнике: «Сейчас взялся за Детский Круг чтения для Ивана Ивановича» (т. 56, стр. 48). Об этом же он отметил 6 и 7 августа и в Записной книжке (т. 56, стр. 207).

Произведя отборку материала из детского «Круга чтения», Толстой написал к нему небольшое вступление и послал И. И. Горбуну-Посадову для печати. Составившаяся таким образом статья была напечатана под заглавием «Беседы с детьми по нравственным вопросам» в первом номере «Свободного воспитания», вышедшем из печати 8 ноября 1907 г.

Из рукописей этой статьи сохранилась лишь машинописная копия с небольшим сравнительно числом поправок Толстого. Рукопись занимает 13 л. 4°, заглавия нет. Текст рукописи имеет ряд разночтений с печатным текстом. Очевидно, Толстым были внесены исправления в копию этой статьи, посланную для набора.

В настоящем издании статья «Беседы с детьми по нравственным вопросам» печата-

ется по тексту журнала «Свободное воспитание».

«НЕ УБИЙ НИКОГО»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

3 июля 1907 г. ответственный редактор издательства «Обновление», выпускавшего в 1906 г. запрещенные цензурой статьи Толстого, Н. Е. Фельтен был арестован за напечатание статьи Толстого «Не убий» (1900).[127] В тот же день, из тюрьмы, Фельтен написал об этом Толстому. Письмо Фельтена было получено в Ясной Поляне 9 июля, и Толстой тогда же ответил ему (см. т. 77), а в Записной книжке 9 июля пометил: «Письмо от Фельтена. Он в тюрьме за «Не убий». Хочется написать об этом. Немного, но плохо писал» (т. 56, стр. 202).

Работа над статьей, вначале озаглавленной «Не убий», была начата 9 июля и продолжалась до 5 августа 1908 г. О писании статьи Толстой почти ежедневно отмечал в Записной книжке (см. т. 56, стр. 202—207).

Если считать первой редакцией первоначальной

чальный набросок, то 13 июля Толстой закончил вторую редакцию, давши ей заглавие «Единственное спасение». Вторая редакция соответствует рукописи № 5. На следующий день, 14 июля, Толстой изменил конструкцию статьи, перепланировав ее заново. Было написано новое начало. Зачеркнув старое заглавие, Толстой надписал: «Не убий! значит не убий»; зачеркнув и это заглавие, он на первом рукописном листке пометил еще новое заглавие: «Чем это кончится». В конце рукописи Толстой проставил дату: «14 июля». Статья была разбита на две главы. Таким образом, составила третья редакция статьи. Четвертая редакция подписана 17 июля и соответствует рук. № 9. В копии с этой рукописи Толстой проставил окончательное заглавие статьи, в дальнейшем уже не изменявшееся. Последующая переписка статьи производилась на тонкой, «папиросной» бумаге, удобной для отсылки за границу, – признак того, что работа была близка к завершению.

19 июля Толстой занес в Записную книжку: «Был у Чертковых. Читал Не убий. Близко к концу». А в записях (недатированных), сде-

ланных после 22 июля, Толстой внес ряд мыслей, положенных в основу последних глав статьи – IX—XI (см. т. 56, стр. 249—250).

25 июля (дата Толстого на рукописи) была закончена пятая редакция. В ней был заново написан весь конец статьи.

В этой редакции 26 июля статья «Не убий никого» была прочитана вслух собравшейся у Толстого молодежи, пришедшей от Чертковых из Телятинок.

28 июля Толстой отметил в Записной книжке: «Кончил «Не убий никого» (т. 56, стр. 205). Однако в тот же день он вновь стал исправлять статью. Наибольшим изменениям подверглись главы VII и VIII. К 29 июля относится шестая редакция. Однако и последующая машинопись подвергалась значительной правке и видоизменениям. Статья из краткого заявления в газеты с протестом против ареста Фельтена превращалась в рассуждение о безусловности заповеди «не убий».

После новой, седьмой, редакции, помеченной 3 августа, Толстой заново написал десятую главу, но в следующей стадии устранил ее вовсе. Окончательная редакция завершает-

ся новой заключительной главой, которую Толстой подписал: «5 августа 1907 г.». Этой датой была помечена машинопись, разосланная в редакции газет для опубликования.

6 августа Толстой отдал статью на просмотр Черткову. Чертков внес в текст статьи некоторые исправления; одни из них Толстой принял, другие – отверг. Приняты были лишь мелкие стилистические поправки.

Таким образом, 5 августа статья «Не убий никого» была в основном закончена, и Толстой больше не исправлял ее и только 14 августа, просматривая девятуя главу, он сделал в нее небольшую вставку (девятый и десятый абзацы главы). Эта вставка была последним этапом в процессе писания статьи.

Еще до окончания работы Толстой запросил ряд московских газет о возможном опубликовании статьи. «Русские ведомости» отозвались письмом от 1 августа 1907 г., извещая, что «редакция, конечно, с удовольствием ее напечатает, если не встретится препятствий в виду нынешнего положения печати». Первой рискнула напечатать материал, присланный Толстым, петербургская газета «Слово».

Публикация статьи была замаскирована тем, что весь номер (245, от 6 сентября) редакция газеты посвятила Толстому, отмечая пятидесятилетие его литературной деятельности. В передовой статье «Не убий никого» газета опубликовала в выдержках статью Толстого, используя несколько больше трети всего полученного от автора материала. Публикацию газета снабдила следующим примечанием: «Мы глубоко сожалеем, что ограниченность места и некоторое разномыслие с отдельными доводами не дают нам возможности воспроизвести всю статью Толстого целиком». «Слово» напечатало почти всю вторую главу «Не убий никого», вторую половину четвертой главы, большую часть восьмой главы, часть девятой и одиннадцатой главы. Через два дня (8 сентября) с публикацией текста статьи Толстого выступило еще несколько петербургских и московских газет (петербургские – «Речь» и «Товарищ»; московские – «Русские ведомости», «Голос Москвы», «Столичное утро»). Редакции газет были подбодрены тем, что выступление «Слова» не вызвало никаких репрессий. Некоторые газеты («Русские

ведомости», «Столичное утро») под видом перепечатки опубликовали ряд мест, неиспользованных «Словом». Наиболее обширные извлечения были сделаны «Голосом Москвы», опубликовавшем около половины всего материала.

Толстой был недоволен тем, что статья появилась не целиком, и отметил в Записной книжке: «Статью все газеты напечатали в выдержках» (запись от 9 сентября 1907 г.).

Впервые полностью статья опубликована в изд. «Посредник» в виде отдельной брошюры в 1917 г. под заглавием «Не убий никого» с датой 5—18 августа 1907 г.

В настоящем издании статья «Не убий никого» печатается по рук. № 22. Ошибки переписчиков исправляются по автографам.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Не убий никого», исчисляется в 348 листов разного формата (в том числе и отрезки). Из них 35 листов автографов, остальные машинописные копии с исправлениями Толстого. Рукописи расположены хронологически под №№ 1—22.

Рукопись № 1 – первая редакция статьи; № 5 – вторая редакция (подписана Толстым 13 июля); № 6 – третья редакция (подписана 14 июля); № 9 – четвертая редакция (подписана 17 июля); № 12 – пятая редакция (подписана 25 июля); № 14 – шестая редакция (подписана 29 июля); № 18 – седьмая редакция (подписана 3 августа); № 20 – восьмая редакция (подписана 5 августа).

На обложках рукописей имеются даты переписчиков: № 4 – 12 июля 1907; № 9 – 18 июля 1907.

Рукопись № 22 последняя правленная Толстым полная копия всей статьи, с которой делались машинописные списки для рассылки в редакции газет.

«ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА (ОБРАЩЕНИЕ К КРУЖКУ МОЛОДЕЖИ)»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Статья «Любите друг друга», по словам В. Г. Черткова, «была вызвана желанием автора сказать, на прощание, несколько слов» кружку крестьянской молодежи. Ряд мыслей для этой статьи Толстой впервые записал в конце августа или в начале сентября 1907 г. в Записной книжке № 3 (см. т. 56, стр. 258—259).

Статью «Любите друг друга» Толстой начал писать 4 сентября 1907 г. В Записной книжке 6 сентября 1907 г. Толстой отметил: «Третьего дня, 4-го, писал воззвание любви (не вышло)»; 9 сентября там же: «Начал хорошо писать обращение, но на половине ослабел и заснул»; и 13 сентября: «Писал обращение к молодым людям» (т. 56, стр. 212—213).

За отмеченный период с 4 по 13 сентября Толстой написал два отрывка первой редакции статьи, переработал копию этих двух отрывков, написал заново вторую редакцию статьи и коренным образом переработал копию второй редакции, в результате чего по-

лучилась третья редакция статьи (см. описание рукописей №№ 1—4).

Под 14 сентября Толстой занес в ту же Записную книжку: «Поправил обращение к молодежи» (т. 56, стр. 213). По описанию рукописей в настоящем издании следует иметь в виду рук. № 5, на обложке которой помечено рукой переписчика: «Версия 14 сент. 07».

15 сентября 1907 г. Толстой записал в Дневнике ряд мыслей (см. т. 56, стр. 67), которые потом он развил более подробно на 2-х лл. почтовой бумаги и вставил эти листы в рук. № 5.

Судя по дате, поставленной Толстым на следующей рукописи (№ 6), последняя переработка статьи была произведена 25 сентября именно в этой рукописи.

26 сентября статья, вновь переписанная на машинке, с небольшим количеством исправлений Толстого, была послана с письмом В. Г. Черткову для печати (см. т. 89).

Впервые статья «Любите друг друга» была опубликована с ошибками и цензурными пропусками в изд. «Посредник», М. 1909, № 730.

В настоящем издании статья печатается по тексту изд. «Посредник». Опечатки и ошибки набора и цензурные пропуски исправляются и восстанавливаются по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 6 лл. почтового формата. Два варианта начала статьи. Первый вариант занимает 4 лл. *Начало:* «Очень бы хотелось на прощанье». *Конец:* «всего опаснее в рабочем быту: распутство». Второй вариант занимает 2 лл. *Начало:* «Милые братья». *Конец:* «вредят друг другу».

2. Разрозненные листы. Копия рук. № 1 (неполная) рукой В. Г. Черткова и других. 6 лл. большого почтового формата и 2 отрезка; в копии сделана вставка (автограф) на 2 лл. обычного почтового формата.

3. Автограф. 9 лл. почтового формата. *Начало:* «Мне <очень> хотелось бы». *Конец:* «вместо единого истинного».

4. Копия рук. № 3 рукой Н. Л. Оболенского, И. И. Горбунова-Посадова и А. П. Иванова с исправлениями Толстого. 10 лл. F ° и 1 л. почтового формата автографа-вставки. *Начало:* «Мне хотелось бы на прощанье». *Конец:* «вме-

сто единого истинного».

5. Машинописная копия рук. № 4 с исправлениями Толстого. 10 лл. 4° и 4 лл. почтового формата. *Начало:* «Мне хотелось бы на прощанье». *Конец:* «нужное дело».

6. Машинописная копия рук. № 5 с многочисленными исправлениями Толстого. 9 лл. F°. *Начало:* «Мне хотелось бы на прощание». *Конец:* «понятное и нужное дело». Под текстом подпись и дата Толстого: «25 сент. 1907».

7. Машинописная копия рук. № 6 с незначительным количеством исправлений Толстого. 12 лл. F°. *Начало:* «Мне хотелось бы на прощание». *Конец:* «понятное и нужное дело».

«ВЕРЬТЕ СЕБЕ (ОБРАЩЕНИЕ К ЮНОШЕСТВУ)»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

9 августа 1906 г. редактор детского журнала «Родник» А. Н. Альмединген обратился к Толстому через свою дочь Н. А. Альмединген с просьбой написать в юбилейный номер журнала (по случаю 25-летия) «несколько слов к русскому юношеству». Номер этот должен был выйти в декабре 1906 г.

Толстой ответил Н. А. Альмединген письмом от 17 августа, в котором писал, что «очень бы желал» исполнить ее просьбу, но что обещать не может, так как «сил становится всё меньше и меньше». «Если удастся сделать, – добавлял Толстой, – то пришлю вам» (т. 76).

21 ноября 1906 г. Толстой записал в Дневнике: «Вчера написал для «Родника» «К юношам». Порядочно. Не поправлял еще» (т. 55, стр. 276). 21 и 22 ноября Толстой дважды исправлял статью в копиях, и на второй копии пометил: «Переписать в 3 экземплярах» (см. описание рук. № 3). В конце ноября статья бы-

ла переписана набело и готова к отправке в редакцию. 3 декабря Толстой написал к ней сопроводительное письмо на имя Н. А. Альмединген (см. т. 76). Однако ни статья, ни письмо отправлены не были. Повидимому, юбилейный номер «Родника» был уже собран, и статья Толстого опоздала.

В августе 1907 г. «Верьте себе» была послана в редакцию «Русского слова». 24 августа Толстой исправлял корректуры, о чем он отметил в Записной книжке (см. т. 56, стр. 210). Опубликована была в № 297 газеты «Русское слово» от 28 декабря 1907 г.

В настоящем издании статья «Верьте себе» печатается по тексту газеты «Русское слово». Ошибки и опечатки исправляются по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 4 лл. почтового формата и 1 отрезок. Заглавие: «Верьте себе». *Начало:* «Верьте себе, <юноши и девушки>». *Конец:* «истинная жизнь человека». Под текстом подпись и дата Толстого: «20 н. 1906».

2. Машинописная копия рук. № 1 с поправками Толстого. 3 лл. 4° и 1 отрезок. *Начало:*

«Верьте себе, выходящие из детства». *Конец:* «в этом осуществлении».

3. Машинописная копия рук. № 2 с поправками Толстого. 6 лл. 4°. *Начало:* «Верьте себе, выходящие из детства». *Конец:* «смысл жизни всякого человека». Под текстом подпись и дата Толстого: «1906. 22 ноября»; на обложке помета его же рукой: «Верьте себе. Переписать в 3 экз.».

4. Корректирные гранки с поправками Толстого. 4 гранки. Набор производился, очевидно, с копии рук. № 3. Под заглавием рукой В. Г. Черткова вписано: «(Обращение к молодежи)». *Начало:* «Верьте себе, выходящие из детства». *Конец:* «смысл жизни всякого человека». Под текстом дата, перенесенная рукой переписчика с рук. № 3. Над заглавием помета рукой А. П. Сергеенко: «Поправки на этой корректуре сделаны Л. Н-чем в августе 1907 г.».

5. Дубликат корректирных гранок, описанных в рук. № 4. Поправки и дополнения Толстого, сделанные в рук. № 4, перенесены в данную рукопись рукой Н. М. Кузьмина. Новых исправлений Толстого нет.

6. Дубликат корректирных гранок, описан-

ных в рук. №№ 4 и 5. Поправки Толстого, сделанные в рук. № 4, частью перенесены рукой П. П. Картушина, частью переписаны на машинке на 1 л. F°. На гранках исправлений Толстого нет; машинопись – с исправлениями Толстого. Подзаголовок исправлен рукой В. Г. Черткова: «(Обращение к юношеству)».

«ВОСПОМИНАНИЯ О СУДЕ НАД СОЛДАТОМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В апреле 1908 г. к Толстому обратился П. И. Бирюков, работавший в то время над вторым томом «Биографии» Л. Н. Толстого, с просьбой написать воспоминания об участии Толстого в 1866 г. в защите рядового Василия Шибунина.

Делу Шибунина Бирюков посвятил целую главу, перепечатав в ней из газеты «Право» (1903, стр. 2016) и речь Толстого, произнесенную им в суде (см. Приложение). Воспоминаниями Толстого Бирюков предполагал закончить эту главу.

Толстой выразил согласие и 1 мая частью написал сам, а частью продиктовал Н.Н. Гусе-

ву начало воспоминаний в форме письма к П. И. Бирюкову.[128] 2 или 3 мая, исправляя машинописную копию этого начала, Толстой дописал окончание воспоминаний (см. описание рук. № 2), куда включил присланную ему в апреле того года Е. И. Поповым выдержку из книги Э. Геккеля «Мировые загадки», в которой смертная казнь оправдывалась с точки зрения естествознания.

В Дневнике 2 мая Толстой записал мысли, которые он развил в этом окончании: «Разве не ясно, какой полный невежда этот профессор Геккель. Каковы же его ученики? Возражать не стоит, возражение в евангелии, но они не знают его, безнадежно не знают, решив, что они выше его. А если люди так невежественны, что могут по закону убивать, то что же закон? И всё рушится» (т. 56, стр. 126).

Судя по дате на следующей рукописи (см. описание рук. № 3), Толстой работал над воспоминаниями и 4 мая.

6 мая Толстой отметил в Дневнике: «Дня четыре посвятил для воспоминаний о солдате для Поши.[129] Не очень дурно, но задорно» (т. 56, стр. 116).

О дальнейшей работе Толстого над воспоминаниями свидетельств нет. Закончены они были 24 мая (авторская дата на последней рукописи).

Впервые «Воспоминания о суде над солдатом» были опубликованы с цензурными пропусками в книге: П. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», изд. «Посредник», М. 1908, стр. 94—104; полностью в сборнике: «Л. Н. Толстой. «Не могу молчать» и другие статьи о смертной казни», изд. «Единение», М. 1917, стр. 22—23.

В настоящем издании «Воспоминания о суде над солдатом» печатаются по рук. № 4.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтового формата и 1 л. 8°. *Начало:* «Милый др. П. И. Очень рад». *Конец:* «сам делал это». На обложке две даты Н. Н. Гусева: «1/V 08» и «10/V 08».

На листе почтового формата написано начало статьи; на листе 8° сделана вставка к несохранившейся копии с стенографической записи Н. Н. Гусева (см. описание рук. № 2).

2. Машинописная копия рук. № 1 и несохранившейся записи Н. Н. Гусева второй поло-

вины статьи под диктовку Толстого. 9 лл. 4°, 1 л. почтового формата и 4 отрезка (из них 1 л. почтового формата и 2 отрезка – автографы-вставки). Рукопись подверглась большой правке. Дописан конец статьи. *Начало*: «Жена знала его мальчиком». *Конец*: «той неправды, в которой шла моя жизнь».

3. Машинописная копия рук. № 2. 6 лл. 4°, 3 лл. почтового формата и 15 отрезков (часть отрезков переложена из рук. № 2). Рукопись подверглась большой правке Толстого. Часть листов была разрезана и отрезки переложены из одной части статьи в другую. На 3 лл. почтового формата написана вставка в статью. *Начало*: «Расскажу, как всё это было». *Конец*: «и важное для моей жизни влияние». Под текстом статьи подпись и дата Толстого: «4 мая 1908. Я. П.». Та же дата проставлена Н. Н. Гусевым на обложке.

4. Машинописная копия рук. № 3. 22 лл. 4° (часть отрезков переложена из рук. № 3 и наклеена на лл. 4°). Л. 19 – выписка из книги Геккеля (см. историю писания), сделанная рукой Е. И. Попова. Последняя редакция статьи. *Начало*: «Милый друг Павел Иванович. Очень

рад». *Конец*: «шла моя жизнь».

5. Рукописный материал. 3 л. 4° и 2 отрезка. Машинописные копии с исправлением Толстого, изъятые Толстым из рук. № 4.

«ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В. А. МОЛОЧНИКОВА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

7 мая 1908 г. Петербургской судебной палатой был приговорен к одному году тюремного заключения за хранение и распространение запрещенных произведений Толстого его близкий знакомый В. А. Молочников. Толстой, узнав о приговоре, был возмущен им и решил предать это дело гласности. 13 мая он начал писать письмо в газеты, о чем и отметил в Дневнике 14 мая (см. т. 56, стр. 118). 18 мая письмо было закончено и послано в газету «Русь», где оно и было напечатано с цензурными сокращениями в № 40 от 22 мая 1908 г.

Однако вскоре, получив копию приговора, Толстой, уже не удовлетворенный написанным письмом по этому делу, начал писать статью, в которой пытался раскрыть смысл

приговора. 10 июня Толстой записал в Дневнике: «Нынче... писал о Молочникове и приговоре» (т. 56, стр. 133). Работа над статьей продолжалась до 14 июня. В последнюю редакцию статьи Толстой включил и свое письмо, напечатанное в газете «Русь» (с некоторыми изменениями), и приговор судебной палаты. Помещая в статье приговор, Толстой исключил из него имена судей и других участников суда.

Статья с цензурными сокращениями была напечатана в газете «Слово», № 520 от 27 июля 1908 г.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. 4°, сложенный пополам, 3 лл. почтового формата и 1 отрезок. *Начало:* «Опять приговорен, схвачен». *Конец:* «делая свое гадкое дело. Л. Т.» На обложке дата рукой Н.Н. Гусева: «13 / V 08». Первая редакция письма в газеты.

2. Машинописная копия рук. № 1 с исправлениями Толстого. 4 л. 4°. *Начало:* «Опять схвачен». *Конец:* «делал свое гадкое дело».

3. Машинописная копия рук. № 2 с многочисленными исправлениями Толстого. 3 лл.

4°. *Начало*: «Опять схвачен». *Конец*: «из своих обличителей». В конце рукописи дата, представленная рукой Н.Н. Гусева: «18 мая 1908». В этой редакции письмо было послано в газету «Русь».

4. Автограф. 7 л. 4° *Начало*: «М. Г. г. ред. Очень обяжете меня». *Конец*: «<напечатание всего этого>». Под текстом дата Толстого: «1908. 10 июня». Первая черновая редакция статьи «По поводу заключения В. А. Молочникова».

5. Машинописная копия рук. № 4 с исправлениями Толстого. 8 л. 4° и 1 л. 8° (последние 2 л. 4° и 1 л. 8° – автографы). *Начало*: «Милостивый Государь г-н редактор! Очень обяжете меня». *Конец*: «раскрывающее глаза значение». Под текстом дата и подпись Толстого: «11 июня). Л. Т.».

6. Машинописная копия рук. № 5 с большими исправлениями Толстого. 7 л. 4° и 1 л. почтового формата.

7. Машинописная копия рук. № 6 с исправлениями Толстого. 7 л. 4°. В рукопись вложена машинописная копия письма в редакцию газеты «Русь», 2 л. 4°, и машинописная копия

приговора, 2 лл. 4° (бланк Н. К. Муравьева с датой: 5 июня 1908 г.). В тексте приговора Толстым вычеркнуты имена всех, участвовавших в суде. *Начало:* «Нравственный закон». *Конец:* «его обнародовать».

В настоящем издании статья «По поводу заключения В. А. Молочникова» печатается по рук. № 7.

«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

После революции 1905—1906 гг. страна изнемогала под гнетом реакции. Повсюду производились аресты и ссылки и совершались казни. Под 10 марта 1908 г. Толстой занес в свой Дневник: «Читаю газету «Русь». Ужасаюсь на казни» (т. 56, стр. 110). 27 марта того же года в беседе с одной монахиней, приехавшей в Ясную Поляну, Толстой говорил: «Каждый день десять казней!.. И это всё сделала церковь!.. А Христос велел не противиться злу!..» Монахиня защищала церковь и доказывала, что «зверские преступления» революционеров нельзя оставлять безнаказанными. В ответ на это Толстой уже не говорил, а кри-

чал обессилевшим голосом: «Ну, так, так и сказать, что Христос говорил глупости, а мы умнее его.... Это ужасно!» Н. Н. Гусев, записавший эту сцену, заметил, что он «никогда еще не видел Льва Николаевича таким взволнованным».[130]

Особенно сильно потрясло Толстого сообщение о повешении двадцати крестьян, которое он прочел 10 мая в «Русских ведомостях» (1908, № 107 от 9 мая), а затем 11 мая в «Руси» (1908, № 127 от 9 мая). В этих газетах было напечатано: «Херсон. 8 [мая]. Сегодня на стрельбищном поле казнены через повешение двадцать крестьян, осужденных военно-окружным судом за разбойное нападение на усадьбу землевладельца Лубенко в Елисаветградском уезде». Под влиянием этого сообщения Толстой продиктовал в фонограф:

«Нет, это невозможно! Нельзя так жить!.. Нельзя так жить!.. Нельзя и нельзя. Каждый день столько смертных приговоров, столько казней. Нынче 5, завтра 7, нынче двадцать мужиков повешено, двадцать смертей... А в Думе продолжают разговоры о Финляндии, о приезде королей, и всем кажется, что это

так и должно быть...»[131]

Как сообщает Н. Н. Гусев, Толстой от волнения не мог дальше говорить; а сам Толстой 12 мая записал в Дневнике: «Вчера мне было особенно мучительно тяжело от известия о 20 повешенных крестьянах. Я начал диктовать в фонограф, но не мог продолжать» (т. 56, стр. 117).

На следующий день Толстой набросал в резко публицистическом тоне статью, впоследствии названную «Не могу молчать» (см. вариант № 1).

В Дневнике 14 мая он отметил: «Вчера, 13-го, написал обращение, обличение – не знаю что – о казнях... Кажется, то, что нужно» (т. 56, стр. 118). В этом первом наброске фигурируют имена многих деятелей того времени: Милюкова, Гучкова, Щегловитова, Столыпина, Николая Романова и др. Со всей силой своего негодования и возмущения Толстой обрушился на двух главных виновников совершившихся тогда злодейств – «Петра Столыпина и Николая Романова».

Первый набросок, не имевший еще заглавия, был только началом работы.

В результате длительной переработки Толстой значительно расширил содержание первого наброска статьи и существенно переработал его в композиционном отношении. Имена политических деятелей, фигурирующих в нем, он опустил и все резкие выражения по их адресу вычеркнул или же значительно смягчил.

Работа над статьей продолжалась с 13 мая по 15 июня 1908 г. В Дневнике и Записных книжках за это время Толстой отмечал отдельные этапы своей работы и вносил ряд мыслей, которые потом развивал в статье (см. записи в Дневнике 14, 15, 21 мая; в Записной книжке 17 и 25 мая, т. 56, стр. 127—128, 130, 336—339).

29 мая Толстой записал в Дневнике: «За это время кончил О смертных казнях» (т. 56, стр. 130—131). Предположительно можно сказать, что этот этап работы соответствует работе над рук. № 13 (см. описание), ошибочно датированной Толстым «18 мая». Рукопись эта является первой полной собранной редакцией после рук. № 5, подписанной «22 мая». Однако Толстой в последующие дни стал вновь

исправлять рукопись и 3 июня вновь записал в Дневнике: «Кончил «Не могу молчать» и отослал Черткову» (т. 56, стр. 132). 1 июня 1908 г. был отослан В. Г. Черткову дубликат рук. № 15, датированной 31 мая 1908 г. (см. описание). В сопроводительном письме Толстой писал: «Это [смертные казни] так мучает меня, что я не могу быть спокоен, пока не выскажу всех тех чувств, которые во мне это вызывают» (см. т. 89).

Между тем и отослав статью В. Г. Черткову для издания, Толстой не прекратил работы над ней. В Записной книжке 6 и 15 июня он записал ряд мыслей к статье (см. т. 56, стр. 343 и 345—346), которые потом изложил на отдельных листах и в виде двух вставок включил в первую главу статьи.

9 июня Толстой получил от В. Г. Черткова письмо, в котором Чертков предлагал внести в текст ряд изменений (см. описание рук. № 16). Толстой в тот же день ответил телеграммой: «Изменения вполне одобряю, издавайте скорей» (см. т. 89).

Статья в отрывках впервые была напечатана 4 июля 1908 г. в газетах: «Русские ведо-

мости», «Слово», «Речь», «Современное слово» и др. Все эти газеты, напечатавшие отрывки из «Не могу молчать», были оштрафованы. По словам «Русского слова», севастопольский издатель расклеил по городу номер своей газеты с отрывками из «Не могу молчать». Он был арестован. В период с 10 по 17 июля 1908 г. статья вышла отдельной брошюрой в Петербурге в переводе на латышский язык (см. «Книжная летопись» 1908, II, № 1322). В августе 1908 г. статья полностью была напечатана в нелегальной типографии в Туле; в том же году она была издана И. П. Ладыжниковым с таким предисловием: «Печатаемое нами новое произведение Льва Николаевича Толстого опубликовано одновременно в газетах почти всех цивилизованных стран 15-го июля 1908 г. и произвело глубокое впечатление, несмотря на отрицательное отношение автора к русскому освободительному движению. Как интересный исторический и характерный для великого писателя документ, мы предлагаем это произведение русскому читателю».

В России статья распространялась в гектографированных и рукописных списках и в

подпольных изданиях. Толстой в связи с опубликованием статьи получил много писем как с выражением сочувствия, так и «ругательных». В архиве Толстого в ГМТ хранится двадцать одно «ругательное» и шестьдесят сочувственных писем. (Подробнее об этом см. в примечаниях 363 и 368 к Дневнику Толстого 1908 г., т. 56, стр. 503—507.)

Первый набросок статьи «Не могу молчать» впервые был напечатан под редакцией В. И. Срезневского, в издании Толстовского музея в Петрограде в 1917 году.

В настоящем издании статья печатается по рукописи № 17. Опечатки и ошибки переписчиков исправляются по автографам.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 9 лл. почтового формата и 2 отрезка. Первая черновая редакция статьи. Заглавия нет. *Начало:* «Веру в руки газету, в заголовке». *Конец:* «открытое для всех нас в любви благо жизни». Публикуется в вариантах под № 1.

2. Машинописная копия рук. № 1, переработанная Толстым. 14 лл. 4°, 1 л. почтового формата и 2 отрезка (в том числе 1 л. почтово-

го формата и 1 отрезок – автографы-вставки). *Начало*: «Такого-то числа смертных приговоров семь». *Конец*: «что вам неприятно». На обложке помета Н. Н. Гусева: «О смертной казни» и дата: «15/V 08».

Извлекается вариант № 2.

3. Машинописная копия рук. № 2, переработанная Толстым. 18 лл. 4° и 13 отрезков. В конце рукописи подпись и дата Толстого: «16 мая 1908. Я. П.» *Начало*: «<Такого-то числа семь смертных казней>». *Конец*: «<что вам неприятно>». Копия подверглась крупным переделкам от начала до конца.

Извлекаются варианты №№ 3 и 4.

4. Машинописная копия рук. № 3, переработанная Толстым. 17 лл. 4° и 5 отрезков. *Начало*: «Восемь смертных приговоров». *Конец*: «тот знает свое преступ[ление]». На обложке дата Н. Н. Гусева: «19/V—08».

5. Машинописная копия рук. № 4, переработанная Толстым. 12 лл. 4°, 3 вставных листа почтовой бумаги среднего формата (автографы) и 5 отрезков. *Начало*: «не верю глазам». *Конец*: «я не перестану обличать вас». Исправления Толстого проходят через всю рукопись.

Наиболее крупные переделки и дополнения внесены в I и V главы. В конце рукописи подпись и дата Толстого: «22 мая 1908 г.».

6. Машинописная копия рук. № 5, переработанная и дополненная Толстым. 10 лл. 4°, 7 лл. почтового формата и 7 отрезков разного размера. Листы почтовой бумаги и один отрезок – автографы-вставки. *Начало:* «<Написано> В газетах 20 мая». *Конец:* «Вот это-то ужасно».

7. Машинописная копия части рук. № 6 с поправками Толстого, 10 лл. 4° и 1 отрезок. *Начало:* «сколько нужно расправленную петлю». *Конец:* «не меньше, чем у вас».

8. Неполная машинописная копия рук. № 7 с поправками Толстого. 3 лл. 4°. *Начало:* «сколько нужно расправленную петлю». *Конец:* «Ведь это ужасно!»

9. Машинописная копия части рук. № 8 с поправками Толстого. 3 лл. 4° и 1 отрезок. *Начало:* «Кончили говорить». *Конец:* «Ведь это ужасно».

10. Неполная машинописная копия рук. № 9 с поправками Толстого. 3 лл. 4°. *Начало:* «[тю]рьмы», заковали в ножные кандалы».

Конец: «Ведь это ужасно».

11. Неполная машинописная копия рук. № 10 с поправками Толстого. 1 л. 4° и 1 отрезок. *Начало:* «прочтена, священник». *Конец:* «все двенадцать человек несомненно мертвы».

12. Машинописная копия небольшого отрывка из рук. № 11. 1 отрезок. *Начало:* «<[останавли]вается на затягивающей шею веревке>». *Конец:* «Врач обходит тела».

13. Сводная рукопись, составленная частью из копий отдельных частей предыдущих рукописей, частью из листов и отрезков, переложённых в нее из этих рукописей. 27 лл. 4° и 5 отрезков, из которых два отрезка наклеены на чистые лл. 4°. Заглавия нет. В конце рукописи поставлена Толстым дата: «18 мая 1908 г.». Дата ошибочна (может быть: 28 мая?), так как рук. № 5 датирована Толстым «22 мая 1908 г.»; кроме того, рук. № 6 Толстой начал: «В газетах 20 мая появилось» и т. д. Следовательно, данная рукопись исправлялась Толстым во всяком случае после 22 мая. *Начало:* «<Во>Семь смертных приговоров». *Конец:* «я не перестану обличать вас».

14. Машинописная копия части рукописи № 13 с поправками Толстого. 2 лл. тонкой бумаги стандартного формата и автографный отрезок писчей бумаги с наклеенным на него листком и машинописным текстом из статьи «Закон насилия и закон любви». *Начало*: «которые развращали и развращают их». *Конец*: «делам самыми естественными, свойственными человеку». На обложке дата Н. Н. Гусева: «6/VI 08».

15. Машинописная копия рук. № 13, первоначально занимавшая 21 лл. тонкой бумаги стандартного формата. Н.Н. Гусев внес в эту копию поправки и две вставки (на 2 лл. 4°) из предыдущей рукописи (№ 14). *Начало*: «Семь смертных приговоров». *Конец*: «и обличать вас». В конце рукописи помета: «31 мая 1908 г. Ясная Поляна». Очевидно, в таком виде рукопись статьи была послана В. Г. Черткову в Петербург. В. Г. Чертков пометил в ней красными чернилами ряд новых абзацев, исправил пунктуацию и внес значительное число мелких исправлений, вставок и сокращений. На полях двух листов, к которым относятся перенесенные сюда вставки, из рукописи № 14, В.

Г. Чертков пометил красным карандашом: «Заменить». Все эти изменения, одобренные Толстым, Н. Н. Гусев перенес из 1-й во 2-ю копию (см. описание рукописи № 16). Надо полагать, что около этого времени в эту же копию были перенесены поправки Толстого из 2-й копии статьи (см. описание рук. № 16).

16. Дубликат рук. № 15. Первоначально занимала 21 лл. тонкой бумаги стандартного формата. Три вставки, внесенные в рук. № 15, вместе с двумя листами, на которых В. Г. Чертков пометил: «заменить», в настоящей копии были переписаны на машинке. В полном виде рукопись содержит 23 лл. *Начало:* «Семь смертных приговоров». *Конец:* «обличать вас». Толстой сделал в этой копии довольно большое число мелких поправок, сокращений и вставок, которые были перенесены в рук. № 15. Поправки же В. Г. Черткова, внесенные в рук. № 15, Н. Н. Гусев перенес в настоящую копию, пометив на полях 1-го листа: «Сделанные моей рукой и отмеченные на полях знаком x поправки были сделаны по указаниям В. Г. Черткова. Н. Гусев». В конце копии подпись Толстого.

Поправки В. Г. Черткова, внесенные в текст Толстого, следующие:

Стр. 84, строки 23—24.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Живые за минуту еще перед этим люди превращаются

Текст после переделки В. Г. Черткова:

За минуту еще перед этим живые люди превращаются.

Стр. 86, строка 39.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

И, исправив свои дела, оставил это побочное занятие и теперь ведет

Текст после переделки В. Г. Черткова:

и теперь ведет

Стр. 88, строка 11.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

чтобы водворить спокойствие, порядок, но ведь вы не можете верить тому, что вы говорите

Текст после переделки В. Г. Черткова:

чтобы водворить спокойствие, порядок.

Стр. 88, строки 25—26.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

но ведь вы не можете не знать, что это неправда. Не можете же вы верить в то, что, не удовлетворяя требованиям

Текст после переделки В. Г. Черткова:

но ведь это явная неправда. Очевидно, что, не удовлетворяя требованиям

Стр. 88, строка 31.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

вы можете успокоить

Текст после переделки В. Г. Черткова:

вы не можете успокоить

Стр. 89, строки 2—3.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Ведь вы не можете не видеть того, что причина совершающегося никак не в материальных событиях, а что всё дело

Текст после переделки В. Г. Черткова:

Причина совершающегося никак не в материальных событиях, а всё дело

Стр. 89, строка 6.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Ведь вы не можете не видеть того, что общественное раздражение

Текст после переделки В. Г. Черткова:

Общественное раздражение

Стр. 89, строка 9.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Не можете не видеть того, что общественное раздражение

Текст после переделки В. Г. Черткова:

Общественное раздражение

Стр. 89, строка 15.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Не можете вы не понимать того, что сила событий

Текст после переделки В. Г. Черткова:

Сила событий

Стр. 89, строка 35.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

То все-таки все и вы то же наверное знаете, что

Текст после переделки В. Г. Черткова:

то все-таки очевидно, что

Стр. 89, строка 38.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Так что то, что вы говорите о вашем желании успокоения народа, очевидно, неправда. То, что вы делаете

Текст после переделки В. Г. Черткова:

То, что вы делаете

Стр. 90, строка 32.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Имеют право и могут устраивать.

Текст после переделки В. Г. Черткова:

имеют право и возможность устраивать.

Стр. 90, строка 38.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

И потому можно

Текст после переделки В. Г. Черткова:

и что потому можно

Стр. 91, строка 2.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Того благого состояния

Текст после переделки В. Г. Черткова:
того предполагаемого благого состояния

Стр. 91, строки 29—30.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

И в том, что они думают, что нельзя, чтобы всё всегда оставалось попрежнему.

Текст после переделки В. Г. Черткова:

А думая, что нельзя всему всегда оставаться попрежнему

Стр. 92, строка 26.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

не умеют, не могут сказать люди,

Текст после переделки В. Г. Черткова:

не умеете, не можете сказать вы, люди,

Стр. 92, строка 27.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

И какие же люди?

Текст после переделки В. Г. Черткова:

И какие же вы люди?

Стр. 92, строка 38.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

люди, признающие

Текст после переделки В. Г. Черткова:

вы – люди, признающие

Стр. 93, строка 33.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

так же боитесь людей, как и палач, и боитесь

Текст после переделки В. Г. Черткова:

так же опасаетесь людей, как и палач, и опасаетесь

Стр. 93, строка 35.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

прокурор боится

Текст после переделки В. Г. Черткова:

прокурор опасается

Стр. 94, строка 8.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Так я думал, чувствовал и долго боролся

Текст после переделки В. Г. Черткова:

Я долго боролся

Стр. 94, строка 21.

Текст до переделки В. Г. Черткова:
участником тех преступлений, которые со-
вершаются вокруг меня

Текст после переделки В. Г. Черткова:
участником совершаемых вокруг меня
преступлений

Стр. 94, строки 22—23.

Текст до переделки В. Г. Черткова:
делается для общего блага, для обеспече-
ния

Текст после переделки В. Г. Черткова:
делается во имя общего блага, во имя обес-
печения

Стр. 96, строки 3—5.

Текст до переделки В. Г. Черткова:
(Вам-то, вызвавшим и вызывающим к се-
бе как палачи, так и вы, особенную нена-
висть

Текст после переделки В. Г. Черткова:
(Вам-то, палачам всякого разряда, – вызы-
вавшим и вызывающим к себе особенную
ненависть

Стр. 96, строка 8.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

неужели вы не видите в свои светлые ми-
нуты

Текст после переделки В. Г. Черткова:

неужели вам не видно в ваши светлые ми-
нуты

Стр. 96, строка 12.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

в этих ужасах

Текст после переделки В. Г. Черткова:

в этих делах

Стр. 96, строка 13.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

Ведь вы сами знаете

Текст после переделки В. Г. Черткова:

Неужели вы сами не знаете

Стр. 96, строка 28.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

И потому вашему брату

Текст после переделки В. Г. Черткова:

и потому брату.

Стр. 96, строка 35.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

что делаете, не для себя

Текст после переделки В. Г. Черткова:

что делаете. Перестаньте – не для себя

Стр. 96, строка 38.

Текст до переделки В. Г. Черткова:

живет в вас.

Перестаньте, а если не хотите перестать, то делайте то же и надо мною, потому что до тех пор, пока я жив, и вы будете делать то же, я не перестану обличать вас.

Текст после переделки В. Г. Черткова:

живет в вас.

17. Машинописная копия рук. № 15. 14 лл. 4° и 3 отрезка тонкой бумаги стандартного формата. Копия с большим числом ошибок, допущенных машинисткой. Все они исправлены неизвестной рукой. Толстой внес в эту копию две мелкие поправки. На обложке В. Г. Чертков пометил карандашом: «Л. Н. Не могу молчать. Черновое (с двумя помарками карандашом Л. Н-ча)».

«УЧЕНИЕ ХРИСТА, ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Работу по изложению евангелия для детей Толстой начал 23 февраля 1907 г. (см. т. 56, стр. 184). 2 марта он пометил в Записной книжке: «Решил оставить Евангелие и ограничиться исправлением «Круга чтения» (т. 56, стр. 185). Однако на следующий день он записал в той же книжке: «Хотел оставить Евангелие – нельзя» (т. 56, стр. 185). И работа продолжалась 13, 15, 21, 22, 26, 28, 29, 31 марта и 3 и 4 апреля 1907 г. (т. 56, стр. 186—189). 5 апреля Толстой «кончил всё начерно» (т. 56, стр. 189). Но сделанная работа не вполне удовлетворяла его. В Записной книжке 13 апреля записано: «Урок с меньшими.[132] Беседа по Иоанну перед смертью. Надо много изменять»; и 15 апреля: «Писал... сначала Евангелие. Сомневаюсь в успехе» (т. 56, стр. 191).

Работа продолжалась до 25 апреля (см. т. 56, стр. 190—192). Далее, очевидно, наступил перерыв в работе. По крайней мере до 14

июня 1907 г. нет никаких следов ее ни в Дневниках, ни в Записных книжках Толстого. В июне Толстой возобновил работу, а затем снова прервал ее до 31 января 1908 г., когда он отметил в Дневнике: «Нынче поправлял Детское изложение евангелия по желанию милой Марии Александровны [Шмидт]» (т. 56, стр. 95). По словам Н. Н. Гусева, в этот день Толстой исправлял первую часть изложения евангелия для детей перед сдачей ее И. И. Горбунову-Посадову для издания.[133] В середине марта 1908 г., как это видно из письма Толстого к И. И. Горбунову-Посадову от 11 марта (см. т. 78) и из записи в Записной книжке 21 марта (см. т. 56, стр. 188), Толстой пересмотрел и сдал для издания вторую часть «Учения Христа» (т. 56, стр. 110 и 400).

Сохранились гранки трех корректур «Учения Христа» со следами большой правки, которая была сделана Толстым до 17 июня 1908 г. 17 июня Толстой записал в Дневнике: «Вчера был у Марии Александровны и с милым Николаевым исправлял корректуры» (т. 56, стр. 134).

Впервые «Учение Христа, изложенное для

детей» было опубликовано, в 1908 г. в изд. «Посредник» (№ 717). В настоящем издании воспроизводится первопечатный текст.

Рукописный материал, относящийся к статье «Учение Христа, изложенное для детей», исчисляется в 360 листов разной величины (в том числе и отрезки) и 73 гранки. Все рукописи расположены хронологически под №№ 1—18.

Рук. № 1 – автограф; №№ 2—12 – последовательные машинописные копии с исправлениями и вставками Толстого (неполные); №13 – полная рукопись всей статьи, составленная частью из машинописных копий предыдущих рукописей, частью из листов и отрезков, переложенных из этих рукописей; № 14 – печатный экземпляр «Краткого изложения евангелия» Л. Н. Толстого в изд. «Посредник» и «Обновление» (1906) с надписью Н. Н. Гусева: «С поправками Л. Н. для детского изложения евангелия»,. 18-II 08»; № 15 – беловая копия рукой М. А. Шмидт и частью – М. В. Булыгина с небольшими исправлениями Толстого (сохранились не все главы); № 16—18 – корректурные гранки со штемпелями типогра-

фии И. Н. Кушнерева: 13 марта, 3 и 8 апреля 1908 г.

«ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ В. С. МОРОЗОВА «ЗА ОДНО СЛОВО»»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Ученик школы Толстого 1858—1863 гг. В. С. Морозов написал рассказ «За одно слово» и просил Толстого поместить его в какой-нибудь журнал. В рассказе этом Морозов сообщал о своей встрече в трактире со стариком крестьянином, высланным из Курской губернии по распоряжению губернатора за подстрекательство к поджогу помещичьего хутора, и передавал, какое большое сочувствие вызвала судьба этого старика в среде присутствовавших при разговоре тульских крестьян.

Толстой исправил рассказ Морозова стилистически, написал к нему предисловие и послал всё это в «Вестник Европы», где и было напечатано то и другое (1908, № 9, стр. 64—71).

Работу над исправлением рассказа В. С. Морозова Толстой отметил в Дневнике 2 июля 1908 г. и вторично под тем же числом в

«тайном» Дневнике (см. т. 56, стр. 138 и 171). Предисловие Толстого было написано, судя по дате Толстого на рукописи, 18 июля 1908 г.

Текст сохранившейся рукописи (автограф, 1 л. 4°) имеет несколько разночтений с печатным текстом. Очевидно, изменения были сделаны Толстым в копии этой рукописи, посланной в редакцию.

В настоящем издании текст предисловия печатается по тексту, опубликованному в «Вестнике Европы».

«ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

20 января 1908 г. Толстой записал в Дневнике: «Начал писать статью «Об упадке, безверии и непротивлении. Не очень дурно, но слабо» (т. 56, стр. 93). Эта запись является первым свидетельством о работе Толстого над статьей «Закон насилия и закон любви», которая первоначально была озаглавлена «Всему бывает конец». Однако, переработав несколько раз первую черновую редакцию начала статьи, Толстой вскоре отложил ее и

стал писать статью в форме воззвания. В Дневник 9 февраля он внес ряд мыслей и пометил: «Всё это заметки для задуманного воззвания» (т. 56, стр. 99).

Форма воззвания была также скоро оставлена Толстым. Она нашла отражение лишь позднее, в двух последних главах статьи. Толстой вернулся опять к первой редакции статьи, начав разрабатывать и расширять в ней ту часть, в которой говорилось о состоянии современной прессы.

Мысль об обзоре номера газеты у Толстого возникла еще в 1888 г. (см. запись 24 ноября, т. 50, стр. 4). В первой стадии работы над «Законом насилия» эта тема также включалась в план статьи. Толстой девять раз переделывал главу о газетах. Между тем позднее он решил посвятить обзору номера газеты отдельную статью, что и исполнил, написав в 1909 г. статью «Номер газеты» (см. т. 38).

Начав перерабатывать часть первой редакции, касающуюся состояния прессы, Толстой присоединил к ней и набросок воззвания в виде второй главы. Вскоре статья выросла и насчитывала уже девять глав.

В Записную книжку Толстой заносил свои мысли в соответствии с переработкой и расширением темы статьи (см. записи за февраль – март 1908 г., т. 56, стр. 313—319).

По мере того как статья разрасталась, работа над ней усложнялась. 21 февраля Н. Н. Гусев записал в своем дневнике: «Про свою статью «Все́му бывает конец», над которой он теперь работает, Л. Н. сказал мне сегодня: Я там так напутал... Вот вы имейте это в виду, когда будете писать. – Что? – Я вчера был в дурном расположении духа – и все-таки начал писать, и всё перемешал и испортил».[134] 23 февраля: «Теперь я буду свою чепуху кончать (это он сказал про статью, которую теперь пишет, – «Все́му бывает конец»). Хотя она и чепуха, но она так захватила меня, что не могу ничем иным заниматься».... Я понял, что.... он назвал свою статью «чепухой» именно потому, что ему долгое время, несмотря на все усилия мысли, не удавалось выразить то, что он хотел, с достаточной ясностью и определенностью. Он недавно даже приписал на обложке после заглавия «Все́му бывает конец»: «даже и этой чепухе».[135] Обложка, описан-

ная Гусевым, сохранилась; на ней помета: «17 марта».

В работе Толстого назревал перелом. К середине марта 1908 г. определилось, что Толстой недоволен статьей в том виде, как она развивалась. 9 марта он отметил в Записной книжке: «Статья плохо подвигается. Думается об описании убийц революционеров, палачей и правительства» (т. 56, стр. 301); в Дневнике 10 марта: «Не идет, а не хочется оставить» (т. 56, стр. 109); и в Записной книжке 18 марта: «Хочется бросить начатую статью» (т. 56, стр. 321).

К этому сроку кончается тот этап работы, который определяется заглавием «Всему бывает конец». В связи с новым приступом к работе материал начинает распределяться уже в соответствии с окончательной структурой статьи «Закон насилия и закон любви». Между тем старое заглавие статьи еще продолжало держаться. Последний раз под этим заглавием статья фигурирует 5 апреля (помета на обложке). Однако в связи с перепланировкой всего материала Толстой стал подыскивать и новое заглавие. Так имеется обложка с рядом

заглавий: «Не может не быть», «Христианское учение в его истинном значении», «Закон любви – закон высший». Заглавие «Закон насилия и закон любви» Толстой зафиксировал окончательно 12 мая 1908 г., хотя впервые статья была им обозначена 23 апреля.[136]

Во второй половине марта Толстой приступил к новой редакции статьи. 21 марта он записал в Дневнике: «Нынче спал до 9 часов и, несмотря на нездоровье, писал статью очень хорошо. Всё, что было неясно, уяснилось, и гуляя думал, и кажется всё ясно, и допишу» (т. 56, стр. 110).

Толстой вернулся к черновикам второй редакции. Переработав часть этой редакции, он пометил ее первой главой (впоследствии эта часть составила предисловие); затем он сравнительно быстро стал переходить от одной главы к другой, вовлекая порою написанное ранее, хотя и располагая материал по новому плану, близкому к окончательной версии «Закона насилия».

К концу марта статья вчерне была закончена. Она составилась из девятнадцати глав. В конце статьи Толстой пометил: «30 марта

1908 кончено начерно».

Внеся в эту редакцию статьи некоторые исправления, Толстой 14 апреля отдал ее в переписку. В письме к В. Г. Черткову от 1 мая он сообщил: «Статью кончил и взялся за другое, пока жив» (см. т. 89). Между тем вскоре же, получая переписанные части статьи, Толстой вновь начал ее «просматривать» и вносить изменения и дополнения. 10 мая Толстой внес на место главы XIII несколько измененную свою статью «Христианство и воинская повинность». К рукописи этой главы приложен экземпляр названной статьи в изд. «Обновление» (1906) с датой Н. Н. Гусева: «10/V 08». 12 мая Толстой вновь отметил в Дневнике: «Прочел местами свою работу «Закон насилия и закон любви», и мне понравилась, и я кончил ее» (т. 56, стр. 117).

Но и на этот раз Толстой не окончил работы над статьей; следовал лишь перерыв до начала июня, в связи с другими работами. Окончательная редакция составила 2 июля (авторская дата); отдельные же исправления Толстой вносил 8 июля и 6 августа.

В июне Толстой главным образом работал

над главами X—XII. Для этих глав он использовал ряд печатных материалов, а также и письма своих корреспондентов.

Делая новые вставки и дополнения, Толстой наряду с этим выпускал некоторые ранее написанные главы. 16 июня Н. Н. Гусев записал в дневнике: «Вчера после обеда Л. Н. сказал мне: «Я сегодня в статье сделал кое-какие поправки. Одну главу я думаю совсем выпустить. — Какую, Л. Н.? — Третью, — если помните, о русской революции. Она нарушает стройность изложения. Я еще над ней (то есть над статьей) поработаю: это для меня такой важный вопрос непротивления, хочется его выяснить основательно».[137] По времени эта запись Гусева совпадает с моментом перенесения части главы III в приложение I. За месяц до этого, 8 мая, Толстой выпустил еще две главы: IX, из которой образовалось Приложение II, и X — Приложение III.

Впервые статья «Закон насилия и закон любви» была опубликована неполностью и с цензурными пропусками в газете «Киевские вести» 1909, № 47 от 17 февраля (предисловие и гл. I—II); № 49 от 19 февраля (гл. III—V); № 52

от 22 февраля (гл. VI—VII). Полностью впервые, но с большим количеством опечаток и ошибок, опубликована в изд. «Свободное слово» (Christchurch, England, 1909); более исправный текст был опубликован в 1917 г. в изд. «Солдат-гражданин», № 6, под ред. В. Г. Чертова.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Закон насилия и закон любви» исчисляется в 1536 листов разного размера (в том числе и отрезки). Весь материал располагается в рукописях под №№ 1—58.

Рукописи №№ 1—27 представляют собой хронологически расположенные, начиная с первого автографа, рукописи ранних редакций статьи, носящей заглавие «Всему бывает конец» (январь – март 1908 г.). Рукописи №№ 28—58 относятся ко второй стадии работы Толстого над статьей, когда окончательно выяснился план статьи, озаглавленной «Закон насилия и закон любви» (апрель – июнь 1908 г.). В этих рукописях материал расположен последовательно по главам (так, в рук. № 28 –

предисловие, № 29 – гл. I, № 30 – гл. II и т. д.). Некоторые главы занимают по несколько рукописей. Внутри каждой отдельной главы материал располагается хронологически, в порядке последовательной работы над ней. Рукописи №№ 53—54 содержат обложки с пометами и датами Толстого и Н. Н. Гусева. Последняя полная исправленная Толстым редакция статьи находится в рук. № 58.

В настоящем издании статья «Закон насилия и закон любви» печатается по рук. № 58.

«О ПРИСОЕДИНЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ К АВСТРИИ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В начале XX столетия Австро-Венгрия, руководимая реакционной политикой Габсбургов, под воздействием военных кругов и финансовой олигархии усилила свою экспансию на Балканах. Однако, встречая упорное сопротивление славян, с 1903 г. усилившееся в связи с усилением пропаганды за объединение южных славян под гегемонией Сербии, габсбургское правительство решило действовать путем постепенного захвата славянских зе-

мель. В 1908 г. оно, пользуясь слабостью России после японской войны, объявило о присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии. Эта аннексия рассматривалась лишь как первый шаг к проникновению на юг Балканского полуострова; за ней должен был следовать захват Сербии.

В связи с этими событиями Толстой получил из Белграда от сербской женщины Анды М. Петробутевой письмо от 7 октября 1908 г. (нового стиля), в котором она просила Льва Николаевича выступить в защиту Боснии и Герцеговины. Толстой ответил на это письмо 18 октября 1908 г. (см. т. 78), но потом решил вопросу, затронутому в письме сербки, посвятить особую статью.

Точных данных о времени начала писания статьи нет. Судя по помете Н. Н. Гусева на обложке четвертой рукописи этой статьи: «25 октября 08», Толстой приступил к работе над ней около 21 октября. В Дневнике 26 октября, отмечая свои работы с 28 сентября, то есть за время, когда он не вел Дневника, Толстой записал между прочим: «Начал тоже письмо сербке. Всё хочется короче и яснее выразить

ошибку жизни христианских народов» (т. 56, стр. 152).

О продолжении статьи Толстой отметил в записях Дневника 30, 31 октября и 2 ноября (см. т. 56, стр. 154 и 155).

С 29 октября, как это видно по датам Толстого на некоторых рукописях и Н. Н. Гусева на обложках рукописей (см. описание №№ 5—10), работа производилась почти ежедневно и в основном была закончена 5 ноября. Этим числом датирована Толстым рук. № 10, последняя основательно им переработанная. Следующие рукописи, №№ 11—13, недатированные, имеют лишь небольшие стилистические исправления. Таким образом, можно предположить, что статья в целом была закончена вскоре после 5 ноября.

Впервые эта статья под заглавием «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» была напечатана с многочисленными цензурными пропусками в «Голосе Москвы» (1908, №№ 281—284 от 4—7 декабря), в «Русских ведомостях» и других газетах. Полностью впервые опубликована в 1909 г. в Берлине в двух изданиях Гуго Штейница. Однако в

этих изданиях был воспроизведен текст двенадцатой рукописи, которую В. Г. Чертков ошибочно считал «последней версией» (см. описание рук. № 12). Помимо этого оба издания имеют большое число опечаток, пропусков отдельных слов и других искажений текста. Полностью по последней рукописи (№13) статья была опубликована в 1917 г. в изд. «Посредник» под заглавием: «Как освободиться народам от порабощения».

В настоящем издании статья «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» печатается по рук. № 13. Ошибки переписчиков исправляются по автографам.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Машинописная копия первой половины черновой редакции статьи (автограф не сохранился). Первоначально содержала 6 лл. 4°. После переработки рукописи Толстым часть листов была переложена в следующие рукописи, часть листов использована как бумага (чистые обороты листов); в данной рукописи остался 1 обрезок. *Начало:* «Совершилось то». *Конец:* «о том, о чем должны».

2. Автограф второй половины черновой ре-

дакции статьи. 6 лл. из блокнота малого формата. *Начало:* «Что бы он ни делал». *Конец:* «жаргон воров».

3. Рукопись, составленная из листов, переложённых из рук. №1 и машинописной копии рук. № 2. Первоначально содержала 8 лл. 4°. Исправляя, Толстой сделал вставки на 3 лл. почтового формата. После переработки часть листов была переложена в следующие рукописи; в данной рукописи осталось 2 лл. 4°, 2 лл. почтового формата и 1 л. 8°. *Начало:* «Вы спрашиваете меня». *Конец:* «подчиняются тому, что». На обложке надпись Н. Н. Гусева: «Письмо о балканских событиях» и дата: «24 октября 08».

4. Машинописная копия рук. № 3 с большими исправлениям Толстого. 9 лл. 4° и 2 отрезка (из них часть листов переложена из рук. № 3). *Начало:* «Вы спрашиваете меня о том». *Конец:* «эта баба своего сына». На обложке – та же надпись Н. Н. Гусева, что и в рук. № 3, и дата: «25 октября 08».

5. Машинописная копия рук. № 4 с исправлениями Толстого. 10 лл. 4° и 5 отрезков (в том числе 3 лл. 4° – автограф-вставка, напи-

санная на обороте листов, переложенных из рук. № 1). *Начало*: «По случаю вашего письма». *Конец*: «и всё, что на нем было построено». На обложке та же надпись Н. Н. Гусева, что и в рук. № 4, и дата: «29 октября 08».

6. Машинописная копия рук. № 5 с большими исправлениями Толстого. Первоначально содержала 15 лл. 4°. После переработки рукописи часть листов была разрезана и некоторые отрезки переложены в следующие рукописи; в данной рукописи осталось 9 лл. 4° и 11 отрезков. *Начало*: «Австр. правительство решило». *Конец*: «готово человечество». На обложке надпись Н. Н. Гусева: «По поводу балканских событий» и дата: «30 октября 08».

7. Машинописная копия рук. № 6 (неполная). Первоначально содержала 14 лл. 4° и 4 отрезка. Исправляя, Толстой часть листов разрезал и отрезки перенес в следующие рукописи; кроме того, он сделал вставку на 3 лл. почтовой бумаги. После переработки в рукописи осталось 10 лл. 4°, 3 лл. почтового формата и 7 отрезков. *Начало*: «Ведь хорошо было угрожать». *Конец*: «так и всему человечеству». В конце рукописи дата Толстого: «31 окт. 1908».

Г.».

8. Машинописная копия рук. № 7 и части рук. № 6. Первоначально содержала 22 лл. 4° и 3 отрезка. После переработки часть листов и отрезков были переложены в следующие рукописи; в данной рукописи осталось 5 лл. 4° и 19 отрезков. *Начало*: «конгрессах, конференциях». *Конец*: «оно говорит о вечных свойствах». На обложке дата Н. Н. Гусева: «1 ноября 08».

9. Машинописная копия рук. 8. Первоначально содержала 22 лл. 4° и 27 отрезков. После переработки часть листов была разрезана и отрезки переложены в рук. № 10, где были наклеены на листы 4°; в данной рукописи осталось 16 лл. 4° и 14 отрезков. *Начало*: «Одна сербская женщина». *Конец*: «в сердце каждого человека». В конце рукописи – подпись и дата Толстого: «2 ноября 1908». На обложке надпись Н. Н. Гусева: «О присоединении к Австрии Боснии» и дата.

10. Машинописная копия рук. № 9. Полная рукопись статьи. 48 лл. 4°, 1 л. 8° и 2 отрезка. Просматривая рукопись, Толстой впервые вставил эпиграфы как ко всей статье в целом,

так и к каждой главе. *Начало*: «Если бы была задана». *Конец*: «и всякую минуту готово проявиться». В конце рукописи подпись и дата Толстого: «5 нояб. 1908».

11. Машинописная копия рук. № 10. 45 лл. 4° и 1 л. почтового формата. *Начало*: «Если бы была задана». *Конец*: «и всякую минуту готово проявиться». Рукопись правилась Толстым дважды. Первичные исправления (карандашом) были перенесены Н. Н. Гусевым в рук. № 12; вторичные (чернилами) не были перенесены. Текст статьи, исправлявшийся вторично (гл. 5, 11 и 12), предназначался для вставки в «Письмо к индусу», о чем Толстой отметил в рукописи письма.

12. Машинописная копия рук. № 10 (дубликат рук. № 11). 44 лл. 4°. Исправлений Толстого нет. В эту рукопись Н. Н. Гусевым перенесены поправки Толстого, сделанные карандашом в рук. № 11. Над заглавием статьи помета (ошибочная) В. Г. Черткова: «Последняя версия».

13. Машинописная копия рук. № 11 с небольшими исправлениями Толстого. 19 лл. F° и 1 л. 4°. Последняя редакция статьи.

«ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ А. И. ЭРТЕЛЯ «ГАРДЕНИНЫ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Вдова А. И. Эртеля, скончавшегося в 1908 г., обратилась к Толстому с просьбой написать предисловие к подготовлявшемуся новому изданию сочинений ее мужа. Толстой согласился исполнить ее просьбу и, перечитав некоторые сочинения Эртеля, 3 декабря 1908 г. написал о нем небольшую заметку, о чем он отметил в Дневнике 4 декабря (см. т. 56, стр. 161). Это был первый набросок предисловия к роману А. И. Эртеля «Гарденины» (см. описание рук. № 1). Вслед за тем Толстой поправил последовательно три копии этого предисловия. Под последней копией, описанной ниже под № 4, имеется собственноручная подпись и дата Толстого «4 декабря 1908».

Предисловие впервые было опубликовано в 5-м томе «Собрания сочинений» А. И. Эртеля (М. 1909, стр. 7—8). В конце печатного текста предисловия стоит дата: «10 декабря 1908 г.». Печатный текст имеет ряд разночтений с текстом последней авторизованной копии. Оче-

видно, эти разночтения были вызваны исправлениями Толстого, сделанными или в несохранившемся списке предисловия, с которого производился набор, или в корректуре.

В настоящем издании предисловие печатается по тексту 5-го тома «Собрания сочинений» А. И. Эртеля (М. 1909). Ошибки переписчиков исправляются по автографам.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 2 л. почтовой бумаги среднего формата. *Начало:* «Очень рад был случаю прочесть «Гардениных». *Конец:* «а изучать Эртеля». Заглавия нет. Первая черновая редакция предисловия.

2. Копия (с ошибками) рук. № 1, написанная неизвестной рукой. 1 л. 4°, сложенный пополам. Заглавия нет. Исправления Толстого немногочисленны.

3. Две машинописные копии рук. № 2. Каждая копия занимает 2 л. тонкой бумаги стандартного формата. Текст одной из этих копий с исправлениями Толстого.

Поправки Толстого неизвестной рукой перенесены в текст 2-го экземпляра копии, причем допущена была одна ошибка, перешед-

шая потом в печатный текст: вместо «все слабости этого народа» (5-й абзац) было написано: «все слабости народа». В настоящем издании эта ошибка исправляется.

4. Машинописная копия рук. № 3 (2-го экземпляра исправленной копии). 2 лл. тонкой бумаги стандартного формата. Исправлений Толстого немного. В конце текста подпись и дата Толстого: «4 декабря 1908».

«ПИСЬМО К ИНДУСУ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

24 мая 1908 г. индус Таракуатта Дас (Tarakuatta Das), редактор журнала «The Free Hindusthan», обратился к Толстому из Вашингтона со следующим письмом:

«Сэр. Ваше имя в настоящее время является лозунгом для тех, кто подвизается на пользу человечества. Ваши произведения, изображающие поработенный русский народ, открыли глаза цивилизованному миру и привлекли симпатии к нему. Ваша моральная сила одержала верх над самодержавными законами русского правительства, упорно проти-

вящегося либеральным точкам зрения, но ваши произведения ему внушают страх, и оно не решается выступить против вас.

Это верно, что русский народ находится в порабощении, но он не является наиболее страдающим, если его сравнить с нашим положением – положением народностей Индии. Ваше широкое знакомство с историей народов может засвидетельствовать степень нашего порабощения. В книге «Благосостояние Британской Индии» г-на Вильяма Диглея доказано, что 19 миллионов индусов умерло от голода в Индии за десять лет (1891—1900), в то время как во всем мире жертвами войны за 107 лет (1793—1900) оказалось 5 миллионов людей. Вы питаете ненависть к войне, но в Индии голодовки хуже войны.

Голодовки в Индии не голод от недостатка питательных продуктов; причиной его является засуха и бедность населения, вызванная британским правительством. Мы не возмущаемся, когда миллионы умирают от голода и одновременно тысячи тонн риса и другие основные продукты питания вывозятся из Индии английскими купцами!

В Индии человечество страдает до крайности, британская полиция в Индии является угрозой христианской цивилизации.

Вы доставили величайшее благодеяние вашими литературными произведениями, посвященными России, мы просим вас, если у вас есть время, написать хотя бы статью об Индии и этим выразить ваши взгляды на Индию.

Именем голодающих миллионов взываю к вашему христианскому чувству – возьмитесь за это дело.

Отдельным пакетом направляю вам для чтения два экземпляра «Свободной Индии».

Искренно вам преданный Таракуатта Дас» (перевод с английского).

В яснополянской библиотеке сохранилось несколько номеров журнала «The Free Hindusthan» за 1908 и следующие годы, в том числе три номера с собственноручными надписями Даса на имя Толстого от 1908 г. Редакция журнала выставляла эпиграфом цитату из восьмой главы «Социологии» Г. Спенсера: «Соппротивление против агрессии не только законно, но необходимо, непотротивление при-

чиняет ущерб и альтруизму и эгоизму». Последняя мысль обратила особое внимание Толстого.

Толстой заинтересовался как обоими первыми номерами (апрельским и майским) журнала, высланными 23 мая, так и письмом Даса от 24 мая. На конверте последнего он пометил: «Душан, ответьте. Желаю исполнить. Нужны сведения». В неопубликованном дневнике Д. П. Маковицкого под 4 июня 1908 г. записаны следующие слова Толстого: «Номера «Free Hindusthan» я получил. Нехорошо. Хотят конституцию, хотят участвовать в правительстве и только».

Начало писания ответа Дасу относится к 7 июня 1908 г. Под этим числом Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Л. Н. писал письмо индусу Chitale и другое – индусу Das'у. – «Я ему хочу сократить статью «Всему бывает конец», [138] – сказал Л. Н., – и послать. Они добиваются права участвовать в правительстве, то есть закрепить то насилие, которое над ними совершается».

Работа продолжалась, повидимому, три дня. На обложке первых черновиков «Письма

к индусу» рукой переписчика проставлена дата: «7, 8, 9 июня 08». 10 июня Толстой занес в Дневник: «Начал письмо к индусу, да запнулся» (т. 56, стр. 133).

После этого Толстой долго не возвращался к работе над письмом, занятый другими статьями и чтением по вопросу индийской культуры и религии.

5 августа Толстой попытался возобновить работу над ответом Дасу, продиктовав Н. Н. Гусеву начало письма.[139] Однако и на этот раз он не был удовлетворен написанным, и работа прервалась вновь.

31 октября Толстой получил второе письмо от Даса (оно не сохранилось). В Дневнике под этим числом он отметил: «Вчера просмотрел, поправил Сербское....[140] Нынче еще поправлял. Письмо от индуса. Надо отвечать почти то же» (т. 56, стр. 154).

Это второе письмо индуса послужило Толстому толчком к возобновлению работы над ответом. Судя по датам на обложках рукописей, Толстой работал над «Письмом к индусу» с 17 ноября по 14 декабря почти ежедневно. О своей работе Толстой отметил в Дневнике 28

ноября и 6 декабря (см. т. 56, стр. 158 и 162); а 14 декабря, в связи с окончанием «Письма к индусу», записал: «Кончил письмо индусу. Слабо, повторения» (т. 56, стр. 163).

На английский язык письмо было переведено В. Г. Чертковым. Толстой исправил и отредактировал этот перевод, о чем он отметил в Дневнике 2 мая 1909 г.: «Вчера... поправлял английский перевод письма к индусу» (т. 57, стр. 32).

«Письмо к индусу» по-русски впервые было напечатано в выдержках в газетах: «Киевские вести» 1909, № 103 от 19 апреля, и «Русские ведомости» 1909, № 89 от 19 апреля; полностью в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого», часть двадцатая, изд. С. А. Толстой, М. 1911, стр. 411—427.

На английском языке письмо впервые было напечатано в журнале М. Ганди «Indian opinion» 1910, январь. Ганди в предисловии к публикации пояснял, что письмо это распространялось в машинописных списках, один из которых был прислан ему с предложением напечатать. Ганди написал Толстому, прося подтверждения, что письмо это написано

именно Толстым, и разрешения напечатать его. Получив от Толстого разрешение, Ганди и опубликовал письмо.

Номер «Indian opinion» с «Письмом к индусу» Толстой получил в марте 1910 г. В Дневнике 19 марта он отметил: «Прочел письмо свое индусу и очень одобрил» (т. 58, стр. 28).

Т. Дас получил письмо Толстого к нему уже после появления его в печати, о чем он сообщил Толстому (письмо получено Толстым 19 марта 1910 г.).

В 1910 г. был напечатан авторизованный перевод «Письма к индусу» на немецком языке: «Leo Tolstoi. Brief an einen Hindu. Autorisierte Uebersetzung von Dr. A. Schkarwan. Mit Vorwort, herausgegeben von Dr. E. Schmitt». Перевод был получен в Ясной Поляне 24 сентября.[141]

В настоящем издании «Письмо к индусу» печатается по рук. № 28. Текст статьи на английском языке печатается по рук. № 29.

Общее количество рукописного материала, относящегося к «Письму к индусу», исчисляется в 413 листов разного формата (в том

числе и отрезки). Из них 45 листов – автографы, остальные – машинописные копии с исправлениями Толстого. Рукописи расположены в хронологическом порядке под №№ 1—29.

Рук. №1 – автограф первой черновой редакции статьи; № 2 – машинописная копия с нее. Рук. №3 – машинописная копия стенограммы Н. Н. Гусева под диктовку Толстого, без исправлений Толстого, но с его пометой: «пр[опустить]» (на обложке надпись Н. Н. Гусева: «Продиктовано Н. Н. Гусеву 5 авг. 1908»). Рук. №№ 4—27 – машинописные копии с поправками и автографными вставками Толстого. Рук. № 28 – полная рукопись всей статьи, последняя редакция ее. Рук. № 29 – машинописная копия перевода статьи на английский язык с исправлениями Толстого.

Даты Толстого имеются в следующих рукописях: № 8—21 ноября 1908; № 14—29 ноября 1908; № 23—9 декабря 1908; № 28—14 декабря 1908.

Кроме того, даты проставлены Н.Н. Гусевым на обложках рукописей №№ 4—28: 17, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30 ноября, 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 декабря 1908 г.

«ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬБОМУ «РУССКИЕ МУЖИКИ» Н. ОРЛОВА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В 1908 году т-во Голике и Вильборг, по предложению В. Г. Черткова, предприняло издание альбома фотографий с картин художника Н. В. Орлова. В. Г. Чертков обратился к Толстому с просьбой написать предисловие к изданию.

Судя по помете Н. Н. Гусева на обложке первой рукописи, Толстой начал писать предисловие 23 июня 1908 г. В Дневнике 24 июня он записал: «Начал писать к альбому Орлова, может быть будет хорошо» (т. 56, стр. 136).

С 23 по 26 июня Толстой, набросав в черновом виде текст предисловия, дважды переработал его в копиях (см. описание рук. №№ 1—3). Вторую копию Толстой подписал и представил в ней дату: «26 июня 1908».

Очевидно, вскоре работа над предисловием была закончена. В записях Толстого в Дневнике и Записных книжках в дальнейшем о ней нет упоминания. Среди рукописей, относящихся к предисловию, имеются еще

две, помимо указанных (см. описание рук. 4 и 5). По бумаге и почерку можно предположить, что они переписывались и исправлялись Толстым, вскоре за предшествовавшими им.

Альбом Н. В. Орлова «Русские мужики» вместе с предисловием Толстого вышел из печати 29 декабря 1909 года. Предисловие было напечатано с небольшими цензурными пропусками.

В настоящем издании текст предисловия печатается по тексту, опубликованному в альбоме Н. В. Орлова. Цензурные пропуски восстанавливаются по рук. № 5. Кроме того, исправляются по автографам опечатки и ошибки переписчиков.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтовой бумаги среднего формата, исписанный с обеих сторон. Первая редакция предисловия. *Начало:* «<Радуясь> Прекрасное дело издание альбома картин Орлова». *Конец:* «в к. крутится европ. христ. мир». Заглавия нет. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой Н. Н. Гусева поставлена дата: «23 июня 1908 г.».

2. Машинописная копия (с ошибками) рук. № 1 с исправлениями Толстого. 1 л. 4°. *Начало*: «Прекрасное дело издание альбома». *Конец*: «к избавлению от нее».

3. Машинописная копия рук. № 2 с исправлениями Толстого. 1 л. 4°. Исправляя, Толстой дополнил текст первой редакции. Дополнения написаны на 5 лл. почтового формата и 1 отрезке. Заглавия нет. *Начало*: «Прекрасное дело издание альбома». *Конец*: «к избавлению от нее». В конце рукописи подпись: «Лев Толстой», и дата: «26 июня 1908».

4. Машинописная копия рук. № 3 с исправлениями Толстого. 6 лл. 4°. *Начало*: «Прекрасное дело издание альбома». *Конец*: «к избавлению от нее». Заглавия нет.

5. Две машинописные копии рук. № 4 с исправлениями Толстого. Каждая из них занимает 7 лл. 4°. *Начало*: «Прекрасное дело издание альбома». *Конец*: «к избавлению от нее». Вверху первого листа одной из копий Толстой пометил простым карандашом место из евангелия Матфея, откуда следовало взять эпиграф для «Предисловия», а затем сделал в этой копии ряд сокращений, мелких вставок и сти-

листических поправок. Поправки эти были перенесены рукой переписчика в текст другой копии. Толстой просмотрел и эту, вторую копию и сделал в ней две новые вставки и несколько мелких стилистических поправок. Рукой переписчика эти новые вставки и поправки были перенесены в первую копию. Таким образом, текст обеих копий получился одинаковым.

«THE HOSTELRY»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

22 июля 1908 г. Томас Эдисон обратился к Толстому с просьбой дать ему «один или два сеанса для фонографа на французском или английском языке, лучше всего на обоих». В. Г. Чертков, по поручению Толстого, ответил Эдисону 17 августа 1908 г.: «Лев Толстой просил меня передать вам, что считает себя не вправе отклонить ваше предложение. Он согласен продиктовать что-нибудь для фонографа в любое время».

23 декабря 1908 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Приехали от Эдисона двое англичан с хорошим фонографом»; 24 декаб-

ря: «Лев Николаевич.... сегодня, прежде чем сказал в фонограф, упражнялся, особенно в английском тексте. На французский язык сам перевел и записал то, что хотел сказать. По-русски и по-французски хорошо наговорил, по-английски (из «Царства божия») нехорошо вышло, запинался на двух словах. Завтра будет говорить снова»; и 25 декабря: «Сегодня Лев Николаевич говорил в фонограф английский текст» (Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», рукопись; ср. также А. Сергеенко, «Переписка Толстого с Т. Эдисоном» – «Литературное наследство», № 37-38, М. 1939, стр. 330—334).

«Английским текстом», сказанным Толстым во второй раз в фонограф, была «Притча о добром человеке», которая была написана Толстым на русском языке 15 ноября 1908 г. и вошла потом в «На каждый день» под 31 декабря 1908 г. (см. т. 44, стр. 389—390).

Для фонографа эту притчу перевел на английский язык В. Г. Чертков, давший притче и публикуемое заглавие. Толстой переработал рукопись перевода, сделанного В. Г. Чертковым, от начала до конца. Этот второй вари-

ант Толстой и продиктовал в фонограф 25 декабря 1908 г.

Рукопись притчи «The Hostelry» занимает 3 лл. почтовой бумаги большого формата, заполненных текстом с одной стороны рукой В. Г. Черткова. Много исправлений и вставок Толстого. Одна вставка сделана на отдельном добавочном листе почтовой бумаги небольшого формата. Исправления производились в два приема: карандашом и затем чернилами.

Текст настоящего издания печатается по рукописи.

«РОЖЕНИЦА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

Точных данных о работе Толстого над рассказом, условно названным редакцией «Роженица», нет. Судя по тому, что рассказ написан на лицевой стороне листа, на обороте которого начато «Предисловие к рассказу «Убийцы» (см. описание рук. № 1 рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш»), рассказ «Роженица» писался приблизительно в то же время, но несколько раньше. Цвет чернил, которыми написан этот рассказ, бледнее цвета

чернил, которыми писалось предисловие.

Возможно, что об этом рассказе Толстой записал в Дневнике 26 октября 1908 г.: «Начал художественное. Но едва ли не только напишу, но едва ли буду продолжать» (т. 56, стр. 152).

«РАЗГОВОР ОТЦА С СЫНОМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

11 января 1909 г. Толстой получил № 2 (от 17 января нов. стиля) за 1909 г. издававшегося в Вене двухнедельного анархического журнала «Wohlstand für Alle» («Всеобщее благосостояние»), в котором был напечатан диалог «Schwere Fragen» («Трудные вопросы»). Об этом Толстой записал в тот же день в Дневнике (см. т. 57, стр. 9). Тогда же Толстой сделал свободный перевод этого диалога и продиктовал его Н. Н. Гусеву, дав диалогу публикуемое заглавие.[142]

Запись Н. Н. Гусева была переписана на машинке, просмотрена и исправлена Толстым.

В рукописном отделе ГМТ сохранился экземпляр этой машинописной копии с поправ-

ками Толстого (3 лл. 4°, заполненных текстом с одной стороны). По этой рукописи и печатается текст диалога в настоящем издании.

«ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Замысел рассказа «Иеромонах Илиодор» относится к концу декабря 1908 г. В Дневнике 3 января 1909 г. Толстой записал: «Всё чаще и чаще думаю о рассказе» (т. 57, стр. 4); а 14 января отметил: «Вчера начал писать: не знаю, как озаглавлю. Горячо желаю, но написал слабо. Но возможно» (т. 57, стр. 10). Что именно в этих записях идет речь об упоминаемом рассказе, подтверждается, во-первых, тем обстоятельством, что за этот период нет никаких указаний о другом замысле; во-вторых, пометой дочери Толстого на рукописи этого рассказа: «Написано в средних числах января 1909 г.» (см. описание рук. № 3).

Толстым, очевидно, в промежуток между 3 и 13 января был набросан план рассказа (см. описание рук. № 1), а 13 января написано начало рассказа (см. описание рук. № 2).

Автограф Толстого был переписан на ма-

шинке. В машинописную копию Толстой внес небольшие исправления. Этим работа над рассказом ограничилась, и рассказ остался неоконченным.

Между тем Толстой придавал этому замыслу большое значение и стремился к продолжению рассказа.

В Дневнике 27 января 1909 г. он записал: «Затеянная мною вторая вещь[143] может быть страшной силы. Это не значит, что я ожидаю ее действия на людей, видимого действия, а страшной силы обнаружения его закона. Очень хочется писать» (т. 57, стр. 13); и 16 марта: «Очень много хочется писать... и Старца» (т. 57, стр. 38), подразумевая под «Старцем» несомненно «Иеромонаха Илиодора».

Впервые рассказ был напечатан в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. III, М. 1912, с двумя цензурными купюрами: 1) опущено место со слов: «И вдруг, о ужас» (стр. 289, строка 32) и кончая: «допил чашу и поставил ее» (стр. 290, строка 19); 2) опущен целиком «Дневник Илиодора»; полностью – в той же книге, изд. И. П.

Ладыжникова, Берлин 1912.

В настоящем издании рассказ «Иеромонах Илиодор» печатается по рукописи № 3. Ошибки переписчика исправляются по автографу.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтового формата. План рассказа. Печатается в разделе вариантов.

2. Автограф. 4 лл. 4°. *Начало:* «Иеромонах Илиодор, опустив голову». *Конец:* «Нет и нет его». На обороте л. 1 рукой Толстого набросаны семь вопросов, относящиеся к содержанию рассказа:

1. Как ведется вся служба?

2. Как служат монахи, в какой очереди?

3. Какие молитвы?

4. Как сам причащается?

5. Кто с ним служит в монастыре вместо дьякона?

6. Что поют?

7. Выпивал ли сам и когда?

3. Машинописная копия предыдущей рукописи. 7 лл. 4°, исписанных с лицевой стороны. В конце текста помета дочери Толстого: «Написано в средних числах января 1909 года». Копия – с ошибками. Имя иеромонаха пере-

писано вместо Илиодора – Исидор (с этим именем рассказ был и опубликован впервые). Исправлений Толстого немного.

«ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ «УБИЙЦЫ»

«КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

МЫСЛЬ о том, что в мире «нет виноватых», положенная в основу замысла рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш», занимала Толстого давно. Еще 3 марта 1863 г. он записал в Дневнике: «Идеал есть гармония. Одно искусство чувствует это. Только то настоящее, которое берет себе девизом: нет в мире виноватых» (т. 48, стр. 53). Осуществить отчасти эту мысль Толстой пытался в «Анне Карениной», где, по словам С. А. Толстой, он ставил своей задачей представить Анну «только жалкой и невиноватой». [144] Роман «Декабристы» Толстой начал писать, также вдохновленный этой мыслью. В письме к А. А. Толстой от 14 марта 1878 г., говоря о работе над этим романом, Толстой замечал: «Надобно, чтоб не бы-

ло виноватых» (т. 62, стр. 397); а А. А. Толстая в своих воспоминаниях, касаясь идеи «Декабристов», передает слова Толстого, сказанные им ей в более определенной форме: «Я хочу доказать, – говорил Толстой, – что в деле декабристов никто не был виноват – ни заговорщики, ни власти».[145]

Позднее, в 1908—1910 гг., Толстой пытался осуществить эту свою мысль в двух своих незаконченных произведениях: «Кто убийцы? Павел Кудряш» и «Нет в мире виноватых», представляющих собой как бы два варианта одного и того же произведения, написанных на одну и ту же тему.

Возникновение замысла рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш», судя по тому, что во всех редакциях этого рассказа действие начинается с середины июня 1906 г., не может быть отнесено ранее чем к 1907 г.

В Записной книжке 17 апреля 1907 г. Толстой отметил: «Думаю о психологическом очерке политики, о художественном изображении» (т. 56, стр. 191); и в Дневнике 20 июня того же года: «Теперь хочется написать.... «Руки вверх», пришедшее мне в голову во время

игры Гольденвейзера» (т. 56, стр. 45). Возможно, что в данном случае Толстой и зафиксировал замысел рассказа «Кто убийцы?». Во всяком случае, ни в каком другом произведении, кроме упомянутого, Толстой не коснулся отмеченной в записях темы.

1907—1908 гг. были для России временем усиления реакции. «Черносотенный террор свирепствовал во-всю. Царский министр Столыпин покрыл виселицами страну. Было казнено несколько тысяч революционеров».[146]

Толстой, внимательно следивший за событиями в стране, в мае – начале июня 1908 г. написал статью против смертных казней, озаглавленную «Не могу молчать» (см. стр. 83). Собирая материал для статьи и обдумывая ее, Толстой одновременно задается мыслью написать и художественное произведение на тему о революционерах и борьбы с ними правительства, используя для этого возникший у него замысел рассказа.

6 мая 1908 г. Толстой, в связи с разговором о казнях, сказал: «Мне вот именно, если бог приведет, хотелось бы показать в моей работе, что виноватых нет. Как этот председатель

суда, который подписывает приговор, как этот палач, который вешает, как они естественно были приведены к этому положению, так же естественно, как мы теперь тут сидим и пьем чай, в то время, как многие зябнут и мокнут».[147]

До декабря 1908 г. Толстой не пытался осуществить свой замысел. 14 декабря он записал в Дневнике: «Думаю о художественном, и как будто нарождается» (т. 56, стр. 163); а С. А. Толстая 16 декабря отметила в своем «Ежедневнике»: «Лев Николаевич... усиленно собирает материал о казнях, о революционерах, о процессах и т. п. Зачем? Еще не знаю» (ГМТ).

Материалы эти нужны были Толстому для его рассказа, который он начал писать 17 декабря, то есть на другой день после записи С. А. Толстой. 18 декабря он занес в Дневник: «Перебираю художественное. Казалось бы, могу. Написал очень озлобленное предисловие и негодящееся начало» (т. 56, стр. 165).

Толстой написал предисловие, озаглавив его «Предисловие к рассказу «Убийцы», и начал рассказ именно под этим заглавием, но потом изменив его на «Нет виноватых». Одна-

ко, написав три страницы, Толстой прервал работу и, поставив дату «17 декабря», рядом пометил: «Опять не то». Как предисловие, так и начало рассказа в этой редакции дальнейшей обработки не получили (см. вариант № 1).

Очевидно, в конце декабря Толстой начал рассказ в новой редакции.

27 декабря Толстой записал в Дневнике: «Художественная работа в голове ясна, но нет охоты писать» (т. 56, стр. 167); 28 декабря: «Хотел писать «Погибшие», но не пошло. А есть, есть что сказать» (т. 56, стр. 168); 29 декабря: «В первый раз, хотя и плохо, но охотно писал – не знаю, как назвать? Может быть: *Нет виноватых*. Могу себе представить, вижу возможность и с удовольствием» (т. 56, стр. 168); и 30 декабря: «Начал было писать «Невиноватых», но не пошло» (т. 56, стр. 169).

Написанное Толстым за это время начало рассказа являлось первой черновой редакцией первых десяти глав публикуемого текста рассказа. Текст первой редакции был значительно короче публикуемого. Позднее, пересматривая его, Толстой дополнял вставками

как внутри самой рукописи, так и на отдельных листах (см. описание рук. №№ 3, 6 и 8). Рассказ был озаглавлен Толстым, очевидно, позднее: «Убийцы. Павлуша Кудряш».

5 января Толстой вновь взялся за «Павлушу», начав писать в драматической форме. С. А. Толстая отметила в своем «Ежедневнике» под этим числом: «Лев Николаевич писал что-то в драматической форме. Он ищет, всё не найдет того тона, который бы ему нравился. Уже есть несколько начал художественной работы» (ГМТ); а Толстой 6 января записал в Дневнике: «Вчера показалось, что могу писать художественное. Но не то. Нет охоты. Нынче совсем не могу. Да и не надо» (т. 57, стр. 5).

Это начало рассказа, написанное в драматической форме и представляющее собой диалог Павла с революционером, бывшим офицером Разумниковым, в Александровском саду в Москве, Толстой не стал продолжать и в дальнейшем к нему не возвращался (см. вариант № 2). 8 января он отметил в Дневнике: «Пытался продолжать «Павлушу». Не пошло» (т. 57, стр. 6); 10 января: «Вчера писал почти с

охотой, но плохо. Не стоит того, чтоб делать усилия. Нынче совсем нет охоты, и вчерашнее кажется слабым, просто плохим» (т. 57, стр. 7).

Между 8 и 10 января Толстой повторил попытку писать драму «Павлуша», начав первое действие с собрания революционного кружка в квартире курсистки Аронсон. Однако, написав два явления и начав третье, Толстой прервал работу, пометив под написанным: «Не идет, глупо. Не могу».

Очевидно, в это же время Толстой пытался исправлять написанное ранее в форме рассказа и сделал в этот вариант значительные вставки (см. описание рук. № 6).

С. А. Толстая переписала как начало драмы «Павлуша» во второй редакции (рук. № 5), так и черновики первых десяти глав со всеми дополнениями (рук. №№ 3 и 6). Об этом она отметила в своем дневнике 14 января: «Сегодня я вступила в прежнюю должность – переписывала новое художественное произведение Льва Николаевича, только что написанное. Тема – революционеры, казни и происхождение всего этого. Могло бы быть интересно. Но

те же приемы – описания мужицкой жизни. Смакование сильного женского стана с загорелыми ногами девки.... И, вероятно, дальше будет опозитизирована революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н. несомненно сочувствует, ненавидит всё, что высоко поставлено судьбой и что – власть. Буду переписывать дальше».[148] В своем «Ежедневнике» С. А. Толстая отметила, что начала «переписывать Льву Николаевичу» 11 января, а кончила 15 января.

К просмотру переписанного (рук. №№ 7 и 8) Толстой приступил, видимо, 20 февраля. В этот день он записал в Дневнике: «Взял было Павла, перечитал. Могло бы быть недурно, но нет охоты» (т. 57, стр. 29) и 21 февраля: «Попробовал «Павла». Вижу возможность» (т. 57, стр. 29). Толстой попытался дописать конспективно окончание первого действия драмы «Павлуша» (см. рук. № 7), излагая в повествовательной форме содержание реплик действующих лиц. Однако, написав с полстраницы, он прервал работу. Во вторую переписанную рукопись (№ 8) Толстой внес лишь незначительные исправления.

Между тем Толстой не оставлял мысли продолжить рассказ. Повидимому, отказавшись от драматической формы, но дорожа содержанием написанной части первого действия драмы «Павлуша», Толстой по ходу развития событий рассказа включил написанную часть драмы вслед за первыми десятью главами рассказа публикуемого текста (пока еще не разбив этот текст на главы) и стал писать продолжение в повествовательной форме.

25 февраля Толстой записал в Дневнике: «24-го хорошо писал Павла. Может выйти. Очень много хорошего и полезного можно сказать» (т. 57, стр. 30). В этот прием работы Толстым были написаны главы 14—17 публикуемого текста рассказа. Тогда же, очевидно, при просмотре рукописей рассказа, Толстым было произведено и разделение его на главы красным карандашом. Вслед за десятью первыми главами, написанными в повествовательной форме (рук. № 8), он отметил две главы — 12 и 13 (гл. 11, очевидно, пропустил ошибочно) в драматическом отрывке (рук. № 7) и главы 14—17 в последней рукописи (№ 9). В

драматическом отрывке Толстой произвел деление на главы не по формальным признакам (в данном случае – явлениям), а по содержанию (см. описание рук. № 7), что свидетельствует о намерении Толстого переработать эту часть в форме рассказа.

Однако в дальнейшем Толстой больше не приступал к работе над рассказом, получившим в последних рукописях заглавие «Кто убийцы? Павел Кудряш». 24 апреля 1909 г. он начал писать на ту же тему повесть «Нет в мире виноватых», оставшуюся также незаконченной (см. т. 38).

Между тем рассказ «Кто убийцы?» продолжал интересовать Толстого, и он неоднократно выражал желание писать его. Свидетельством этому являются его записи в Дневнике – 16 марта: «Очень многое хочется писать.... и Павла» (т. 57, стр. 38); 3 апреля: «Хочется писать.... и Павла» (т. 57, стр. 45); и запись в дневнике Н. Н. Гусева 7 апреля, где Гусев, рассказывая о своей поездке из Ясной Поляны в Москву, сообщает о поручении, данном ему Толстым, зайти к знакомому присяжному поверенному, чтобы узнать «некоторые

подробности совершения смертных казней». «Подробности эти, – поясняет Н. Н. Гусев, – нужны Льву Николаевичу для задуманного и частью уже начатого им художественного произведения. Лев Николаевич сам начал было записывать на бумаге те вопросы, по которым ему нужно иметь сведения, но потом оставил это и просто просил узнать как можно больше подробностей».[149]

Кроме того, о неослабевавшем интересе к рассказу говорит и запись в дневнике А. Б. Гольденвейзера, который передает, что Толстой, уезжая 2 сентября 1909 г. к В. Г. Черткову в Крекшино, захватил с собой «довольно большую тетрадку с заглавием «Павел»».[150]

Впервые первые три главы рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш» были опубликованы в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. III, М. 1912, и полностью рассказ с предисловием – в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, изд. И. П. Ладыжникова, т. III, Берлин 1912.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. F° (из блокнота). Лицевая сторона занята началом рассказа «Роженица»; оборот листа занят предисловием, озаглавленным Толстым: «Предисловие к рассказу «Убийцы». *Начало:* «Не могу молчать и не могу». *Конец:* «их обличения».

2. Автограф. 2 лл. F° (из блокнота). Заглавие: «Убийцы. Нет виноватых». *Начало:* «Они все восемеро». *Конец:* «И хорошо и дурно, думал он». Под текстом дата Толстого: «17 дек.» и его помета: «Опять не то». На обороте л. 2 начата новая редакция рассказа (см. описание рук. № 3).

Текст автографа печатается в вариантах под № 1.

3. Автограф. 6 лл. F° (из блокнота). Заглавие: «Убийцы. Павлуша Кудряш». *Начало:* «Это было <17> 3 июня 1906 года». *Конец:* «Аносов, бывший на собрании веселый».

Текст этой редакции рассказа начинается на последней странице рук. № 2.

4. Автограф. 1 л. F°. Заглавия нет. *Начало:* «Действие 1-е. Действующие лица». *Конец:* «Он <покажет> проведет вас».

Печатается в вариантах под № 2.

5. Автограф. 2 л. F° (из блокнота). Заглавие: «Павлуша. Драма». *Начало*: «Действие 1. Небольшая комната». *Конец*: «мы окружены врагами». Под текстом помечено: «Не идет, глупо. Не могу» и затем, очевидно позднее, зачеркнуто. Вслед за этим текстом написано окончание вставки в рук. № 3 (см. описание рук. № 6).

6. Автограф. 4 л. почтового формата. Вставка в рукопись № 3 к главам 5—7. *Начало*: «Вскоре после этого». *Конец*: «что будет участвовать». Продолжение этой вставки со слов: «покажет себя» и кончая: «пошел на Бронную» (конец гл. 7) дописано в конце рук. № 5.

Рукопись вложена в обложку с надписью Толстого: «Черновое и ненужное к Павлу».

7. Копия рук. № 5 рукой С. А. Толстой. 8 л. 4°, исписанных с одной стороны. Заглавие: «Павлуша. Драма». *Начало*: «Действие I. Небольшая комната». *Конец*: «а 7 должно быть». Исправлений Толстого в тексте нет. Ручкой Толстого дописано окончание на л. 8.

Повидимому, позднее, при работе Толстого над рук. № 8, в продолжение разбивки на главы рук. № 8 (10 глав) Толстой по содержанию

проставил главы красным карандашом и в рук. № 7. В явлении 1, после реплики Разумникова: «Я высказался», проставлена глава 12; а перед дописанным окончанием – глава 13 (глава 11, очевидно долженствующая быть в начале 1-го действия, не проставлена).

8. Копия рук. №№ 3 и 6 рукой С. А. Толстой, с небольшими исправлениям автора. 23 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Заглавие, скопированное переписчицей с рук. № 1, изменено Толстым: «Кто убийцы. Павел Кудряш». *Начало*: «Это было 3 июня 1906 года». *Конец*: «для покупки типографии. Аносов веселый». Текст рукописи разделен Толстым на десять глав красным карандашом. Продолжение этой разбивки Толстой произвел в рук. 7 и 9 (см. описание их).

9. Автограф. 6 лл. почтового формата и 1 отрезок. Заглавия нет. *Начало*: «<Так вот> Всё это б. 16 июня». *Конец*: «План состоял в том, чтобы». Текст разделен Толстым красным карандашом на главы 14—17.

Рукопись вложена в обложку с надписью рукой Толстого: «Кто убийцы? Павел».

10. Автограф. 2 лл. почтового формата. Со-

держит вопросы Толстого, переданные Н. Н. Гусеву для выяснения их. Вопросы эти связаны с писанием рассказа «Кто убийцы?».

Печатается в вариантах под № 3.

Текст «Кто убийцы? Павел Кудряш», публикуемый в настоящем издании, составляется следующим образом:

Предисловие – рук. № 1.

Главы 1—10 – рук. № 8 (ошибки переписчицы исправляются по рук. №№ 3 и 6; по этим же рук. печатается зачеркнутый текст).

Главы 11—13 – рук. № 7 (ошибки переписчицы исправляются по рук. № 5; по этой же рук. печатается зачеркнутый текст).

Главы 14—17 – рук. № 9.

«[ЧЕРНОВОЕ НАЧАЛО НЕОЗАГЛАВЛЕННОЙ ПЬЕСЫ]»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

О работе Толстого над пьесой, из которой публикуется черновое начало ее, сведений нет.

Текст черновика занимает 2 лл. почтового формата, исписанных Толстым только с лицевых сторон. На копии черновика сделана надпись рукой В. Г. Черткова: «Драматический отрывок. Списан 16 мая 1910 г.».

Можно предположить, что Толстой работал над пьесой в начале 1910 г. В дневнике В. Ф. Булгакова 23, 27, 28 и 30 марта 1910 г. упоминается о намерении Толстого «писать драму» для домашнего спектакля в Телятинках. [151] Возможно, что публикуемый отрывок и явился началом этой драмы.

«ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Мысль написать диалоги, объединенные общим заглавием «Детская мудрость», явилась у Толстого в связи с чтением и затем работой над переводом диалога «Schwere Fragen», прочитанного им в венской газете «Wohlstand für Alle» (см. об этом прим. к диалогу «Разговор отца с сыном», стр. 451).

24 января 1909 г. Толстой записал в Дневнике: «Нынче, гуляя, думал о двух: детская мудрость и о воспитании» (т. 57, стр. 18). Вероятно, вскоре Толстой составил список тем диалогов, которые он хотел разработать для «Детской мудрости». В первоначальном списке значилась тридцать одна тема (см. варианты, стр. 385). 14 февраля Толстой в Дневнике среди перечня замыслов отметил: «Детская мудрость. Осуждение» (т. 57, стр. 32). В первом списке эта тема отсутствует; она была внесена в копии списка вместо вычеркнутой темы «О наследственности» (см. описание рук. №№ 2 и 3). Однако из намеченных в списках тем Толстой разработал вчерне только двадцать

одну тему, другие остались совсем неразработанными.

Непосредственно к работе над диалогами Толстой приступил 19 февраля 1909 г. Под этим числом он записал в Дневнике: «Начал «Детскую мудрость» (т. 57, стр. 28).

Работа протекала более или менее интенсивно до начала мая 1909 г., и большинство диалогов, повидимому, было написано за это время. Затем следовал перерыв до середины октября того года. По крайней мере о работе над «Детской мудростью» в этот период нет упоминаний ни в Дневнике, ни в письмах Толстого.

Возобновление работы в октябре было вызвано просьбой редакции «Юбилейного сборника» Литературного фонда, переданной через В. Г. Черткова, дать какое-либо произведение в сборник, посвященный пятидесятилетию Литературного фонда.

Толстой работал над диалогами, с перерывами, приблизительно в течение месяца и вновь прервал работу.

В сборник Литературного фонда вместо «Детской мудрости» были посланы два очер-

ка: «Песни на деревне» и «Разговор с прохожим» и статья «Единая заповедь».

Между тем Толстой и позднее не оставлял мысли закончить «Детскую мудрость». В его Дневнике за июнь 1910 г. есть упоминание о работе над нею.

Таким образом, работа над «Детской мудростью» в общем продолжалась, с большими перерывами, почти полтора года. Закончена она не была.

Точно датировать написание каждого диалога в отдельности, за исключением некоторых, не представляется возможным. Записи в Дневнике Толстого и в его Записных книжках дают лишь общую картину работы и иногда лишь дополняют его замыслы (см. т. 57, стр. 29—31, 33, 37, 38, 43, 45, 48, 52, 56, 153, 168, 172, 206, 207, и т. 58, стр. 61 и 67).

Согласно записям в Дневнике и другим данным можно датировать следующие диалоги «Детской мудрости»: 20 апреля 1909 г. — «О вознаграждении за труд» («О труде»); 3 мая — «О собственности»; 17 ноября — «Любите обижающих вас» (диалог этот в черновом виде записан в Записной книжке под 17 ноября,

см. т. 57, стр. 250—251); 5 июня 1910 г. – «Раска-
яние» («Как нечаянно пирожное съел») [152].

Впервые «Детская мудрость» была напеча-
тана с ошибками в «Посмертных художе-
ственных произведениях» Л. Н. Толстого, т. II,
М. 1911 и Берлин 1911.

В настоящем издании текст «Детской муд-
рости» печатается по рукописям (№№ 1 и 4).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтовой бумаги большого
формата, 24 лл. почтовой бумаги среднего
формата, 1 л. почтовой бумаги малого форма-
та, 3 лл. графленой писчей бумаги, согнутые
пополам, 4 лл. 4°, из которых один л. согнут
пополам, и 4 лл. 8°, вырванные из блокнота.
Кроме листов из блокнота, 4-х листов почто-
вой бумаги и одного листа в 4°, занятых тек-
стом только с лицевой стороны, все осталь-
ные листы рукописи исписаны с обеих сто-
рон. 17 диалогов были пронумерованы Тол-
стым, но затем первоначальный порядок их
был несколько нарушен. *Начало:* «1) О рели-
гии 2) О войнах». *Конец:* «и дураки и дуры бо-
гу нужны». В верхней половине 1-го листа, пе-
ред диалогом «Религия», Толстой набросал 31

тему диалогов Этот список тем полностью печатается в настоящем томе (стр. 385). Из всех написанных диалогов в рукописи-автографе озаглавлены только 10 диалогов. Рукопись неполная: в ней не хватает диалога «Любите обижающих вас». Имеется машинописная копия этого диалога, с исправлениями Толстого. Многие диалоги неоднократно переделывались Толстым. Наиболее крупным переделкам подверглись диалоги «О смертных казнях» и «Воспитание».

Диалог «О податях» Толстой начал так:

Отец и Ванька 7 лет.

Отец. Что тебе?

Ванька. К няне племянница пришла просить денег <на подати>. А у няни нет. Дай ей, пожалуйста.

Отец. Что такое? Какие деньги? Зачем ей деньги?

Ванька. Она говорит, что на подати, что если она не отдаст деньги, то у нее корову отнимут, и у детей молока не будет. Плачет. Ее жалко.

Отец. Это очень хорошо, что ты жалеешь, но надо знать, когда можно и когда нельзя

жалеть.

Это начало Толстой зачеркнул.

На листе 16 Толстой начал такой диалог:

Машутка и Мишутка. Старик прохожий (плачет).

Машутка. Ты чего, дедушка?

Старик. А то, что понапрасну обидел. Я только зашел милостыньки попросить. А он в шею. Много, мол, вас дармоедов тут шляется. Ну да бог с ним.

Зачеркнув это начало, Толстой на том же листе начал диалог «О вознаграждении» («О труде»).

Диалоги «Печать» и «Суд» имеются в рукописи в 2-х редакциях. В рукописи имеется также начало диалога о Государственной думе:

Андрюша 9 лет. Мой папа вчера так хорошо говорил в Думе, что все ему хлопали, и газеты все напечатали, что он говорил.

Соня. А я и не знаю, что такое Дума. Мой

папа в банке. Что такое Дума? Что они там делают?

В конце диалога «Богатство» Толстой начал диалог о праве наследства, но написал только заглавие и сделал список действующих лиц и зачеркнул то и другое. Вслед за тем Толстой начал какой-то другой диалог, но и его оборвал на пятой строке. Написанное начало читается так:

Авд. Кабы это добро да в руки... А то что? Мотает несудом. первый двор был, а дай срок еще годок, и гол как сокол останется.

Матрена.

Извлекаются варианты №№ 1, 2, 3.

2. Копия списка тем диалогов, написанная от руки неизвестным лицом. 2 лл. почтовой бумаги большого формата. Тема «О наследственности» неизвестной рукой карандашом заменена темой «Об осуждении». Темы «О науке» и «Об искусстве», стоящие в оригинале под цифрами 30 и 31, в копии опущены. На их месте переписчик карандашом пометил: «На-

ука и искусство уже было». Тему «О представительстве» Толстой заменил в копии темой «О доброте». Вместо опущенных тем о науке и искусстве он написал под цифрами 30 и 31 новые темы: «О безработных» и «О боге». В конце списка он прибавил 32-ю тему: «Об осуждении». *Начало:* «Детская мудрость.

1. О религии». *Конец:* «32. Об осуждении».

3. Машинописная копия списка тем диалогов. 2 лл. почтовой бумаги большого формата. Толстой начал было изменять порядок тем, но не довел этого изменения до конца. Тему «О наследственности» он заменил темой «Об осуждении» и внес в список две темы: «О целомудрии» и «О земле – с англ.». Последняя тема уже имелась в списке. Тема «О науке», стоящая под цифрой 30, зачеркнута. Тема «Об искусстве» под цифрой 31 полустерта. *Начало:* «Детская мудрость. 1. О религии»: *Конец:* «31. Об искусстве».

4. Машинописная копия диалогов. 16 лл. почтовой бумаги большого формата и 30 лл. 4° (один лист чистый). Все листы пронумерованы карандашом неизвестной рукой цифрами 3—48. Под цифрами 1 и 2 значится маши-

нописная копия списка тем диалогов (рук. № 3). Копия неполная; в ней не хватает диалогов: «О религии», «Об отечестве, государстве», «О податях», «Раскаяние» и «Воспитание». Диалоги, которые не имели заглавий, были озаглавлены Толстым. Диалог «Любите обижающих вас» Толстой переработал радикально от начала до конца. Получилась новая, вторая, редакция диалога. Большинство диалогов без поправок Толстого. Описки Толстого и ошибки машинистки исправлены неизвестной рукой. Той же рукой на 4-х диалогах, в левом верхнем углу, помечено: «Проверено». Копии всех диалогов, не исключая и «проверенных», имеют целый ряд ошибок. *Начало*: «О войнах». Карлхен Шмидт». *Конец*: «что дети не радость, а горе».

Извлекается вариант № 4.

«ПОЧЕМУ ХРИСТИАНСКИЕ НАРОДЫ ВООБЩЕ И В ОСОБЕННОСТИ РУССКИЙ НАХОДЯТСЯ ТЕПЕРЬ В БЕДСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Замысел статьи «Почему христианские народы...» Толстой впервые отметил в Записной книжке 12 января 1907 г. (см. т. 56, стр. 179). 14 января Толстой записал в Дневнике ряд мыслей к этой статье (см. т. 56, стр. 4—5), а в конце апреля в Записной книжке он наметил основные положения, которые потом развил в статье (см. т. 56, стр. 226).

К писанию статьи Толстой приступил 1 мая. Работа, судя по записям в Записной книжке, продолжалась с небольшими перерывами 2, 7—9 и 14—17 мая (см. т. 56, стр. 193—195). Последняя рукопись была датирована Толстым 17 мая; между тем Толстой просматривал эту рукопись и 5 июня, сделав в нее большую вставку об апостоле Павле.

Окончательной обработки статья не получила и при жизни Толстого напечатана не

была. Впервые опубликована в 1917 г. в журнале «Голос. Толстого и Единение», № 5, стр. 1—5.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Рукопись, состоящая из 2 л. 4° и 3 л. F°, сложенных пополам. 2 л. 4°, содержащие начало статьи, написаны на машинке, остальные листы – автограф. Пагинация по страницам рукой Толстого цифрами 1—16. Первая редакция статьи. *Начало*: «Мирное <и счастливое> сожительство людей». *Конец*: «содействовать распространению ее в людях».

2. Машинописная копия рук. № 1 с исправлениями Толстого. Первоначально состояла из 11 л. 4°. После переработки часть листов и отрезков была переложена в следующую рукопись. В данной рукописи осталось 2 л. 4° и 4 отрезка. *Начало*: «<Мирное сожительство людей>». *Конец*: «извращением его». На обложке дата переписчицы: «1, 2 мая 1907 г.».

3. Машинописная копия рук. № 2 с исправлениями Толстого. 3 л. 4°. Рукопись содержит начало статьи. Перерабатывая, Толстой написал добавление на 1 л. почтового формата. *Начало*: «Люди согласно действуют». *Ко-*

нец: «усвоенное людьми».

4. Машинописная копия рук. № 3 с исправлениями Толстого. 4 лл. 4°. *Начало:* «Люди согласно действуют». *Конец:* «и утверждающее его».

5. Машинописная копия рук. № 4 и 2-х лл. рук. № 2 (составляющих продолжение текста рук. № 4) с исправлениями Толстого. 7 лл. 4°. *Начало:* «Люди мирно живут». *Конец:* «успеха этого учения». На обложке дата переписчицы: «8 мая 1907 г.».

6. Машинописная копия рук. № 5 с исправлениями Толстого и большими вставками-автографами. В эту рукопись Толстой переложил из рук. № 2 листы, заключающие окончание статьи. Рукопись составила 20 лл. 4° и 2 лл. почтового формата. После переработки часть листов и отрезков была переложена в следующую рукопись. В данной рукописи осталось 8 лл. 4°, 2 лл. почтового формата и 1 отрезок. *Начало:* «Люди мирно живут». *Конец:* «распространению ее в людях».

7. Машинописная копия рук. № 5 с исправлениями Толстого, содержащая вначале, с переложенными листами из предыдущей руко-

писи, 26 лл. 4° и 3 отрезка. На обороте л. 21-го помета переписчицы: «Статья 16 мая 1907 г.». После переработки часть листов и отрезков была переложена в следующую рукопись. В данной рукописи осталось 18 лл. 4° и 3 отрезка. *Начало:* «Люди мирно живут». *Конец:* «распространению ее в людях».

8. Рукопись, составленная из копии с оставшихся листов в рук. № 7 и из листов, переложённых из этой же рукописи. 30 лл. 4°. При исправлении Толстой внес в нее дополнительно 1 л. 8°, исписанный его рукой с обеих сторон. В конце рукописи дата Толстого: «1907. 17 мая». *Начало:* «Люди мирно живут». *Конец:* «распространению ее в людях».

В настоящем издании статья печатается по рук. № 8.

«РЕЛИГИЯ И НАУКА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

Под 17 августа 1908 года в дневнике Н. Н. Гусева записано: «На днях Лев Николаевич продиктовал мне небольшую статью о религии и науке». [153] Кроме этой записи, никаких других сведений о писании Толстым этой статьи не имеется. В настоящем издании статья «Религия и наука» печатается впервые, по рукописи, написанной Н. Н. Гусевым под диктовку Толстого.

«БЛАГО ЛЮБВИ (ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ-БРАТЬЯМ)»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Во второй половине июля и первой половине августа 1908 г. Толстой тяжело болел. 11 августа он продиктовал Н. Н. Гусеву запись в Дневник: «Тяжело, больно. Последние дни непрерывающийся жар и плохо, с трудом переношу. Должно быть, умираю» (т. 56, стр. 143). 21 августа он сказал Н. Н. Гусеву: «Я сегодня, как говорят, плох, а мне очень хорошо: умираю».

раю».[154]

В этот день, как это видно по дате в конце автографа, Толстой написал «Обращение к людям-братьям». Это была первая редакция статьи «Благо любви» (см. описание рук. № 1). Текст ее был переписан В. Г. Чертковым и затем, в копии, существенно переработан Толстым и дополнен новым окончанием, помещенным вслед за датой и подписью (см. описание рук. № 2). Переработанная копия была переписана на машинке. В эту новую копию Толстой внес ряд мелких стилистических поправок (см. описание рук. № 3).

Датировать точно эти переработки невозможно, так как о работе Толстого над этой статьей нет никаких упоминаний ни в его Дневнике, ни в письмах.

Статья «Благо любви» впервые была напечатана в № 306 газеты «Речь» за 1912 г.

В настоящем издании статья печатается по тексту рук. № 3. Ошибки переписчиков исправляются по автографам.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 2 лл. почтовой бумаги среднего формата. Заглавия нет. *Начало:* «Милые

братья, особенно те». *Конец*: «и зовущему вас к себе благу любви». В конце Толстым поставлена дата: «21 авг.», и неизвестной рукой добавлено карандашом: «1908 г.».

2. Копия рук. № 1 рукой В. Г. Черткова, переработанная Толстым. 5 лл. F°. В верхней части первой страницы рукой В. Г. Черткова написано: «Благо любви. (Обращение к людям-братьям)». *Начало*: «Милые братья, особенно те». *Конец*: «должна наступить очень скоро». В конце копии подпись: «Лев Толстой», и дата, проставленная Чертковым: «21 авг. 08». Вслед за подписью и датой написано рукой Толстого добавление, начинающееся словами: «Я думал, что умираю» (см. печатный текст).

3. Две машинописные копии рук. № 2. Каждая из этих копий занимает 4 лл. 4°. Одну из копий Толстой исправлял и дополнял; во второй – лишь восстановил три слова, неразобранные переписчицей.

4. Машинописная копия с переработанной копии рук. № 3. 3 лл. 4°. Поправок Толстого нет. Неизвестной рукой исправлены ошибки переписчицы, помечены новые абзацы, рас-

ставлены знаки препинания: местами исправлено правописание Толстого. В верхней части 1-го полулиста той же рукой помечено: «Основной экземпляр».

«ВРЕМЯ ПРИШЛО»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

1 октября 1908 г. Н. Н. Гусев записал в дневнике: «Преследование меня, Молочникова, рассказы проезжавшего недавно шлиссельбургца Н. А. Морозова о том, что пришлось пережить ему и его товарищам за 30 почти лет сиденья в тюрьмах, – всё это вновь привлекло внимание Льва Николаевича к вопросу о государстве, порождающем такое ужасное зло. Вчера он не отрываясь написал (частью продиктовал мне) 17 страничек новой статьи – воззвания против государства». [155] Этим «воззванием» и была статья «Время пришло». Большую часть статьи Толстой продиктовал Н. Н. Гусеву и только конец ее, начиная со слов: «Люди, или покоряясь», он написал сам в «Листах Записной книжки 1908 года» (т. 56, стр. 381—382).

Статья впервые была напечатана в № 1

журнала «Единение» за 1917 г., а затем вышла отдельной брошюрой в издании «Посредник» (№ 1197).

Заглавие статье, по сообщению Н. Н. Гусева, дано В. Г. Чертковым.

В настоящем издании статья печатается по машинописной копии, сделанной со списка Н. Н. Гусева (он не сохранился), и по тексту «Листов Записной книжки 1908 года».

ПРИЛОЖЕНИЕ

[РЕЧЬ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЗАЩИТУ РЯДОВОГО ВАСИЛИЯ ШИБУНИНА]

Рядовой Василий Шибунин, обвиняемый в умышленном и сознательном нанесении удара в лицо своему ротному командиру, избрал меня своим защитником, и я принял на себя эту обязанность, несмотря на то, что преступление, в котором обвиняется Шибунин, есть одно из тех, которые, нарушая связь военной дисциплины, не могут быть рассматриваемы с точки зрения соразмерности вины с наказанием и всегда должны быть наказываемы. Я принял на себя эту обязанность, несмотря на то, что сам обвиняемый написал свое сознание, и потому факт, устанавливающий его виновность, не может быть опровергнут, и несмотря на то, что он подвергается 604 ст. военн. угол. закон., которая определяет только одно наказание за преступление, совершенное Шибуниным.

Наказание это – смерть, и потому казалось

бы, что участь его не может быть облегчена. Но я принял на себя его защиту потому, что наш закон, написанный в духе предпочтительного помилования десяти виновных пред наказанием одного невинного, предусматривает всё в пользу милосердия, и не для одной формальности определяет, что ни один подсудимый не входит в суд без защитника, следовательно, без возможности, ежели не оправдания, то смягчения наказания. В этой уверенности на формальность и я приступаю к своей защите. По моему убеждению, обвиняемый подлежит действию ст. 109 и 116, определяющих уменьшение наказания по доказанности тупости и глупости преступника и невменяемости по доказанному умопомешательству.

Шибунин не подвержен постоянному безумию, очевидному при докторском освидетельствовании, но душевное состояние его находится в ненормальном положении: он душевнобольной, лишенный одной из главных способностей человека, способности соображать последствия своих поступков. Ежели наука о душевных болезнях не признала

этого душевного состояния болезнью, то, я полагаю, прежде чем произносить смертный приговор, мы обязаны взглянуть пристальнее на это явление и убедиться, есть ли то, что я говорю, пустая отговорка или действительный, несомненный факт. Состояние обвиняемого есть, с одной стороны, крайняя глупость, простота и тупость, предвиденные в ст. 109 и служащие к уменьшению наказания. С другой стороны, в известные минуты, под влиянием вина, возбуждающего к деятельности, – состояние умопомешательства, предвиденное 116 ст. Вот он стоит перед вами с опущенными зрачками глаз, с равнодушным, спокойным и тупым лицом, ожидая приговора смерти, ни одна черта не дрогнет на его лице ни во время допросов, ни во время моей защиты, как не дрогнет она и во время объявления смертного приговора и даже в минуту исполнения казни. Лицо его неподвижно не вследствие усилия над собою, но вследствие полного отсутствия духовной жизни в этом несчастном человеке. Он душевно спит теперь, как он и спал всю свою жизнь, он не понимает значения совершенного им преступления,

так же как и последствий, ожидающих его.

Шибунин мещанин, сын богатых, по его состоянию, родителей; он был отдан учиться сначала, как он говорит, к немцу, потом в рисовальное училище. Выучился ли он чему-нибудь, нам неизвестно, но надо предполагать, что учился он плохо, потому что ученье его не помогло ему дать средства откупиться от военной службы. В 1855 г. он поступил на службу и вскоре, как видно из послужного списка, бежит, сам не зная куда и для чего, и вскоре так же бессознательно возвращается из бегов. Через несколько лет Шибунин производится в унтер-офицеры, как надо предполагать, единственно за свое умение писать, и в продолжение всей своей службы занимается только по канцеляриям. Вскоре после своего производства в унтер-офицеры Шибунин вдруг без всякой причины теряет все выгоды своего положения на службе вследствие своего ничем не объяснимого поступка: он тайно уносит у своего товарища – не деньги, не какую-либо ценную вещь, даже не такую вещь, которая может быть скрыта, но казенный мундир и тесак и пропивает их. Не полагаю,

чтобы эти поступки, о которых мы узнаем из послужного списка Шибунина, могли служить признаками нормального душевного состояния подсудимого. Подсудимый не имеет никаких вкусов и пристрастий, ничто не интересует его. Как только он имеет деньги и время, он пьет вино и не в компании товарищей, а один, как мы видим это из самого обвинительного акта. Он делает привычку к пьянству со второго года своей службы и пьет так, что, выпивая по два штофа водки в день, не делается оживленнее и веселее обыкновенного, а остается таким же, каким вы его теперь видите, только с потребностью большей решительности и предприимчивости и еще с меньшей способностью сообразительности. Два месяца тому назад Шибунин переводится в Московский полк и определен писарем во вторую роту. Болезненное душевное состояние его с каждым днем ухудшается и доводит его до теперешнего состояния. Он доходит до совершенного идиотизма, он носит на себе только облик человека, не имея никаких свойств и интересов человечества. Целые дни в 30-градусные жары эта физически здо-

ровая сангвиническая натура сидит безвыходно в душной избе и пишет безостановочно целые дни какие-нибудь один, два рапорта и вновь переписывает их. Все интересы Шибунина сосредоточиваются на словах рапортов и на требованиях ротных командиров. Бесмысленно для него тянущиеся целые дни не дают ему иногда времени пообедать и выспаться, работа не тяготит его, но только приводит в большее и большее состояние оупения. Но он доволен своим положением и говорит своим товарищам, что ему значительно легче и лучше служить здесь, чем в лейб-екатеринославском гренадерском полку, из которого он переведен. Он тоже не имеет причины жаловаться на своего ротного командира, который говорил ему не раз (так передал мне сам Шибунин): «Коли не успеваешь, так возьми еще одного, двух писарей». Дни его проходят в канцелярии или в сенях у ротного командира, где он подолгу дожидается, или в одиноком пьянстве. Он пишет и пьет, и душевное состояние его доходит до крайнего расстройствa. В это-то время в его отуманенной голове возникает одинокая мысль, отно-

сящаяся до той узкой сферы деятельности, в которой он вращается, и получает силу и упорство пункта помешательства. Ему вдруг приходит мысль, что ротный командир ничего не понимает в делах, в искусстве написать рапорт, которым гордится каждый писарь, что он знает лучше, как написать, что он пишет хорошо, отлично напишет, а ротный командир, не зная дела, заставляет переправлять и переписывать и, портя само дело, прибавляет ему работы, не дающей иногда времени и заснуть и пообедать. И эта одинокая мысль, запавшая в расстроенную вином, отупевшую голову, под влиянием раздражения оскорбленного самолюбия, беспрестанных повторений тех же требований со стороны ротного командира и постоянного сближения с ним, — эта мысль и вытекающее из нее озлобление получает в больной душе подсудимого силу страстного пункта помешательства.

Спросите у него, почему и для чего он сделал свой поступок. Он скажет вам (и это единственный пункт, о котором он, приговаривающийся к смерти человек, говорит с одушевлением и жаром), он скажет вам, как написал

в своем показании, что побудительными причинами к его поступку были частые требования ротного командира переделывать бумаги, в которых будто бы он, ротный командир, менее понимал толку, чем сам Шибунин, или скажет, как он сказал мне на вопрос, почему он совершил свое преступление, – он скажет: «По здравому рассудку я решил, потому что они делов не знают, а требуют, мне и обидно показалось».

Итак, мм. гг.! единственная причина совершенного преступления, наказываемого смертью, была та, что подсудимому казалось обидно и оскорбительно переделывать писанные им бумаги по приказаниям начальства, понимавшего в делах менее, чем он. Ни следствие, ни суд, ни наивное показание Ш. не могли открыть других побудительных причин. А потому возможно ли предположить, чтобы человек, находящийся в обладании своих душевных способностей, из-за того, что ему обидно показалось переписывать рапорты, решился на тот страшный поступок как по существу своему, так и по последствиям. Такой поступок и вследствие таких причин мог совер-

шить человек, только одержимый душевной болезнью, и таков обвиняемый. Ежели медицинское свидетельство не признает его таковым, то только потому, что медицина не определила этого состояния оупения в соединении с раздражением, производимым вином. Разве в здравом уме находится человек, который перед судом, ожидая смертного приговора, с увлечением говорит только о том, что его писарское самолюбие оскорблено ротным командиром, что он не знает, а велит переписывать? Разве в здравом уме находится тот человек, который, зная грамоту и зная закон, пишет на себя то сознание от 6 и 7 числа, которое мы сейчас слышали, – сознание, в котором как бы умышленно он безвыходно отдается смерти? Сознание это, очевидно, бессмысленно списано его рукой с тех слов, которые за него говорили следователи и которые он подтверждал словами: точно так, ваше благородие, которыми он и теперь готов бессмысленно и бессознательно подтвердить всё то, что ему будет предложено. Во всей Российской империи не найдется, верно, ни одного не только писаря, но безграмотного мужика,

который бы на другой день преступления дал такое показание.

И что могло побудить грамотного человека дать это показание? Ежели бы он был не идиот, он бы понимал, что сознание его не может уменьшить его наказания. Раскаяние тоже не могло вызвать это сознание, так как преступление его такого рода, что оно не могло произвести в нем тяжелых мучений совести и потребности облегчения чистосердечным признанием. Подобное сознание мог сделать только человек, вполне лишенный способности соображения последствий своих поступков, то есть душевнобольной. Сознание Ш. служит лучшим доказательством болезненности его душевного состояния. Наконец, разве в здравом уме тот человек, который совершает свое преступление при тех условиях, при которых совершил его Ш.? Он писарь, он знает закон, казнящий смертью за поднятие руки против начальства, тем более должен бы знать этот закон, что за несколько дней перед совершением преступления он собственноручно переписывает приказ по корпусу о расстрелянии рядового за поднятие руки

против офицера, и, несмотря на то, он в присутствии фельдфебеля, солдат и посторонних лиц совершает свое преступление. В поступке подсудимого не видно не только умышленности, не только сознательности, но очевидно, что поступок совершен при отсутствии душевных способностей, в припадке бешенства или безумия. Постоянно занятый одним делом переписки и связанной с ним мыслью о сильной обиде и незнании порядков ротным командиром, он после бессонной ночи и выпитого вина сидит один в канцелярии над бумагами и дремлет с тою же неотступною мыслью, равняющейся пункту помешательства, об оскорбительной требовательности и незнании дела ротным командиром, как вдруг входит сам ротный командир, лицо, с которым связан ближе всего его пункт помешательства, лицо, против которого направлено его озлобление, усиленное в одиночестве выпитым вином, и лицо это делает ему вновь упреки и подвергает его наказанию. Шибунин встает, еще не очнувшись от дремоты, не зная, где он и что он, и совершает поступок, в котором он отдает себе отчет уже гораздо поз-

же его совершения.

Прошедшее Шибунина, его вид и разговор доказывают в нем высшую степень тупоумия, еще усиленного постоянным употреблением вина; показание же его, как бы умышленно увеличивающее его вину, а главное, самое преступление, совершенное при свидетелях и в сопровождении бессмысленности, доказывает, что в последнее время к общему состоянию идиотизма присоединилось еще состояние душевного расстройства, которое, ежели не подлежит докторскому освидетельствованию, как безумие, тем не менее не может не быть принято, как обстоятельство, уменьшающее виновность.

По ст. 109 Шибунин подлежит уменьшению наказания вследствие своего очевидного идиотизма.

Сверх того, по исключительному состоянию душевного расстройства, хотя в строгом смысле и не подходящего под статью 126, Шибунин по общему смыслу этой статьи подлежит облегчению наказания. Но ст. 604 определяет за преступление, совершенное Шибунным, только одно наказание – смерть. Итак,

суд поставлен в необходимость – либо, безусловно применив к настоящему случаю ст. 604, тем самым отступить от смысла ст. 109 и 116, полагающих облегчение наказания при нахождении преступника в тех ненормальных душевных условиях, в которых находится Шибунин, либо, применив ст. 109 и 116, уменьшающие наказания, тем самым изменить смысл ст. 604. Последний выход из этого затруднения я полагаю более справедливым и законным, на том основании, что уменьшение наказания в случаях, определенных ст. 109, относится ко всем последующим статьям и потому и к ст. 604, об исключении которой ничего не сказано.

Суд в настоящем случае противоречия между статьями 109, уменьшающей наказание, и 604, полагающей только одно наказание, имеет только два выбора – отступить от буквы ст. 108 или от буквы ст. 604.

Для решения в этом выборе суд может руководствоваться только духом всего нашего законодательства, заставляющим всегда весы правосудия склоняться на сторону милосердия, и смыслом ст. 81, которая говорит, что

суд должен оказывать себя более милосердным, нежели жестоким, памятуя, что и судьи – человеки.

С этим высоким и строгим напоминанием закона подсудимый предоставляет свою участь решению правосудия.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий, заглавия книг, названия статей произведений слова и живописи. Кроме того, в указатель введены названия журналов и газет, если они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные. Знак || означает, что цифры, стоящие после него, указывают на страницы комментариев.

Авраам – библейский патриарх – 123, 126, 127.

Аврелий Марк (121—180) – римский император, философ-стоик – 216, 233, 356.

Австрия – 154, 187, 222, 223, 225, 241, || 439.

Австро-Венгрия – || 439.

Азия – 349.

Акулов Николай Силантьевич (р. 1882) – в 1902 г. отказавшийся от военной службы и посланный на 18 лет в Якутскую обл.; в 1903 г. эмигрировал за границу – 187.

Александр II (1818—1881) – русский импе-

ратор – 70, 71, 72.

Александр Медник – 351.

Александровский сад – в Москве – 382, || 456.

Алжир – 154, 208.

Альмединген Алексей Николаевич (1855—1908) – редактор детского журнала «Родник» – || 419.

Альмединген Наталья Алексеевна – дочь А. Н. Альмедингена (см.) – || 419.

Америка – 23, 186, 200, 247, 260, 335, || 412.

Амиель Анри Фредерик (1821—1881) – профессор философии и эстетики Женевского университета; писатель-моралист; к его «Fragments d'un journal intime» («Отрывки задушевного дневника») Толстой написал предисловие (см. т. 29) – 156, 361.

Англия – 154, 201, 236, 241, 247, 260.

Андрей – евангельский персонаж, апостол – 135.

Архив В. Г. Черткова (АЧ) – || 410.

Афинагор Афинский (II в.) – философ, вначале последователь Платона; с 160 г. – апологет христианства – 182.

АЧ. См. Архив В. Г. Черткова.

Баба Бхарати. См. *Baba Prémānand Bharaty*.
Бакунин Михаил Александрович
(1814—1876) – видный представитель анархизма – 222.

Балканы – || 439.

Балтийский судостроительный завод в Петербурге – || VI.

Баллу Адин (*Adin Ballou*, 1803—1890) – американский публицист; сторонник учения о непротивлении злу насилием – 233.

Баннов – 187.

Бах А. Н., «Царь-Голод» – 298.

Белград – || 439.

Берсы – родители С. А. Толстой: Андрей Евстафьевич (1808—1868) и Любовь Александровна (1826—1886) – 67.

Бетховен Людвиг ван (1770—1827) – 335.

Бирюков Павел Иванович (1860—1931) – близкий друг Толстого и его биограф – 67, || 421, 422. – «Биография Льва Николаевича Толстого» – || 421.

Богданов – 185.

Болгария – 187, 236.

Босния – 222, 223, 237, || 439.

Британия. См. Англия.

Будда – мифический основатель буддийской религии – 233, 353, 356.

Булгаков В. Ф., «Л. Н. Толстой в последний год его жизни» – || 446, 460.

Булыгин Михаил Васильевич (1863—1943) – близкий знакомый Толстого – || 434.

Буров – 187.

Ваисов Дермеденд Багаутдин (1804—1893) – основатель мусульманской секты, известной под названием «ваисовского божьего полка» – 187.

Варавва – евангельский персонаж, разбойник – 145.

Варнавский Александр Васильевич (1886—1911) – крестьянин Орловской губ., в 1907 г. отказавшийся от военной службы и приговоренный к заключению в исправительно-арестантских отделениях; умер в херсонской тюрьме – 187.

Василий Великий (329—378) – православно-христианский богослов – 183.

Вашингтон – || 444.

«Веды» («Veddass») – древние священные книги индусов – 245, 257, 259, 271.

Венгеров Семен Афанасьевич
(1855—1920) – библиограф и историк литературы – || 404, 408.

Венгрия – 187.

«Вестник Европы» – журнал, издававшийся в Петербурге в 1866—1918 гг., умеренно-либерального направления – || 435.

Виардо-Гарсия Мишель Полина
(1821—1910) – знаменитая французская певица, близкий друг И. С. Тургенева – 335.

Вивекананда Суоми (Swami Vivekananda, 1861—1902) – индийский религиозный писатель,

ученик Рамакришны (см.) – 245, 246, 258, 259, 260, 272, 361.

Византия – 354.

Вильно – 83.

Вифлеем – город в Палестине – 125.

Власов Прокофий Власович (1839—1912) – яснополянский крестьянин, ученик школы Толстого 1860 г. – 18, 377, 378.

Воинов. См. Луначарский А. В.

Волков Макар – казак, в 1903 г. отказавшийся от военной службы – 187.

Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) –

виднейший французский просветитель XVIII в., писатель и философ – 225.– «Микромегас» – 224—225 (цит.).

«Възраждане» – болгарский журнал толстовского направления – || 410.

Габсбурги – германо-австрийская династия – 228, || 439.

Галилея – область в Палестине – 123, 125, 142, 144, 353.

Ганди Мохандас Карамчанд (1869—1948) – вождь национально-освободительного движения в Индии против иноземного владычества; сторонник «пассивного сопротивления» – || 446.

Ганжа – 187.

Гаррисон Уильям Ллойд (William Garrison, 1805—1879) – американский прогрессивный общественный деятель и писатель; борец за освобождение негров – 23, 24, 26, || 410, 411.

– «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира» – 23, 26, || 410, 411, 412.

Геккель Эрнст (1834—1919) – немецкий естествоиспытатель, дарвинист – 74, || 421,

422.

– «Естественная история миротворения» –

74.

– «Мировые загадки»— || 421.

Германия – 236.

Гермоген (Георгий Ефремович Долганев, р. 1858 – ум.?) – саратовский епископ, связанный с черносотенным «союзом русского народа»; издатель «Братского листка» – || VII.

Герцеговина – 222, 223, || 439.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) – 206.

Гефсиманский сад – в Иерусалиме – 141.

ГМТ. См. Государственный музей Л. Н. Толстого.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) – 297.

Годвин Уильям (William Godwin, 1756—1836) – английский политический писатель анархического направления и беллетрист – 222

Голгофа – холм близ Иерусалима – 146.

Голике Р. и Вильборг А. – издательство в Петербурге – || 447.

«Голос Москвы» – газета, выходившая в

1906—1915 гг.; орган партии октябристов – || 415, 416, 440.

«Голос Толстого» – журнал, выходивший в 1917 г. в Москве под ред. В. Г. Черткова – || 410.

«Голос Толстого и Единение» – журнал, издававшийся в 1917—1918 гг. в Москве В. Г. Чертковым – || 465.

Гольденвейзер Александр Борисович (р. 1875) – пианист, профессор Московской консерватории, народный артист СССР; близкий знакомый Толстого – || 455, 457.

– «Вблизи Толстого» – || 457.

Гомер, «Илиада» – 336.

Гончаренко Евтихий Егорович (1883—1923) – в 1904 г. отказавшийся от военной службы и по приговору суда заключенный в дисциплинарный батальон в Омске – 187.

Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864—1940) – редактор и издатель «Посредника»: близкий друг Толстого – || 413, 418, 433.

Горький Алексей Максимович (1868—1936)– || XI.

Государственный музей Л. Н. Толстого в

Москве (ГМТ) – || 427, 451, 455, 456.

Греция – 352.

Грибоедов Александр Сергеевич
(1795—1829) – 297.

Гумберт I (1844—1900) – итальянский король, убитый анархистом Бресси – 40.

Гуру Нанак (XV в.) – основатель индусской секты сикхов – 256, 270.

Гусев Николай Николаевич (р. 1882) – в 1907—1909 гг. секретарь Толстого – || 383, 403, 421, 422, 423, 425, 427, 428, 429, 433, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 445, 446, 447, 451, 457, 459, 467, 468, 470.

– «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912 и 2-е изд., М. 1928 – || 403, 421, 425, 433, 436, 437, 438, 445, 451, 455, 457, 467, 468.

– «Лев Толстой против государства и церкви» – || 470.

Гучков Александр Иванович (1862—1936) – видный политический деятель, лидер октябристов; белоэмигрант и один из организаторов интервенции против советской России – 392, || 426.

Давид – библейский персонаж; иудейский царь – 125.

Дарвин Чарльз (1809—1882) – 73.

Дас Таракуатта (Tarakuatta Das) – редактор индусского журнала «The Free Hindustan» (см.) – 245—272, || 444, 445, 446.

Дерябин Иван Николаевич – отказавшийся от военной службы и в 1907 г. приговоренный к 4 годам исправительных арестантских отделений – 187.

Джордж Генри (1839—1897) – американский мелкобуржуазный экономист и публицист; сторонник национализации земли и системы «единого налога» – 166, 181.

Диглей Уильям, «Благосостояние Британской Индии» – || 444.

Дрожжин Евдоким Никитич (1866—1894) – сельский учитель, отказавшийся от военной службы и в 1892 г. приговоренный к двухлетнему заключению в дисциплинарном батальоне; умер от чахотки в воронежской тюремной больнице – 187.

Дюма Александр, сын (1824—1895) – французский писатель и драматург – 190—191.

Европа – 174, 200.

Егоров Егор Иванович (р. 1874) – крестьянин Псковской губ., в 1905 г. отказавшийся от

военной службы и сосланный в Якутскую область – 187.

«Единение» – журнал, издававшийся в 1917 г. в Москве В. Г. Чертковым – || 470.

Екатерина II (1729—1796)– 367.

Елеонская гора. См. Масличная гора.

Елисаветградский уезд Херсонской губ. – 83.

Живописец. См. Орлов Н. В.

Залюбовский Алексей Петрович (р. 1863) – племянник Н. Л. Озмидова, знакомого Толстого; в 1884 г. отказался от военной службы и в 1884—1887 гг. отбывал наказание в дисциплинарном батальоне – 187.

Захаров Михаил Петрович – матрос броненосца «Бородино», в 1904 г. отказавшийся от военной службы и заключенный в кронштадтскую тюрьму – 187.

Зороастр – греческое имя мистического пророка Заратуштры, которому приписывается создание религии зороастризма, теперь носящей название парсизма – 248, 261.

Иаков – библейский патриарх – 110.

Иаков – евангельский персонаж, апостол – 127.

Иванов Александр Петрович (1836—1912) – переписчик у Толстого – || 418.

Иванов Андрей, «Хитрая механика. Правдивый рассказ, откуда и куда идут мужицкие денежки» (второе изд., М. 1875) – 298.

Иванов Егор – 185, 186.

Игумнова Юлия Ивановна (1871—1940) – художница, близкая знакомая семьи Толстых – || 410.

Иеремия – библейский пророк – 124, 129.

Иерусалим – главный город древней Палестины – 110, 111, 124, 127, 130, 132, 133, 134, 136.

Изюмченко Николай Трофимович (1867—1927) – крестьянин Курской губ., в 1891 г. за отказ от военной службы приговоренный к двум годам дисциплинарного батальона; по отбытии наказания был сослан в Сибирь – 187.

Иисус Христос – 11, 12, 23, 24, 26, 30, 33, 35, 40, 50, 51, 52, 53, 56, 58, 61, 64, 79, 84, 97—147, 158, 159, 161, 162, 163, 166, 167, 169, 170, 175, 177, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 194, 195, 201, 209, 212, 213, 216, 219, 221, 224, 233, 234, 237, 239, 288, 314, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 397, 399, || 425.

Иконников Антон Иванович (р. 1883) – крестьянин Рязанской губ., в 1904 г. отказавшийся от военной службы и в 1908 г., после трех лет предварительного заключения, приговоренный к 4 годам исправительных арестантских отделений – 187.

Илья – библейский пророк – 147.

Индия – 154, 201, 208, 229, 246, 253, 259, 267, || 444.

Индо-Китай – 208.

Иоанн – евангельский персонаж, апостол и евангелист – 60, 127, 167.

– «Евангелие» – 107, 111, 119, 125, 126, 127, 134, 136, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 146, 147, 149, 185, 209, 354.

– «Первое послание» – 98, 167, 245, 259.

Иоанн Креститель – евангельский персонаж – 88, 89, 90, 91, 129.

Иоанн Кронштадтски (Иван Ильич Сергиев, 1829—1908) – протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте; один из столпов реакционного духовенства; с его именем связывается основание изуверской секты иоаннитов – || VII.

Иордан – река в Палестине – 89, 127.

- Иосиф – евангельский персонаж – 88.
- Ирландия – 154.
- Ирод Великий (62 г. до н. э. – 4 г. н. э.) – иудейский царь и правитель Галилеи и Самарии – 144, 145, 146.
- Исаия – библейский пророк – 124, 129, 182.
- «Исход» – книга библии – 168.
- Иуда Искаротский – евангельский персонаж, ученик Христа – 136, 137, 138, 141.
- Иуда Фаддей – евангельский персонаж, апостол – 138, 139.
- Иудея – 144, 353.
- Кавказ – 154, 185.
- Казань – 187.
- Каиафа – евангельский персонаж, иудейский первосвященник – 134, 136, 142.
- Калачев Петр Васильевич (р. 1886) – крестьянин Самарской губ., отказавшийся от военной службы и приговоренный к тюремному заключению – 187.
- Калифорния – 345.
- Кана – город в Галилее — 350.
- Кант Иммануил (1724—1804) – немецкий философ-идеалист – 50, 203, 361.
- Кара-Георгиевичи – сербская династия –

227.

Карл X Филипп (1757—1836) – брат Людовика XVI, с 1824 г. – французский король; в 1830 г. отрекся от престола – 204.

Карр Альфонс («шутник француз», 1808—1890) – французский писатель, антиклерикал – 399.

Картушин Петр Прокофьевич (1879—1916) – знакомый Толстого – || 420.

Кассиан – 183.

«Киевские вести» – 438, 446.

Киприан (III в.) – карфагенский епископ; церковно-христианский писатель – 165, 182.

Китай – 253, 267, 348.

Климент Александрийский (Тит Флавий, ум. 216) – церковно-христианский богослов – 165, 182.

«Книжная летопись» – || 427.

Колокольцев Григорий Аполлонович (р. 1845) – знакомый Толстого с начала 1860-х годов; в 1866 г. был подпоручиком 65-го пехотного Московского полка – 67, 68, 69, 70, 72.

Константин Великий (274—337) – римский император – 184, 354.

Конфуций (551—479 гг. до н. э.) – китай-

ский философ, основатель конфуцианской религии – 233, 353, 355, 356.

Корея – 201.

Кошевой Тихон Николаевич – солдат, участник Русско-японской войны, в 1904 г. отказавшийся от военной службы и ушедший с фронта – 187.

«Краткий курс Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», 1950 – || 455 (цит.)

Крекшино, Московской губ. – 7, || 404, 405, 457.

Кришна – индуское божество (Толстой цитирует изречения, приписываемые Кришне, по книге Baba Prémānand Bharaty «Shree Krishna». См. Baba Prémānand Bharaty) – 356.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) – теоретик анархизма – 298.

Кудрин Андрей Иванович (1884—1916) – самарский крестьянин, в 1905 г. отказавшийся от военной службы и приговоренный киевским военно-окружным судом к пяти годам исправительных арестантских отделений – 187.

Кузьмин Н. М. – знакомый Толстого – ||

407, 420.

«Курал» – две индусские книги изречений (III—IX вв.) – 249, 263.

Курская губерния – || 435.

Куртыш Иван Маркович (ум. 1911) – солдат-артиллерист, в 1906 г. отказавшийся от военной службы и приговоренный к 4 годам исправительных арестантских отделений – 187.

Кушнерева И. Н. типография – в Москве – || 434.

«Кюрал». См. «Курал».

Ла-Бозети, «Добровольное рабство» – 171—172 (цит.).

Ладыжников Иван Павлович – русский эмигрант, издатель в Берлине – || 427.

Лазарь – евангельский персонаж – 123.

Лактанций (ум. 330) – церковно-христианский апологет – 165, 182.

Ламеннэ Фелисите Робер де (1782—1854) – французский реакционный публицист и богослов; аббат – 224.

Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) – китайский философ и моралист – 233, 353, 356.

Ларрок Патрис – французский писатель –

«Левит» – книга библии – 168.

Лейтон – 161.

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) – || VI, VII, XI, XIII.

– «Лев Толстой, как зеркало русской революции» – || VI.

– Сочинения – || VI, VII, VIII, XI, XII, XIII.

Летурно Шарль (1831—ум. ?) – французский буржуазный социолог-этнограф – 175.

Лихтенберг Георг Кристоф (1742—1799) – немецкий ученый-физик и писатель-сатирик, публицист – 153.

Лубенко – землевладелец в Елисаветградском уезде Херсонской губ. – || 425.

Луки «Евангелие» – 99, 100, 101, 102, 106, 109, 110, 112, 113, 115, 119, 120, 121, 123, 129, 131, 133, 144, 146, 147, 354.

Луначарский А. В. (Воинов), «Смерть Толстого и русское общество» – || 410.

Любим, Ярославской губ. – 176.

Любич Евдоим (Ефим) Николаевич (1865—1923) – бывший студент Киевского университета; в 1889—1891 гг. был сослан за отказ от военной службы в Семипалатинскую

область – 187.

Людовик Филипп (1773—1850) – в 1830—1848 гг. французский король; в 1848 г. по провозглашении республики бежал в Англию – 204.

Лютер Мартин (1483—1546) – видный деятель Реформации, основатель протестантизма в Германии, получившего название лютеранства – 256, 270.

Люцифер – епископ Кальярский – 184.

Мадзини Джузеппе (1805—1872) – итальянский революционер и писатель – 164.

Макеев Александр Гордеевич (р. 1874) – крестьянин Воронежской губ.; в 1893 г. поступил на место учителя в Тульской губ.; в 1894 г. за отказ от присяги был уволен и находился под надзором полиции – 187.

Маклаков Василий Алексеевич (р. 1870) – адвокат, член

Государственной думы; старый знакомый Толстых; белоэмигрант – 77.

Маковицкий Душан Петрович (1866—1921) – в 1904—1910 гг. домашний врач у Толстого; словак – || 445.

– «Яснополянские записки» («Дневник») –

|| 445, 449.

Максимилиан – 183.

Малори Люси – американская писательница, в 1886—1918(?) гг. издательница спиритического журнала «The World's Advance Thought» («Передовая мысль мира»), выходившего в Портланде (США) – 159.

Маньчжурия – 208.

Марат Жан Поль (1743—1793) – выдающийся деятель французской буржуазной революции, якобинец – 291.

Мария – евангельский персонаж – 112.

Мария – евангельский персонаж, мать Иисуса Христа – 88, 120, 121.

Марка «Евангелие» – 105, 108, 109, 122, 127, 132, 133, 143, 144, 354.

Маркин Тимофей Федорович (р. 1878) – в 1899 г. отказавшийся от военной службы и по приговору суда заключенный во владикавказскую тюрьму – 187.

Мартино Гарриэт (1802—1876) – английская писательница – 230.

Мартын – 183.

Марфа – евангельский персонаж – 112, 113.

Марцеллий – 183.

Масличная гора в Палестине (гора Елеонская) – 125, 140, 141.

Матфей – евангельский персонаж, сборщик податей – 197.

Матфея «Евангелие» – 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 125, 128, 130, 133, 136, 138, 141, 142, 143, 146, 147, 149, 159, 168, 169, 210, 273, 354, || 448.

«Маяк» – детский журнал, выходивший в 1909—1918 гг. в Москве в изд. «Посредник» под ред. И. И. Горбунова-Посадова – || 403.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) – лидер кадетской партии; буржуазный историк; белоэмигрант – 392, || 426.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) – военный министр, генерал-фельдмаршал – 71.

Ми-Ти (или Мо-Ди, V в. до н. э.) – китайский философ-моралист и писатель – 26.

Моисей – библейский патриарх – 40, 107, 118, 123, 216.

Мокрый – 187.

Молосай – 187.

Молочников Владимир Айфалович

(1871—1936) – новгородский слесарь, близкий по взглядам Толстому – 76—80, || 423, 470.

Монтэнь Мишель (1533—1592) – французский писатель и философ-скептик, противник теологии и схоластики – 241.

Морозов Василий Степанович (1849—1914) – яснополянский крестьянин, ученик школы Толстого 1859—1862 гг., описанный под именем Федьки в статье Толстого «Кому у кого учиться писать...» (см. т. 8, стр. 541 и 624) – 148, || 435.

– «За одно слово» – 148, || 435.

Морозов Николай Александрович (1854—1946) – видный деятель революционного движения 1870-х гг.; в 1882—1905 гг. отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости; в дальнейшем посвятил себя научной деятельности в области химии и астрономии – || 470.

Моррисон-Давидсон Дж. – английский буржуазный экономист и писатель-моралист; был в переписке с Толстым – 161.

Москва – 83, 86, 93, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 302, 305, 383, 384, 394, 396.

Московская губерния – 186,

Муравьев Николай Константинович
(1870—1936) – московский адвокат – 77, || 424.

Муравьев Николай Николаевич
(1794—1866) – с 1854 г. наместник Кавказа –
185.

Назарет – город в Галилее (Палестина) – 88,
135.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) – 204,
273, 367.

Нерчинск, Забайкальской обл. – 89.

Никодим – евангельский персонаж – 106,
107.

Николаев – 185.

Николаев Сергей Дмитриевич
(1861—1920) – переводчик сочинений Г. Джорджа;
близкий знакомый Толстого – || 433.

Николай I Павлович (1796—1855) – 186.

Николай II Александрович (1868—1918) –
392, 393, 394, 396, || 426.

Новгород – 76, 78.

Нью-Йорк – 328.

Ньютон Герберт – 161

«Обновление» – петербургское книгоизда-
тельство, выпускавшее в 1906 – 1907 гг. запре-
щенные цензурой произведения Толстого –

39, || 414.

Оболенский Николай Леонидович (1872—1934) – муж М. Л. Толстой – || 418.

Одесса – 83.

Озерки, Тульской губ. – 69.

Ольховик Петр Васильевич (р. 1874) – крестьянин Харьковской губ., в 1895 г. отказавшийся от военной службы и приговоренный к двум годам дисциплинарного батальона; по отбытии наказания был сослан на 18 лет в Якутскую обл., откуда в 1905 г. эмигрировал в Америку – 187.

– «Письма Петра Васильевича Ольховика, отказавшегося от воинской повинности в 1895 г.», London, 1897—79.

Орел – 87, 393.

Орехов Василий – яснополянский крестьянин – 16, 17, 18.

Ориген (ок. 185—254) – церковно-христианский богослов – 165, 182.

Орлов – 187.

Орлов Николай Васильевич (1863—1924) – художник, высоко ценимый Толстым (см. предисловие Толстого к альбому картин Н. В. Орлова «Русские мужики», стр. 273) – 93 («жи-

вописец»), 273, 277, 394, || 447.

– «Русские мужики», альбом – 273—277, || 447.

– «Монополия», картина – 276.

– «Недоимка», картина – 275, 276.

– «Переселенцы», картина – 274.

– «Порка», картина – 276.

– «Со службы», картина – 274.

– «С работы», картина – 275.

– «Умирающая», картина – 274.

– «Христа ради», картина – 276, 277.

– «Шинкарка», картина – 276.

Павел апостол – 44, 45, 350, 351, 352, 353, 354, 355, || 465.

– «Послания» – 288, 350, 351, 352, 353.

Павлин – епископ Ноланский – 184.

Панчиков – 187.

Париж – 73, 335.

Паскаль Блез (1623—1662) – французский математик, физик и философ-моралист – 149, 156, 209, 212.

Пенза – 83.

Пензенская губерния – 176.

Персия – 187, 229.

Петербург – 39, 83, 381, || 427, 428.

Петр (Симон) – евангельский персонаж, апостол – 117, 118, 130, 137, 141, 142.

Петробутева Анда М. – || 439

Пилат Понтийский – римский прокуратор в Иудее в 26—36 гг. – 118, 143, 144, 145, 146, 147.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) – в 1902—1904 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов – 395, 398.

Польша – 154, 201, 208. Попов Евгений Иванович (1864—1938) – близкий знакомый Толстого – || 421, 422.

«Посредник» – книгоиздательство – || 416, 417, 434, 440, 470.

Пошехонский уезд Ярославской губ. – 185.

«Право» – петербургская юридическая газета; изд. – ред. В. М. Гессен и Н. И. Лазаревский – || 421.

Пруссия – 154, 201, 315.

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1730—1775) – 291.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) – 296.

Разин Степан Тимофеевич (казнен в Москве 6 июня 1671 г.) – 291.

Рамакришна Парамагамза (1835—1886) –

индусский религиозный писатель – 233.

Рафаэль Санти (1483—1520) – 335.

Революция 1905—1907 гг. – || V.

Реклю Жан Жак Элизе (1830—1905) – французский географ и мелкобуржуазный революционер-анархист – 298.

Рёскин Джон (1819—1900) – английский историк искусства и моралист – 197, 209.

«Речь» – петербургская газета, выходившая в 1909—1917 гг.; центральный орган партии кадетов – || 415, 426, 468.

Рига – 83.

Рим – 352, 354.

Римская империя – 182.

«Родник» – детский журнал, выходивший в Петербурге с 1881 г. под ред. А. Н. Альмедингена – || 419.

Романов. См. Николаи И.

Романовы – династия русских царей, свергнутая революцией 1917 г. – 228.

Россия —19, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 47, 76, 81, 83, 85, 86, 94, 95, 154, 157, 173, 184, 186, 187, 190, 200, 201, 214, 217, 220, 226, 229, 236, 244, 300, 315, 331, 363, 391, 392, 394, и VI. VII, VIII, IX, X, XII, XIII, 410, 427, 439, 444.

«Россия» – полицейско-черносотенная газета, выходившая в Петербурге в 1905—1914 гг.; с 1906 г. – официальный орган министерства внутренних дел – || VII, XI.

«Русские ведомости» – московская газета, издававшаяся в 1863—1918 гг.: после 1905 г. – орган правых кадетов – || 415, 425, 426, 440, 446.

«Русское слово» – московская буржуазная газета, издававшаяся И. Д. Сытиным в 1897—1917 гг. – || 419, 426.

Русско-японская война 1904—1905 гг. – 79.

«Русь» – либерально-буржуазная петербургская газета, выходившая в 1903—1908 гг. – 76, || 423, 424, 425.

Рязанская губерния – 284,

Самария – местность в Палестине – 110.

«Свободное воспитание» – журнал, издававшийся И. И. Горбуновым-Посадовым в Москве в 1907—1917 гг. – || 413.

«Свободное слово» – издательство В. Г. Черткова в Англии – || 438.

Севастополь – || X.

Сербия – 187, 236, 237, || 439.

Сергеенко Алексей Петрович (р. 1886) –

близкий знакомый Толстого – || 420.

– «Переписка Толстого с Т. Эдисоном» – || 449.

Сергей Александрович (1857—1905) – великий князь, сын Александра II; убит бомбой, брошенной И. Каляевым – 395, 398.

Середа Кирилл (р. 1875) – крестьянин Харьковской губ., в 1896 г. за отказ от военной службы приговоренный к трем годам дисциплинарных рот – 187.

Сибирь – 12.

Сикснэ Карл Петрович – отказавшийся от военной службы и умерший 20 июня 1908 г. в томских арестантских отделениях – 187.

«Слово» — либеральная петербургская газета – || 415, 416, 423, 426.

«Современное слово» – петербургская газета – || 426.

Соколов – 185.

Сократ (469—399 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-идеалист – 26, 233, 356.

«Солдат-гражданин» – московское издательство (1917) – || 438.

Соловецкий монастырь – 186.

Соловьев

Владимир

Сергеевич

(1853—1900) – философ-идеалист и поэт – 86.

Солтер Самуил (ум. 1778) – английский писатель по религиозным вопросам – 164, 181.

Сорбонна – часть Парижского университета – 191.

Спенсер Г., «Социология» – || 445 (цит.).

Срезневский Всеволод Измаилович – || 427.

Стасюлевич Александр Матвеевич (ок. 1830—1867) – брат редактора-издателя «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, подпоручик Эриванского полка, в 1852 г. разжалованный в солдаты «за противозаконные поступки по отправлении должности караульного начальника» и сосланный на Кавказ; в конце 1850-х годов был вновь произведен в офицеры и служил в 65 пехотном Московском полку. Толстой познакомился с ним на Кавказе в 1853 г. – 67, 68, 70.

Стефан – 353.

«Столичное утро» – московская газета – || 415.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) – председатель Комитета министров и министр внутренних дел, крайний реакционер; по вы-

ражению В. И. Ленина, «обервешатель» – 392, 393, 394, 396, || 426, 455.

Стрельбицкое поле – в Херсоне – 83, || 425.

Сутковой Николай Григорьевич (1872—1930?) – знакомый Толстого с 1905 г., близкий ему по взглядам – || 410, 411.

Тамбов – 89.

Тамбовская губерния – 185.

Татиан – христианский апологет II в. – 165, 181.

Телятинки, Тульской губ. – || 415, 460.

Тертуллан (ок. 150—222) – богослов и церковный писатель – 165, 182.

«Товарищ» – газета, выходившая в 1906—1908 гг. в Петербурге; орган левых кадетов – || 415

Толстая Александра Андреевна (1817—1904) – двоюродная тетка Толстого, камер-фрейлина – 70, 71, || 454.

– «Воспоминания» – || 454.

Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс (1844—1919) – жена Толстого – 67, || 304, 454, 455, 456, 458.

– «Дневники С. А. Толстой» – || 454, 456.

– «Ежедневник» – || 455, 456.

Толстой Л. Н.

– «Анна Каренина» – || XI, 454.

– «Война и мир» – || XI.

– «Воскресение» – || XI.

– «Декабристы» – || 454.

– «Детский круг чтения» – || 413, 433.

– Дневники и Записные книжки – || VIII, XII, 404, 405, 406, 408, 410, 413, 414, 416, 417, 421, 423, 425, 426, 427, 433, 435, 436, 437, 439, 442, 445, 447, 450, 451, 452, 454, 455, 456, 457, 461, 462, 465, 468, 470.

– «Единая заповедь» – || 461.

– «Закон насилия и закон любви» – || 445.

– «Как освободиться рабочему народу» – 78.

– «Как освободиться народам от порабощения», изд. «Посредник», М. 1917 – || 440.

– «Карфаген должен быть разрушен» – 79.

– «Кому у кого учиться писать – крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят» – 148.

– «Краткое изложение евангелия», изд. «Посредник» и «Обновление» – || 434.

– «Кто убийцы? Павел Кудряш» – || XI, 449.

– «На каждый день» – 223, || 449.

– «Не могу молчать» – || VIII, IX, X, XI, 455.

– «Не могу молчать и другие статьи о смертной казни», изд. «Единение», М. 1917 – || 422.

– «Нет в мире виноватых» – || 454, 457.

– «Нечаянно» – || 462.

– «Не убий» – 39, 40, 42, 79, || 414.

– «Николай Палкин» – 80.

– «Новый круг чтения». См. «На каждый день».

– «Номер газеты» – || 436.

– «О голоде» – || VII,

– «Одумайтесь» – 79.

– «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» – || 445.

– «Офицерская памятка» – 40, 79.

– «Песни на деревне»— || 461.

Письма Толстого:

Альмединген Н. А. – || 419.

Горбунову-Посадову И. И. – || 433.

Петробутевой А. М. – || 439.

Сутковому Н. Г. – || 410, 411.

Толстой А. А. – 70, 71, || 454.

Фельтену Н. Е. – || 414.

Черткову В. Г. – || 417, 426, 437.

– «Письмо к индусу» – || 441.

– «Письмо к либералам» – 79.

– «Письмо к фельдфебелю» – 40, 79.

– «Письмо к шведам» – 79.

– Полное собрание сочинений. Юбилейное издание:

т. 38 – || 436, 457.

т. 44 – || 449.

т. 48 – || 454.

т. 50 – || 436.

т. 54 – || VII.

т. 55 – || XIII, 413, 419.

т. 56 – || 410, 414, 417, 419, 421, 423, 425, 426, 427, 433, 435, 436, 437, 439, 442, 445, 447, 450, 454, 455, 465, 468, 470.

т. 57 – || XII, 404, 405, 406, 408, 446, 451, 452, 456, 457, 461, 462.

т. 58 – || XIII, 446, 462.

т. 62 – || 454.

т. 76 – || 419.

т. 77 – || 410, 411, 414.

т. 78 – || 433, 439.

т. 84 – || VII.

т. 88 – || 426.

– «По поводу заключения В. А. Молочникова» – || VII.

– «Посмертные художественные произведения», тт. I—III, Берлин, 1911—1912 – || 322, 452, 458, 462.

– «Посмертные художественные произведения», тт. I—III, М. 1911—1912 – || 452, 458, 462.

– «Предисловие к альбому «Русские мужики» Н. Орлова» – || XIII.

– «Предисловие к рассказу «Убийцы» – || 450.

– «Приближение конца» – 79.

– «Притча о добром человеке» – || 449.

– «Проезжий и крестьянин» – || 404.

– «Разговор отца с сыном» – || 451.

– «Разговор с прохожим» – || XI, 405, 406, 461.

– «Роженица» – || 458.

– «Солдатская памятка» – 40, 79.

– «Сочинения», изд. С. А. Толстой, М. 1911 – || 446.

– «Христианство и воинская повинность» – 79.

– «Христианство и воинская повинность», изд. «Обновление» – || 437.

– «Царство божие внутри вас» – || 412, 449.

Толстой Михаил Львович (1879—1944) – сын Толстого – || 403.

«Точка над і», статья – || XI.

Тригубов Тимофей Степанович – матрос броненосца «Бородино», в 1904 г. отказавшийся от военной службы и заключенный в кронштадтской тюрьме – 187.

Тула – || 427.

Турция – 229.

«Утро России» – газета, выходившая в Петербурге в 1907—1917 гг., орган крупной буржуазии – || 406.

Фарафонов – 187.

Фельтен Николай Евгеньевич (1884—1940) – формальный редактор издательства «Обновление», знакомый Толстого – 39, || 414, 415.

Ферруций – 184.

Филипп – евангельский персонаж, апостол – 135, 138, 139.

Финляндия – 154, 201, 236, || 425

Фома – евангельский персонаж, апостол – 138, 139.

Франция – 154, 190, 236, 323.

Французская буржуазная революция

1789—1793 гг. – 91.

Херсон – 83, 391, || VIII, 425.

«Хитрая механика». См. Иванов Андрей.

«Царь-Голод» – пропагандистская брошюра, составленная народовольцем, впоследствии академиком, А. Н. Бахом (1857—1946); распространялась в гектографированных и подпольных изданиях. См. Бах А. Н.

Цельз (II в.) – римский философ-эклектик; выступал против христианства – 182.

Чага Яков Трофимович (р. 1882) – в 1903 г. отказавшийся от военной службы и приговоренный к ссылке в Якутскую область на 18 лет – 187.

Чаннинг Уильям Эллери (1780—1842) – американский писатель-моралист – 175.

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) – ближайший друг Толстого и издатель его сочинений – 203, || 404, 405, 410, 415, 417, 418, 420, 426, 428, 429, 432, 437, 438, 441, 445, 447, 449, 457, 460, 461, 468, 469, 470.

Чертковы – 404, 414, 415.

Чехов Антон Павлович (1860—1904) – 296.

Шевчук – 187.

Шибунин Василий – рядовой 65 пехотного

Московского полка – 68—72, 473—477, || 421.

Шлиссельбург – крепость близ Петербурга. До революции 1917 г. в Шлиссельбурге содержались в условиях тяжелого тюремного режима политические заключенные – 92.

Шмидт Мария Александровна (1843—1911) – близкий друг семьи Толстых – || 433, 434.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) – реакционный немецкий философ-идеалист – 361.

Штейница Гуго издательство (Берлин) – || 440.

Шурупов Иван – 186.

«Шутник француз». См. Карр Альфонс.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) – государственный деятель царской России; крайний реакционер – 393, || 426.

Эдисон Томас Альва (1847—1931) – американский физик и изобретатель – || 449.

Эдуард – имя нескольких королей Англии – 228.

Эпиктет (ок. 50 – ок. 138) – греческий философ-стоик – 188, 233, 356.

Эртель Александр Иванович (1855—1908) –

русский писатель – 243, 244, || 442.

– «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» – 243—244, || 442.

– «Собрание сочинений» (1909) – || 442.

«Юбилейный сборник Литературного фонда», СПб. 1910 – || 404, 408, 461.

Юлиан Флавий Клавдий (331—363) – римский император, прозванный «Отступником» за отход от христианства – 183.

Юноша – командир 65 пехотного Московского полка – 67, 68, 70, 72.

Япония – 201, 247, 253, 260, 267.

Ярославская губерния – 186.

Ясная Поляна (ЯП) – 19, 96, 212, 242, 244, 258, || X, 404, 413, 414, 425, 427, 428.

Baba Prémānand Bharaty (Баба Бхарати) – индусский религиозный писатель – 258, 272.

– «Shree Krishna. The Lord of Love», New York, 1904 («Кришна. Господь любви») – 245, 247, 249, 251, 253, 254, 255, 257, 258, 259, 260, 262, 265, 267, 268, 269, 271, 272.

Das Tarakuatta. См. Дас Таракуатта.

«The Free Hindusthan» («Свободная Индия») – индусский журнал, выходивший под редакцией Tarakuatta Das; орган патриотиче-

ски настроенных индусов, призывавших к освобождению Индии революционным путем от иноземного владычества – 245, 246, 253, 259, 260, 267, || 444, 445.

«Indian opinion» («Индийская мысль») – журнал М. Ганди – || 446.

«Leo Tolstoi. Brief an einen Hindu. Autorisierte Uebersetzung von Dr. A. Schkarwan», 1910 – || 446.

«Schwere Fragen» («Трудные вопросы») – диалог – || 451, 461.

«Wohlstand für Alle» («Всеобщее благосостояние») – анархический журнал, издававшийся в Вене – || 451, 461.

ОПЕЧАТКИ

Стр. 216 Строка 8

Напечатано: себя и видимых
Следует читать: себя от видимых

Стр. 224 Строка 23

Напечатано: чтобы избавить
Следует читать: чтобы избивать

СОДЕРЖАНИЕ (из 37-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого)

Предисловие...V

Редакционные пояснения...XIV

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕ- НИЯ

Волк (1908)...5

Разговор с прохожим (1909)...6

** Проезжий и крестьянин (1909)...8

Песни на деревне (1909)...15

СТАТЬИ

Наше жизнепонимание (1907)...23

Беседа с детьми по нравственным вопро-
сам (1907)...31

Не убий никого (1907)...39

Любите друг друга (1907)...55

Верьте себе (1906—1907)...63

[Воспоминания о суде над солдатом]
(1908)...67

[По поводу заключения В. А. Молочникова]
(1908)...76

- Не могу молчать (1908)...83
- Учение Христа, изложенное для детей (1907—1908)...97
- Предисловие к рассказу В. С. Морозова «За одно слово» (1908)...148
- Закон насилия и закон любви (1908)...149
- О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии (1908)...222
- Предисловие к роману А. И. Эртеля «Гарденины» (1908)...243
- Letter to a Hindoo (Письмо к индусу, 1908—1909)...245
- Предисловие к альбому «Русские мужики» Н. Орлова (1908)...273

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

- * The hostelry (Гостиница) (1908)...281
- * [Роженица] (1908)...284
- * Разговор отца с сыном (1909)...286
- ** [Иеромонах Илиодор] (1909)...288
- ** Предисловие к рассказу «Убийцы» (1908)...291
- ** Кто убийцы? Павел Кудряш (1908—1909)...293
- * [Черновое начало неозаглавленной пьесы]

сы] (1910?)...309

** Детская мудрость (1909—1910)...311

** Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении (1907)...348

* Религия и наука (1908)...360

** Благо любви (1908)...363

** [Время пришло] (1908)...366

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

* Песни на деревне...375

[Иеромонах Илиодор]...379

* Кто убийцы? Павел Кудряш...381

Детская мудрость...385

Не могу молчать...391

КОММЕНТАРИИ

В. С. Спиридонов

«Волк»

История писания и печатания...403

«Разговор с прохожим»

История писания и печатания...404

Описание рукописей...404

В. С. Мишин

«Проезжий и крестьянин»

История писания и печатания...405

Описание рукописей...406

В. С. Спиридонов

«Песни на деревне»

История писания и печатания...408

Описание рукописей...408

«Наше жизнепонимание»

История писания и печатания...410

Описание рукописей...411

«Беседа с детьми по нравственным вопро-

сам»

История писания и печатания...413

П. С. Попов

«Не убий никого»

История писания и печатания и описание

рукописей...414

В. С. Спиридонов

«Любите друг друга»

История писания и печатания...417

Описание рукописей...418

В. С. Мишин

«Верьте себе»

История писания и печатания...419

Описание рукописей...419

В. С. Спиридонов

«Воспоминания о суде над солдатом»

- История писания и печатания...421
Описание рукописей...422
«По поводу заключения В. А. Молочникова»
- История писания и печатания...423
Описание рукописей...423
«Не могу молчать»
- История писания и печатания...425
Описание рукописей...427
«Учение Христа, изложенное для детей»
- История писания и печатания и описание рукописей...433
«Предисловие к рассказу В. С. Морозова «За одно слово»
- История писания и печатания...435
П. С. Попов
«Закон насилия и закон любви»
- История писания и печатания и описание рукописей...436
В. С. Спиридонов
«О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии»
- История писания и печатания...439
Описание рукописей...440
«Предисловие к роману А. И. Эртеля «Гар-

денины»

История писания и печатания...442

Описание рукописей...442

П. С. Попов

«Письмо к индусу»

История писания и печатания и описание рукописей...444

В. С. Спиридонов

«Предисловие к альбому «Русские мужики» Н. Орлова»

История писания и печатания...447

Описание рукописей...447

«The hostelry»

История писания...449

«Роженица»

История писания...450

«Разговор отца с сыном»

История писания...451

«Иеромонах Илиодор»

История писания и печатания...452

Описание рукописей...453

В. С. Мишин

«Предисловие к рассказу «Убийцы» и «Кто убийцы? Павел Кудряш»

История писания и печатания...454

Описание рукописей...458

«Черновое начало неозаглавленной пьесы»

История писания...460

В. С. Спиридонов

«Детская мудрость»

История писания и печатания...461

Описание рукописей...462

«Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении»

История писания и печатания...465

Описание рукописей...465

«Религия и наука»

История писания...467

«Благо любви»

История писания и печатания...468

Описание рукописей...468

«Время пришло»

История писания и печатания...470

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Речь Л. Н. Толстого в защиту рядового Василия Шибунина]...473

Указатель собственных имен...478

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г. между стр. IV и V.

Автотипия первой страницы первой рукописи «Не могу молчать» между стр. 82 и 83.

Автотипия первой страницы рукописи «Предисловие к рассказу «Убийцы» между стр. 290 и 291.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

Зак. 1843. Л. Н. Толстой. Полн. соб. соч. т. 37.
Редактор В. С. Мишин

Технический редактор Л. М. Сутина

Корректор В. Брагина

Сдано в производство 18/XI 1954 г. Подписа-
но к печати 4/VIII 1955 г. А-02959. Бумага
68X100 1/16 = 32 печ. л = 39,36 усл. печ. л. 25,99
уч. – изд. л. + 3 вкл. = 26,25. Тираж 5000. Зак.
1843

Гослитиздат

Москва, Б – 66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР. Главное
управление полиграфической промышленно-
сти. 2-я типография «Печатный Двор» им. А.
М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Примечания

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

[^^^]

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

Т. 54, стр. 52.

[^^^]

Т. 84, стр. 128.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

[^^^]

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

[^^^]

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

[^^^]

Т. 57, стр. 200.

[^^^]

Т. 57, стр. 82.

[^^^]

Т. 58, стр. 65.

[^^^]

Т. 55, стр. 62.

[^^^]

Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

[^^^]

Заявление это было напечатано с изменениями и исключениями.

[^^^]

В газетах появились потом опровержения известия о казни двадцати крестьян. Могу только радоваться этой ошибке: как тому, что задавлено на восемь человек меньше, чем было в первом известии, так и тому, что эта ужасная цифра заставила меня выразить в этих страницах то чувство, которое давно уже мучает меня, и потому только, заменяя слово двадцать, словом двенадцать, оставляю без перемены всё то, что сказано здесь, так как сказанное относится не к одним двенадцати казненным, а ко всем тысячам, в последнее время убитым и задавленным людям.

[^^^]

О нем я писал в 1862 г. в статье: «Кому у кого учиться писать – крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят», помещенной в IV томе полного собрания моих сочинений.

[^^^]

Высказав эти мысли о присоединении Боснии и Герцеговины, мне показалось удобным поместить в виде эпиграфов некоторые мысли из составляемого мной нового «Круга чтения», уясняющие и подтверждающие основные мысли о государстве и патриотизме, о законе любви, высказанные в этом писании.

В тех эпиграфах, которые принадлежат не мне, я позволил себе для упрощения языка и для того, чтобы печатать их не в связи со всем сочинением, а как отдельные мысли, некоторые небольшие изменения.

Л. Т.

[^^^]

Еще не достаточно учены, чтобы рассуждать превратно (*Монтень*).

[^^^]

В подлиннике: четыре

[^^^]

В подлиннике: пяти

[^^^]

Многоточие поставлено, очевидно, вместо глагола; первоначально Толстой наметил три глагола: to arrange, to errect, to faund (found).

[^^^]

Далее случайно осталось незначеркнутым:
hostelery.

[^^^]

Далее следует помета Толстого простым карандашом: (represent to themselves)?

[^^^]

Случайно не зачеркнуто: старик

[^^^]

Зачеркнуто: уехал

[^^^]

Первоначально было: пришел отец с бабкой.

[^^^]

Многоточие в оригинале.

[^^^]

Абзац редактора

[^^^]

Слова: и всё лицо ее *написаны по-*
верх зачеркнутого: и Семен не мог оторваться
от притягивающей красоты этого сияющего
здоровьем и силою веселого лица и могучей
силою всего пряного, широкого женского ста-
на.

[^^^]

Зачеркнуто: прекрасные

[^^^]

Зач.: добрые

[^^^]

Зач.: студент

[^^^]

Зачеркнуто: Отец больше чем одобрял, гордился им. Мать нежно и матерински любила его. Любила его по-своему, по-женски и Аграфена.

[^^^]

5 написано по цифре 7.

[^^^]

Зач.: В Москве же в этот день с Павлушей Лукинским <Карякиным> случилось вот что: В контору парфюмерной фабрики Маслакова, где Павел служил <конторщиком> писарем, пришел

[^^^]

Зач.: Павел же в это время, живя в Москве, совсем забыл думать о деревне. В душе его в эти первые дни июня шла совсем далекая от деревенских забот горячая и радостная работа.

[^^^]

Зач.: Павлушка и в деревне был одним из лучших учеников и читал всё, что ему попадалось под руку. Теперь же в Москве он только одним и жил, одного желал, понять, узнать всё то, что знают люди, чем они живут, почему знают, что такая именно, такая, какая она есть, должна быть жизнь и почему и поддерживают ее такую. Узнать это он, не имея возможности узнать из высшей школы, он надеялся из книг и читал всё, что попадало, смотря на все книги, как на учение жизни.

[^^^]

Зачеркнуто: Зачем это автомобили у одних и духи, которые у них делают и как слышно продают по 3 р. за склянку.

[^^^]

Зач.: И в деревне он решил, что этого и понимать не надо, а надо жить, как все живут. Жил он в деревне чистою жизнью. В деревне он целовался с девушками на посиделках, но греха не знал, потому что сам не понимал, отчего ему было совестно. Здесь же в Москве он был к себе еще строже. Кухарка стала приставать к нему. Он с <злостью> обругал ее. На его беду он был миловидный, черноглазый, чернобровый, курчавый, среднего роста, стройный, ловкий. Особенно хорош он был, когда улыбался. Самые угрюмые люди улыбались на его улыбку. Он знал, что женщинам он нравился, но не только не дорожил этим, но чурался их. Он помнил свое сватовство с Аграфеной и то, что он и сказал ей, когда она посмеялась ему, что он забудет ее с московскими кралями. «Буде язык чесать-то, – сказал он ей, – как сказал, что никого кроме тебя не хочу любить и не буду. Мое слово во, как камень». И как он сказал, так и жил, и хотя и выслушивал рассказы московских ребят об их веселой жизни, сам только неодобрительно

покачивал на эти рассказы головой.

В чистой жизни этой в Москве поддерживала его особенно книжечка, которая попала ему, о половой распущенности, где описывался вред и опасность полового разврата. Также и в деле хмельных напитков помогли ему книги. В деревне он на празднике и в компании пил, но в Москве, также благодаря книге о хмельных напитках, он совсем отказывался от всего хмельного. Товарищи звали его монахом и смеялись над ним, но смеялись добродушно и любили его, потому что он не только не хвастался перед ними своей чистой жизнью, но, напротив, как будто стыдился ею. Живя в Москве, у него была одна страсть, поглощавшая все его силы, это была страсть к знанию, он весь горел этой страстью.

[^^^]

Зачеркнуто: И мало того, что стали возникать вопросы, но явились люди, которые прямо давали готовые ответы на эти вопросы.

[^^^]

В автографе: разгадыванию

[^^^]

Зач.: Он весь горел этим жизненным любопытством. Он жадно прислушивался к речам хозяев и покупателей, когда они приходили в контору, к разговорам в трактире, на улице. Он ходил в театр слушать знаменитые пьесы Гоголя, Грибоедова. Слушал, вытягивая шею, приглядывался блестящими глазами, читал газеты, книги с многообещающими заглавиями, и везде тайна жизни оставалась тайною, и что-то, что надо было узнать, не узнавалось. Он сам не знал того, что составляло главный интерес его жизни. А между тем жизнь его так

[^^^]

Зачеркнуто: В тот день, когда отец его соби-
рался посылать ему письмо, вызывая его в
деревню, с Павлом случилось казалось бы
неважное событие, но событие это изменило
всю его жизнь. Николай Аносов, служивший
прежде вместе с Павлом в конторе, встретил
Павла на улице и зазвал его к себе на кварти-
ру. Аносов был развеселый парень, девушник,
песенник и вместе с тем умный, начитанный
и смелый. Что-то у него с месяц тому назад
вышло с хозяином, его разочли. Аносов был
без места, но, видимо, не нуждался, был по-
прежнему хорошо одет и был такой же весе-
лый. На квартире он мимоходом поиграл с хо-
зяйской дочкой. Девушка обругала его, сме-
ясь, очевидно не обижаясь на его игру, и дала
ему ключ от его каморки.

– Вот что, брат Паша, первым делом обе-
щай, что никому говорить не будешь.

– Известно.

– Всяких много, да я тебя знаю, все-таки с
понятием. Так вот, видишь, есть такие люди,
что понимают, от чего одни с жиру бесятся, а

другим жрать нечего. Мало [?] что понимают. Пришло время, что конец этому.

– Т. е. как же?

– А вот возьми книжки да почитай. – И Аносов передал Павлу две брошюры. – Прочтешь, завтра вечером приходи к Звереву (трактир), там потолкуем.

[^^^]

Зач.: познакомил Павла с Владимиром Васильевичем Разумником. Павел стал ходить на собрания и стал революционером

[^^^]

Зач.: И знавшие его считали его выдающимся деятелем и дорожили им.

[^^^]

Зачеркнуто: И в Москве он первое время держался чистоты, потому что

[^^^]

Зачеркнуто: выслушал, выпросил и вместе с Аносовым пошел на Бронную, где, как говорил Аносов, заседал Комитет.

[^^^]

Далее в автографе следует место с пометой на полях: «пр[опустить]»: <Лежал> еще в постели, обдумывал план действия сегодняшнего дня, когда к нему постучал Аносов. Накануне было затянувшееся до 2 часов ночи собрание московской фракции комитета соц[иал]–революционеров, и Владимир Васильевич много говорил, спорил, не мог заснуть и после того, как разошлись. Спор шел о том, что для Владимира Васильевича и других товарищей его было давно и окончательно решено и против чего восстал один из новеньких, именно о том, можно и должно ли добывать необходимые для партии деньги экспроприациями?

[^^^]

Зачеркнуто: учит[ельница]

[^^^]

В подлиннике: и мол,

[^^^]

Первоначально было: Арон. (к Алмаз.)

[^^^]

В подлиннике: 2-е

[^^^]

Зачеркнуто: примкнуть к

[^^^]

Зач.: (согласны).

[^^^]

*Далее рукой Толстого написано и зачеркнуто:
Не идет, глупо. Не могу. Дальнейшие строки
Толстой добавил не в автографе, а в исправ-
ленной им копии, написанной рукой С. А. Тол-
стой (см. описание рук. № 7).*

[^^^]

Первоначально эта глава начиналась так:
Так вот в тот самый день 17 июня, когда отец Павла встретился с Аграфеной и Аграфена и мать Павла так любовно поминали о нем, в этот самый день ранним утром с Павлом происходило в Москве следующее: Аносов исполнял сделанное ему революционным комитетом [поручение] экспроприации своего хозяина.

[^^^]

Зачеркнуто: вошел первый в контору и, поговорив с дворником о хорошей погоде – (ему приятно было думать, что он как равный с равным обращается с дворником, – он взялся за книги, чтобы сверить,

[^^^]

Зачеркнуто: А вот и он, подумал он, услышав его голос в сенях. С кем это он? Что такое значит Аносов? Тот самый рассчитанный за грубость Аносов? – думал хозяин, глядя на входивших Павла и Аносова.

– Послушайте, – начал он.

– Слушать нечего, канительиться, – взвизгнул почти Аносов, вынимая из кармана револьвер и наставляя его в грудь Шинделя. – Ключи от конторки. *Поверх этого зачеркнутого текста был написан и вторично зачеркнут текст:* Он прошел приемную и темную проходную комнату и только хотел войти в кабинет, где была касса, как вдруг из-за двери выскочил молодой человек и, схватив его за ворот, приставил к груди револьвер.

[^^^]

Зачеркнуто: до себя дворнику, выстрелил в него, выстрелил мимо, дворник остановился. Аносов пробежал мимо дворника, и оба побежали, но на конце переулка городской схватил Павла за руку с револьвером, подбежавший дворник схватил за другую. Аносов незамеченный побежал в другую сторону.

[^^^]

Слово: получены написано дважды.

[^^^]

Место со слов: Решено было сделать *и кончая:* Завтра *написано поверху зачеркнутого:* Решено было сделать [в] этот вечер. Но когда они с Аносовым вышли из квартиры, где было заседание, Аносов вдруг решил совсем другое.

– Ничего этого не нужно. Никого нам не нужно. Мы вдвоем оборудуем. Можешь? Не боишься?

– Я боюсь? – улыбаясь, почти крикнул Павел. – Что другое, а я не побоюсь. Одни, так одни – ничего.

И Аносов рассказал свой план. Вместо вечера они сделают это

[^^^]

*Эта глава отчеркнута на полях с пометой:
пр[опустить].*

[^^^]

Первоначально было:

Маша. Что значит принадлежат? Кому я принадлежу? Никому. Папе, маме? И то не принадлежу.

[^^^]

В подлиннике: Петр Сем.

[^^^]

На полях против текста этого диалога имеется помета Толстого: Плохо совсем.

[^^^]

В подлиннике: на Федьку.

[^^^]

В подлиннике: Мак.

[^^^]

В подлиннике: Пав.

[^^^]

В подлиннике: Мак.

[^^^]

В Берлинском издании вставлено: два рубля.

[^^^]

*В Берлинском издании вставлено: восемь со-
рок.*

[^^^]

В Берлинском издании вставлено: семьсот

[^^^]

Поумней *написано по верх зачеркнутого*: Не
глупей

[^^^]

[Есть у тебя мелочь? У меня только бумажки.]

[^^^]

Зачеркнуто: Так он же не виноват, если не может работать такую работу.

[^^^]

Слово: экономка написано поверх зачеркнутого: и двое детей: гимназист 14 лет Петя и старшая сестра Нина.

[^^^]

Зачеркнуто: Такой же остолоп, как и наши мужики. Тоже судья.

[^^^]

В подлиннике: Тишка

[^^^]

В подлиннике: Тишка

[^^^]

В подлиннике: Семка

[^^^]

В подлиннике: Тишка

[^^^]

В копии этого диалога, не исправленной Толстым: кто в закроем залез.

[^^^]

В подлиннике: Тишка

[^^^]

В подлиннике: Китае

[^^^]

В подлиннике: исповедуемого

[^^^]

В подлиннике: предполагаемые

[^^^]

Зачеркнуто: толпе

[^^^]

Зач.: дом

[^^^]

Исправлено из: внука

[^^^]

Зачеркнуто: простого

[^^^]

Первоначально было: Третий был низенький человек, особенно хорошо одетый.

[^^^]

Зачеркнуто: ПЕВЦУ

[^^^]

Переделано из: 3

[^^^]

[проказах, шалостях.]

[^^^]

Переделано из: 4

[^^^]

100

Зачеркнуто: покажет

[^^^]

Слово: палач приписано Н. Н. Гусевым под диктовку Толстого.

[^^^]

[По крайней мере из обмена мнений раскрывается истина.]

[^^^]

Переделано из: 3

[^^^]

Можно прочесть: развращали

[^^^]

Слово: двадцатью написано крупно.

[^^^]

Далее написано между строк и зачеркнуто: И делается это всё в России, в той России, в законах которой не было смертной казни.

[^^^]

В подлиннике: эту

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Зачеркнуто: и тем гнусным обманом, который выдается народу за религию, за закон бога, которому насильно обучаются все люди.

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

В подлиннике: сознанного

[^^^]

Абзац редактора.

[^^^]

Зачеркнуто: писать ему о

[^^^]

Зач.: только туп и потому рожден

[^^^]

Слово: делать написано поверх зачеркнутого:
творить.

[^^^]

Зач.: «единое на потребу».

[^^^]

В подлиннике: переходу.

[^^^]

Подчеркнуто дважды.

[^^^]

Подчеркнуто дважды.

[^^^]

[Пусть господа убийцы первые подадут нам пример,]

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 173.

[^^^]

«1-м разговором» Толстой называет «Разговор с прохожим» в отличие от «2-го разговора», которым Толстой называл очерк «Проезжий и крестьянин», написанный форме диалога.

[^^^]

См. историю писания очерка «Разговор с прохожим», стр. 404

[^^^]

8 сентября 1909 г. Толстой записал в Дневнике: «Пришло много народа: трое молодых крестьян.... Я беседовал с ними приятно» (т. 57, стр. 134).

[^^^]

См. историю писания очерка «Разговор с прохожим», стр. 404.

[^^^]

См. т. 77.

[^^^]

Через несколько дней Н. Е. Фельтен был освобожден под залог в 1000 рублей.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1928,
стр. 145.

[^^^]

П. И. Бирюков.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. 2-е,
М. 1928, стр. 119.

[^^^]

Там же, стр. 156.

[^^^]

С яснополянскими крестьянскими детьми.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Летопись жизни и творчества Л.
Н. Толстого», М. – Л. 1936, стр. 707.

[^^^]

Н. Н. Гусев «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 94.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 96.

[^^^]

Там же, стр. 129.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 66.

[^^^]

Одно из первоначальных заглавий статьи «Закон насилия и закон любви».

[^^^]

См. Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912, стр. 180.

[^^^]

«О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии».

[^^^]

В. Ф. Булгаков, «Л. Н. Толстой в последний год его жизни», М. 1911., стр. 283.

[^^^]

См. Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912, стр. 240.

[^^^]

Первая – «Кто убийцы? Павел Кудряш».

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 32, запись 24 февраля 1870 г.

[^^^]

А. А. Толстая, «Воспоминания» («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», СПб. 1911, стр. 19).

[^^^]

«Краткий курс Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», 1950, стр. 94.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 140.

[^^^]

См. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1897—1909», М. 1932, стр. 242. Публикаторы ошибочно проставили перед этой записью дату: 13 апреля. В рукописи – 14 января.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912, стр. 269. Там же напечатаны (с одним цензурным пропуском) вопросы Толстого (стр. 269—270). См. также вариант № 3.

[^^^]

А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», т. I, М.
1922, стр. 318.

[^^^]

См. В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год его жизни», М. 1920, стр. 117—123.

[^^^]

Запись 20 июня 1910 г. говорит уже о рассказе «Нечаянно», написанном на ту же тему, что и диалог «Раскаяние». См. об этом т. 38, стр. 555—556.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 186.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 137.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Лев Толстой против государства и церкви», Берлин, 1913, стр. 56.

[^^^]